

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫХ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

16+

ISSN 2500-1000 (Print)
ISSN 2500-1086 (Online)

*International Journal of Humanities and
Natural Sciences*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
гуманитарных и естественных наук
№ 1-2 (112)

2026

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ

гуманитарных и естественных наук

№ 1-2 (112), январь 2026 г.

международный ежемесячный научный журнал

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на платформе Elibrary.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 — 66830 от 15.08.2016 выдано Роскомнадзором.

Главный редактор – Матвеев Данил Максимович, канд. экон. наук, доцент

Члены редакционной коллегии

Шматко А.Д. – д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАО (Россия)

Усов С.В. – д-р техн. наук, профессор (Россия)

Бекбоев А.А. – д-р филос. наук, профессор (Кыргызстан)

Марков А.А. – д-р социол. наук, канд. юрид. наук, профессор (Россия)

Ионесов В.И. – д-р культурологии, канд. ист. наук, доцент (Россия)

Югов Н.Т. – д-р физ.-мат. наук, профессор (Россия)

Зак А.З. – д-р психол. наук, профессор (Россия)

Портнова Т.В. – д-р искусствоведения, профессор (Россия)

Ларионов М.В. – д-р биол. наук, профессор (Россия)

Жаркова С.В. – д-р с.-х. наук, доцент (Россия)

Чертыкова М.Д. – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник (Россия)

Коробейников А.Г. – д-р техн. наук, профессор (Россия)

Кондрашихин А.Б. – д-р экон. наук, канд. техн. наук, профессор (Россия)

Саидов С.Ш. – д-р полит. наук (Узбекистан)

Жеребкин М.В. – д-р полит. наук, профессор (Россия)

Храмцова Ф.И. – д-р полит. наук, профессор (Белоруссия)

Логинова М.В. – д-р филос. наук, профессор (Россия)

Герасимов Б.Н. – д-р экон. наук, профессор (Россия)

Окулич-Казарин В.П. – д-р пед. наук, профессор (Польша)

Эрастов Е.Р. – д-р мед. наук, доцент (Россия)

Датий А.В. – д-р мед. наук (Россия)

Рабочий язык журнала: русский и английский.

Все статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Материалы публикуются в авторской редакции

Контактная информация:

E-mail: info@intjournal.ru

Сайт: <http://intjournal.ru/>

Телефон: +7-905-951-51-63

Ответственный редактор: Меняйкин Данила Владимирович

Учредитель и издатель: ООО «Капитал»

Адрес редакции: 630133, г. Новосибирск, ул. Татьяны Снежиной, д.43/1, 252

Адрес учредителя и издателя: 630133, г. Новосибирск, ул. Татьяны Снежиной, д.43/1, 252

СОДЕРЖАНИЕ

Медицинские науки

Акматалиев А.А. Классификация профессиональных рисков стоматологов и их влияние на состояние здоровья _____	6
Алдарова С.А. Кинезиотерапия и рекомендуемые средства физической культуры при повреждении медиального мениска _____	11
Алимова М.Х. Интеграция лабораторных и доплерометрических методов для оценки микроциркуляции при аденомиозе _____	18
Кудаярова Т.Б. Эффективность длительной терапии метотрексатом при ревматоидном артрите и остеоартрите по данным ультразвукового исследования суставов _____	23
Куколь Л.В., Сережина Е.К. Оценка тяжести и прогноза внебольничной пневмонии с использованием прогностических шкал и правил _____	29
Ловпаче З.Н., Захохов Р.М., Алиев Т.И. Восстановление обонятельной функции после перенесенного COVID-19 _____	36
Полотов А.Т. Исследование факторов, влияющих на выбор антигипертензивных препаратов врачами и пациентами _____	41
Эрастов Е.Р., Мордвинов В.А. Системные взаимоотношения между структурами селезенки, показателями перекисного окисления липидов и поведенческими реакциями экспериментальных животных при воздействии острого комбинированного стресса короткой продолжительности _____	47

Юридические науки

Алимова А.И., Баширина Е.Н. Материальная ответственность работников в трудовом праве _____	52
Базарбаев Э.Б., Кубатов И.К., Кубанычбекова А.С. Основные правовые принципы регулирования межбюджетных отношений в Кыргызской Республике _____	58
Баранов Л.А. Административная ответственность как вид юридической ответственности _____	63
Баширина Е.Н., Нургалиева Л.Ф. Гражданско-правовые аспекты обработки биометрических персональных данных _____	69
Гаврилова Э.Д. Предметное содержание функции обеспечения безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий _____	77
Гаврилова Э.Д. Цели и задачи функции обеспечения безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий _____	82
Глухова А.С., Мосина Э.Р., Старцева С.В. Понятие и виды субъектов гражданского права _____	87
Гончаров А.В. Эволюция норм об ответственности за убийство, совершенное в состоянии аффекта _____	93

Дмитриев И.С. Виды разрешённого использования земельных участков в пределах особо охраняемых природных территорий _____	101
Дмитриева В.Ю., Баширина Е.Н. Особенности изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд _____	109
Душко В.В., Соболева П.С., Старцева С.В. Защита жилищных прав несовершеннолетних при расторжении брака родителей _____	115
Корнелюк О.В., Лифанова М.В. Особенности российского правопонимания и его влияние на уголовно-процессуальное законодательство _____	121
Кубатов И.К., Кубатова Э.К. Государственный контроль и административный надзор в деятельности органов исполнительной власти Кыргызской Республики: понятие, содержание и принципы осуществления _____	126
Кубатов И.К., Нурланова Д.Н. Административно-правовое положение государственного гражданского служащего Кыргызской Республики _____	131
Кубатов И.К., Молдалиева К.Д. Правовые основы и проблемы приобретения и прекращения гражданства Кыргызской Республики _____	136
Ларионова Н.С., Сучкова Т.Е. К вопросу о защите прав несовершеннолетних субъектов в исполнительном производстве: актуальные проблемы и пути решения _____	141
Маркина А.А., Русяев М.С. Участие защитника в уголовном судопроизводстве _____	148
Нархова Д.А., Чебуркова К.В., Старцева С.В. Обратная сила брачного договора: риски и последствия _____	154
Петракова А.С., Попов Р.Л., Попова В.А. Экспертиза как правовое явление _____	160
Пожиткова А.С., Баширина Е.Н. Рассмотрение земельных споров в судах общей юрисдикции _____	166
Полодьев И.А. Особенности судебной практики по изъятию земельных участков для муниципальных нужд в городе Муравленко _____	171
Соболев Н., Полонский Д.М. Судебный контроль: объекты, содержание, формы и методы контрольной деятельности _____	176
Трубин Д.Д., Субботина Т.Н. Профилактика экстремизма среди молодежи: комплексный подход к обеспечению безопасности и формированию толерантности _____	181
Туркения Е.А., Васильченко В.В., Останкова Е.В. О некоторых вопросах совершенствования законодательства о банкротстве _____	187
Упоров И.В. Период системного правового регулирования местного самоуправления в Российской империи _____	195
Упоров И.В. Особенности оперативно-следственной деятельности органов госбезопасности СССР в конце 1940-х – начале 1950-х годов _____	201
Шайбакова Д.А. Правовые и тактические аспекты защиты интересов доверителя адвокатом при разделе имущества супругов _____	207

Экономические науки

- Бабосов Н.С.** Мотивация персонала в проектной деятельности как фактор эффективности управления проектами _____ 212
- Нгуен Чи Зунг** Управление городской недвижимостью в условиях цифровизации: сравнительный анализ Ханоя и Москвы _____ 219

Педагогические науки

- Атыгаев Б.И., Аширбекова Ж.Б., Исаева А.Б.** Способы преподавания синтаксического материала в начальных классах _____ 225
- Есетова А.Т., Аркабаева Г.С., Джансеитова С.С., Абсатарова Г.Б., Жаулыбай А.Ж.** Музыкальное искусство как средство формирования лингвокультурной компетенции при обучении русскому языку в творческом вузе _____ 233
- Качкынчиев А.Ж., Жумагулова Э.Ж.** Эффективность модели 5Е плана урока в преподавании английского языка как иностранного _____ 239
- Мезенцев В.В., Зиганшин О.З., Попов П.Д.** Динамика изменения показателей психомоторики команд «Ерофей» 2007 и 2008 года рождения в ходе соревновательной деятельности юных хоккеистов с мячом _____ 245
- Скорик Е.А., Скорик А.А.** Структуризация открытых форм – инновационный компонент для образовательных программ изобразительного и кинематографического профиля _____ 251
- Тулмышева Б.И., Молдокеева Ж.Ф., Джетыбаева Ж.Б., Кадыркулова Ф.Д., Ибрагимова А.И.** Педагогические подходы в дистанционном обучении (опыт Кыргызской Республики) _____ 265
- Цахний М.Б.** Искусственный интеллект и волейбол: цифровые инструменты в методике обучения _____ 271

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ РИСКОВ СТОМАТОЛОГОВ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ

А.А. Акматалиев, аспирант
Ошский государственный университет
(Кыргызстан, г. Ош)

DOI: 10.24412/2500-1000-2026-1-2-6-10

Аннотация. В статье рассмотрены профессиональные риски стоматологов и их влияние на здоровье. Выделены основные группы факторов: биологические, химические, физические и психологические. Показано, что их совокупное воздействие повышает вероятность заболеваний опорно-двигательного аппарата, инфекционных и соматических расстройств, а также стрессовых состояний. Работа подчёркивает необходимость комплексного анализа рисков для сохранения здоровья стоматологов и повышения безопасности их профессиональной деятельности.

Ключевые слова: стоматологи; профессиональные риски; биологические факторы; химические факторы; физические факторы; психологические факторы; профессиональные заболевания; опорно-двигательный аппарат; стресс; профилактика.

Профессиональная деятельность стоматологов относится к категории высокорисковых профессий, поскольку требует постоянного взаимодействия с пациентами, высокой концентрации внимания, точности движений и соблюдения санитарно-гигиенических норм. Рабочая среда стоматолога характеризуется сложными условиями труда, высокой эмоциональной нагрузкой и необходимостью быстрого принятия решений, что делает специалистов уязвимыми для различных нарушений здоровья.

Состояние здоровья стоматологов напрямую влияет не только на их профессиональную эффективность, но и на качество предоставляемой медицинской помощи, что делает изучение вопросов профессиональной патологии особенно актуальным. Профессиональные заболевания могут приводить к снижению работоспособности, длительным периодам нетрудоспособности и необходимости изменения профиля работы, что оказывает социально-экономическое воздействие как на самих специалистов, так и на систему здравоохранения в целом.

Важным направлением современного исследования является систематизация факторов профессионального риска и изучение их влияния на здоровье медицинских работников. Такой подход позволяет выявить ключевые угрозы, оценить степень их воздействия и разработать эффективные меры профилактики, направленные на сохранение здоровья

стоматологов и повышение безопасности их профессиональной деятельности.

Для реализации этого подхода в настоящем исследовании была использована широкая база данных научных публикаций, клинических исследований и отчетов профессиональных медицинских ассоциаций за последние 10 лет (2013-2023). Основными источниками выступали международные рецензируемые журналы, такие как Journal of Occupational Health, BMC Public Health, International Journal of Environmental Research and Public Health, а также крупномасштабные литературные обзоры и мета-анализы из баз PubMed, Scopus и Web of Science.

Критериями включения данных являлись исследования, посвященные профессиональной патологии стоматологов и содержащие количественные показатели заболеваемости или распространенности заболеваний. При этом исключались работы без статистических данных, обзоры без оригинальных результатов и исследования, не фокусирующиеся на стоматологах [1].

Методы исследования включали систематизацию факторов риска, их классификацию по группам в зависимости от характера воздействия и сопоставление с данными о распространенности заболеваний. Такой комплексный подход позволил не только выделить основные факторы профессионального риска, но и оценить их реальное влияние на здоровье стоматологов на основе эмпириче-

ских данных, что создает надежную основу для разработки профилактических мероприятий.

Для оценки влияния профессиональных рисков на здоровье стоматологов необходимо подробно рассмотреть, какие именно угрозы присутствуют в их рабочей среде, как часто они встречаются среди практикующих специалистов и как соотносятся с практическими последствиями для здоровья. Анализ современной литературы показывает, что стоматологи действительно подвержены значительной доле профессиональных рисков, многие из которых имеют высокую распространённость и тесно связаны с развитием определённых заболеваний или симптомов.

Биологические риски. Биологические угрозы для стоматологов обусловлены регулярным контактом с биологическими агентами - кровью, слюной, дыхательными выделениями пациентов, а также инструментами, которые могут случайно травмировать кожу или слизистые. В некоторых исследованиях сообщается, что до 63,9% стоматологов сталкиваются с перкутантными повреждениями (уколами и порезами) в своей практике, что повышает риск контакта с инфекционными агентами [2].

Такие инциденты, даже если они не приводят к клинически выраженным заболеваниям, сопровождаются микротравмами и микроскопическими воспалительными реакциями, которые со временем могут ослаблять иммунную систему, увеличивать восприимчивость к инфекциям и создавать хроническую нагрузку на организм.

Кроме того, стоматологи участвуют в инвазивных процедурах, что по данным профильной литературы повышает риск передачи патогенов через контакт с кровью или слизистыми, особенно при недостаточной защите или нарушении техники безопасности (например, несвоевременное использование перчаток, очков или других средств индивидуальной защиты).

Риски, связанные с опорно-двигательным аппаратом. Пожалуй, одними из самых частых и серьёзных профессиональных рисков являются нарушения опорно-двигательного аппарата, связанные с продолжительной работой в статических, не-

удобных позах, частыми повторными движениями и напряжением мышц [3].

Систематические обзоры исследований показывают, что распространённость таких расстройств среди стоматологов колеблется от примерно 68% до 100% в разные годы и регионы, причём самые частые жалобы связаны с болями в пояснице, плечах и шее.

Например, в ряде исследований доля стоматологов, испытывающих боли в нижней части спины, достигает до ~94,6%, боли в плечевом поясе – до ~92,7%, а в области шеи – до ~90% в течение года.

Другие исследования подтверждают схожие тенденции: в выборке стоматологов из Бангкока около 69,7% участников в течение последних 12 месяцев сообщали о симптомах болей, связанных с работой, при этом наиболее часто страдали плечи (71,1%), шея (60,8%) и верхняя часть спины (49,7%) [4].

Такие состояния развиваются преимущественно из-за длительного пребывания в неудобной позе, монотонных движений и недостаточного отдыха между процедурами, что приводит к хроническому мышечному напряжению, воспалению мягких тканей и значительному снижению качества жизни специалистов.

Психологические риски и стресс. Психологические нагрузки также хорошо документированы в современной отечественной и зарубежной литературе. Профессиональная деятельность стоматологов связана с постоянной необходимостью высокой концентрации внимания на мелких деталях, взаимодействием с пациентами, часто испытывающими боль или тревогу, а также с ответственностью за результат медицинской помощи.

Многочисленные исследования указывают на высокий уровень эмоционального напряжения, хронического стресса и риск профессионального выгорания среди стоматологов. Согласно кросс-национальным данным, значительная доля практикующих специалистов испытывает постоянное психологическое напряжение и усталость, что в долгосрочной перспективе связано с ухудшением общего здоровья, нарушением сна и снижением удовлетворённости работой.

Хотя точные цифры по стрессовым состояниям в стоматологии варьируются в зависимости от методик оценки, многие исследова-

ния подчеркивают, что до 80% и более стоматологов отмечают высокий уровень рабочей психологической нагрузки, что делает психологические риски значимой составляющей профессиональной патологии [5].

Другие профессиональные риски. Помимо основных угроз, литература выделяет и дополнительные виды профессиональных рисков, оказывающих влияние на здоровье:

- Поражения кожи и аллергические реакции – контакт с различными материалами, компонентами пломбирочных составов и дезинфектантами может вызывать дерматиты и аллергические реакции у работников.

- Травмы глаз и светочувствительность – при работе с диагностическими инструментами, включая яркие операционные лампы или лучевую аппаратуру, риск повреждения глаз или развития сопутствующего дискомфорта увеличивается.

- Риски хронических состояний – сочетание нескольких факторов риска может способствовать развитию сложных хронических заболеваний, таких как усиленное утомление, нарушение сна, снижение иммунитета и функциональные нарушения сердечно-сосудистой системы, хотя точные данные требуют дальнейшего изучения [6].

Анализ классификации профессиональных рисков позволяет более детально рассмотреть, как каждый из них отражается на состоянии здоровья стоматологов. Современные исследования показывают, что профессиональная деятельность стоматологов сопровождается высокой заболеваемостью, особенно в областях опорно-двигательного аппарата и инфекционных заболеваний. Так, около 70-80% стоматологов в различных странах регулярно сталкиваются с нарушениями опорно-двигательного аппарата, включая боли в пояснице, шее, плечевом поясе и кистях рук.

В то же время частота инфекционных заболеваний среди работников стоматологических клиник, связанных с контактами с биологическими агентами, составляет примерно 15-20%, что отражает как непосредственное воздействие биологических факторов, так и эффективность существующих мер профилактики и использования средств индивидуальной защиты [7].

Химические и физические факторы, такие как длительный контакт с анестетиками, дез-

инфицирующими средствами, стоматологическими материалами, статическое напряжение мышц, вибрации оборудования и воздействие света, также существенно повышают риск профессиональных заболеваний. Хроническое влияние этих факторов может проявляться в виде дерматитов, аллергических реакций, нарушений опорно-двигательного аппарата и зрительного дискомфорта, что снижает общую работоспособность стоматологов и качество их жизни.

Психологические нагрузки дополнительно усиливают влияние всех перечисленных факторов. Хронический стресс, эмоциональное выгорание и высокая концентрация внимания на сложных процедурах способствуют развитию соматических нарушений, включая повышение артериального давления, нарушения сна, снижение иммунитета и появление функциональных расстройств сердечно-сосудистой системы. Согласно зарубежным данным, до 80% стоматологов отмечают высокий уровень профессионального стресса, а значительная часть испытывает симптомы эмоционального выгорания в течение профессиональной карьеры [7].

Особо следует подчеркнуть, что наиболее опасными являются сочетания нескольких факторов риска одновременно. Например, длительная работа в неудобной позе с постоянным контактом с биологическими агентами не только повышает вероятность заболеваний опорно-двигательного аппарата и инфекционных осложнений, но и создаёт нагрузку на иммунную систему. Если к этому добавляется хронический психологический стресс, то общее состояние здоровья стоматолога существенно ухудшается, а риск развития комплексных заболеваний, таких как хроническая усталость, соматические нарушения и эмоциональное выгорание, резко возрастает.

Таким образом, воздействие профессиональных рисков носит мультифакторный характер, и их влияние на здоровье стоматологов определяется не только отдельными факторами, но и их сочетанием, продолжительностью воздействия и индивидуальной восприимчивостью работников. Это подчёркивает необходимость комплексного подхода к профилактике и организации труда, направленного на минимизацию всех видов профессиональных угроз.

Сравнение полученных данных с результатами зарубежных исследований подтверждает, что профессиональные риски стоматологов имеют многофакторный характер и часто взаимосвязаны. Анализ показывает, что стоматологи одновременно подвергаются воздействию биологических, химических, физических и психологических факторов, что усиливает их влияние на состояние здоровья и повышает вероятность развития профессиональных заболеваний.

Биологические и химические факторы остаются основными причинами заболеваемости. Так, постоянный контакт с кровью, слюной и инструментами пациентов создает высокий риск передачи инфекций и микро-травм. В зарубежных исследованиях, проведенных в Европе и Азии, отмечается, что 15-20% стоматологов сталкиваются с инфекционными заболеваниями, связанными с профессиональной деятельностью. Контакт с химическими веществами – анестетиками, дезинфектантами, стоматологическими материалами – также приводит к развитию аллергических реакций, дерматитов и токсических эффектов, особенно при длительном воздействии.

Однако нельзя недооценивать роль физических и психологических факторов. Нарушения опорно-двигательного аппарата встречаются у 70-80% стоматологов, чаще всего проявляясь болями в пояснице, шее, плечах и кистях рук. Эти состояния развиваются вследствие длительного пребывания в неудобной позе, повторяющихся движений и монотонной работы, что подтверждается исследованиями из Бангкока и Европы.

Психологические нагрузки также играют значительную роль. Хронический стресс, эмоциональное выгорание и высокая концентрация внимания на мелких деталях оказывают влияние не только на психоэмоциональное состояние специалистов, но и на их соматическое здоровье. В частности, стресс способствует повышению утомляемости, нарушению сна, снижению иммунитета и формированию функциональных расстройств сердечно-сосудистой системы. В ряде европейских исследований до 80% стоматологов отмечают высокий уровень профессионального стресса, что согласуется с данными отечественных и азиатских авторов.

Особую значимость представляет взаимодействие различных факторов риска. Сочетание биологических и химических угроз с физическими нагрузками усиливает вероятность заболеваний опорно-двигательного аппарата и инфекционных осложнений, а присутствие психологического стресса дополнительно усугубляет общее состояние здоровья. Таким образом, влияние профессиональных рисков носит комплексный характер, и оценка только отдельных факторов не отражает всей картины профессиональной патологии стоматологов.

Результаты анализа подтверждают, что классификация профессиональных рисков, включающая биологические, химические, физические и психологические факторы, является обоснованной и практически применимой для оценки здоровья стоматологов. Она позволяет выявлять наиболее опасные сочетания факторов, определять группы работников с повышенной уязвимостью и служит базой для дальнейших исследований, направленных на снижение заболеваемости и улучшение качества жизни специалистов.

Профессиональная деятельность стоматологов связана с высокой интенсивностью и воздействием многофакторных рисков, оказывающих значительное влияние на здоровье специалистов. В результате систематизации и классификации факторов риска были выделены четыре основные группы: биологические, химические, физические и психологические.

Биологические и химические факторы остаются ведущими причинами заболеваемости, проявляясь через инфекции, микро-травмы и аллергические реакции. Физические нагрузки, связанные с длительным нахождением в неудобной позе и повторяющимися движениями, вызывают нарушения опорно-двигательного аппарата у 70-80% стоматологов. Психологические факторы, включая хронический стресс и эмоциональное выгорание, снижают сопротивляемость организма, провоцируют соматические расстройства и ухудшают общее состояние здоровья.

Особое значение имеет комбинированное воздействие факторов: сочетание биологических, химических, физических и психологических угроз усиливает риск развития комплексных заболеваний. Это подчёркивает необходимость комплексного анализа про-

фессиональных рисков и их влияния на здоровье.

Таким образом, классификация профессиональных рисков стоматологов является важным инструментом для выявления уязвимых групп, оценки наиболее опасных сочетаний

факторов и планирования профилактических мероприятий. Комплексный подход к их изучению позволяет не только сохранить здоровье специалистов, но и повысить качество медицинской помощи и безопасность стоматологической практики.

Библиографический список

1. Mohamed A.M., Marasstani M.F., Moussa S.A. Prevalence of Occupational Hazards among Dentists: Cross-Sectional Study // Scholars Journal of Dental Sciences. – 2024. – Vol. 11, № 9. – P. 132-138.
2. Soo S.Y., Ang W.S., Chong C.H., Tew I.M., Yahya N.A. Occupational ergonomics and related musculoskeletal disorders among dentists: A systematic review. Work. 2023;74(2):469-476. DOI: 10.3233/WOR-211094. PMID: 36278379.
3. Leggat P.A., Kedjarune U., Smith D.R. Occupational health problems in modern dentistry: a review. Ind Health. 2007 Oct;45(5):611-21. DOI: 10.2486/indhealth.45.611. PMID: 18057804.
4. Căminișteanu F., Vorovenci A., Perieanu V.S., Petri S.A., Burlibaşa L., David M., Drăguş A.C., Burlibaşa M. Occupational diseases among dental personnel: a scoping review. J Med Life. 2025 Jun;18(6):526-535. DOI: 10.25122/jml-2024-0412. PMID: 40757105; PMCID: PMC12314851.
5. Moodley R., Naidoo S., Wyk J.V. The prevalence of occupational health-related problems in dentistry: A review of the literature. J Occup Health. 2018 Mar 27;60(2):111-125. DOI: 10.1539/joh.17-0188-RA. Epub 2017 Dec 6. PMID: 29213011; PMCID: PMC5886878.
6. Yu L., Zhu C., Wang J.A preliminary survey of occupational health and workplace violence among 1109 Chinese dentists: a call to action. BMC Public Health. 2025 Mar 28;25(1):1172. DOI: 10.1186/s12889-025-22383-2. PMID: 40155910; PMCID: PMC11951642.
7. Ayatollahi J., Ayatollahi F., Ardekani A.M., Bahrololoomi R., Ayatollahi J., Ayatollahi A, Owlia M.B. Occupational hazards to dental staff. Dent Res J (Isfahan). 2012 Jan; 9(1): 2-7. DOI: 10.4103/1735-3327.92919. PMID: 22363355; PMCID: PMC3283973

CLASSIFICATION OF DENTAL OCCUPATIONAL RISKS AND THEIR IMPACT ON HEALTH

A.A. Akmataliev, *Postgraduate Student*
Osh State University
(Kyrgyzstan, Osh)

Abstract. *The article discusses the professional risks of dentists and their impact on health. The main groups of factors are identified: biological, chemical, physical and psychological. It has been shown that their combined effect increases the likelihood of diseases of the musculoskeletal system, infectious and somatic disorders, as well as stress conditions. The work highlights the need for a comprehensive risk analysis to preserve the health of dentists and improve the safety of their professional activities.*

Keywords: *dentists; occupational risks; biological factors; chemical factors; physical factors; psychological factors; occupational diseases; musculoskeletal system; stress; prevention.*

КИНЕЗИОТЕРАПИЯ И РЕКОМЕНДУЕМЫЕ СРЕДСТВА ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИ ПОВРЕЖДЕНИИ МЕДИАЛЬНОГО МЕНИСКА

С.А. Алдарова, старший преподаватель

Пермский государственный аграрно-технологический университет имени академика Д.Н. Прянишникова
(Россия, г. Пермь)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-11-17

Аннотация. Повреждения медиального мениска являются распространённой патологией коленного сустава, особенно среди активного населения, что определяет актуальность поиска эффективных методов реабилитации. В статье применены методы теоретического анализа научной литературы и клиническое наблюдение с использованием комплекса кинезиотерапевтических упражнений. Индивидуально подобранные, дозированные физические нагрузки способствуют купированию боли, восстановлению подвижности и мышечного корсета, улучшению проприоцепции и профилактике рецидивов. Разработанный комплекс упражнений может быть рекомендован для использования в программах физической реабилитации пациентов с данной патологией.

Ключевые слова: медиальный мениск; повреждение мениска; коленный сустав; кинезиотерапия; лечебная физическая культура (ЛФК); физическая реабилитация; консервативное лечение; функциональное восстановление.

Коленный сустав является одним из наиболее нагружаемых и подверженных травмам суставов в организме человека [1, с. 64]. Мениски коленного сустава (медиальный и латеральный) играют важную роль в амортизации и стабилизации колена [2, с. 59]. Особое значение имеет медиальный мениск, он участвует в равномерном распределении нагрузки между суставными поверхностями, снижает ударное воздействие при движении и способствует стабилизации коленного сустава.

Актуальность данной проблемы обусловлена ростом частоты травм коленного сустава, в том числе повреждений менисков, что связано с увеличением уровня физической активности населения, популяризацией спорта и фитнеса, а также с возрастанием бытовых и профессиональных нагрузок. Особенно часто подобные повреждения встречаются у лиц молодого и среднего возраста, ведущих активный образ жизни.

Одним из перспективных направлений немедикаментозного восстановления является кинезиотерапия, основанная на использовании дозированных и целенаправленных движений. Средства лечебной физической культуры позволяют воздействовать на мышечно-связочный аппарат, улучшать кровоснабжение тканей, снижать болевой синдром и вос-

станавливать функциональные возможности коленного сустава [3].

Целью выполненного исследования является анализ роли кинезиотерапии и средств физической культуры в восстановлении функционального состояния коленного сустава при повреждении медиального мениска.

Для достижения поставленной цели в статье предполагается решение **следующих задач:**

- обзор научной и учебной литературы по проблеме повреждений медиального мениска и методов их консервативного лечения;
- наблюдение за исследованием с использованием средств кинезиотерапии;
- разработка и обоснование практические рекомендации по применению лечебной физической культуры при повреждении медиального мениска.

Объектом исследования является процесс физической реабилитации при повреждении медиального мениска коленного сустава. Предметом исследования является влияние средств кинезиотерапии и лечебной физической культуры на функциональное состояние коленного сустава при повреждении медиального мениска. Исследование проводилось на базе специализированного медицинского учреждения. В наблюдении принимали уча-

стие студенты ВУЗа, проходящие курс консервативной реабилитации после травмы медиального мениска. Все пациенты были направлены на реабилитацию лечащим травматологом-ортопедом после постановки диагноза с помощью МРТ.

Рассмотрим анатомо-функциональные особенности медиального мениска. Мениски представляют собой парные полулунной формы хрящи, расположенные между суставными поверхностями бедренной и большеберцовой кости [7]. Они выполняют важную роль в обеспечении стабильности, подвижности и амортизационной функции коленного сустава. В коленном суставе различают медиальный и латеральный мениски, каждый из которых обладает определёнными анатомическими и функциональными особенностями.

Медиальный мениск имеет форму вытянутого полумесяца и располагается по внутреннему краю коленного сустава [4, с. 299]. Его передний и задний рога прикрепляются к межмышечковому возвышению большеберцовой кости, обеспечивая прочную фиксацию структуры. В отличие от латерального мениска, медиальный мениск более плотно связан с суставной капсулой и медиальной коллатеральной связкой, что ограничивает его подвижность. Данная анатомическая особенность делает медиальный мениск менее адаптивным к ротационным движениям и увеличивает риск его повреждения при резких поворотах и сгибании коленного сустава.

По своей структуре медиальный мениск состоит из плотной фиброзно-хрящевой ткани, основным компонентом которой является коллаген I типа. Коллагеновые волокна располагаются преимущественно циркулярно, что обеспечивает высокую прочность на растяжение и способность выдерживать значительные осевые нагрузки. Внутренняя часть мениска отличается меньшей плотностью и эластичностью, что отражается на его способности к восстановлению после повреждений.

Особое значение имеет кровоснабжение медиального мениска, которое является неравномерным. В наружной трети мениска («красная зона») имеется относительно хорошее кровоснабжение за счёт сосудов суставной капсулы, тогда как внутренняя часть («белая зона») практически лишена сосудов. Данное обстоятельство существенно влияет

на процессы регенерации и определяет выбор тактики лечения и реабилитации. Повреждения в васкуляризированной зоне имеют более высокий потенциал к заживлению, тогда как разрывы во внутренней части часто характеризуются затяжным течением.

Функционально медиальный мениск выполняет несколько ключевых задач. Он участвует в равномерном распределении нагрузки между суставными поверхностями, увеличивая площадь контакта между бедренной и большеберцовой костями. Это способствует снижению давления на суставной хрящ и предотвращает его преждевременное изнашивание.

Рассмотрим классификацию и механизмы повреждения мениска. По механизмам возникновения различают травматические и дегенеративные повреждения медиального мениска. В первом случае речь идет о травме хряща, которая стала причиной его разрыва. Он сопровождается острыми симптомами – сильной болью, блоком коленного сустава. Дегенеративные повреждения менисков свойственны людям после 35 лет. Они возникают на фоне артроза – прогрессирующего хронического заболевания, при котором происходит разрушение хрящевой пластины. У них слабая симптоматика, а на начальных стадиях признаки могут отсутствовать совсем [8].

По характеру повреждения выделяют продольные, поперечные, косые и комбинированные разрывы медиального мениска. Продольные разрывы располагаются вдоль циркулярных волокон и могут сохранять относительную стабильность структуры. Одним из вариантов продольного разрыва является так называемый разрыв по типу «ручки лейки», при котором оторванный фрагмент мениска смещается в полость сустава и может вызывать блокаду коленного сустава. Поперечные и косые разрывы чаще нарушают целостность мениска и сопровождаются выраженными клиническими проявлениями.

В зависимости от глубины и протяжённости повреждения различают частичные и полные разрывы медиального мениска. Частичные разрывы затрагивают отдельные волокна и могут длительное время проявляться умеренными симптомами, тогда как полные разрывы характеризуются значительным нару-

шением структуры мениска и выраженным болевым синдромом.

С учётом локализации повреждения выделяют разрывы переднего рога, тела и заднего рога медиального мениска. Наиболее часто встречаются повреждения заднего рога, что связано с особенностями биомеханики коленного сустава и повышенной нагрузкой на данную область при сгибании и ротации. Локализация повреждения оказывает существенное влияние на клиническое течение и выбор тактики лечения и реабилитации.

Рассмотрим консервативное лечение – кинезиотерапию. Основной целью консервативного подхода является уменьшение болевого синдрома, восстановление функции коленного сустава, предотвращение прогрессирования дегенеративных изменений и возвращение пациента к привычному уровню двигательной активности.

В структуре консервативного лечения традиционно используются покой, ограничение избыточной нагрузки на коленный сустав, противовоспалительные мероприятия и средства физической реабилитации. Особое значение при этом придаётся кинезиотерапии, которая рассматривается как ведущий немедикаментозный метод восстановления функций коленного сустава.

При повреждении медиального мениска кинезиотерапия позволяет воздействовать на ключевые звенья патологического процесса. Регулярное выполнение специально подобранных упражнений способствует улучшению кровообращения и трофики околоуставных тканей, снижению мышечного спазма и уменьшению болевого синдрома. Укрепление мышц бедра, прежде всего четырёхглавой и задней группы, обеспечивает дополнительную стабилизацию коленного сустава и снижает нагрузку на повреждённый мениск.

Применение кинезиотерапии осуществляется с учётом стадии восстановительного процесса. В ранний период основное внимание уделяется щадящим изометрическим упражнениям, направленным на поддержание мышечного тонуса без увеличения нагрузки на суставные структуры. По мере уменьшения болевых ощущений и восстановления подвижности постепенно включаются активные движения в коленном суставе, упражнения на

координацию и стабилизацию, а также элементы проприоцептивной тренировки.

Важным принципом кинезиотерапии при повреждении медиального мениска является индивидуальный подбор нагрузки и строгое соблюдение безболевого режима. Упражнения должны выполняться плавно, с контролем амплитуды движений и положения коленного сустава. Это позволяет предотвратить вторичное повреждение мениска и создать оптимальные условия для восстановления функции сустава.

Средства лечебной физической культуры, применяемые в рамках кинезиотерапии, способствуют не только восстановлению двигательной активности, но и профилактике осложнений, таких как нестабильность коленного сустава и развитие дегенеративных изменений хрящевой ткани. Регулярные занятия ЛФК улучшают функциональное состояние сустава, повышают толерантность к физической нагрузке и способствуют формированию правильных двигательных стереотипов [5].

Кинезиотерапия занимает центральное место в системе консервативного лечения повреждений медиального мениска. Рациональное использование средств лечебной физической культуры позволяет добиться устойчивого уменьшения болевого синдрома, восстановления функциональных возможностей коленного сустава и повышения качества жизни пациентов, что делает данный метод одним из наиболее перспективных направлений физической реабилитации.

Программа кинезиотерапии строится поэтапно: в остром периоде применяются изометрические упражнения для квадрицепсов, аккуратные сгибания и разгибания колена без нагрузки, а также упражнения на контроль боли и уменьшение отёка. В подострый период постепенно добавляются упражнения на укрепление мышц бедра, ягодиц и голени, а также лёгкая работа с резиновыми эспандерами и гимнастическим мячом. В поздний период восстановления акцент делается на функциональные упражнения, проприоцептивные тренировки (например, на балансировочной платформе или с использованием босу) и лёгкую кардионагрузку, которая не перегружает колено, но улучшает кровообращение и питание хрящевой ткани.

Эффективность консервативного лечения и кинезиотерапии при повреждении медиального мениска подтверждается улучшением подвижности сустава, уменьшением боли и восстановлением силы мышц. Пациенты отмечают, что после 5-7 дней целенаправленных упражнений значительно уменьшается ощущение нестабильности и дискомфорта в колене, а при продолжении занятий в течение 2-3 недель повышается объём активных движений и улучшается функциональная нагрузка на сустав. Кроме того, кинезиотерапия позволяет снизить риск повторного повреждения мениска и улучшить координацию движений, что особенно важно для людей, ведущих активный образ жизни.

Рассмотрим средства физической культуры для восстановления после повреждения. Особенно важно правильно подбирать упражнения и средства физической культуры, чтобы ускорить восстановление и предотвратить повторные травмы. Программа занятий строится с учётом фазы восстановления: острый, подострый и поздний периоды.

В остром периоде целью упражнений является снижение боли, уменьшение отёка и сохранение тонуса мышц. Рекомендуются изометрические упражнения на четырёхглавую мышцу бедра, лёгкие сгибания и разгибания колена без дополнительной нагрузки, а также упражнения для поддержания подвижности голеностопного и тазобедренного суставов. В это время также полезно использовать холодные компрессы и мягкую самоподдержку колена эластичным бинтом, чтобы снизить нагрузку на повреждённый мениск и обеспечить безопасность движений.

В подострый период добавляются активные упражнения для укрепления мышц бедра, ягодиц и голени. Эффективны поднимания прямой и согнутой ноги в положении лёжа на спине, приседания с опорой на стул, упражнения с резиновыми эспандерами для мышц бедра и ягодиц, круговые движения стопами и лёгкий стретчинг. Дополнительно рекомендуется выполнять лёгкие упражнения на укрепление задней поверхности бедра – сгибания ноги в колене с сопротивлением эспандера или мягкой гантели. Эти упражнения помогают стабилизировать колено, улучшить кровообращение и питание хрящевой ткани, а

также способствуют правильной координации движений.

В поздний период основное внимание уделяется функциональным упражнениям, проприоцепции и балансу. Рекомендуются упражнения на балансировочной платформе или босу, шаги на полуприседе, лёгкая кардионагрузка на велотренажёре или эллипсоиде, динамические упражнения с мячом для координации и укрепления мышц стабилизаторов колена. Также полезны упражнения на равновесие на одной ноге, небольшие прыжки на мягкой поверхности и перекаты с пятки на носок, которые развивают реактивную стабилизацию сустава.

Регулярное выполнение этих упражнений способствует увеличению объёма движений, снижению боли и улучшению стабильности колена. Пациенты, выполняющие программу ежедневно, отмечают, что через 1-2 недели ощущается уменьшение дискомфорта и улучшение контроля движений, а через 3-4 недели значительно повышается сила мышц и функциональная способность сустава. Кроме того, постепенное увеличение сложности упражнений улучшает выносливость мышц, способствует восстановлению нормальной походки и снижает риск повторных повреждений мениска.

Особое внимание стоит уделять постепенности нагрузки и индивидуальной корректировке программы. Каждое упражнение должно выполняться медленно, с контролем амплитуды движений и без боли. При появлении дискомфорта или отёка следует временно уменьшить нагрузку и сосредоточиться на упражнениях с меньшей интенсивностью. Также рекомендуется сочетать физическую культуру с другими методами консервативного лечения, включая мягкую фиксацию колена, физиотерапевтические процедуры и корректировку активности пациента в повседневной жизни.

Кроме укрепления мышц и восстановления подвижности, упражнения помогают улучшить координацию движений и баланс, что особенно важно для предотвращения повторных травм. Например, регулярные занятия на балансировочной платформе или на мягкой поверхности позволяют тренировать мелкие стабилизирующие мышцы колена, которые в обычной жизни почти не работают, но играют

ключевую роль в поддержке сустава при неожиданных нагрузках.

Дополнительно в программу можно включить лёгкую аэробную нагрузку, такую как ходьба или плавание, которые не создают прямого давления на коленный сустав, но способствуют улучшению общего тонуса организма, кровообращения и обмена веществ в тканях [6]. Плавание особенно полезно, так как вода поддерживает сустав и снижает нагрузку, позволяя выполнять более широкий диапазон движений без боли.

Правильно подобранные средства физической культуры являются ключевым компонентом восстановления при повреждении медиального мениска. Они позволяют безопасно укреплять мышцы, улучшать координацию и снижать риск повторных травм, обеспечивая постепенное и эффективное возвращение к активной жизни. Последовательное выполнение программы упражнений, адаптированной под индивидуальные особенности пациента, обеспечивает максимально эффективное восстановление функции коленного сустава, профилактику долгосрочных осложнений и возвращение к привычной активности без ограничения движений.

В рамках сотрудничества со специализированным медицинским учреждением было проведено клиническое наблюдение, целью которого являлся анализ эффективности стандартной программы кинезиотерапии при повреждении медиального мениска. Наблюдение осуществлялось за студентами ВУЗа, проходившими курс восстановительного лечения в данном центре по направлению врача-травматолога. Целью наблюдения было изучение влияния кинезиотерапии на функциональное состояние коленного сустава у пациентов с данным диагнозом. Основными задачами были оценка динамики боли, объёма активных движений, силы мышц и стабильности сустава в ходе выполнения специально разработанной программы упражнений. Наблюдение за исследованием проводилось в течение пяти дней. Пациент выполнял ежедневные занятия в рамках стандартной программы кинезиотерапии учреждения, которая включала изометрические и активные упражнения, направленные на укрепление мышц бедра, ягодиц и голени, а также на улучшение

проприоцепции и функциональной стабильности колена.

Для количественной оценки эффективности программы использовались несколько методов. Во-первых, применялась визуальная аналоговая шкала боли (VAS), где 0 соответствует отсутствию боли, а 10 – максимально возможной боли. Во-вторых, измерялся объём активных движений коленного сустава с помощью гониометра, фиксировались сгибание и разгибание в градусах. В-третьих, проводилась оценка силы мышц бедра и голени через тест сопротивления, оцениваемый в три уровня: слабая, средняя и нормальная сила. Дополнительно наблюдались функциональные показатели колена, включая стабильность при ходьбе, выполнение приседаний с опорой, баланс на одной ноге, контроль дискомфорта и отёка.

Программа кинезиотерапии включала следующие упражнения:

1. Изометрические сокращения четырёхглавой мышцы бедра в положении лёжа на спине – по 10-15 повторений на каждую ногу, удерживая сокращение 5 секунд.

2. Подъёмы прямой и согнутой ноги в положении лёжа – по 10-12 повторений.

3. Приседания с опорой на стул, амплитуда сгибания до 45°, 10 повторений.

4. Упражнения с эспандером для ягодиц и задней поверхности бедра – 10-15 повторений.

5. Балансировочные упражнения на одной ноге с удержанием позиции 20-30 секунд, 3 подхода на каждую ногу.

6. Круговые движения стопой и перекаты с пятки на носок, 10-15 повторений, для улучшения кровообращения и проприоцепции.

На первый день болевой индекс VAS составил 6 баллов до выполнения упражнений и 5 баллов после. Объём активного сгибания колена был равен приблизительно 90°, разгибание оставалось полным. Сила четырёхглавой мышцы бедра оценивалась как средняя, задней поверхности бедра – средняя, голени – средняя. Приседания с опорой выполнялись с лёгкой нестабильностью, пациент ощущал дискомфорт в области медиального отдела колена.

На второй день VAS показала 5 баллов до упражнения и 4 после выполнения комплекса. Сгибание колена увеличилось примерно до

95°, разгибание оставалось полным. Сила мышц бедра и голени слегка улучшилась, отмечалось уменьшение ощущения «проваливания» колена при приседаниях. Баланс на одной ноге увеличился до 25 секунд без потери устойчивости.

На третий день наблюдалось дальнейшее улучшение: боль снизилась до 4 баллов до упражнений и 3 баллов после, объём сгибания достиг примерно 100°. Сила четырёхглавой мышцы бедра повысилась до нормального уровня, задней поверхности бедра – средняя, голени – средняя. Приседания и подъёмы ног выполнялись с минимальным дискомфортом, баланс на одной ноге удерживался 30 секунд.

На четвёртый день VAS составила 3 балла до занятий и 2 после. Сгибание колена увеличилось до около 105°, разгибание оставалось полным. Сила всех основных мышц бедра и голени улучшилась до нормального уровня. Приседания выполнялись без боли, динамическая стабилизация колена была устойчивой, баланс на одной ноге достигал 35 секунд.

На пятый день боль снизилась до 2 баллов до занятий и до 1 балла после. Сгибание колена составило примерно 110°, разгибание полное. Сила мышц бедра и голени оставалась нормальной, приседания и балансовые упражнения выполнялись без дискомфорта. Отёк отсутствовал, функциональная стабильность колена значительно улучшилась, движения были плавными и контролируемыми.

Анализ наблюдений показывает, что ежедневное выполнение комплекса упражнений способствовало постепенному снижению боли, увеличению объёма движений и улучшению силы мышц, что непосредственно влияло на функциональную стабильность колена. Баланс и проприоцепция также заметно улучшались, что снижало риск повторных травм и повышало уверенность пациента при движении. Отмеченные изменения наблюдались уже на второй-третий день, а к концу пятого дня проявились значительные улучшения во всех оценочных параметрах.

Важным аспектом является постепенное увеличение нагрузки и внимательное наблюдение за реакцией колена на упражнения. Контроль боли, объёма движений и силы мышц позволяет корректировать интенсивность упражнений и избегать перегрузки повреждённого мениска.

Практическая значимость статьи заключается в разработке научно обоснованных рекомендаций по кинезиотерапии, которые могут быть применены в практике специализированных реабилитационных центров при работе с пациентами студенческого возраста. Сотрудничество между медицинскими учреждениями и вузами позволяет адаптировать программы восстановления к особенностям жизнедеятельности и физическим нагрузкам данной категории пациентов.

В ходе написания статьи были рассмотрены анатомо-функциональные особенности медиального мениска, классификация и механизмы его повреждений, а также роль кинезиотерапии и средств физической культуры в восстановлении коленного сустава. Анализ литературы показал, что повреждения медиального мениска встречаются довольно часто, особенно у активных людей, и требуют комплексного подхода к лечению, включающего как консервативные методы, так и реабилитационные упражнения.

Кинезиотерапия, направленная на постепенное восстановление функции коленного сустава, укрепление мышц бедра, ягодиц и голени, а также развитие проприоцепции и координации движений, доказала свою эффективность в снижении боли, улучшении объёма движений и повышении функциональной стабильности колена. Применение специально подобранных упражнений на всех этапах восстановления позволяет безопасно укреплять мышцы, предотвращать повторные травмы и возвращать человека к активной жизни.

Исследование показало, что даже в течение короткого периода – пяти дней – регулярное выполнение комплекса упражнений способствует заметному снижению субъективной боли, увеличению объёма активных движений и восстановлению силы мышц. Прогресс наблюдался уже после второго дня занятий, а к концу исследовательского периода функциональные показатели колена значительно улучшились. Динамика восстановления демонстрирует, что кинезиотерапия и физкультура могут выступать основными компонентами консервативного подхода при повреждении медиального мениска.

Библиографический список

1. Гатиятова А.И. Реабилитация коленного сустава после травм: роль ЛФК и физической активности / А.И. Гатиятова // Теория и практика современной науки. – 2025. – № 5(119). – С. 64-67.
2. Камушадзе Г.К. Исследование долгосрочных результатов при резекции мениска / Г.К. Камушадзе // Вестник медицинского института "РЕАВИЗ": реабилитация, врач и здоровье. – 2024. – Т. 14, № 6. – С. 59-66.
3. Погребной Д.С. Возможности кинезитерапии при реабилитации заболеваний опорно-двигательного аппарата / Д.С. Погребной, Т.А. Гвозденко // Вестник физиотерапии и курортологии. – 2018. – Т. 24, № 2. – С. 113-113а.
4. Абдуразаков У.А. Анатомо-функциональные особенности менисков и причины их повреждений / У.А. Абдуразаков, Е.Н. Набиев, А.Р. Байзаков // Вестник Казахского национального медицинского университета. – 2020. – № 1. – С. 298-302.
5. Губанов Э.В. Характеристика лечебной физической культуры и ее влияние на здоровье человека / Э.В. Губанов // Наука-2020. – 2023. – № 6(67). – С. 102-110.
6. Одрузова Д.В. Физическая реабилитация при повреждении мениска / Д.В. Одрузова. // Исследования молодых ученых: материалы XIV Междунар. науч. конф. (г. Казань, ноябрь 2020 г.). – Казань: Молодой ученый, 2020.
7. Разрывы менисков - Санаторий Дюны. Официальный сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dunes-spb.ru/info/stati-boleznnyakh/razryvy_meniskov/?ysclid=mkm1u0sqbw738571621.
8. Молотков М.Л. Повреждение менисков – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mositalmed.ru/stati/povrezhdenie-meniskov/?ysclid=mkm25hopw1305690458>.

KINESIOTHERAPY AND RECOMMENDED PHYSICAL THERAPY FOR MEDIAL MENISCUS INJURY

S.A. Aldarova, *Senior Lecturer*

Perm State Agro-Technological University named after academician D.N. Prianishnikov
(Russia, Perm)

Abstract. *Medial meniscus injuries are a common pathology of the knee joint, especially among the active population, which determines the relevance of finding effective rehabilitation methods. The article uses theoretical analysis of scientific literature and clinical observation with the use of a complex of kinesiotherapy exercises. Individually selected, dosed physical activity contributes to the relief of pain, restoration of mobility and a muscular corset, improvement of proprioception and prevention of relapses. The developed complex of exercises can be recommended for use in physical rehabilitation programs for patients with this pathology.*

Keywords: *medial meniscus; meniscus injury; knee joint; kinesiotherapy; therapeutic physical culture (TFK); physical rehabilitation; conservative treatment; functional recovery.*

ИНТЕГРАЦИЯ ЛАБОРАТОРНЫХ И ДОПЛЕРОМЕТРИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ДЛЯ ОЦЕНКИ МИКРОЦИРКУЛЯЦИИ ПРИ АДЕНОМИОЗЕ

М.Х. Алимова, аспирант
Ошский государственный университет
(Кыргызстан, г. Ош)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-18-22

Аннотация. Аденомиоз матки сопровождается болевым синдромом, нарушениями менструального цикла и репродуктивными проблемами. В патогенезе важную роль играют эндотелиальная дисфункция и нарушения микроциркуляции миометрия. В статье представлен обзор лабораторных маркеров эндотелиальной функции (ET-1, NO, VEGF, ICAM-1, VCAM-1) и доплерометрических показателей кровотока (RI, PI), обсуждаются их возможности и ограничения, а также перспективы интеграции этих методов для ранней диагностики, прогнозирования течения заболевания и разработки персонализированных стратегий терапии.

Ключевые слова: аденомиоз матки; микроциркуляция миометрия; эндотелиальная дисфункция; лабораторные маркеры; доплерометрия; интегрированный подход; диагностика.

Аденомиоз матки является одной из наиболее распространённых и клинически значимых форм генитального эндометриоза, встречающейся преимущественно у женщин репродуктивного возраста. Заболевание характеризуется внедрением эндометриоидной ткани в толщу миометрия, что приводит к структурным и функциональным изменениям мышечного слоя матки. Клиническое течение аденомиоза часто сопровождается выраженными симптомами, такими как хронический тазовый болевой синдром, аномальные маточные кровотечения, дисменорея, а также снижение репродуктивного потенциала, что существенно ухудшает качество жизни пациенток и определяет высокую медико-социальную значимость данной патологии.

Несмотря на значительное количество научных исследований, посвящённых аденомиозу, вопросы патогенеза заболевания остаются дискуссионными. Традиционно в развитии аденомиоза рассматриваются гормональные, иммунные и воспалительные механизмы, однако в последние годы всё большее внимание уделяется сосудистому компоненту и состоянию микроциркуляции миометрия. Нарушения микроциркуляции рассматриваются как один из ключевых факторов, способствующих прогрессированию заболевания, усилению болевого синдрома и развитию хронической тканевой гипоксии.

Особое значение в формировании микроциркуляторных расстройств при аденомиозе

отводится эндотелиальной дисфункции. Эндотелий сосудов играет ведущую роль в регуляции сосудистого тонуса, проницаемости сосудистой стенки, процессов ангиогенеза и гемостаза. При эндотелиальной дисфункции происходит дисбаланс между вазодилатирующими и вазоконстрикторными факторами, повышается проницаемость микрососудов, изменяются реологические свойства крови и активируются протромботические механизмы [1]. Эти изменения способствуют нарушению тканевой перфузии миометрия, развитию венозного застоя и усугублению локальных воспалительных процессов.

Современные лабораторные методы диагностики позволяют объективно оценить функциональное состояние эндотелия с использованием специфических маркеров, отражающих степень его активации и повреждения. В то же время доплерометрия является доступным и неинвазивным инструментальным методом, широко применяемым для исследования маточного кровотока и оценки параметров микроциркуляции. Совмещение лабораторных и доплерометрических подходов открывает новые возможности для комплексной оценки сосудистых нарушений при аденомиозе.

Однако, несмотря на перспективность данного направления, данные о взаимосвязи лабораторных маркеров эндотелиальной дисфункции с доплерометрическими показателями микроциркуляции при аденомиозе матки

остаются ограниченными и носят фрагментарный характер. Отсутствие систематизированных исследований в этой области определяет необходимость дальнейшего изучения патогенетических взаимосвязей между эндотелиальной дисфункцией и нарушением микроциркуляции, что может иметь важное диагностическое и прогностическое значение.

По данным современной литературы, аденомиоз матки встречается у 20-35% женщин репродуктивного возраста и является одной из ведущих причин хронического тазового болевого синдрома, дисменореи и нарушений репродуктивной функции [2]. Так, у значительной части пациенток наблюдаются регулярные боли внизу живота, усиливающиеся в предменструальный период, а также болезненные менструации, которые нередко требуют приема анальгетиков или обращения за специализированной медицинской помощью. Кроме того, заболевание ассоциировано с нарушениями фертильности: по разным данным, у 15-30% женщин с аденомиозом отмечается снижение способности к зачатию, что связано как с изменениями структуры миометрия, так и с локальным воспалением и нарушением микроциркуляции в матке [3].

Частота аномальных маточных кровотечений среди пациенток с аденомиозом составляет около 30-40%, что значительно превышает показатели в популяции здоровых женщин того же возраста. Например, в клинических наблюдениях у женщин с аденомиозом чаще встречаются длительные или обильные менструации, межменструальные кровянистые выделения и кровотечения, которые могут приводить к анемии и снижению качества жизни. Подобные проявления существенно влияют на повседневную активность пациенток и являются частой причиной обращения к гинекологу.

Эти данные подчёркивают высокую клиническую значимость заболевания и необходимость поиска эффективных диагностических и патогенетически обоснованных методов оценки состояния миометрия. Раннее выявление нарушений микроциркуляции и эндотелиальной функции могло бы способствовать своевременному подбору терапии, снижению выраженности симптомов и улучшению репродуктивного прогноза.

Несмотря на многочисленные исследования, большинство работ сосредоточено либо на клинических проявлениях аденомиоза, таких как болевой синдром, кровотечения и изменения репродуктивной функции, либо на отдельных лабораторных или инструментальных методах обследования, например, на анализе гормонального фона, уровня маркеров воспаления или доплерометрическом исследовании маточного кровотока. Данные о взаимосвязи эндотелиальной дисфункции и нарушений микроциркуляции миометрия остаются ограниченными, а существующие публикации часто касаются небольших выборок или отдельных маркеров. Это создаёт значительный пробел в понимании патогенеза заболевания и ограничивает возможности ранней диагностики и прогнозирования течения болезни, что особенно важно для женщин, планирующих беременность.

Анализ мировой статистики показывает, что распространённость аденомиоза значительно варьирует в зависимости от страны, метода диагностики и характеристик исследуемой популяции. В общей популяции женщин репродуктивного возраста частота заболевания составляет от 1 до 2% при широких диагностических критериях, однако среди женщин, перенёсших гистерэктомию, аденомиоз выявляется в 15-57% случаев. Это указывает на то, что клинически выраженные формы заболевания встречаются реже, чем субклинические, которые часто остаются недиагностированными без инструментального или гистологического исследования [4].

Сравнительный анализ по странам показывает существенные различия. В Великобритании по данным клинических исследований аденомиоз обнаруживается у около 21% женщин, обследованных в гинекологических клиниках, что отражает высокий уровень выявления у женщин с симптомами. В Италии распространённость составляет около 34%, что связано как с возрастной структурой пациентов, так и с особенностями методов диагностики, включающих высокое качество ультразвуковой визуализации. В Таиланде частота выявления заболевания среди женщин репродуктивного возраста составила примерно 21,4%, тогда как в Южной Корее наблюдалось увеличение распространённости с 1,4 на 1000 женщин в 2002 году до 7,5 на 1000 в 2016 го-

ду, что отражает тенденцию к росту выявления благодаря внедрению современных методов диагностики, включая МРТ и цветовую доплерографию.

Особое внимание заслуживает группа женщин с бесплодием, у которых распространённость аденомиоза выше, достигая 7,5–31% в различных исследованиях. Эти данные подчеркивают клиническую значимость заболевания именно для репродуктивного здоровья и необходимость применения более точных диагностических алгоритмов. Кроме того, возраст и выраженность симптомов оказывают существенное влияние на выявляемость: у женщин старше 40 лет распространённость аденомиоза увеличивается, что связано с длительным воздействием факторов риска и накоплением структурных изменений в миометрии [5].

Анализ этих данных позволяет выделить несколько ключевых закономерностей:

Методы диагностики существенно влияют на показатели распространённости. Гистологические исследования выявляют заболевание чаще, чем УЗИ или МРТ, поскольку позволяют фиксировать субклинические формы.

Клиническая выборка увеличивает частоту выявления. Женщины, обратившиеся в клиники с болевым синдромом или нарушениями менструального цикла, имеют более высокую вероятность выявления аденомиоза, чем случайная популяция.

Возраст и репродуктивные факторы играют важную роль. Чем старше пациентка и чем более выражены симптомы, тем выше вероятность обнаружения патологии.

Географические и технологические различия. Разные страны используют различные стандарты диагностики и имеют разный доступ к современным методам визуализации, что влияет на статистические показатели.

Для изучения взаимосвязи эндотелиальной дисфункции и микроциркуляторных нарушений миометрия при аденомиозе в литературе используется широкий спектр лабораторных и инструментальных методов. Лабораторные маркеры позволяют оценить функциональное состояние эндотелия, а ультразвуковая доплерометрия — характеристики кровотока в маточных сосудах и тканях миометрия. Однако большинство опубликованных исследова-

ний рассматривают эти методы разрозненно, что создаёт пробел в комплексном понимании патогенеза заболевания.

Лабораторные методы оценки эндотелиальной функции. Среди лабораторных подходов к оценке эндотелиальной функции при аденомиозе наибольшее внимание уделяется определению уровня эндотелина-1 (ЕТ-1), который является вазоконстрикторным пептидом, повышение которого свидетельствует о активации эндотелия и увеличении сосудистого сопротивления. В то же время снижение концентрации нитрикс оксида (NO) отражает нарушение вазодилаторной функции эндотелия и снижение способности сосудов к адекватной регуляции кровотока. Дополнительно часто исследуются показатели ангиогенеза, такие как VEGF, и молекулы клеточной адгезии (ICAM-1, VCAM-1), позволяющие оценить степень эндотелиальной активации и воспаления [6].

Анализ существующих публикаций показывает, что эти лабораторные маркеры обладают высокой информативностью, однако их использование чаще ограничено оценкой отдельных показателей. Систематическая интеграция нескольких маркеров для комплексного анализа функционального состояния эндотелия остаётся редкостью. Кроме того, различия в методах определения (иммуноферментный анализ, ELISA, биохимические тесты) создают трудности для сопоставления результатов между разными исследованиями.

Инструментальные методы оценки микроциркуляции. Для оценки микроциркуляции миометрия на практике применяется ультразвуковая доплерометрия. Основными параметрами являются индекс сопротивления (RI) и индекс пульсации (PI) маточных артерий и сосудов миометрия, которые отражают уровень сосудистого сопротивления и интенсивность тканевой перфузии. Цветовое и импульсное доплеровское картирование позволяет визуализировать кровоток, выявлять локальные зоны снижения перфузии и оценивать динамику микроциркуляторных нарушений.

Обзор публикаций показывает, что доплерометрия хорошо отражает функциональное состояние сосудов миометрия, но в большинстве исследований она не сочетается с оценкой лабораторных маркеров эндотелиальной дисфункции. Это ограничивает воз-

возможность выявления прямой связи между сосудистой функцией и биохимическими показателями эндотелия, что является важным для понимания патогенеза аденомиоза и разработки прогностических моделей.

Аналитический подход и предложения по интеграции методов. На основании анализа существующих методов можно выделить направления, которые позволяют интегрировать лабораторные и инструментальные показатели для комплексной оценки микроциркуляции при аденомиозе:

Составление панели лабораторных маркеров, включающей ET-1, NO, VEGF, ICAM-1 и VCAM-1, что позволяет оценить сосудистый тонус, проницаемость сосудистой стенки и воспалительную активность эндотелия.

Параллельное применение доплерометрии, с измерением RI и PI в маточных артериях и сосудах миометрия, для объективной оценки функционального состояния микроциркуляции [4].

Корреляционный анализ между лабораторными и инструментальными показателями в аналитических или ретроспективных исследованиях, чтобы выявить потенциальные зависимости между эндотелиальной функцией и нарушениями кровотока [1].

Выделение групп риска на основе возраста, наличия бесплодия или выраженных клинических симптомов, что позволяет оптимизировать дальнейшие исследования и оценивать применимость комплексного подхода для ранней диагностики и прогноза течения аденомиоза.

Обзор литературы показывает, что аденомиоз сопровождается эндотелиальной дисфункцией и нарушениями микроциркуляции миометрия. Лабораторные маркеры, такие как ET-1, NO, VEGF, ICAM-1 и VCAM-1, отражают активацию эндотелия, нарушение сосудистого тонуса и воспалительные процессы, а доплерометрические показатели RI и PI фиксируют повышение сосудистого сопротивления и снижение перфузии.

Сопоставление данных литературы выявляет, что большинство исследований рассматривает эти методы разрозненно. Интеграция лабораторных и инструментальных показателей позволяет выявлять потенциальные корреляции, прогнозировать нарушения микроциркуляции по биохимическим данным и

оценивать степень эндотелиальной дисфункции функционально.

Статистика по странам показывает высокую клиническую значимость аденомиоза: распространённость варьирует от 1-2% в общей популяции до 15-57% при гистологическом обследовании, среди женщин с бесплодием – до 31%. Эти данные подтверждают необходимость раннего выявления микроциркуляторных нарушений, особенно у женщин с высоким риском.

Таким образом, эндотелиальная дисфункция тесно связана с нарушениями микроциркуляции при аденомиозе, а комплексная интеграция лабораторных и доплерометрических методов является перспективным направлением для улучшения диагностики, прогноза и персонализированного подхода к терапии заболевания.

На основании анализа литературы и существующих методов оценки эндотелиальной функции и микроциркуляции при аденомиозе можно рекомендовать интеграцию лабораторных и инструментальных подходов в клинической практике и исследовательских протоколах. Комплексная оценка состояния эндотелия с использованием маркеров ET-1, NO, VEGF, ICAM-1 и VCAM-1 вместе с доплерометрической характеристикой кровотока в маточных артериях и сосудах миометрия позволит более точно выявлять ранние микроциркуляторные нарушения, оценивать их динамику и прогнозировать возможные осложнения.

Такой подход может быть особенно полезен для:

Выделения групп высокого риска среди женщин с симптомами аденомиоза или репродуктивными нарушениями, что позволит направлять их на более углублённое обследование и мониторинг.

Разработки персонализированных диагностических алгоритмов, объединяющих лабораторные и инструментальные данные, для повышения точности раннего выявления заболевания.

Оценки эффективности терапии, направленной на нормализацию микроциркуляции и восстановление эндотелиальной функции, с возможностью раннего коррекции лечения.

Планирования дальнейших исследований, в которых можно проверить корреляции

между биохимическими маркерами и доплерометрическими показателями, что позволит уточнить механизмы патогенеза и выработать новые терапевтические стратегии.

Таким образом, внедрение интегрированного подхода имеет практическую значимость и может стать основой для улучшения диагностики, прогнозирования и индивидуализации лечения женщин с аденомиозом.

Библиографический список

1. Struble J., Reid S., Bedaiwy M.A. Adenomyosis: a clinical review of a challenging gynecologic condition // J Minim Invasive Gynecol. – 2016. – Vol. 23, № 2. – P. 164-185. – DOI: 10.1016/j.jmig.2015.10.012.
2. Abbott J.A. Adenomyosis and abnormal uterine bleeding (AUB-A) – pathogenesis, diagnosis, and management // Best Pract Res Clin Obstet Gynaecol. – 2017. – Vol. 40. – P. 68-81.
3. Goteri G., Lucarini G., Montik N. et al. Expression of vascular endothelial growth factor (VEGF), hypoxia inducible factor-1alpha (HIF-1alpha), and microvessel density in endometrial tissue in women with adenomyosis // Int J Gynecol Pathol. – 2009. – Vol. 28, № 2. – P. 157-163. – DOI:10.1097/PGP.0b013e318182c2be.
4. Martire F.G., Costantini E., D'Abate C. et al. Endometriosis and adenomyosis: from pathogenesis to follow-up // Cells. – 2024. – Vol. 47, № 5. – P. 298. – DOI:10.3390/cells4705298.
5. Kobayashi H., Matsubara S., Imanaka S. Clinicopathological features of different subtypes in adenomyosis: focus on early lesions // PLoS One. – 2021. – Vol. 16, № 7. – e0254147.
6. Козаченко И.Ф., Макиян З.Н., Файзуллина Н.М. и др. Особенности кровообращения и ангиогенеза у больных репродуктивного возраста при миоме матки, аденомиозе и внутри-маточной перегородке: использование функциональной МРТ и оценка уровня экспрессии маркеров ангиогенеза в эндометрии // Акушерство и гинекология. – 2021. – № 3. – С. 101-109.

INTEGRATION OF LABORATORY AND DOPPLEROMETRIC METHODS FOR ASSESSMENT OF MICROCIRCULATION IN ADENOMYOSIS

M.H. Alimova, *Postgraduate Student*
Osh State University
(Kyrgyzstan, Osh)

Abstract. *Uterine adenomyosis is accompanied by pain, menstrual disorders, and reproductive problems. Endothelial dysfunction and myometrial microcirculation disorders play an important role in the pathogenesis. The article provides an overview of laboratory markers of endothelial function (ET-1, NO, VEGF, ICAM-1, VCAM-1) and Doppler blood flow parameters (RI, PI), discusses their capabilities and limitations, as well as the prospects for integrating these methods for early diagnosis, predicting the course of the disease and developing personalized treatment strategies.*

Keywords: *uterine adenomyosis; myometrial microcirculation; endothelial dysfunction; laboratory markers; Dopplerometry; integrated approach; diagnostics.*

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЛИТЕЛЬНОЙ ТЕРАПИИ МЕТОТРЕКСАТОМ ПРИ РЕВМАТОИДНОМ АРТРИТЕ И ОСТЕОАРТРИТЕ ПО ДАННЫМ УЛЬТРАЗВУКОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СУСТАВОВ

Т.Б. Кудаярова, аспирант
Ошский государственный университет
(Кыргызстан, г. Ош)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-23-28

Аннотация. В статье представлен систематический обзор данных о применении метотрексата при ревматоидном артрите (РА) и остеоартрите (ОА) с воспалительным компонентом. Рассмотрены клинические показатели, данные ультразвукового исследования суставов и динамика воспалительных и структурных изменений. Показано, что метотрексат эффективно снижает активность РА, уменьшает боль и замедляет прогрессирование эрозий, а при ОА с выраженным синовитом оказывает умеренный противовоспалительный эффект. УЗИ суставов позволяет объективно оценивать эффективность терапии и корректировать лечение на ранних этапах.

Ключевые слова: ревматоидный артрит; остеоартрит; метотрексат; ультразвуковое исследование суставов; синовит; эффективность терапии.

Ревматоидный артрит (РА) и остеоартрит (ОА) представляют собой одни из наиболее распространённых хронических заболеваний суставов, оказывающих значительное влияние на качество жизни пациентов. РА относится к аутоиммунным воспалительным заболеваниям, при которых иммунная система ошибочно атакует собственные суставные ткани, что приводит к хроническому синовиту, разрушению хряща и костей, деформации суставов и выраженной боли. ОА, напротив, является дегенеративным заболеванием, характеризующимся постепенным истончением и разрушением суставного хряща, изменениями субхондральной кости и формированием остеофитов, что сопровождается болевым синдромом, скованностью суставов и ограничением подвижности. Несмотря на различия в патогенезе, оба заболевания приводят к снижению функциональной активности, ограничению трудоспособности и ухудшению общего качества жизни пациентов.

Современные подходы к терапии этих заболеваний направлены на контроль воспаления, замедление прогрессирования структурных изменений и улучшение функциональных показателей. Для лечения РА применяются базисные противовоспалительные препараты (БПВП), среди которых метотрексат занимает центральное место. Метотрексат эффективно снижает воспалительную активность синовиальной оболочки, замедляет разрушение су-

ставов и улучшает клинические показатели, такие как боль, скованность и индекс активности болезни (DAS28). У пациентов с прогрессирующим ОА метотрексат иногда используется в случаях выраженного воспалительного компонента, особенно при синовите, который усугубляет боль и ограничение подвижности, хотя основная терапия при ОА остаётся симптоматической и направлена на восстановление функции суставов [1].

Традиционно эффективность терапии оценивается с помощью клинических индексов, лабораторных маркёров воспаления (например, С-реактивного белка, ревматоидного фактора) и субъективной оценки боли. Однако эти методы не всегда позволяют своевременно выявить ранние структурные изменения суставов или скрытую воспалительную активность. В этом контексте ультразвуковое исследование (УЗИ) приобрело особое значение: оно позволяет визуализировать синовит, утолщение суставной капсулы, эрозии и кровоток в синовиальной оболочке, что даёт возможность оценить динамику заболевания на ранних стадиях и объективно контролировать эффективность терапии. Использование УЗИ позволяет выявлять ответ на лечение до появления выраженных клинических улучшений, что особенно важно для индивидуальной корректировки терапии и оптимизации дозировки препаратов.

Метотрексат применяется в ревматологии более пятидесяти лет и за это время зарекомендовал себя как один из наиболее эффективных и широко используемых базисных препаратов для лечения ревматоидного артрита (РА). Его терапевтическое действие связано с подавлением патологической иммунной активности и снижением воспалительных процессов в суставах, что позволяет контролировать прогрессирование заболевания и уменьшать разрушение суставных структур. Многочисленные клинические исследования и наблюдения за пациентами демонстрируют, что длительная терапия метотрексатом приводит к значительному снижению активности заболевания, измеряемой с помощью индекса DAS28, который учитывает количество болезненных и опухших суставов, показатели воспалительных маркеров и общее самочувствие пациента [2].

Помимо уменьшения воспаления, метотрексат оказывает выраженное влияние на субъективные симптомы заболевания. Так, по данным визуальной аналоговой шкалы (VAS), пациенты отмечают заметное снижение интенсивности боли, что позволяет значительно улучшить качество жизни, облегчает выполнение повседневных действий и повышает уровень физической активности. Длительные наблюдения показывают, что терапия метотрексатом не только облегчает текущие симптомы, но и замедляет прогрессирование структурных изменений суставов, включая формирование эрозий и деформаций, что подтверждается как клиническими оценками, так и инструментальными методами, в частности ультразвуковым исследованием (УЗИ).

УЗИ фиксирует уменьшение воспалительной активности синовиальной оболочки, снижение толщины синовита и уменьшение кровотока по цветному доплеру, что отражает снижение активности воспалительного процесса на уровне тканей. Это свидетельствует о том, что метотрексат воздействует не только на субъективные проявления заболевания, такие как боль и скованность, но и на объективные структурные изменения, обеспечивая комплексный контроль заболевания. В результате терапия метотрексатом положительно влияет на функциональные показатели суставов, включая подвижность и стабильность, а также способствует сохранению способности к самостоятельной жизнедеятельности,

что имеет важное значение для долгосрочной адаптации пациентов и поддержания их качества жизни.

У пациентов с остеоартритом (ОА) терапия метотрексатом проявляется более умеренным противовоспалительным эффектом по сравнению с ревматоидным артритом, что связано с различиями в патогенезе этих заболеваний. Остеоартрит в основном характеризуется дегенеративными изменениями суставного хряща и субхондральной кости, образованием остеофитов и склерозом, тогда как выраженное воспаление суставной ткани возникает только у части пациентов и часто проявляется в виде синовита. В случаях, когда воспалительный компонент выражен и наблюдается активный синовит, применение метотрексата позволяет снизить активность воспалительного процесса, уменьшить отечность синовиальной оболочки и облегчить болевой синдром, что способствует улучшению подвижности суставов и повышению функциональной активности.

Современные рекомендации профессиональных ревматологических сообществ подчеркивают, что использование метотрексата при ОА целесообразно преимущественно у пациентов с активным воспалительным компонентом. При этом терапия направлена на подавление синовита и уменьшение воспалительных проявлений, а не на непосредственно дегенеративные процессы хряща и субхондральной кости, которые при ОА формируются независимо от воспалительной активности. Такой подход позволяет ограничить использование базисной терапии только теми пациентами, у которых присутствует выраженный воспалительный компонент, тем самым повышая эффективность лечения и минимизируя потенциальные побочные эффекты препарата.

В последние десятилетия ультразвуковое исследование (УЗИ) суставов стало одним из ключевых инструментов для мониторинга воспалительной активности при хронических артритах, включая как ревматоидный артрит, так и остеоартрит с выраженным синовитом. Благодаря высокой разрешающей способности современных высокочастотных датчиков, УЗИ позволяет визуализировать структурные изменения суставов на ранних стадиях, включая утолщение синовиальной оболочки, наличие синовита, формирование эрозий и других

патологических изменений, которые могут быть невидимы при обычном клиническом осмотре [3]. Использование цветного доплера расширяет диагностические возможности метода, так как позволяет оценивать кровотоки в синовиальной оболочке и таким образом косвенно определять степень активности воспалительного процесса.

Систематические обзоры и клинические исследования демонстрируют, что динамика изменений по данным УЗИ тесно коррелирует с улучшением клинических показателей у пациентов. Например, снижение выраженности синовита по ультразвуковым критериям обычно сопровождается уменьшением боли, улучшением функциональной подвижности суставов и повышением общего качества жизни пациентов. УЗИ позволяет фиксировать эти изменения на ранних этапах терапии, часто до того, как становятся заметными клинические улучшения, что делает его ценным инструментом для оценки эффективности лечения. Благодаря этому врачи могут более точно отслеживать реакцию пациента на препараты, включая метотрексат, своевременно корректировать дозу и при необходимости изменять схему терапии, что обеспечивает индивидуализированный подход к лечению и повышает его эффективность.

Анализ современных публикаций позволяет выделить несколько ключевых закономерностей в применении метотрексата у пациентов с ревматоидным артритом и остеоартритом.

Во-первых, у пациентов с РА большинство исследований подтверждают высокую эффективность терапии метотрексатом как с клинической, так и с инструментальной точки зрения. Снижение активности заболевания, фиксируемое индексом DAS28, достигает в среднем 30-50% в течение 6-12 месяцев лечения, что сопровождается заметным уменьшением интенсивности боли по VAS и улучшением функционального состояния суставов [4]. Этот эффект подтверждается данными ультразвукового исследования, которое демонстрирует уменьшение синовита, снижение кровотока в синовиальной оболочке по цветному доплеру и замедление прогрессирования эрозий. Такая согласованность клинических и инструментальных показателей указывает на то, что метотрексат оказывает ком-

плексное влияние на течение РА, одновременно снижая субъективные симптомы и замедляя структурное разрушение суставов.

Во-вторых, при остеоартрите эффект метотрексата выражается менее явно, что связано с преимущественно дегенеративным характером заболевания. Тем не менее, в случаях, когда наблюдается выраженный воспалительный компонент, отмечается снижение активности синовита, уменьшение болевого синдрома и улучшение подвижности суставов. Структурные изменения, такие как остеофиты и субхондральный склероз, остаются в основном стабильными, что отражает ограниченность воздействия метотрексата на дегенеративные процессы хряща и кости. Однако данные УЗИ подтверждают определённое уменьшение признаков активного воспаления, включая сокращение синовита и улучшение кровотока, что указывает на способность метотрексата частично контролировать воспалительный компонент даже при ОА.

Третьим важным аспектом, выявленным в анализе литературы, является роль ультразвукового исследования суставов в мониторинге терапии. УЗИ позволяет фиксировать ранние структурные и воспалительные изменения ещё до появления клинических улучшений, что делает его особенно ценным инструментом для оценки эффективности терапии и своевременной корректировки схемы лечения. Ультразвуковая визуализация синовита, толщины капсулы и кровотока обеспечивает количественное и объективное измерение изменений под влиянием метотрексата [5]. Данные анализа подтверждают, что использование УЗИ позволяет не только оценить эффективность терапии, но и прогнозировать дальнейшую динамику заболевания, своевременно корректировать дозу препарата и принимать решения о необходимости сочетанной терапии.

На рисунке 1 показано влияние метотрексата на суставы при РА и ОА и роль ультразвукового исследования (УЗИ) в мониторинге терапии. Демонстрируется снижение активности воспаления и боли у пациентов с РА, умеренное уменьшение синовита при ОА, а также возможность УЗИ выявлять ранние структурные и функциональные изменения суставов для оценки эффективности лечения.

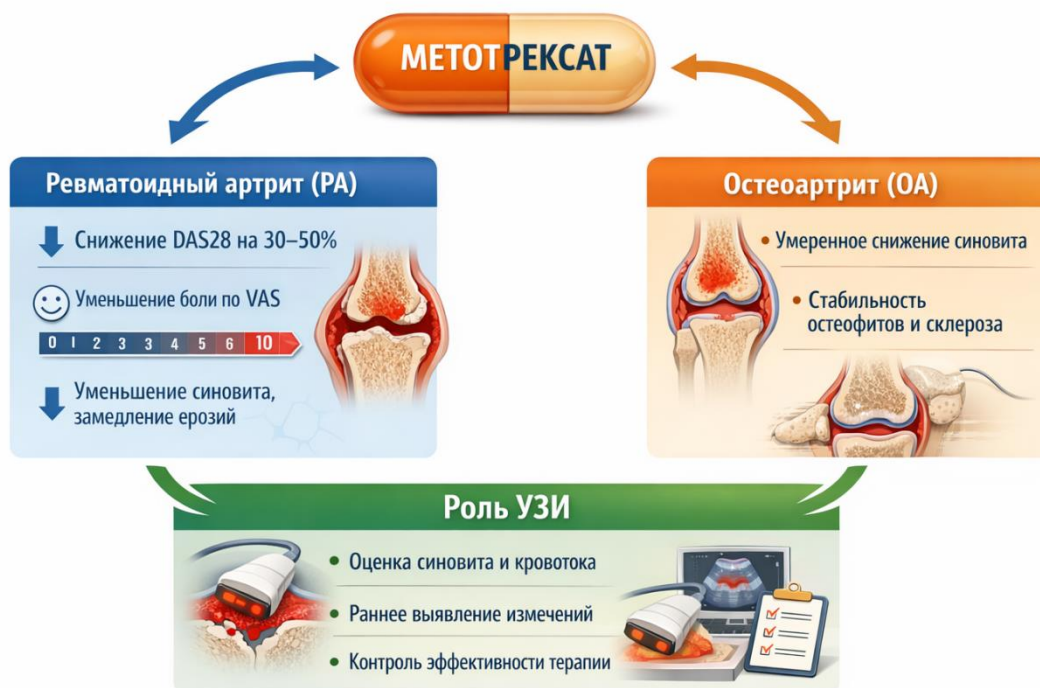

Рис. 1. Влияние метотрексата на воспалительные и структурные изменения суставов при РА и ОА и роль ультразвукового исследования

Таким образом, суммирование данных публикаций показывает, что метотрексат оказывает выраженное и системное положительное влияние при РА, а при ОА с выраженным воспалительным компонентом способствует умеренному снижению активности воспаления. Интеграция ультразвукового контроля в клиническую практику обеспечивает более точную и индивидуализированную оценку ответа на терапию, позволяя повысить её эффективность, замедлить прогрессирование структурных изменений и улучшить функциональное состояние пациентов [6]. Данный анализ подчеркивает необходимость использования УЗИ в качестве регулярного инструмента мониторинга для оптимизации лечения и более точного прогнозирования исходов терапии при хронических заболеваниях суставов.

Проведённый анализ литературы подтверждает высокую эффективность метотрексата при лечении ревматоидного артрита и его умеренное, но заметное влияние при остеоартрите с выраженным воспалительным компонентом. В случае РА метотрексат демонстрирует системное противовоспалительное действие, снижая активность заболевания, уменьшает интенсивность боли и улучшает

функциональные показатели суставов. Данные ультразвукового исследования подтверждают клинические наблюдения: сокращение синовита, снижение кровотока в синовиальной оболочке и замедление прогрессирования эрозий отражают реальное влияние препарата на структурные изменения суставов. Эти результаты свидетельствуют о том, что метотрексат оказывает комплексное воздействие, одновременно влияя на субъективные проявления болезни и на объективные структурные процессы.

При остеоартрите терапия метотрексатом оказывает более ограниченное действие, что объясняется преимущественно дегенеративной природой заболевания. Тем не менее, у пациентов с активным воспалительным компонентом препарат способен уменьшать синовит и снижать болевой синдром, что подтверждается как клиническими, так и ультразвуковыми данными. При этом структурные изменения суставов, включая остеофиты и субхондральный склероз, в большинстве случаев остаются стабильными, что отражает их независимость от воспалительного процесса. Таким образом, применение метотрексата при ОА следует рассматривать как дополнительное средство для контроля воспалительного

компонента у пациентов с прогрессирующим синовитом, а не как метод воздействия на дегенеративные изменения хряща и кости.

Особое внимание заслуживает роль ультразвукового исследования суставов в оценке эффективности терапии. УЗИ позволяет фиксировать ранние структурные и воспалительные изменения ещё до появления выраженного клинического улучшения, что делает его более чувствительным инструментом мониторинга по сравнению с традиционными клиническими и лабораторными показателями. Количественная оценка синовита, толщины капсулы и кровотока в синовиальной оболочке обеспечивает объективную информацию о динамике заболевания, позволяя врачам корректировать дозировку метотрексата и принимать решения о необходимости комбинированной терапии. Интеграция УЗИ в клиническую практику способствует индивидуализированному подходу к лечению, повышает точность прогнозирования эффективности терапии и позволяет замедлить прогрессирование воспалительных и структурных изменений суставов.

Сопоставление данных литературы также показывает, что раннее выявление изменений по УЗИ позволяет прогнозировать клинический ответ на терапию и формировать персонализированные схемы лечения. Это особенно важно для длительной терапии, когда своевременная корректировка дозы метотрексата может повысить эффективность лечения и снизить риск побочных эффектов. Таким образом, сочетание клинической оценки и инструментального мониторинга с помощью УЗИ обеспечивает более полный контроль за воспалительным процессом и структурными изменениями, улучшает функциональное состояние суставов и качество жизни пациентов.

В целом, результаты обзора подтверждают, что метотрексат является ключевым средством контроля воспалительной активности при РА и может оказывать умеренный противовоспалительный эффект при ОА с синовитом, а ультразвуковое исследование обеспечивает объективную и раннюю оценку эффективности терапии, что делает его неотъемлемой частью современного подхода к лечению хронических заболеваний суставов.

Анализ современных публикаций показывает, что метотрексат является эффективным

средством терапии при ревматоидном артрите, обеспечивая снижение активности заболевания, уменьшение боли и улучшение функционального состояния суставов. Данные клинических наблюдений и инструментальных исследований, включая ультразвуковое исследование суставов, подтверждают способность метотрексата замедлять прогрессирование структурных изменений, таких как эрозия и синовит, что оказывает долгосрочное положительное влияние на качество жизни пациентов.

У пациентов с остеоартритом терапия метотрексатом демонстрирует более умеренный противовоспалительный эффект и эффективна преимущественно у тех, у кого имеется выраженный воспалительный компонент. В этих случаях препарат позволяет уменьшить активность синовита, снизить интенсивность боли и поддерживать функциональную активность суставов, однако влияние на дегенеративные изменения хряща и кости ограничено.

Ультразвуковое исследование суставов играет ключевую роль в мониторинге терапии, так как позволяет выявлять ранние структурные и воспалительные изменения ещё до появления клинических улучшений. Использование УЗИ обеспечивает количественную оценку синовита, толщины капсулы и кровотока в синовиальной оболочке, что позволяет объективно контролировать эффективность лечения, корректировать дозировку метотрексата и прогнозировать дальнейшую динамику заболевания.

Таким образом, интеграция данных клинических наблюдений и инструментального мониторинга с помощью УЗИ обеспечивает комплексный и индивидуализированный подход к лечению пациентов с РА и ОА, повышает эффективность терапии, замедляет прогрессирование воспалительных и структурных изменений суставов и способствует улучшению качества жизни. Полученные данные подтверждают необходимость регулярного использования метотрексата при РА и целесообразность его применения при ОА с выраженным воспалительным компонентом, а также подчеркивают ценность УЗИ как объективного инструмента для оценки динамики заболевания и планирования терапии.

Библиографический список

1. Sullivan M.M., Pham M.M., Marks L.A. Intra-articular therapy with methotrexate or tumor necrosis factor inhibitors in rheumatoid arthritis: a systematic review // BMC Musculoskeletal Disorders. – 2021. – Vol. 22. – P. 792. – DOI: 10.1186/s12891-021-04651-5.
2. Haugen I.K., Gløersen M., Mulrooney E., Mathiessen A. Inflammation as a Treatment Target in Hand Osteoarthritis: A Review of Previous Studies and Future Perspectives. J Rheumatol. 2025 Oct 1; 52(10): 966-971. DOI: 10.3899/jrheum.2025-0206. PMID: 40451271.
3. Салиева Р.Ш. Ревматоидный артрит: общая характеристика и современные подходы в диагностике и лечении [дипломная работа]. – Бишкек, Кыргызстан, 2024. – 78 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vak.kg/wp-content/uploads/2024/06/salieva-r.sh.pdf>.
4. Бестаев Д.В. Метотрексат и ранний ревматоидный артрит / Д.В. Бестаев, А.А. Конушкалиев, Х.Э. Мохамед // Фарматека. – 2022. – Т. 29, № 13. – С. 142-144. – DOI 10.18565/pharmateca.2022.13.142-144. – EDN TQBFWN.
5. Janta I., Valor L., De la Torre I., Martínez-Estupiñán L., Nieto J.C., Ovalles-Bonilla J.G., Martínez-Barrio J., Bello N., Hinojosa M., Montoro M., González C.M., López-Longo J., Monteagudo I., Carreño L., Naredo E. Ultrasound-detected activity in rheumatoid arthritis on methotrexate therapy: Which joints and tendons should be assessed to predict unstable remission? Rheumatol Int. 2016 Mar; 36(3): 387-96. DOI: 10.1007/s00296-015-3409-8. Epub 2015 Dec 28. PMID: 26712373.
6. Nakagomi D., Ikeda K., Okubo A., Iwamoto T., Sanayama Y., Takahashi K., Yamagata M., Takatori H., Suzuki K., Takabayashi K., Nakajima H. Ultrasound can improve the accuracy of the 2010 American College of Rheumatology/European League against rheumatism classification criteria for rheumatoid arthritis to predict the requirement for methotrexate treatment. Arthritis Rheum. 2013 Apr; 65(4): 890-8. DOI: 10.1002/art.37848. PMID: 23334942.

EFFICACY OF LONG-TERM METHOTREXATE THERAPY IN RHEUMATOID ARTHRITIS AND OSTEOARTHRITIS ACCORDING TO ULTRASOUND EXAMINATION OF JOINTS

T.B. Kudayarova, *Postgraduate Student*
Osh State University
(Kyrgyzstan, Osh)

Abstract. *The article presents a systematic review of data on the use of methotrexate in rheumatoid arthritis (RA) and osteoarthritis (OA) with an inflammatory component. Clinical parameters, ultrasound examination of joints, and dynamics of inflammatory and structural changes are considered. It has been shown that methotrexate effectively reduces the activity of RA, reduces pain and slows the progression of erosions, and has a moderate anti-inflammatory effect in OA with severe synovitis. Ultrasound of the joints allows an objective assessment of the effectiveness of therapy and correction of treatment in the early stages.*

Keywords: *rheumatoid arthritis; osteoarthritis; methotrexate; ultrasound examination of joints; synovitis; effectiveness of therapy.*

ОЦЕНКА ТЯЖЕСТИ И ПРОГНОЗА ВНЕБОЛЬНИЧНОЙ ПНЕВМОНИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПРОГНОСТИЧЕСКИХ ШКАЛ И ПРАВИЛ

Л.В. Куколь, д-р мед. наук, профессор

Е.К. Сережина, канд. мед. наук, ассистент

Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, г. Санкт-Петербург)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-29-35

Аннотация. Внебольничная пневмония (ВП) относится к группе наиболее распространенных заболеваний взрослых и занимает 4 место среди причин нетрудоспособности взрослого населения. Одна из основных задач догоспитального этапа ВП состоит в определении степени тяжести заболевания и нуждаемости в госпитализации. Объективная оценка тяжести состояния пациента позволяет определить прогноз заболевания, место лечения и вероятность летального исхода. В исследовании проведен анализ эффективности принятия решений о госпитализации на основе оценки тяжести заболевания у 634 пациентов с ВП с использованием шкал CURB-65, CRB-65 и индекса тяжести пневмонии (PSI/PORT). Продемонстрировано, что при использовании первого этапа индекса тяжести пневмонии PSI (5 признаков) 36,8% пациентов с ВП могут лечиться амбулаторно, процент ошибочных решений – 25,2%. При использовании оценочных шкал доля пациентов для возможного амбулаторного лечения из госпитализированных с ВП легкого течения составила для CURB-65 – 93,1%, для CRB-65 – 95,8%. В этих группах обращает на себя внимание невысокий процент ошибочных решений – от 16,2% до 18,8%. Применение шкал и индекса тяжести пневмонии позволяет достичь значительного экономического эффекта по снижению прямых затрат на лечение при ВП. Оценка тяжести заболевания с использованием шкал и прогностических индексов является эффективным инструментом стратификации пациентов при ВП.

Ключевые слова: внебольничная пневмония; прогноз; оценка тяжести; шкалы CURB-65; CRB-65; индекс тяжести пневмонии (PSI/PORT).

Внебольничная пневмония (ВП) относится к группе наиболее распространенных заболеваний взрослых и занимает 4 место среди причин нетрудоспособности взрослого населения [1]. По данным Росстат в 2024 году количество ВП у взрослых в РФ выросло на 50% по сравнению с предыдущим годом. Смертельный исход при ВП у взрослого населения отмечается с частотой 1:30 у амбулаторных больных, 1:15 – среди пациентов, госпитализированных в стационар, и 1:3 – среди госпитализированных в отделение интенсивной терапии Затраты, связанные с госпитальным этапом терапии больных ВП составляют 89-96% в структуре экономического ущерба при этом заболевании [2]. Поэтому одна из задач догоспитального этапа при ВП состоит в определении степени тяжести заболевания и нуждаемости в госпитализации. В эпоху сокращения медицинского финансирования актуальность решения данной проблемы не вызывает сомнений. Объективная оценка тяже-

сти состояния пациента позволяет определить прогноз заболевания, место лечения и вероятность летального исхода. Существуют многочисленные рекомендации и прогностические правила оценки тяжести ВП. К наиболее распространенным в мировой практике относятся шкалы CURB-65, CRB-65, SMART-COP, PSI/PORT [1, 3, 4]. Все прогностические шкалы и правила имеют свои преимущества и недостатки. Одним из главных недостатков многих шкал является их тяжеловесность, что делает их недоступными для применения в амбулаторных условиях. Для устранения этого недостатка были разработаны упрощенные шкалы (например, CRB-65, SMART-CO) [3]. Несмотря на попытки создания универсального прогностического инструмента, процент госпитализированных пациентов с ВП варьирует в зависимости региона, страны и способа организации систем здравоохранения. Это говорит о различной степени приверженности врачей к той или иной системе, а также о том,

что врачи, принимая решение о госпитализации, как правило, основываются только на своем клиническом опыте и клинических проявлениях болезни, не используя в качестве поддержки прогностические шкалы и правила, способствующие более рациональным экономическим и лечебным подходам [4]. Пневмонии, не требующие госпитализации – самая многочисленная группа, на ее долю приходится до 80% всех больных с ВП, эти больные имеют легкую пневмонию и могут получать терапию в амбулаторных условиях, летальность не превышает 1%. Пневмонии, требующие госпитализации в стационар – эта группа составляет около 20%, больные имеют фоновые хронические заболевания и выраженные клинические симптомы, риск летальности госпитализированных больных достигает 10% [3-5]. В большинстве рекомендаций сортировочное решение и как следствие выбор начальной антимикробной терапии основаны на оценке тяжести пневмонии. Правильно проведенная оценка тяжести пневмонии позволяет предсказывать также осложненное течение у амбулаторного и госпитализированного больных ВП. Применение правил и шкал тяжести пневмонии по рекомендациям респираторных обществ позволяет более точно принять решение о том, где лечить больного ВП при его первичной оценке (в домашних условиях, в отделении стационара или в условиях реанимационного отделения), что при-

водит к значительным уменьшениям расходов общества при этом заболевании.

Цель исследования: провести анализ эффективности применения шкал CURB-65, CRB-65 и индекса тяжести пневмонии (PSI/PORT) при ВП для определения тяжести течения заболевания и принятия решения о необходимости госпитализации.

В исследовании были использованы:

1. Шкала CURB-65 [3] для оценки тяжести ВП и прогнозирования риска летального исхода, основанная на пяти клинико-лабораторных критериях: спутанность сознания, уровень мочевины, частота дыхания, артериальное давление и возраст (анг. Confusion, Urea, Respiratory rate, Blood pressure, Age 65+). Наличие каждого признака дает 1 балл. Клиническое решение о стратегии ведения пациентов может быть принято на основе проведения суммирования баллов (табл. 1). Чем выше балл (от 0 до 5), тем выше риск и тем и определеннее место лечения (амбулаторно или госпитализация, отделение интенсивной терапии).

2. Шкала CRB-65 для оценки тяжести внебольничной пневмонии и выборе тактики ведения [3]. В шкале всего 4 признака (спутанность сознания, частота дыхания, артериальное давление и возраст). Каждому из четырёх клинических признаков соответствует 1 балл. Шкала не требует лабораторных данных и может применяться на догоспитальном этапе (табл. 2).

Таблица 1. Принятие решения по шкале CURB-65

Сумма баллов по оценке CURB-65	Риск 30-дневной летальности	Рекомендация
0	0.60%	Низкий риск; рассмотреть амбулаторное лечение.
1	2.70%	Низкий риск; рассмотреть амбулаторное лечение.
2	6.80%	Непродолжительная госпитализация в стационаре или амбулаторное лечение под тщательным наблюдением
3	14.00%	Тяжелая пневмония; госпитализировать и рассмотреть вопрос о госпитализации в реанимацию
4 или 5	27.80%	Тяжелая пневмония; госпитализировать и рассмотреть вопрос о госпитализации в реанимационное отделение

Таблица 2. Принятие решения по шкале CRB-65

Сумма баллов	Группа риска	Летальность	Рекомендуемая тактика
0	I	1,2 %	Амбулаторное лечение
1-2	II	8,15 %	Наблюдение и оценка состояния в стационаре
3-4	III	31 %	Неотложная госпитализация

3. Предсказывающее правило для определения пациентов с низкой степенью риска при ВП - PSI (prognostic severity index [6, 7] или другое название PORT (Pneumonia Outcomes Research Team). PSI содержит определение 20 клинических и лабораторных параметров (рис., табл. 3). Чем выше общая сумма баллов, тем хуже прогноз заболевания. В зависимости от показателя PSI больных ВП условно разделяют на пять групп риска, от чего зависит выбор места лечения (табл. 4). На втором и третьем этапе на основании проведенных допол-

нительных методов обследования для каждого пациента подсчитывается сумма баллов, позволяющая отнести его к одному из классов риска. Второй этап PSI не был использован в исследовании, т. к. в диагностически отведенное время и из-за недостаточного технического оснащения больниц, где проводилось исследование, не представлялось возможным определить рН крови, насыщение кислородом артериальной крови, Na плазмы, которые входят в обязательный перечень критериев тяжелой ВП.

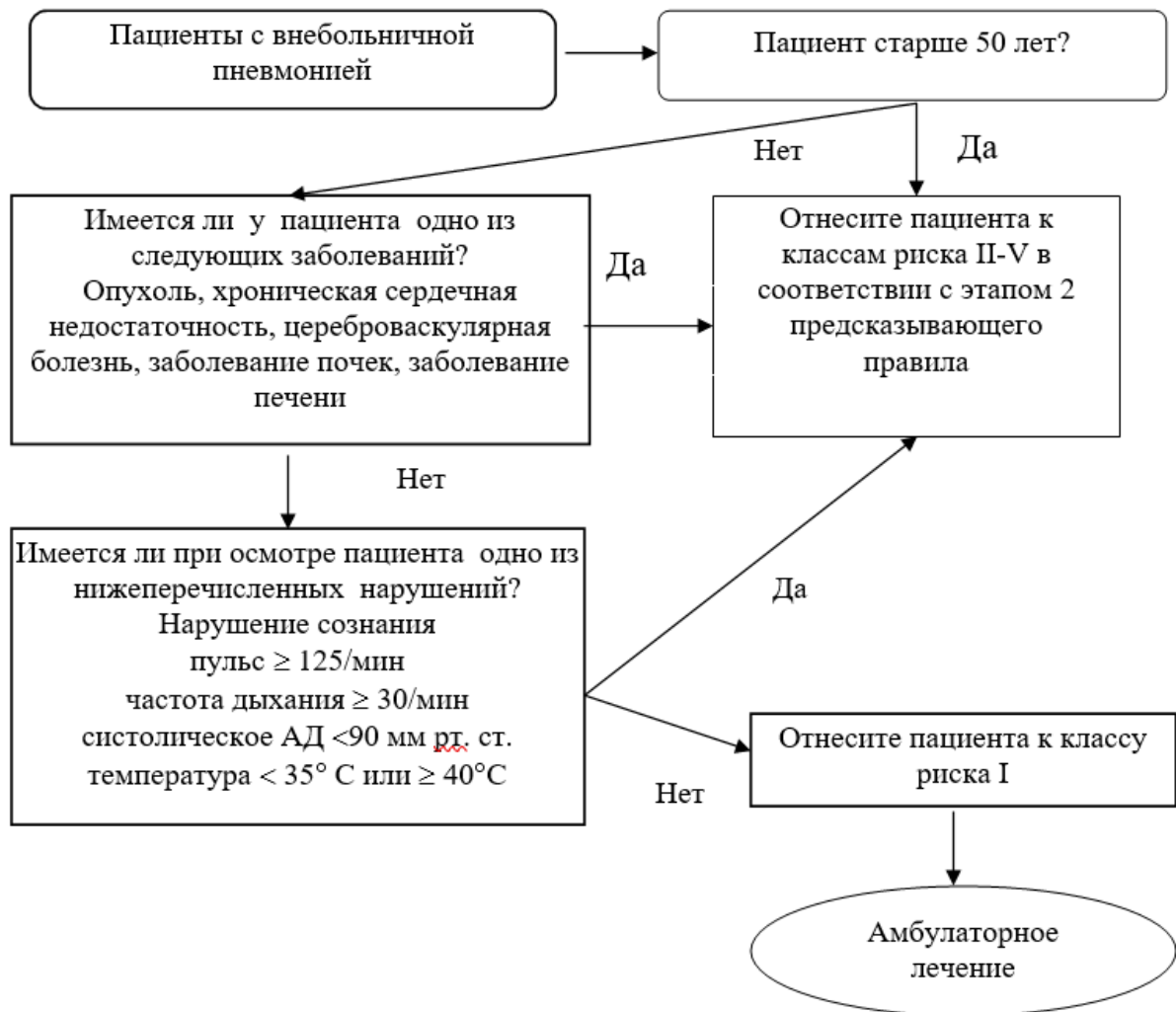

Рис. Алгоритм оценки риска больных с ВП (1-й этап)

Таблица 3. Балльная оценка факторов риска при ВП (2-й этап)

Характеристики	Баллы
1. Демографические факторы	
возраст	мужчины возраст (число лет)
проживание в домах ухода	женщины возраст – 10 +10
2. Сопутствующие заболевания	
опухоли	+30
заболевания печени	+20
застойная сердечная недостаточность	+10
цереброваскулярная болезнь	+10
болезни почек	+10
3. Физикальные признаки	
нарушение сознания	+20
пульс ≥ 125 /мин	+10
частота дыхания ≥ 30 /мин	+20
систолическое АД < 90 мм рт. ст.	+20
температура $< 35^\circ\text{C}$ или $\geq 40^\circ\text{C}$	+15
4. Лабораторные и рентгенологические данные	
pH артериальной крови < 7.35	+30
мочевина крови > 11 ммоль/л	+20
натрий < 130 ммоль/л	+20
глюкоза ≥ 14 ммоль/л	+10
гематокрит $< 30\%$	+10
PaO ₂ < 60 мм рт. ст.	+10
плевральный выпот	+10

Таблица 4. Определение классов риска и клинического профиля больных с ВП в соответствии с PSI. (3-й этап оценки)

Классы риска	Сумма баллов	Летальность, %	Сроки госпитализации (средн., дни)
Класс риска I		0,1 – 0,4	амбулаторно
класс риска II	< 70 баллов	0,6 - 0,7	6
класс риска III	71-90 баллов	0,9 – 2,8	7
класс риска IV	91-130 баллов	8,5 - 9,3	9
класс риска V	> 130 баллов	27 - 31,1	11

Проведен анализ эффективности принятия решений о госпитализации на основе оценки тяжести 634 больных, которые выписаны с диагнозом ВП, подтвержденном рентгенологически и клинически за период с января 2023 г. по декабрь 2024 г. в трех стационарах города (табл. 5.). Продолжительность лечения от 10 до 12,5 дней. Объем исследования составил около 75% от общего числа госпитализированных в течение года больных с диагнозом ВП. Сбор данных осуществлялся по разработанной нами анкете, позволяющей учитывать анамнестические и клинические данные на момент поступления и выписки, временные характеристики процесса принятия решений, используемые лабораторные методы исследования. Оценка параметров проводилась в номинальной и балльной шкалах (CURB-65/CRB-65, PSI.) Исследование было проспективным – данные о каждом

больном получали при обращении в приемное отделение стационара по поводу заболевания. Оценка тяжести пневмонии осуществлялась врачами на основе клинических рекомендаций и собственного клинического опыта [1]. В подавляющем большинстве случаев наличие диагноза пневмонии служило основанием для госпитализации. Параллельно проводилась оценка показаний для госпитализации с использованием анализируемых шкал и индекса тяжести при этом минимизировалось влияние на процесс принятия решения врачами. Каждому больному в приемном отделении выполняли лабораторные исследования, входящие в критерии госпитализации, учитывалась возможность их определения в установленное стандартное диагностическое время – 3 часа. Применение PSI проводили с использованием пошагового алгоритма (рис. 5): если есть хоть один критерий для госпитализации, то при-

нимается решение о госпитализации; отсутствие всех критериев – решение о возможности амбулаторного лечения; шкалы использовали в соответствии с их предписаниями. Все анализируемые шкалы применяли на момент

поступления больных в стационар, в результате по каждому из них получали 2 группы больных: нуждающихся в госпитализации и тех, которые могли бы лечиться как амбулаторные пациенты (АП).

Таблица 5. Контингент больных ВП (n = 634)

1.	Мужчины	65,9%
	Женщины	44,1%
2.	Число лиц, старше 65 лет	78,4%
3.	Обращаемость больных за медицинской помощью:	
	До 3 дней	18,7%
	От 3 до 7 дней	45,6%
	Свыше 7 дней	35,7%
4.	Сопутствующие заболевания:	
	ХОБЛ	23,9%
	Хроническая сердечная недостаточность	9,44%
	Хронические болезни почек	8,33%
	Хронические болезни печени	2,94%
	Сахарный диабет	1,39%
	Алкоголизм или токсикомания	3,78%
5.	Без сопутствующих заболеваний	29,2%
6.	Степень тяжести внебольничной пневмонии (по определению врачей при поступлении):	
	Легкая	31,43%
	Средняя	47,47%
	Тяжелая	21,1%
	Осложненные пневмонии (из общего числа):	
	Плевритом	12,3%
	Абсцедированием	9,5%
Летальность по всему исследованию	2,2%	

После завершения лечения все больные, классифицированные как амбулаторные пациенты (АП), оценивались по критериям пневмонии легкого течения: инфильтрация менее одной доли, легкая степень интоксикации, клинически и рентгенологически при адекватном антимикробном лечении полное выздоровление или наличие минимальных

остаточных явлений, средняя продолжительность лечения $10,25 \pm 1,9$ дня. Положительное прогностическое значение шкал и PSI определялось по формуле:

$$\frac{\text{точно классифицированные как АП} \times 100}{\text{общее число больных, классиф. как АП}}$$

Таблица 6. Применение шкал оценки тяжести и ПП для принятия решения о госпитализации

Шкалы и ПП (общее число больных-634, данные представлены в процентах)	Больные, которые могут лечиться амбулаторно	Больные, нуж-ся в госпитализации	Процент неверных решений	Положит. про-гностич. значение (%)	Кол-во исп-польз. при-знаков	Кол-во дополн. методов обследо-вания
PSI(Предсказывающее правило для определения пациентов с низкой степенью риска при ВП (M.J. Fine. et al.,1997). Этап 1.	36,8	63,2	25,2	74,8	5	
Шкала CURB-65	93,1	6,9	16,2	83,8	4	1
Шкала CRB-65	95,8	4,2	18,8	81,2	3	

В результате применения шкал все больные были разделены на 2 группы: тяжелой ВП с высокой степенью риска смерти и группа пациентов со средним и легким течением заболевания. В этой группе при использовании первого этапа индекса тяжести пневмонии PSI (5 признаков) 36,8% пациентов с ВП могут лечиться амбулаторно, процент ошибочных решений – 25,2% (табл. 6). Анализ причин такого результата нуждается в проведении дополнительных исследований. При использовании оценочных шкал доля пациентов возможного амбулаторного лечения составила для CURB-65 – 93,1%, для CRB-65 – 95,8%. Таким образом, большая часть пациентов, госпитализированных с ВП легкого течения, могла лечиться амбулаторно. В этих группах обращает на себя внимание невысокий процент ошибочных решений (от 16,2 до 18,8%). Полученная точность обусловлена наличием в шкалах преимущественно измеряемых показателей. Шкалы включают минимальный набор критериев (4), определяющихся в кратчайшие сроки и не требующих дорогостоящих дополнительных исследований. Это позволяет использовать их на этапе приемного отделения, решая вопрос о возможности амбулаторного лечения, необходимости госпитализации в общесоматическое отделение или отделение интенсивной терапии. Преимущества этих правил заключаются также в том,

что они оценивают весьма важные прогностические критерии тяжелой пневмонии (симптом острой дыхательной недостаточности: число дыханий > 30 в 1 мин.), признаки сепсиса или септического шока (повышение уровня мочевины крови, спутанность сознания, падение артериального давления, тахикардию), определение которых не вызывает затруднения в тех случаях, когда невозможен сбор анамнеза (измененное сознание, низкий социальный статус, отсутствие достоверной медицинской документации т.д.) или пневмония имеет стертую клиническую картину (пожилые, пациенты с хроническим алкоголизмом и т.д.). Использование оценочных шкал убедительно продемонстрировало, что даже при минимальном количестве признаков можно разделить больных с легкой/среднетяжелой и тяжелой пневмонией.

Заключение. Как показали наши исследования, оценка тяжести заболевания с использованием шкал CURB-65, CRB-65 и индекса PSI/PORT является эффективным инструментом в стратификации пациентов с ВП. Приверженность шкалам в реальной клинической практике позволит достичь значительного экономического эффекта по снижению прямых затрат на лечение, т.к. увеличение количества амбулаторных пациентов приведет к снижению затрат на стационарное лечение.

Библиографический список

1. Клинические рекомендации МЗ РФ «Внебольничная пневмония у взрослых», 2024 г.
2. Адаптировано из официальных данных Федеральной службы государственной статистики (РОССТАТ) от 27.04.2024 № 08-06/1021-ДР. Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Форма 2) 2023 г.
3. Lim W.S., Baudouin S.V., George R.C., et al. British Thoracic Society guidelines for the management of community-acquired pneumonia in adults – update 2009. *Thorax* 2009; 64 (Suppl III): III 1-55
4. Lim W.S., van der Eerden M.M., Laing R., et al. Defining community-acquired pneumonia severity on presentation to hospital: an international derivation and validation study // *Thorax*. 2003; 58(5): 377-382. – URL: <https://doi.org/10.1136/thorax.58.5.377>.
5. Costantini E., Allara E., Patrucco F., et al. Adherence to Guidelines for Hospitalized Community-Acquired Pneumonia Over Time and Its Impact on Health Outcomes and Mortality // *Intern Emerg Med* 2016; 11(7): 929-40.
6. Fine M.J., Smith M.A., Carson C.A., et al. Prognosis and outcome of patients with community-acquired pneumonia: a meta-analysis. *JAMA* 1996; 275: 134-141.
7. Fine M.J., Auble T.E., Yealy D.M., Hanusa B.H., Weissfeld L.A., Singer D.E., Coley C.M., Marrie T.J., Kapoor W.N. A prediction rule to identify low-risk patients with community-acquired pneumonia // *N Engl J Med*. 1997 Jan 23; 336(4): 243-50. DOI: 10.1056/NEJM199701233360402. PMID: 8995086.

ASSESSMENT OF THE SEVERITY AND PROGNOSIS OF COMMUNITY-ACQUIRED PNEUMONIA BY PROGNOSTIC SCALES AND RULE

L.V. Kukol, *Doctor of Medical Sciences, Professor*
E.K. Serezhina, *Candidate of Medical Sciences, Assistant*
Saint Petersburg State University
(Russia, Saint Petersburg)

Abstract. *Community-acquired pneumonia (CAP) is one of the most common diseases and is the fourth leading cause of disability in adults. One of the main objectives of the prehospital phase of CAP is to determine the severity of the disease and the need for hospitalization. An objective assessment of the patient's condition allows to determine the prognosis, location of treatment and the likelihood of death. In this study was analyzed the effectiveness of hospitalization decision-making based on assessment disease severity in 634 patients with CAP using scales CURB-65, CRB-65 and Pneumonia Severity Index (PSI/PORT). It was demonstrated that using the first stage of the PSI (5 features), 36.8% of patients with CAP can be treated as outpatients, with an erroneous decision rate of 25.2%. The proportion of patients eligible for outpatient treatment was 93.1% for the CURB-65 and 95.8% for the CRB-65 when using scales. In these groups, the low percentage of erroneous decisions is noteworthy – from 16.2% to 18.8%. Scales and the pneumonia severity index allow you to achieve significant economic benefits in reducing direct treatment costs for CAP and are the most effective tool in stratifying patients with CAP.*

Keywords: *community-acquired pneumonia; prognosis; severity assessment; CURB-65; CRB-65 scales; Pneumonia Severity Index (PSI/PORT).*

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ОБОНЯТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПОСЛЕ ПЕРЕНЕСЕННОГО COVID-19

З.Н. Ловпаче, канд. мед. наук, доцент

Р.М. Захохов, канд. мед. наук, доцент

Т.И. Алиев, клинический ординатор

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова

(Россия, г. Нальчик)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-36-40

Аннотация. В статье рассматриваются патофизиологические механизмы, методы и диагностики и лечения обонятельной дисфункции у лиц, перенесших COVID-19. Отмечено, что anosmia и hyposmia при COVID-19 могут быть обусловлены поражением обонятельных нейронов, деструкцией поддерживающих клеток обонятельного эпителия или нарушениями в функционировании центральных обонятельных путей. Выявлено, что комбинация МРТ и фМРТ позволяет получить комплексное представление о структурных и функциональных изменениях в мозге, связанных с anosmia при COVID-19. Показано, что обонятельные тренировки, ноотропы, фитохимические антиоксиданты и нейротропные агенты, физиотерапия являются перспективными векторами лечения. Сделан вывод о том, что дальнейшие исследования в этой области помогут разработать эффективные стратегии реабилитации обонятельной функции у пациентов, перенесших COVID-19.

Ключевые слова: COVID-19; обонятельная дисфункция; anosmia; hyposmia.

До момента появления SARS-CoV в 2002 году, когда вирус перешел от животных к человеку, коронавирусы рассматривались как малозначимые возбудители заболеваний у людей. SARS-CoV и SARS-CoV-2 демонстрируют генетическое родство, характеризуясь 72,8% идентичностью последовательностей нуклеиновых кислот. Оба вируса используют ангиотензинпревращающий фермент 2 (ACE2) в качестве рецептора для проникновения в клетки, взаимодействуя с тримерным гликопротеином на поверхности вириона. Однако, несмотря на это структурное сходство, вызываемые ими инфекции различаются по клиническим проявлениям. В отличие от SARS-CoV-2, инфекция SARS-CoV редко приводит к anosmia и преимущественно поражает нижние отделы респираторного тракта. Данный факт подчёркивает фундаментальный принцип вирусологии: несмотря на то, что рецепторы связывания вируса и кофакторы на поверхности клеток-хозяев влияют на инфекционность, патогенез невозможно полностью объяснить лишь на основании экспрессии этих рецепторов [1].

Anosmia, hyposmia и паросмия, возникающие после перенесенной инфекции SARS-CoV-2, являются значимыми клиническими

осложнениями, оказывающими негативное воздействие на благополучие пациентов. Длительная постковидная обонятельная дисфункция (ОД) характеризуется стойкой утратой или снижением обонятельной функции, и часто встречается при заражении SARS-CoV-2, затрагивая, по разным оценкам, 50-75% больных с подтвержденным диагнозом COVID-19 [1]. В подавляющем большинстве случаев восстановление обонятельной функции происходит достаточно оперативно, медианное время восстановления составляет около 10 суток. Тем не менее, приблизительно у 10-20% пациентов с COVID-19, перенесших ОД, данное нарушение может сохраняться на протяжении нескольких месяцев и даже лет после острого периода инфекции. Нарушения обоняния существенно влияют на механизмы развития нейродегенеративных процессов. Потеря обоняния может нарушать взаимодействие с окружающей средой, приводить к снижению аппетита, потере веса и социальной изоляции, что в свою очередь может усугублять когнитивные нарушения и повышать риск развития депрессии [2].

Патогенез нарушений обоняния, ассоциированных с COVID-19, представляет собой сложный и многокомпонентный процесс, де-

тали которого до конца не выяснены. Основные патофизиологические механизмы включают хроническое воспаление в обонятельном тракте, а также потенциальные изменения в нейронных сетях головного мозга. Ключевую роль играет прямое повреждение сенсорных нейроэпителиальных клеток, индуцированное вирусной инфекцией, наряду с воспалительными реакциями, повреждением поддерживающих клеток обонятельного эпителия или дисфункцией центральных обонятельных путей [3].

Белок ангиотензин-превращающий фермент 2 (АПФ2) является ключевым рецептором для проникновения вируса SARS-CoV-2 в клетки. Экспрессия данного фермента обнаружена в различных тканях, включая обонятельную слизистую оболочку, вкусовые рецепторы, эпителиальные клетки ротовой полости и клетки слюнных желез. Инфицирование вирусом SARS-CoV-2 может приводить к уменьшению экспрессии АПФ2, что, в свою очередь, может являться одним из факторов, объясняющих нарушения обоняния (аносмию или гипосмию), вкуса (агевзию или дисгевзию), ощущение жжения во рту (химестезию) и снижение скорости слюноотделения. Допускается, что симптомы могут быть связаны с нарушением функций клеток, экспрессирующих АПФ2, вследствие вирусной инфекции [3].

Нейровизуализационные методы, такие как магнитно-резонансная томография (МРТ) и функциональная магнитно-резонансная томография (фМРТ), используются для исследования неврологических механизмов anosмии у пациентов с COVID-19. Результаты исследований с использованием МРТ указывают на наличие различных отклонений в периферических и центральных отделах обонятельной системы, включая обструкцию обонятельной щели, изменения интенсивности сигнала обонятельной луковицы, атрофию и нейродегенеративные процессы в лимбических структурах, отвечающих за обработку обонятельных стимулов и когнитивные функции, у пациентов с персистирующей обонятельной дисфункцией [4]. Функциональная МРТ с использованием задач при COVID-19-ассоциированной ОД выявила снижение активации орбитофронтальной коры и усиление тригеминосенсорной активности [5].

ФМРТ в состоянии покоя (rs-фМРТ) является перспективным методом исследования функциональной связности (ФС) обонятельной сети, дополняющим данные, полученные с помощью фМРТ с использованием задач, поскольку регионы, вовлечённые в обонятельные задачи, не всегда являются хемосенсорными по своей природе или активируются активным обнюхиванием. У пациентов с постковидной гипосмией наблюдалась повышенная межсетевая связность между обонятельной и пассивными сетями [6]. Анализ rs-фМРТ на основе теории графов становится все более востребованным в топологических исследованиях сложных связей мозга. Графовый анализ rs-фМРТ позволяет количественно охарактеризовать паттерны связей между различными элементами мозга. Результаты исследований с применением графового сетевого анализа rs-фМРТ у пациентов с COVID-19-ассоциированной ОД на ранней стадии восстановления (≤ 3 недель) показали аномалии в ФС передней грушевидной коры [7]. В другом исследовании, при использовании популяционно-специфических пороговых значений, основными затронутыми когнитивными доменами были зрительно-пространственная память и исполнительные функции (17% и 13% пациентов, соответственно). При этом, стандартная МРТ головного мозга не выявила выраженных морфологических отклонений. Отмечалась тенденция к уменьшению объемов латеральной орбитальной коры, гиппокампа и миндалевидного тела, которая не достигала статистической значимости после коррекции на множественные сравнения. Объёмы обонятельных луковиц не различались между пациентами и контрольной группой. Графовый анализ функциональной обонятельной сети выявил изменения глобальных и локальных свойств в группе пациентов с COVID-19 по сравнению с контрольной группой. В частности, наблюдалось снижение коэффициента глобальной модульности, положительно коррелирующее с тяжестью гипосмии, и увеличение показателей степени и силы функциональных связей правого таламуса, обратно коррелирующее с показателями кратковременной вербальной памяти [2].

С другой стороны, в связи с тем, что обонятельные нейроны (ОН) могут отражать процессы, происходящие в головном мозге, в

работе Schirinzi и соавторов был реализован комплексный анализ ОН у пациентов с продолжительной постковидной гипосмией с целью определения признаков вероятной нейродегенерации. Образцы ОН были извлечены посредством неинвазивного метода соскоба с обонятельной слизистой оболочки у группы из десяти человек, страдавших от длительной (более полугода после инфицирования SARS-CoV-2) постковидной гипосмии, и десяти человек контрольной группы, сопоставимых по полу и возрасту. Иммунофлуоресцентное окрашивание (IFA) и ОТ-ПЦР применялись для количественной характеристики белка и определения уровня экспрессии генов с целью анализа ОН-маркеров. Концентрации олигомерного α -синуклеина, β -амилоидного пептида, тау-протеина, нейрофиламентной легкой цепи (NfL), субъединицы 3 цитохромоксидазы С и белка теплового шока 60 (HSP60) оказались сопоставимыми в обеих группах (пациенты и контрольная группа). Полученные данные не выявили признаков синуклеинопатии, нарушений метаболизма β -амилоида или явных индикаторов повреждения нейронов и митохондриальной дисфункции в обонятельной системе на ранней стадии персистирующей постковидной гипосмии. Таким образом, можно предположить, что в начальной фазе постковидной гипосмии обонятельная система демонстрирует преимущественно воспалительные реакции без выраженной нейродегенерации, ассоциированной с протеинопатией. Индивидуальная способность регулировать воспалительный процесс, определяемая активностью про- и противовоспалительных сигнальных путей, может влиять на риск развития будущей нейродегенерации [8].

Эффективность восстановления обоняния после COVID-19 является предметом активных исследований (табл. 1). В некоторых случаях, особенно при длительной anosмии, рассматривают возможность применения топических кортикостероидов для уменьшения воспаления и отека в обонятельной области. Чаще упоминаются обонятельные тренировки с использованием эфирных масел (роза, лимон, эвкалипт, гвоздика), демонстрирующие обнадеживающие результаты. Показано, что систематические обонятельные тренировки стимулируют нейропластичность и способ-

ствуют регенерации обонятельных нейронов [9].

Перспективным направлением является применение витамина А в виде назальных капель, который, согласно некоторым исследованиям, способствует регенерации обонятельного эпителия. Предлагаются методы комплексного лечения пациентов с нарушением обоняния после перенесенной коронавирусной инфекции, представляющий собой сочетание нейропротекторной терапии (с применением ипидакрина гидрохлорида, тиоктовой (α -липоевой) кислоты, омега-3 жирных кислот, поливитаминового комплекса с минералами) и обонятельного тренинга [10].

Нейропсихотропные препараты, известные как ноотропы, в последние годы вызывают повышенный интерес как потенциал для улучшения функционального состояния при обонятельных нарушениях. Системные и интраназальные ноотропы могут способствовать нейропластичности, улучшая когнитивные функции и обонятельную память. Для пациентов с постковидным синдромом и связанными с ним обонятельными расстройствами использование таких веществ, особенности регуляторных пептидов может предложить новые пути лечения. Другим потенциальным ноотропом является церебролизин, исследованный в клинических испытаниях на предмет влияния на нейромодуляцию и улучшение обонятельной функции. Церебролизин оказывал быстрый, многообещающий и стойкий эффект с показателем излечения $> 60\%$, что может быть связано с его способностью инициировать и усиливать регенерацию нейронов и реорганизацию сенсорного эпителия. Кроме того, добавление углеводов в диету, активирующих глицинергические рецепторы, может повысить уровень нейротрофических факторов и улучшить восстановление обонятельных функций [11]. Примечательно, что метаболитный рецептор mGluR2 был обнаружен как механизм интернализации SARS-CoV-2 в клетках центральной нервной системы (ЦНС). N-ацетилцистеин (NAC) и ацетил-L-карнитин (ALC) – две добавки, эффективность которых является многообещающей при постковидной anosмии [12]. Другими авторами показан потенциал фитохимических антиоксидантов и других нейропротекторных агентов (куркумина, кверцетина, витаминов С, Е и D, мела-

тонина, розмариновой кислоты, и производных гинкго билоба) в терапевтических стратегиях нейрорегенерации и ликвидации аносмии у лиц, перенесших COVID-19 [13]. Тем не менее, существуют ограничения в применении ноотропов, и требуют дополнительных исследований и клинических данных для определения их эффективности и безопасности при лечении обонятельных расстройств после COVID-19, а также для понимания механизмов их действия на центральную нервную систему.

Электростимуляция обонятельного нерва представляет собой один из перспективных подходов. Данный метод основан на стимуляции нейронов обонятельного эпителия слабыми электрическими импульсами, что способствует активации и регенерации нервных волокон. Исследования показывают, что регулярная электростимуляция может улучшить обонятельную функцию у пациентов с постковидной аносмией [14].

Таблица 1. Наиболее распространенные методы лечения поствирусной аносмии

Параметры	Вид вмешательства
Обонятельные тренировки	Тренировки с использованием эфирных масел роза, лимон, эвкалипт, гвоздика)
Ноотропы	Регуляторные пептиды, церебролизин
Фитохимические антиоксиданты и нейропротекторные агенты	N-ацетилцистеин (НАС) и ацетил-L-карнитин, куркумина, кверцетин, витамин С, Е и D, мелатонин, розмариновая кислота, производные гинкго билоба, тиоктовая (α -липоевая) кислоты, омега-3 жирных кислоты
Физиотерапия	Электрическая стимуляция

Таким образом, аносмия является важным клиническим проявлением COVID-19, которое требует дальнейшего изучения как в контексте механизма развития, так и терапевтических стратегий. Прогноз восстановления

обоняния после COVID-19, по-видимому, индивидуален и необходим комплексный подход для определения оптимальной стратегии восстановления обонятельной функции и мониторинга прогресса лечения.

Библиографический список

1. Xydakis M.S., Albers M.W., Holbrook E.H., Lyon D.M., Shih R.Y., Frasnelli J.A., Pagenstecher A., Kupke A., Enquist L.W., Perlman S. Post-viral effects of COVID-19 in the olfactory system and their implications // *Lancet Neurol.* 2021 Sep;20(9):753-761. DOI: 10.1016/S1474-4422(21)00182-4.
2. Muccioli L., Sighinolfi G., Mitolo M., Ferri L., Jane Rochat M., Pensato U., Taruffi L., Testa C., Masullo M., Cortelli P., Lodi R., Liguori R., Tonon C., Bisulli F. Cognitive and functional connectivity impairment in post-COVID-19 olfactory dysfunction. *Neuroimage Clin.* 2023;38:103410. DOI: 10.1016/j.nicl.2023.103410.
3. Rogn Å., Jensen J.L., Iversen P.O., Singh P.B. Post-COVID-19 patients suffer from chemosensory, trigeminal, and salivary dysfunctions. *Sci Rep.* 2024 Feb 11;14(1):3455. DOI: 10.1038/s41598-024-53919-y. Erratum in: *Sci Rep.* 2024 Apr 22;14(1):9213. DOI: 10.1038/s41598-024-59915-6.
4. Capelli S., Caroli A., Barletta A., Arrigoni A., Napolitano A., Pezzetti G., Longhi L.G., Zangari R., Lorini F.L., Sessa M., Remuzzi A., Gerevini S. MRI evidence of olfactory system alterations in patients with COVID-19 and neurological symptoms // *J Neurol.* 2023 Mar;270(3):1195-1206. DOI: 10.1007/s00415-023-11561-0.
5. Yildirim D., Kandemirli S.G., Tekcan Sanli D.E., Akinci O., Altundag A. A Comparative Olfactory MRI, DTI and fMRI Study of COVID-19 Related Anosmia and Post Viral Olfactory Dysfunction // *Acad Radiol.* 2022 Jan;29(1):31-41. DOI: 10.1016/j.acra.2021.10.019.
6. Zhang H., Chung T.W., Wong F.K., Hung I.F., Mak H.K. Changes in the Intranetwork and Internetwork Connectivity of the Default Mode Network and Olfactory Network in Patients with COVID-19 and Olfactory Dysfunction // *Brain Sci.* 2022 Apr 18;12(4):511. DOI: 10.3390/brainsci12040511.
7. Esposito F., Cirillo M., De Micco R., Caiazzo G., Siciliano M., Russo A.G., Monari C., Coppola N., Tedeschi G., Tessitore A. Olfactory loss and brain connectivity after COVID-19 // *Hum Brain Mapp.* 2022 Apr 1;43(5):1548-1560. DOI: 10.1002/hbm.25741.

8. Schirinzi T., Maftai D., Maurizi R., Albanese M., Simonetta C., Bovenzi R., Bissacco J., Mascioli D., Boffa L., Di Certo M.G., Gabanella F., Francavilla B., Di Girolamo S., Mercuri N.B., Passali F.M., Lattanzi R., Severini C. Post-COVID-19 Hyposmia Does Not Exhibit Main Neurodegeneration Markers in the Olfactory Pathway // *Mol Neurobiol.* 2024 Nov;61(11):8921-8927. DOI: 10.1007/s12035-024-04157-w.

9. Добрецов К.Г., Петрова Е.А., Панина А.А., Юсков Д.С. Комплексная реабилитация обоняния после COVID-19 // *Российская ринология.* – 2023. – № 31 (2). – С. 113-117.

10. Малец Е.Л. Лечение пациентов с нарушением обоняния после перенесенной коронавирусной инфекции covid-19 // *Медицинские новости.* – 2021. – № 3 (318). – С. 71-74.

11. Hamed S.A., Ahmed M.A.A. The effectiveness of cerebrolysin, a multi-modal neurotrophic factor, for treatment of post-covid-19 persistent olfactory, gustatory and trigeminal chemosensory dysfunctions: a randomized clinical trial // *Expert Rev Clin Pharmacol.* 2023 Jul-Dec; 16(12): 1261-1276. DOI: 10.1080/17512433.2023.2282715.

12. Barlattani T., Celenza G., Cavatassi A., Minutillo F., Socci V., Pinci C., Santini R., Pacitti F. Neuropsychiatric Manifestations of COVID-19 Disease and Post COVID Syndrome: The Role of N-acetylcysteine and Acetyl-L-carnitine // *Curr Neuropharmacol.* 2025; 23(6): 686-704. DOI: 10.2174/011570159X343115241030094848.

13. Akanchise T., Angelova A. Potential of Nano-Antioxidants and Nanomedicine for Recovery from Neurological Disorders Linked to Long COVID Syndrome // *Antioxidants (Basel).* 2023 Feb 6; 12(2): 393. DOI: 10.3390/antiox12020393.

14. Maselli F., Storari L., Mourad F., Barbari V., Signorini M., Signorelli F. Headache, Loss of Smell, and Visual Disturbances: Symptoms of SARS-CoV-2 Infection? // *A Case Report. Phys Ther.* 2023 Apr 4; 103(4): pzad017. DOI: 10.1093/ptj/pzad017.

RESTORATION OF OLFORAL FUNCTION AFTER COVID-19

Z.N. Lovpache, *Candidate of Medical Sciences, Associate Professor*

R.M. Zakhokhov, *Candidate of Medical Sciences, Associate Professor*

T.I. Aliev, *Clinical Resident*

Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov

(Russia, Nalchik)

Abstract. *This article examines the pathophysiological mechanisms, diagnostic methods, and treatment of olfactory dysfunction in individuals who have recovered from COVID-19. It is noted that anosmia and hyposmia in COVID-19 may be caused by damage to olfactory neurons, destruction of supporting cells of the olfactory epithelium, or dysfunction of the central olfactory pathways. A combination of MRI and fMRI provides a comprehensive understanding of the structural and functional changes in the brain associated with anosmia in COVID-19. Olfactory training, nootropics, phytochemical antioxidants, neuroprotective agents, and physical therapy are promising treatment options. It is concluded that further research in this area will help develop effective strategies for the rehabilitation of olfactory function in patients who have recovered from COVID-19.*

Keywords: *COVID-19; olfactory dysfunction; anosmia; hyposmia.*

ИССЛЕДОВАНИЕ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ВЫБОР АНТИГИПЕРТЕНЗИВНЫХ ПРЕПАРАТОВ ВРАЧАМИ И ПАЦИЕНТАМИ

А.Т. Полотов, преподаватель, аспирант
Ошский государственный университет
(Кыргызстан, г. Ош)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-41-46

Аннотация. В статье представлены результаты исследования факторов, влияющих на выбор антигипертензивных препаратов врачами и пациентами в Кыргызской Республике. Проведено анкетирование врачей и пациентов с целью оценки значимости клинических, экономических и поведенческих критериев при назначении и применении терапии. Выявлено, что врачи ориентируются преимущественно на эффективность и безопасность препаратов, тогда как пациенты придают большее значение стоимости, удобству приёма и переносимости. Полученные данные позволяют объяснить различия в приверженности терапии и могут быть использованы для оптимизации клинической практики и повышения эффективности лечения артериальной гипертензии.

Ключевые слова: артериальная гипертензия; антигипертензивные препараты; выбор лекарственной терапии; приверженность лечению; факторы выбора; клинические рекомендации; пациенто-ориентированный подход.

Артериальная гипертензия относится к числу наиболее распространённых хронических неинфекционных заболеваний и представляет собой одну из ведущих медико-социальных проблем современного здравоохранения. Высокая распространённость данного заболевания, его прогрессирующее течение и тесная связь с развитием сердечно-сосудистых осложнений, включая ишемическую болезнь сердца, инсульт и хроническую сердечную недостаточность, обуславливают значительный вклад АГ в структуру общей и преждевременной смертности населения. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, в настоящее время более 1,2 млрд человек в мире страдают повышенным артериальным давлением, при этом уровень своевременной диагностики, адекватного лечения и достижения целевых показателей артериального давления остаётся неудовлетворительным даже в странах с высокоразвитой системой здравоохранения.

Несмотря на наличие широкого спектра антигипертензивных лекарственных средств и разработанных международных клинических рекомендаций, эффективность лечения артериальной гипертензии в реальной клинической практике определяется не только фармакологическими и клиническими характеристиками применяемых препаратов. Суще-

ственную роль играют особенности процесса выбора антигипертензивной терапии, осуществляемого врачами и пациентами. Принятие решения о назначении конкретного лекарственного средства представляет собой сложный многофакторный процесс, формирующийся под влиянием совокупности медицинских, социально-экономических, поведенческих и маркетинговых факторов. Учет данных факторов является необходимым условием для повышения приверженности пациентов лечению, оптимизации терапевтических стратегий и, как следствие, улучшения клинических исходов при артериальной гипертензии [1].

Международные клинические рекомендации, разработанные ведущими профессиональными сообществами, такими как Европейское общество кардиологов и Европейское общество по изучению гипертензии (ESC/ESH), Американская коллегия кардиологов и Американская ассоциация сердца (ACC/AHA), а также Национальный институт здравоохранения и клинического совершенствования Великобритании (NICE), подчёркивают приоритет индивидуализированного подхода к ведению пациентов с артериальной гипертензией. В данных документах акцентируется необходимость учета клинических характеристик пациента, наличия сопутствующей

щих заболеваний, уровня сердечно-сосудистого риска, а также потенциальных преимуществ и ограничений различных классов антигипертензивных препаратов [5].

Вместе с тем результаты ряда зарубежных исследований свидетельствуют о наличии существенного разрыва между рекомендациями и реальной клинической практикой. Установлено, что фактический выбор антигипертензивной терапии нередко отклоняется от рекомендованных алгоритмов, что может быть обусловлено как объективными ограничениями системы здравоохранения, так и субъективными факторами, связанными с профессиональным опытом и предпочтениями врача. Аналогичные выводы получены в исследованиях, проведённых в странах Европейского союза и Соединённых Штатах Америки, где показано, что принятие решений о назначении антигипертензивных препаратов осуществляется в условиях множественности влияющих факторов, выходящих за рамки сугубо клинических показаний.

Так, помимо оценки клинического состояния пациента и ожидаемой эффективности терапии, врачи в значительной степени учитывают доступность лекарственного средства на фармацевтическом рынке, его стоимость, наличие воспроизведённых препаратов (дженериков), а также собственный накопленный клинический опыт применения определённых фармакологических групп. Существенное влияние на предпочтения врачей оказывает и фармацевтический маркетинг, включающий деятельность медицинских представителей, участие в научно-образовательных мероприятиях, а также степень узнаваемости и репутации бренда лекарственного препарата.

На основании анализа международной научной литературы можно выделить несколько ключевых групп факторов, определяющих выбор антигипертензивных препаратов врачами.

К числу клинических факторов относятся ожидаемая эффективность препарата в снижении уровня артериального давления и достижении целевых значений, профиль безопасности и переносимости, риск развития нежелательных лекарственных реакций, а также наличие у пациента сопутствующих заболеваний, требующих комплексного терапевтического подхода. Немаловажное значе-

ние имеет соответствие назначаемой терапии действующим клиническим рекомендациям и доказательной базе, подтверждающей эффективность конкретных фармакологических классов [2].

Профессиональные и поведенческие факторы включают уровень профессиональной подготовки врача, его специализацию и стаж клинической практики, а также сформировавшиеся клинические привычки и алгоритмы принятия решений. Исследования показывают, что врачи склонны отдавать предпочтение тем препаратам и фармакологическим группам, с которыми они имеют положительный опыт применения и высокий уровень доверия, даже при наличии альтернативных вариантов лечения.

Отдельную группу составляют маркетинговые факторы, влияние которых на процесс назначения лекарственных средств подтверждено рядом международных исследований. В работах Hollon и соавт., а также Wazana продемонстрировано, что взаимодействие врачей с медицинскими представителями фармацевтических компаний, участие в спонсируемых образовательных программах и высокая степень брендовой узнаваемости лекарственных средств способны существенно формировать предпочтения специалистов, особенно при выборе оригинальных антигипертензивных препаратов. Данные факторы могут оказывать как прямое, так и опосредованное влияние на клинические решения, что подчёркивает необходимость критической оценки информации и соблюдения принципов доказательной медицины.

В отличие от врачей, для которых приоритетное значение имеют клиническая эффективность и соответствие терапевтических решений действующим рекомендациям, пациенты при выборе антигипертензивных препаратов в большей степени ориентируются на субъективно значимые и социально-экономические параметры. Зарубежные социологические и фармакоэкономические исследования свидетельствуют о том, что клинические характеристики лекарственных средств, такие как фармакодинамика и фармакокинетика, зачастую остаются для пациентов вторичными по сравнению с факторами, непосредственно влияющими на повседневный опыт лечения [3].

Одним из ключевых факторов выбора является стоимость лекарственного препарата и возможность его длительного применения. Согласно данным международных исследований, до 30-40% пациентов с артериальной гипертензией в странах с частичным или отсутствующим лекарственным возмещением указывают финансовые причины как основную причину нерегулярного приёма антигипертензивных средств. Даже в экономически развитых странах установлено, что повышение стоимости терапии приводит к статистически значимому снижению приверженности лечению, особенно у пациентов пожилого возраста и лиц с хроническими сопутствующими заболеваниями.

Существенное значение для пациентов имеет удобство режима приёма препарата, в частности кратность дозирования. Результаты многоцентровых исследований демонстрируют, что переход от многократного приёма антигипертензивных средств к однократному суточному приёму сопровождается увеличением приверженности терапии в среднем на 15-25%. Удобство применения рассматривается пациентами как важный элемент интеграции лечения в повседневную жизнь, особенно при необходимости пожизненной терапии.

Не менее значимым фактором является наличие и выраженность побочных эффектов, которые пациенты часто воспринимают как основной индикатор «неподходящего» препарата. Согласно данным опросов, проведённых в США и странах Европы, до 20-30% пациентов самостоятельно прекращают приём антигипертензивных препаратов в первые месяцы лечения из-за субъективно неприемлемых нежелательных реакций, даже при отсутствии серьёзных клинических осложнений. Это подчёркивает важность оценки переносимости терапии с позиции пациента, а не исключительно с точки зрения клинической безопасности [4].

Значительную роль в формировании предпочтений пациентов играют рекомендации врача и фармацевтического работника. Международные исследования показывают, что уровень доверия пациента к лечащему врачу напрямую коррелирует с готовностью следовать назначенной терапии. При этом фармацевты в условиях розничного отпуска лекар-

ственных средств также оказывают влияние на выбор конкретного препарата, особенно при наличии нескольких терапевтически эквивалентных альтернатив.

Дополнительным фактором является доверие к бренду лекарственного средства и стране-производителю. Социологические исследования, проведённые в Японии и странах Северной Европы, демонстрируют, что значительная часть пациентов ассоциирует происхождение препарата с его качеством и безопасностью, что влияет на предпочтения между оригинальными и воспроизведёнными лекарственными средствами. В ряде случаев данное восприятие сохраняется даже при наличии информации о терапевтической эквивалентности дженериков.

Результаты исследований, проведённых в Канаде, Японии и странах Скандинавии, подтверждают, что приверженность антигипертензивной терапии находится в прямой зависимости от степени соответствия выбранного препарата ожиданиям и предпочтениям пациента. Установлено, что пациенты, чьи субъективные ожидания учитывались при выборе терапии, демонстрируют более высокую частоту регулярного приёма лекарственных средств и лучшие показатели контроля артериального давления в долгосрочной перспективе.

Анализ международных научных публикаций позволяет выявить системную проблему недостаточной согласованности между приоритетами врачей и пациентов в процессе выбора антигипертензивных препаратов. В то время как врачи преимущественно ориентируются на клиническую эффективность и доказательную базу, пациенты придают большее значение экономическим, поведенческим и субъективным характеристикам терапии. Данное расхождение приводит к снижению приверженности лечению, преждевременному прекращению приёма препаратов и, как следствие, к недостаточному контролю артериальной гипертензии на популяционном уровне.

Вместе с тем анализ литературы показывает, что комплексные исследования, одновременно учитывающие позиции врачей и пациентов как равнозначных участников процесса принятия терапевтических решений, остаются ограниченными. Недостаточная интеграция

медицинских и поведенческих аспектов выбора антигипертензивной терапии обуславливает необходимость проведения многофакторных исследований, направленных на выявление точек согласования интересов сторон, что определяет актуальность и научную значимость настоящего исследования [6].

Для наглядного обобщения выявленных различий в приоритетах врачей и пациентов при выборе антигипертензивных препаратов представлено схематическое изображение,

отражающее ключевые группы факторов, оказывающих влияние на процесс принятия терапевтических решений. Данная схема позволяет визуализировать степень расхождения клинических и субъективных критериев выбора и подчёркивает необходимость их комплексного учета в целях повышения приверженности антигипертензивной терапии и эффективности лечения артериальной гипертензии.

Рис. 1. Сравнительная характеристика приоритетов врачей и пациентов при выборе антигипертензивных препаратов

Представленные на рисунке 1 различия в приоритетах врачей и пациентов стали отправной точкой для проведения комплексного исследования факторов, влияющих на процесс выбора антигипертензивной терапии. В рамках выполненного исследования была осуществлена количественная оценка клинических и немедицинских критериев, определяющих решения врачей и предпочтения пациентов, а также проанализированы механизмы их взаимодействия и влияние на приверженность лечению.

Исследование было проведено в Кыргызской Республике в 2024 году на базе амбулаторных медицинских организаций. В исследовании приняли участие врачи терапевтического и кардиологического профиля, а также

пациенты с установленным диагнозом артериальной гипертензии, получающие медикаментозную терапию.

В качестве основного метода использовалось структурированное анкетирование. Для врачей и пациентов были разработаны отдельные анкеты, включающие закрытые и полужакрытые вопросы. Врачам предлагалось оценить значимость различных факторов при выборе антигипертензивных препаратов, включая клиническую эффективность, профиль безопасности, соответствие клиническим рекомендациям, стоимость препарата, наличие дженериков, а также влияние профессионального опыта и информации, получаемой в ходе образовательных мероприятий.

Анкета для пациентов содержала вопросы, направленные на выявление факторов, определяющих выбор и регулярность приёма антигипертензивных препаратов. В частности, респондентам предлагалось указать, какие критерии являются для них наиболее важными при выборе лекарственного средства (стоимость, удобство приёма, побочные эффекты, рекомендации врача, доверие к бренду), а также причины возможных пропусков приёма или самостоятельной смены препарата.

Оценка значимости факторов осуществлялась с использованием шкалы Лайкерта. Полученные данные обрабатывались методами описательной статистики и сравнительного анализа.

По данным анкетирования врачей, ведущим фактором при выборе антигипертензивных препаратов была признана клиническая эффективность лекарственного средства – данный критерий отметили 82,4% респондентов. Профиль безопасности и переносимости терапии как значимый фактор указали 74,6% врачей. Соответствие национальным и международным клиническим рекомендациям рассматривалось как приоритетное 69,8% опрошенных.

В то же время немедицинские факторы также оказывали заметное влияние на процесс назначения терапии. Так, стоимость препарата как значимый критерий выбора отметили 46,3% врачей, а наличие доступных дженериков – 41,7% респондентов. Влияние собственного клинического опыта и сформировавшихся профессиональных предпочтений указали 58,9% врачей, что свидетельствует о сохранении элементов эмпирического подхода при назначении антигипертензивных препаратов.

Анализ ответов пациентов показал иную иерархию факторов. Наиболее значимым критерием выбора антигипертензивной терапии оказалась стоимость лекарственного препарата, которую указали 72,1% респондентов. Удобство режима приёма, в частности возможность однократного суточного применения, было важным для 64,5% пациентов. Наличие или выраженность побочных эффектов как фактор, влияющий на продолжение терапии, отметили 59,3% опрошенных.

Рекомендации лечащего врача сохраняли высокую значимость для пациентов и были отмечены 68,7% респондентов, однако при

этом 37,6% пациентов указали, что в случае финансовых затруднений они склонны самостоятельно изменять схему лечения или заменять препарат на более доступный аналог. Доверие к бренду и стране-производителю лекарственного средства оказало влияние на выбор терапии у 42,8% пациентов [7].

Сопоставительный анализ полученных данных выявил выраженное расхождение между приоритетами врачей и пациентов. Так, клиническая эффективность рассматривалась врачами как ключевой критерий более чем в 80% случаев, тогда как среди пациентов данный фактор оказался значимым лишь для 34,2% респондентов. Напротив, экономические параметры терапии имели первостепенное значение для большинства пациентов, но учитывались менее чем половиной врачей при принятии решений о назначении антигипертензивных препаратов.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что недостаточный учет экономических и поведенческих факторов при назначении терапии может способствовать снижению приверженности лечению и негативно отражаться на эффективности контроля артериального давления.

Проведённое исследование факторов выбора антигипертензивных препаратов показало, что процесс назначения и применения терапии носит многофакторный характер и определяется различными приоритетами врачей и пациентов. Врачи ориентируются преимущественно на клиническую эффективность, безопасность и соответствие рекомендациям, тогда как пациенты придают ключевое значение экономическим, поведенческим и субъективно значимым критериям, таким как стоимость препарата, удобство режима приёма и переносимость терапии.

Выявленные различия в приоритетах объясняют снижение приверженности терапии у части пациентов и недостаточный контроль артериального давления, несмотря на наличие современных лекарственных средств и клинических рекомендаций. Результаты исследования подчеркивают необходимость интеграции немедицинских факторов в клиническую практику: учет экономических и поведенческих особенностей пациента при выборе терапии может способствовать повышению

комплаентности, улучшению контроля АД и повышению общей эффективности лечения.

Таким образом, полученные данные имеют не только научное, но и практическое значение, позволяя совершенствовать подходы к

назначению антигипертензивной терапии, разрабатывать ориентированные на пациента стратегии ведения АД и оптимизировать фармацевтический рынок лекарственных средств.

Библиографический список

1. Мачильская О.В. Факторы, определяющие приверженность к лечению больных артериальной гипертензией (обзор литературы) // Кардиология и сердечно-сосудистая хирургия. – 2016. – Т. 9, № 3. – С. 55-65. – DOI: 10.17116/kardio20169355-65.
2. Приверженность к терапии пациентов с артериальной гипертензией (обзорная статья) / Д.М. Мухтарханова, С.Ф. Беркинбаев, Г.А. Джунусбекова, М.К. Тундыбаева // Фармация Казахстана. – 2023. – № 5. – С. 131-141. – DOI 10.53511/pharmkaz.2023.10.19.017. – EDN OWVYFL.
3. Мусина А.Е., Тулеутаева Р.Е. Факторы, влияющие на приверженность к антигипертензивной терапии у пациентов с артериальной гипертензией в Восточном Казахстане. – Семей: Государственный медицинский университет, 2017. – 112 с.
4. Pruijm M.T. Приверженность пациентов лечению и выбор антигипертензивной терапии: фокус на лерканидипин / M.T. Pruijm, M.P. Maillard, M. Burnier // Consilium Medicum. – 2009. – Т. 11, № 10. – С. 19-25. – EDN RAFNTP.
5. Danaei G., Finucane M.M., Lin J.K. et al. Control of hypertension with medication: a comparative analysis of national surveys in 20 countries // J Hypertens. – 2014. – Vol. 32, № 3. – P. 547-556. – DOI: 10.1097/HJH.000000000000058.
6. Assessment of treatment adherence in patients with arterial hypertension / A. Markabayeva, A. Kerimkulova, S. Kuat [et al.] // Astana Medical Journal. – 2025. – № 4 (125). – P. amj003. – DOI 10.54500/2790-1203-2025-4-125-amj003. – EDN NGRJVI.
7. Нанаева М.Т. Фармакоэпидемиология антигипертензивных средств в Кыргызской Республике / М.Т. Нанаева, А.З. Зурдинов, А.Д. Урманбетова // Вестник Кыргызской государственной медицинской академии имени И.К. Ахунбаева. – 2012. – № 4. – С. 54-59. – EDN PKYGNV.

INVESTIGATION OF FACTORS INFLUENCING THE CHOICE OF ANTIHYPERTENSIVE DRUGS BY DOCTORS AND PATIENTS

A.T. Polotov, *Lecturer, Postgraduate Student*
Osh State University
(Kyrgyzstan, Osh)

Abstract. *The article presents the results of a study of the factors influencing the choice of antihypertensive drugs by doctors and patients in the Kyrgyz Republic. A survey of doctors and patients was conducted to assess the importance of clinical, economic and behavioral criteria in the appointment and use of therapy. It has been revealed that doctors focus primarily on the effectiveness and safety of drugs, while patients attach greater importance to cost, ease of use and tolerability. The data obtained make it possible to explain differences in treatment adherence and can be used to optimize clinical practice and improve the effectiveness of hypertension treatment.*

Keywords: *arterial hypertension; antihypertensive drugs; choice of drug therapy; treatment adherence; selection factors; clinical recommendations; patient-oriented approach.*

СИСТЕМНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СТРУКТУРАМИ СЕЛЕЗЕНКИ, ПОКАЗАТЕЛЯМИ ПЕРЕКИСНОГО ОКИСЛЕНИЯ ЛИПИДОВ И ПОВЕДЕНЧЕСКИМИ РЕАКЦИЯМИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ЖИВОТНЫХ ПРИ ВОЗДЕЙСТВИИ ОСТРОГО КОМБИНИРОВАННОГО СТРЕССА КОРОТКОЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ

Е.Р. Эрастов, д-р мед. наук, доцент

В.А. Мордвинов, студент

Приволжский исследовательский медицинский университет
(Россия, г. Нижний Новгород)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-47-51

***Аннотация.** Изучали системные взаимодействия между структурными компонентами селезенки, показателями перекисного окисления липидов и поведенческими реакциями интактных и экспериментальных мышей при формировании острого комбинированного стресса короткой продолжительности. Полученные данные позволяют предположить, что острый комбинированный стресс приводит в первую очередь не к изменению отдельных параметров, а к нарушению системной организации, существенным моментом которой является оксидативное повреждение клеточных мембран.*

***Ключевые слова:** острый комбинированный стресс; структура селезенки; поведенческие реакции; перекисное окисление липидов.*

Селезенка представляет собой самый крупный с анатомической точки зрения периферический орган иммунной системы, выполняющий в то же время еще и множество других функций. Мощный контроль за лимфопозом, миграцией воспалительных иммунных клеток, регуляция клеточных и белковых компонентов иммунитета обуславливает роль этого органа как у здорового, так и у больного человека [1].

В настоящее время существует множество работ, посвященных изучению морфофункциональной перестройки селезенки после иммобилизационного стресса [2, 3], иммуностимуляции [4], воздействия формальдегида [5], алкоголя [6], моделирования экспериментального канцерогенеза [7], физических нагрузок [8], иммунодепрессии [9], радиационного воздействия [10]. Однако в настоящее время очень мало работ, в которых структурная перестройка этого органа рассматривалась бы в системной связи с биохимическими и физиологическими параметрами.

Цель настоящего исследования заключалась в изучении системных взаимоотношений между структурой селезенки, показателями перекисного окисления липидов (ПОЛ) и поведенческими реакциями экспериментальных мышей при формировании острого комбини-

рованного стресса (ОКС) короткой продолжительности.

Материал и методы исследования. 20 нелинейных мышей-самцов, средний вес которых колебался от 25 до 30 г, находящихся в стандартных условиях вивария и имеющих постоянный доступ к воде и пище, были разделены на две равные группы по 10 животных интактную и экспериментальную. ОКС моделировали одновременным воздействием трех факторов в течение двух часов: иммобилизации в индивидуальных перфорированных контейнерах, шума (120 дБ в течение первого часа) и яркого света (60 Вт, в течение второго часа). Известно, что иммобилизация представляет собой одну из самых показательных моделей стресса у грызунов, поскольку способствует мощному выделению катехоламинов, что в свою очередь может привести к патологическим изменениям в органах иммунной системы, в частности, в селезенке [11].

До и после стресса проводили тесты «Открытое поле» (ОП) и «Принудительное плавание» (ПП) по 5 мин каждый. Регистрировали временные и количественные параметры. Для анализа использовали абсолютные изменения показателей (Δ) между тестированиями «после» и «до». Ключевыми анализируемыми параметрами стали: Δt_{ps} (изменение времени

пассивного плавания) и Δt_a (изменение времени в центре ОП). В результате стресса одна мышь погибла.

После заливки в целлоидин-парафин, изготовления срезов на санном микротоме толщиной в 5 мкм и окраски гематоксилин-эозином в программе ImageJ измеряли общую площадь среза (St), площади красной (Srp) и белой пульпы (Swp), а также паренхиматозной (Prp) и стромальной (Pwp) зон в красной пульпе. Рассчитывали относительные показатели: Swp/St, Srp/St, Prp/Pwp.

В плазме крови спектрофотометрически определяли продукты перекисного окисления липидов (ПОЛ) по методу Волчегорского [12]: диеновые (ДК) и триеновые (ТК) конъюгаты, основания Шиффа (ОШ). Рассчитывали коэффициент липопероксидации (ОШ/(ДК+ТК)).

Из-за отклонения данных от нормального распределения (критерий Шапиро-Уилка) использовали непараметрические методы. Для

сравнения групп U-критерий Манна-Уитни. Для оценки связей коэффициент ранговой корреляции Спирмена (ρ). Для контроля множественных сравнений применяли поправку Бенджамини-Хохберга (FDR, $q < 0.05$ считали значимым). Для сравнения коэффициентов корреляции между группами использовали Z-тест Фишера. Анализ проводили в Python 3.9 с библиотеками SciPy и StatsModels.

Исследование проводили на основании Директивы Европейского Сообщества 86 – 609 от 24 ноября 1986 г.

Результаты исследования и их обсуждение. Статистический анализ с использованием U-критерия Манна-Уитни не выявил статистически значимых различий между группой интактной и экспериментальной группами ни по одному из морфометрических показателей (все $p > 0,1$; табл. 1). Относительная площадь белой пульпы (Swp/St) в экспериментальной группе ($0,32 \pm 0,09$) была численно выше, чем в интактной ($0,27 \pm 0,05$) при $p = 0,10$.

Таблица 1. Морфометрические параметры селезенки у интактных и экспериментальных животных

Параметр	Интактные	ОКС	p-значение
St (x106 мкм2)	3, 4±1,1	3,7±0,9	0,398
Swp/St	0,27±0,05	0,32±0,09	0,101
Srp/St	0,73±0,05	0,66±0,09	0,101
Prp/Pwp	0,61±0,15	0,62±0,09	0,696

Для оценки глубины окислительного стресса, обусловленного экспериментом, проведен биохимический анализ продуктов перекисного окисления липидов (ПОЛ) в плазме крови, как первичных (диеновые конъюгаты, ДК) так и конечных (основания Шиффа, ОШ). Мыши экспериментальной группы показали

статистически значимое ($p < 0,05$) отличие от интактных по всем пунктам (табл. 2). Наибольший относительный прирост был зафиксирован для конечных продуктов ПОЛ – оснований Шиффа (+46,8%). Похожую динамику выявили и авторы предыдущих исследований [13].

Таблица 2. Концентрация продуктов перекисного окисления липидов в крови у интактных и экспериментальных животных

Продукт ПОЛ	Интактные	ОКС	p-значение
ДК (усл. ед.)	1,23±0,04	1,73±0,26	<0,05
ТК (усл. ед.)	1,12±0,03	1,35±0,11	<0,05
ОШ (усл. ед.)	509,07±22,15	747,45±43,28	<0,05
Коэффициент липопероксидации (ОШ/(ДК+ТК))	216,62±16,50	242,67±19,80	>0,05

Для оценки взаимосвязей между структурными показателями селезенки и поведенческой пластичностью был проведен корреля-

ционный анализ Спирмена с поправкой Бенджамини-Хохберга (FDR) для 5 априорно выбранных гипотез (табл. 3).

Таблица 3. Корреляции между структурными показателями селезенки и поведенческими реакциями мышей

Путь связи	Группа	n	ρ	p-значение	q (FDR)
Prp/Pwp \rightarrow Δ tps	Интактные	10	0,891	0,0005	0,005
	ОКС	9	0,357	0,385	0,643
Prp/Pwp \rightarrow Δ tas	Интактные	10	0,709	0,022	0,108
	ОКС	9	-0,310	0,456	0,643
Swp/St \rightarrow Δ ta	Интактные	10	0,200	0,580	0,643
	ОКС	9	0,714	0,047	0,155
Swp/Srp \rightarrow Δ tps	Интактные	10	0,261	0,471	0,643
	ОКС	9	-0,238	0,572	0,643

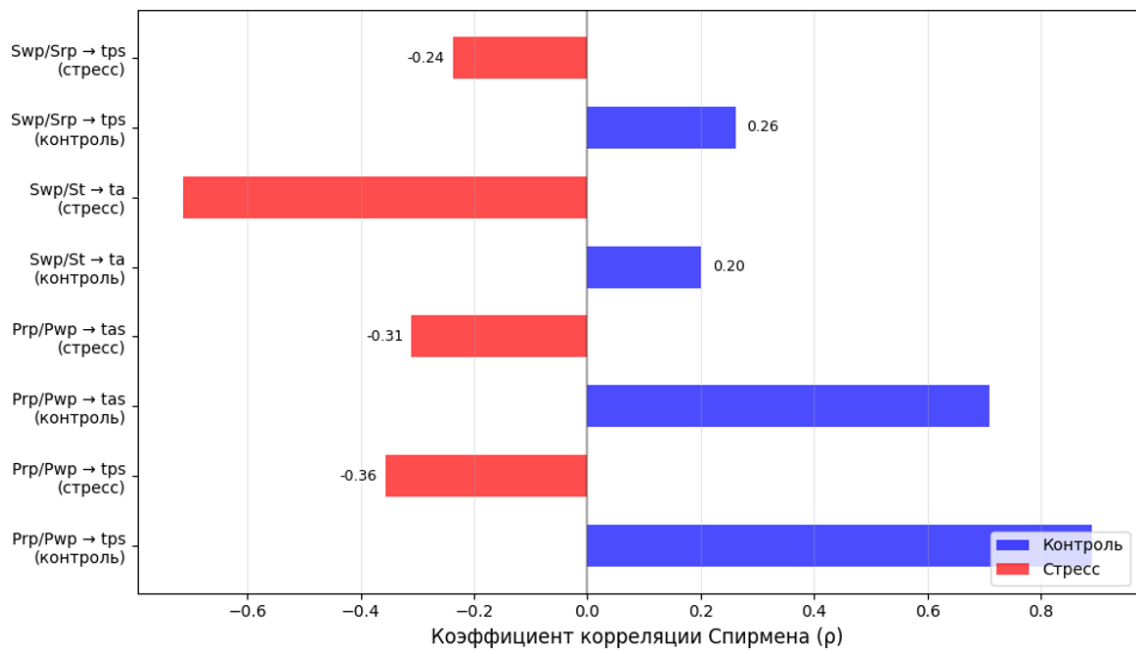

Рис. 1. Сравнение корреляционных связей между группами

Для большей наглядности мы попытались отразить количественные данные корреляционного анализа в отдельном рисунке, чтобы наглядно продемонстрировать как положительные, так и отрицательные связи (рис. 1).

Сравнение коэффициентов корреляции между группами с использованием Z-теста Фишера выявило статистически значимые

различия для связей Prp/Pwp \rightarrow Δ tps ($Z = 3,074$, $p = 0,0021$) и Prp/Pwp \rightarrow Δ tas ($Z = 2,059$, $p = 0,0395$) (табл. 4). Для связи Swp/St \rightarrow Δ ta различие не достигло порога статистической значимости ($p = 0,0606$). Различия для связи Swp/Srp \rightarrow Δ tps были статистически незначимы ($p = 0,3842$).

Таблица 4. Результаты Z-тестов полученных данных

Путь связи	ρ_1 (Интактные)	ρ_2 (ОКС)	$\Delta\rho$	Z-test	p-значение
Prp/Pwp \rightarrow Δ tps	0,891	-0,357	1,248	3,074	0,0021
Prp/Pwp \rightarrow Δ tas	0,709	-0,310	1,019	2,059	0,0395
Swp/St \rightarrow Δ ta	0,200	-0,714	0,914	1,880	0,0606
Swp/Srp	0,261	-0,238	0,499	0,870	0,3842

Таким образом, ОКС вызывает не только структурные и количественные изменения, а дезинтеграцию системных связей между морфологией селезенки, продуктами ПОЛ и поведенческими реакциями. Обнаруженная

сильная корреляция между относительной площадью красной пульпы (Prp/Pwp) и увеличением пассивно-оборонительного поведения (Δ tps) у интактных животных ($\rho = 0,891$) указывает на существование конституциональ-

ной оси, интегрирующей базовую архитектуру иммунного органа с поведенческой стратегией. Биологический смысл этой связи, вероятно, заключается в общем тоне вегетативной (преимущественно симпатической) регуляции, который одновременно модулирует и органную структуру, и центральные механизмы формирования ответа на гомотипический стрессор [14]. Данный результат согласуется с концепцией оси «мозг-селезенка» (brain-spleen axis), подчеркивающей двустороннюю коммуникацию для адаптации [15].

Под воздействием ОКС наблюдается полная дезинтеграция данной связи: в экспериментальной группе она статистически не обнаруживается, а сравнение с интактной группой подтверждает качественное различие в характере взаимосвязи ($\Delta p = 1,248$, $Z = 3,074$, $p = 0,0021$). Нарушение связи может быть опосредовано несколькими параллельными или последовательными процессами, связанными как с гормональной перестройкой, способной «перенастраивать» чувствительность рецепторов как в селезенке, так и в мозге,

нарушая привычную силу сигнала в нейроиммунной оси [16], так и с концепцией «цитокинового шума», согласно которой стресс-индуцированное высвобождение провоспалительных цитокинов (например, IL-1 β , TNF- α) может действовать как неспецифический фон, мешающий адекватному восприятию исходных конституциональных сигналов [17].

Полученные данные позволяют предположить, что ОКС приводит в первую очередь не к изменению отдельных параметров, а к нарушению системной организации, существенным фактором которой является оксидативное повреждение клеточных мембран. Последнее, в свою очередь, может вносить существенный вклад в нарушение нейроиммунных коммуникаций. В отличие от работ, сосредоточенных в большей степени на изменениях морфофункциональной организации того или другого органа, наше исследование показывает, что его базовая конституция может служить предиктором индивидуальной поведенческой пластичности.

Библиографический список

1. Effect of rapamycin on repeated immobilization stress-induced immune alterations in the rat spleen / I. Rokytová, B. Mravec, M. Lauková et al. // *Journal of Neuroimmunology*, 2020. – Vol. 346. – P. 577309.
2. Морфофункциональные показатели селезенки при иммобилизационном стрессе и применении бактериального липополисахарида / С.В. Ключкова, Н.Т. Алексеева, Д.Б. Никитюк и др. // *Журнал анатомии и гистопатологии*. – 2021. – Т. 10, № 2. – С. 30-37.
3. Морфологические изменения селезенки крыс в условиях иммобилизационного стресса / С.О. Фетисов, Г.Г. Вердиян, А.А. Бахмет и др. // *Медицинский журнал Башкортостана*. – 2021. – Т. 16, № 3 (93). – С. 60-64.
4. Чава С.В. Роль иммуномодуляторов в иммунных процессах. – *Морфология*. – 2007. – № 3. – С. 98-99.
5. Онищенко М.И. Морфологические изменения селезенки белых крыс инфантильного возраста, подвергавшихся ингаляционному воздействию формальдегида // *Морфологический альманах имени В.Г. Ковешникова*. – 2022. – Т. 20, № 1. – С. 91-99.
6. Молдавская А.А., Долин А.В. Морфологические изменения структуры капсулы селезенки в условиях хронической алкогольной интоксикации // *Морфологические ведомости*. – 2007. – № 1-2. – С. 86-88.
7. Морфологические изменения селезенки в условиях экспериментального канцерогенеза / Л.М. Меркулова, Г.Ю. Стручко, О.М. Арлашкина и др. // *Acta medica Eurasica*. – 2016. – № 3. – С. 54-58.
8. Хабибуллин Р.М., Исмагилова Э.Р., Хабибуллин И.М. Морфологические изменения селезенки мышей при физических нагрузках и применении адаптогенов / *Морфология*. – 2018. – Т. 153. – № 3. – С. 289.
9. Щербак В.А. Влияние вилона на морфометрические показатели селезенки в эксперименте // *Медицинские науки*. – 2016. – № 5. – С. 23-127.

10. Чава С.В., Буклис Ю.В. Структурная характеристика иммунных образований селезенки мышей после воздействия радиационного фактора низкой интенсивности // Морфологические ведомости. – 2011. – № 4. – С. 65-69.
11. Immobilization stress induces c-Fos accumulation in liver / G. Fernández, M-P. Mena, A. Arnau et al. // Cell Stress and Chaperones, 2000. – Vol. 5, № 4. – P. 306.
12. Волчегорский И.А., Налимов А.Г., Ярвинский Б.Г. Сопоставление различных подходов к определению продуктов перекисного окисления липидов в гептан-изопропанольных экстрактах крови // Вопросы медицинской химии. – 1989. – № 1. – С. 127-131.
13. Методы изучения стрессовых и адаптационных реакций организма по показателям системы крови / А.В. Дерюгина, А.С. Корягин, С.В. Копылова и др. – Н. Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета, 2010. – 25 с.
14. Nance D.M., Sanders V.M. Autonomic innervation and regulation of the immune system (1987-2007) // Brain, Behavior and Immunity. – 2007. – № 6. – P. 736-745.
15. Restoring the balance of the autonomic nervous system as an innovative approach to the treatment of rheumatoid arthritis / A.K. Frieda, S.P. Stoof, R.H. Straub et al. //Molecular Medicine. – 2011. – № 9-10. – P. 937-48.
16. Sapolsky R.M., Romero L.M., Munck A.U. How do glucocorticoids influence stress responses? Integrating permissive, suppressive, stimulatory, and preparative actions // Endocrine Reviews. – 2000. – № 1. – P. 55-89.
17. Steptoe A., Hamer M., Chida Y. The effects of acute psychological stress on circulating inflammatory factors in humans: a review and meta-analysis // Brain, Behavior and Immunity. – 2007. – № 7. – P. 901-912.

**SYSTEMIC RELATIONSHIPS BETWEEN THE STRUCTURES OF THE SPLEEN,
INDICATORS OF LIPID PEROXIDATION AND BEHAVIORAL REACTIONS
OF EXPERIMENTAL ANIMALS UNDER THE INFLUENCE OF ACUTE COMBINED
STRESS OF SHORT DURATION**

E.R. Erastov, *Doctor of Medical Sciences, Associate Professor*

V.A. Mordvinov, *Student*

**Volga Region Research Medical University
(Russia, Nizhny Novgorod)**

***Abstract.** Systemic interactions between the structural components of the spleen, indicators of lipid peroxidation, and behavioral reactions of intact and experimental mice during the formation of acute combined stress of short duration were studied. The data obtained suggest that acute combined stress does not primarily lead to changes in individual parameters, but to a disruption of the systemic organization, the essential point of which is oxidative damage to cell membranes.*

***Keywords:** acute combined stress; spleen structure; behavioral reactions; lipid peroxidation.*

МАТЕРИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РАБОТНИКОВ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ

А.И. Алимова, студент

Е.Н. Баширина, канд. полит. наук, доцент

**Уфимский университет науки и технологий
(Россия, г. Уфа)**

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-52-57

Аннотация. В статье анализируется материальная ответственность работников как самостоятельный и одновременно проблемный институт трудового права. Рассматриваются теоретические подходы к её правовой природе, условия наступления и пределы возмещения ущерба, а также соотношение материальной ответственности с мерами защиты и гражданско-правовой ответственностью. Особое внимание уделяется дисбалансу интересов сторон трудового договора, влиянию управленческих рисков на положение работника и тенденции расширительного толкования оснований ответственности в правоприменительной практике. Формулируются предложения по уточнению понятийного аппарата и совершенствованию трудового законодательства с целью усиления гарантий прав работников.

Ключевые слова: материальная ответственность; трудовое право; работник; ущерб; меры защиты; трудовой риск; работодатель.

Материальная ответственность работников занимает в трудовом праве особое место, поскольку затрагивает не только имущественные интересы работодателя, но и пределы допустимого вмешательства в сферу прав работника. Любое взыскание ущерба в рамках трудовых отношений неизбежно сопряжено с вопросом справедливого распределения рисков, возникающих в процессе организации труда. Работник действует в условиях подчинённости, ограниченного влияния на управленческие решения и зачастую повышенной интенсивности производственных процессов, что делает механическое применение имущественных санкций право и социально чувствительным.

Практика последних лет показывает, что институт материальной ответственности всё чаще используется не как исключительное средство компенсации ущерба, а как инструмент разрешения управленческих и организационных просчётов. Экономическая нестабильность, рост нагрузки на персонал и усложнение трудовых функций усиливают вероятность причинения ущерба, при этом нормативные критерии его распределения остаются во многом неопределёнными. В результате материальная ответственность превращается в зону постоянного конфликта между формальным соблюдением закона и фактиче-

ским положением работника в трудовом коллективе.

Личный опыт наблюдения трудовых споров, в том числе на уровне локальных организаций, позволяет утверждать, что работники нередко воспринимают материальную ответственность как форму давления, а не как справедливую правовую меру. Это ощущение усиливается, когда взыскание ущерба сопровождается отсутствием реальной ответственности работодателя за условия труда и управленческие решения. В таких обстоятельствах исследование материальной ответственности работников выходит за рамки описания норм закона и требует критического анализа их содержания, целей и последствий применения в реальных трудовых отношениях.

1. Теоретико-правовая природа материальной ответственности работников и проблема её самостоятельности в трудовом праве

Материальная ответственность работников в трудовом праве формально закреплена как самостоятельный институт, однако при более внимательном анализе обнаруживается внутренняя противоречивость её правовой природы. Уже на уровне конституционных положений прослеживается напряжение между необходимостью защиты имущественных интересов работодателя и конституционным запретом на произвольное ограничение прав работ-

ника. Конституция Российской Федерации допускает ограничение прав и свобод исключительно федеральным законом и лишь в строго определённых целях, среди которых защита прав и законных интересов других лиц [1]. Это означает, что материальная ответственность работника изначально должна рассматриваться не как карательный механизм, а как исключительная мера, допустимая лишь при наличии чётко установленных условий.

В трудовом законодательстве материальная ответственность традиционно связывается с причинением прямого действительного ущерба работодателю. Однако сама логика такого подхода вызывает сомнения. В отличие от дисциплинарной ответственности, которая направлена на оценку поведения работника как нарушения трудовой дисциплины, материальная ответственность ориентирована на имущественный результат. Это сближает её с гражданско-правовой ответственностью, что неоднократно становилось предметом научных споров. В.В. Кожевников последовательно критикует попытки признания материальной ответственности самостоятельным видом юридической ответственности, указывая, что по своей сути она представляет собой форму правосстановительных мер, а не ответственность в классическом понимании, предполагающем дополнительные неблагоприятные последствия для правонарушителя [2, с. 5-12]. По его мнению, взыскание ущерба лишь возвращает имущественное положение работодателя в исходное состояние и не создаёт нового уровня правового воздействия.

Противоположная позиция представлена в трудах В.Ю. Туралина, О.С. Лиликовой и Н.И. Богачева, которые подчёркивают отраслевую специфику материальной ответственности работников. Авторы обращают внимание на то, что она возникает исключительно в рамках трудовых правоотношений, подчиняется особым принципам и ограничена пределами, нехарактерными для гражданского права, включая запрет на взыскание упущенной выгоды [3, с. 145-151]. Тем самым материальная ответственность выступает как компромисс между интересами сторон трудового договора, а не как универсальный механизм компенсации вреда.

Особый интерес представляет вопрос о соотношении материальной ответственности и

мер защиты. В практике нередко происходит их фактическое отождествление, что размывает границы правового регулирования. В.Т. Савин справедливо указывает, что использование термина «ответственность» в трудовом праве зачастую носит декларативный характер, поскольку отсутствует чёткое разграничение между восстановлением нарушенного имущественного баланса и наказанием за правонарушение [4, с. 102-108]. Это приводит к ситуации, при которой работник формально признаётся ответственным, но, по существу, лишь исполняет обязанность по возмещению ущерба.

С учётом изложенного представляется обоснованным вывод о двойственной природе материальной ответственности работников. С одной стороны, она институционально включена в систему трудового права и регулируется специальными нормами Трудового кодекса Российской Федерации [5]. С другой стороны, её содержание не в полной мере соответствует классическим признакам юридической ответственности. Такая неопределённость требует либо концептуального пересмотра самого понятия материальной ответственности в трудовом праве, либо нормативного уточнения её целей и функций. В противном случае данный институт продолжит оставаться источником доктринальных споров и неоднородной правоприменительной практики.

2. Материальная ответственность работника: условия наступления, пределы возмещения и отраслевые особенности

Материальная ответственность работника в трудовом праве строится на существенно более жёсткой системе ограничений, чем в гражданско-правовом регулировании, и именно эти ограничения формируют её специфику. Ключевым элементом является требование о наличии прямого действительного ущерба, под которым понимается реальное уменьшение имущества работодателя либо необходимость произвести затраты на его восстановление. Трудовой кодекс Российской Федерации сознательно исключает возможность взыскания упущенной выгоды, тем самым отсекая экономические риски работодателя от сферы ответственности работника [5]. Это решение нельзя считать случайным: оно отражает социальную функцию трудового права и

направлено на предотвращение перерастания трудовой зависимости в финансовую.

Не менее значимым является вопрос вины работника. В трудовом праве вина не предполагается автоматически, а подлежит доказыванию работодателем, что на практике становится одним из наиболее конфликтных моментов. В судебных спорах нередко используется формальный подход, при котором наличие ущерба подменяет анализ поведения работника. Подобная тенденция фактически снижает стандарт доказывания и размывает границы между объективной ответственностью и ответственностью, основанной на вине, что противоречит базовым принципам трудового законодательства. В этом контексте представляется обоснованной позиция В.Ю. Туранина, подчёркивающего, что материальная ответственность работника не может рассматриваться вне причинно-следственной связи между конкретным действием и наступившим ущербом [3, с. 145-151].

Особое внимание заслуживают отраслевые особенности материальной ответственности отдельных категорий работников. На примере сотрудников уголовно-исполнительной системы К.В. Косарев показывает, что специфика служебных функций и повышенные требования к дисциплине нередко приводят к расширительному толкованию оснований ответственности [6, с. 160-168]. В таких случаях существует риск подмены материальной ответственности дисциплинарными санкциями имущественного характера, что нарушает баланс интересов сторон трудового правоотношения. Практика привлечения к ответственности за ущерб, причинённый в условиях служебного риска, наглядно демонстрирует необходимость более чёткого нормативного разграничения допустимого и противоправного поведения.

Дополнительную сложность создаёт проблема соотношения материальной и дисциплинарной ответственности. Несмотря на формальное различие их целей, в реальных трудовых конфликтах они часто применяются параллельно, что усиливает давление на работника. В ряде случаев материальная ответственность используется как инструмент косвенного наказания, особенно при отсутствии достаточных оснований для увольнения или строгого дисциплинарного взыскания. Такой

подход вступает в противоречие с конституционным принципом соразмерности ограничений прав личности [1].

В результате материальная ответственность работника приобретает двойственный характер: с одной стороны, она служит средством компенсации ущерба, с другой – может трансформироваться в скрытый механизм принуждения. Это свидетельствует о необходимости пересмотра правоприменительной практики и уточнения критериев наступления ответственности, прежде всего в части оценки вины и допустимого служебного риска, что позволило бы сохранить защитную направленность трудового права.

3. Влияние материальной ответственности работодателя и руководителя организации на положение работника в трудовых правоотношениях

Анализ материальной ответственности работников оказывается неполным без учёта встречной ответственности работодателя и, в особенности, руководителя организации. Формально трудовое право исходит из идеи баланса: каждая сторона трудового договора отвечает за причинённый ущерб в пределах, установленных законом. Однако фактическое положение работника во многом определяется тем, насколько последовательно реализуется ответственность работодателя на практике. Трудовой кодекс Российской Федерации закрепляет случаи материальной ответственности работодателя за незаконное лишение возможности трудиться, повреждение имущества работника и задержку обязательных выплат [5]. Эти нормы призваны компенсировать очевидное неравенство сторон, но их применение сталкивается с серьёзными процессуальными и доказательственными барьерами.

М.А. Бондарева обращает внимание на то, что материальная ответственность работодателя в большинстве случаев носит компенсационный характер и не сопровождается дополнительными правовыми последствиями, сопоставимыми с последствиями для работника [1, с. 214-220]. Это создаёт асимметрию: работник, причинивший ущерб, рискует немедленным удержанием из заработной платы, тогда как работодатель зачастую ограничивается выплатой компенсации, размер и сроки которой нередко становятся предметом затяжных судебных разбирательств. В результате

сама идея взаимной материальной ответственности утрачивает равновесие.

Отдельного внимания заслуживает ответственность руководителя организации, которая всё чаще формируется под влиянием гражданско-правовых конструкций. В.Т. Савин подчёркивает, что «вторжение» норм гражданского законодательства в сферу трудового права приводит к размыванию границ ответственности руководителя, включая расширительное толкование его имущественных обязанностей [8, с. 46-52]. С точки зрения защиты работника это имеет двойственный эффект. С одной стороны, усиление ответственности руководителя потенциально повышает дисциплину управления и снижает риск злоупотреблений. С другой стороны, перенос гражданско-правовой логики в трудовые отношения способствует ужесточению требований и к рядовым работникам, поскольку управленческие риски опосредованно перекладываются на персонал.

На практике это проявляется в том, что материальная ответственность работника всё чаще используется как инструмент компенсации управленческих просчётов. При возникновении ущерба работодатель стремится локализовать ответственность на уровне исполнителя, даже если причина кроется в организационных решениях. Такой подход вступает в противоречие с трудо-правовой природой ответственности, которая предполагает учёт условий труда и подчинённого положения работника. Критика подобной подмены ответственности мерами защиты последовательно проводится В.Т. Савиным, который указывает на опасность утраты отраслевой самостоятельности трудового права [4, с. 102-108].

В этом контексте материальная ответственность работника оказывается зависимой не только от собственных действий, но и от качества реализации ответственности работодателя и руководителя. Отсутствие реальной симметрии между этими видами ответственности снижает уровень доверия к трудовому праву как механизму справедливого распределения рисков. Представляется необходимым усилить правовые гарантии работника именно через более жёсткие и определённые формы ответственности работодателя, что позволило бы перераспределить риски в соответствии с

фактическим влиянием сторон на организацию труда.

4. Соотношение материальной ответственности и мер защиты: направления совершенствования трудового законодательства

Практика применения норм о материальной ответственности работников демонстрирует устойчивую тенденцию к смешению ответственности и мер защиты, что существенно искажает смысл правового регулирования. Формально трудовое право оперирует категорией «ответственность», однако по своему содержанию многие последствия для работника представляют собой восстановление имущественного баланса без наступления дополнительных неблагоприятных последствий. Подобное размывание понятий затрудняет как правоприменение, так и теоретическую оценку института материальной ответственности. В научной литературе эта проблема последовательно обозначается как одна из ключевых для современного трудового права [4, с. 102-108].

В.В. Кожевников аргументированно показывает, что отождествление материальной ответственности с юридической ответственностью в классическом смысле приводит к методологической ошибке. Возмещение ущерба само по себе не формирует ответственности, если отсутствует элемент дополнительного принуждения, выходящий за рамки первоначальной обязанности [2, с. 5- 12]. В трудовых отношениях это проявляется особенно наглядно: работник нередко несёт имущественные потери, не будучи признанным нарушителем в полном юридическом смысле, а лишь как лицо, на которое возложено восстановление утраченного имущества.

Проблема усугубляется за счёт активного заимствования гражданско-правовых конструкций. Т.В. Летута обращает внимание на то, что деликтная логика постепенно проникает в сферу трудового права, подменяя отраслевые принципы универсальными моделями возмещения вреда [8, с. 121-129]. Это особенно заметно в судебной практике, где оценка поведения работника всё чаще строится без учёта служебного риска, организационных условий труда и подчинённого положения. В результате материальная ответственность утрачивает социальную направленность и

приближается к гражданско-правовой модели, для которой характерна экономическая эквивалентность сторон.

С позиции конституционных гарантий подобная эволюция выглядит проблематичной. Ограничение имущественных прав работника допустимо лишь при соблюдении принципа соразмерности и правовой определённости, что прямо вытекает из положений Конституции Российской Федерации [1]. Неопределённость границ между ответственностью и мерами защиты создаёт риск произвольного вмешательства в сферу трудовых прав, особенно при отсутствии единых критериев квалификации ущерба и оценки вины.

В качестве возможного направления совершенствования законодательства представляется целесообразным нормативное разграничение мер защиты и материальной ответственности работников. Такое разграничение позволило бы чётко определить, в каких случаях работник восстанавливает имущественное положение работодателя, а в каких – несёт ответственность как правонарушитель. Дополнительным шагом могло бы стать закрепление в Трудовом кодексе Российской Федерации презумпции служебного риска, ограничивающей возможность возложения ущерба на работника при наличии организационных причин его возникновения [5]. Реализация этих мер способствовала бы восстановлению отраслевой логики трудового права и укреплению правовых гарантий работников в условиях усложняющихся экономических процессов.

Заключение

Проведённый анализ позволяет увидеть материальную ответственность работников не как нейтральный юридический механизм, а

как сложный инструмент перераспределения рисков внутри трудовых отношений. Формальное закрепление этого института в трудовом законодательстве не снимает вопрос о его содержательной наполненности и границах применения. На практике материальная ответственность всё чаще функционирует в условиях, когда экономические и организационные риски работодателя перекладываются на работника, чьё влияние на принятие управленческих решений объективно ограничено.

Исследование показало, что основная проблема заключается не столько в объёме прав и обязанностей сторон, сколько в отсутствии чёткой концепции материальной ответственности как самостоятельного правового явления. Смещение восстановительных мер и ответственности в строгом смысле слова приводит к размыванию правовых последствий и снижает предсказуемость правоприменения. Это особенно заметно в ситуациях, когда оценка вины работника подменяется констатацией самого факта ущерба, а служебный риск фактически игнорируется.

Личный опыт наблюдения трудовых конфликтов подтверждает, что недоверие работников к институту материальной ответственности напрямую связано с ощущением неравенства сторон и недостаточной ответственностью работодателя за организацию труда. В этих условиях дальнейшее развитие трудового законодательства представляется возможным лишь при условии концептуального пересмотра материальной ответственности работников, её чёткого разграничения с мерами защиты и усиления гарантий, отражающих реальное положение работника в системе трудовых правоотношений.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Кожевников В.В. О материальной и гражданско-правовой ответственности / В.В. Кожевников // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2022. – Т. 19, № 1. – С. 5-12. – DOI 10.24147/1990-5173.2022.19(1).5-12. – EDN USXYRZ.
3. Туранин В.Ю., Лиликова О.С., Богачев Н.И. Институт материальной ответственности в трудовом праве: теоретико-правовые аспекты / В.Ю. Туранин, О.С. Лиликова, Н.И. Богачев // Право: история и современность. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 145-151. – DOI 10.17277/pravo.2024.02.pp.145-151. – EDN NTPEOC.

4. Савин В.Т. Меры защиты и меры ответственности в контексте проблемы понятия материальной ответственности работодателя / В.Т. Савин // Пробелы в российском законодательстве. – 2024. – Т. 17, № 6. – С. 102-108. – EDN FWYNMO.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ: ред. действующая. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Косарев К.В. Понятие материальной ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы / К.В. Косарев // Вестник Кузбасского института. – 2024. – № 3(60). – С. 160-168. – DOI 10.53993/2078-3914/2024/3(60)/160-168. – EDN XAQCQN.
7. Бондарева М.А. Материальная ответственность работодателя в России / М.А. Бондарева // Вестник Академии управления и производства. – 2024. – № 3. – С. 214-220. – EDN YPFVSZ.
8. Савин В.Т. Проблемы материальной ответственности руководителя организации, связанные с «вторжением» в её сферу норм гражданского законодательства / В.Т. Савин // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16, № 1. – С. 46-52. – EDN SHOVDZ.
9. Летута Т.В. Материальная и деликтная ответственность: проблемы соотношения норм гражданского и трудового законодательства / Т.В. Летута // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 2(114). – С. 121-129. – DOI 10.17803/2311-5998.2024.114.2.121-129. – EDN WIAYWS.

MATERIAL LIABILITY OF EMPLOYEES IN LABOR LAW

A.I. Alimova, *Student*

E.N. Bashirin, *Candidate of Political Sciences, Associate Professor*

Ufa University of Science and Technology

(Russia, Ufa)

Abstract. *The article examines material liability of employees as a complex and controversial institution of labor law. The study analyzes theoretical approaches to its legal nature, conditions of occurrence, limits of damage compensation, and its correlation with protective measures and civil liability. Special attention is paid to the imbalance of interests between the parties to the employment contract, the impact of managerial risks on the employee's position, and the tendency toward expansive interpretation of liability grounds in law enforcement practice. Proposals are formulated to clarify legal concepts and improve labor legislation in order to strengthen employee rights protection.*

Keywords: *material liability; labor law; employee; damage; protective measures; labor risk; employer.*

ОСНОВНЫЕ ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Э.Б. Базарбаев, д-р юрид. наук, профессор

И.К. Кубатов, канд. юрид. наук, доцент

А.С. Кубанычбекова, магистрант

Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына

(Кыргызстан, г. Бишкек)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-58-62

Аннотация. В статье исследуются основные правовые принципы регулирования межбюджетных отношений в Кыргызской Республике. Особое внимание уделено анализу действующего законодательства, выявлению проблем его применения и рассмотрению направлений совершенствования нормативно-правовой базы в сфере формирования, распределения и исполнения бюджетных средств между различными уровнями бюджетной системы. Работа опирается на конституционные нормы, законы и подзаконные акты Кыргызской Республики, а также на современные научные подходы к регулированию межбюджетных отношений.

Ключевые слова: правовые принципы; межбюджетные отношения; республиканский бюджет; местные бюджеты; налоги; доходы; расходы; бюджетное законодательство; финансовая децентрализация.

В условиях унитарного государства при достаточно сложном построении бюджетной системы ее устойчивость, как и всего государства в целом, во многом зависит от характера межбюджетных отношений. Проблема оптимального построения модели межбюджетных отношений относится к числу самых актуальных. В настоящее время идет поиск динамичного равновесия между центральными органами власти и органами местного самоуправления применительно к бюджетной сфере.

Межбюджетные отношения представляют собой взаимоотношения органов государственной власти и органов местного самоуправления по вопросам распределения регулирующих доходов и перераспределения денежных средств между бюджетами. Эти отношения определяются бюджетным устройством. Они должны строиться на базе экономических связей в рамках единой страны и заложенных в Конституции КР принципов, на основе которых ставится задача достижения оптимального взаимодействия всех бюджетов и придания этому взаимодействию характера системности [1].

Основу межбюджетных отношений в Кыргызской Республике составляют следующие законодательно определенные принципы:

– распределение и закрепление доходов за каждым бюджетом бюджетной системы Кыргызской Республики;

– разграничение на постоянной или долгосрочной основе расходных полномочий органов государственной власти и местного самоуправления;

– определение на постоянной или долгосрочной основе нормативов распределения общегосударственных и других доходов между бюджетами;

– выравнивание уровней минимальной бюджетной обеспеченности местных бюджетов;

– возмещение расходов, связанных с передачей расходных полномочий или принятием решений, вызвавших дополнительные расходы или потери доходов бюджетов.

Остановимся подробнее на каждом принципе и рассмотрим их содержание. Распределение и закрепление доходов за каждым бюджетом бюджетной системы Кыргызской Республики основано на конституционном принципе разграничения функций и полномочий государственных органов и органов местного самоуправления. Реализация данного принципа предполагает четкое определение и закрепление всех доходных источников между уровнями бюджетной системы с целью их максимального обеспечения собственными

доходами для решения задач возложенных на них в соответствии с законодательством. Исходя из данного принципа, мы полагаем, что все источники доходов должны быть распределены оптимально и соразмерно тем задачам, которые возлагаются на органы местного самоуправления. Более того, нельзя забывать о таком принципе бюджетной системы, как о самостоятельности (автономности) бюджетов всех уровней, который имеет приоритетное значение в осуществлении бюджетной деятельности на уровне органов местного самоуправления, так как межбюджетные отношения, как уже отмечалось выше, развиваются именно внутри бюджетной системы и соответственно его принципы и будут иметь такое приоритетное значение. А самостоятельность бюджетов предполагает, по мнению многих ученых [2, с. 207], закрепление за каждым из бюджетов собственных источников доходов; права самостоятельно определять направления их использования; прав и обязанностей органов государственной власти и органов местного самоуправления самостоятельно обеспечивать сбалансированность соответствующих бюджетов и эффективность использования бюджетных средств; осуществлять на соответствующем уровне бюджетной системы бюджетный процесс; устанавливать в соответствии с законодательством налоги и сборы подлежащие зачислению в бюджеты соответствующего уровня; недопустимости изъятия неиспользованных или дополнительно полученных и сэкономленных доходов в вышестоящие бюджеты; праве на компенсацию расходов, возникающих в результате решений, принятых вышестоящими органами власти и управления.

В действительности же мы видим глубокую зависимость органов местного самоуправления от решений центральных органов власти в формировании доходной части бюджетов, поскольку не оптимально распределены основные доходные источники бюджетов всех уровней – налоги. На сегодня в соответствии с налоговым законодательством к категории местных налогов относятся всего два вида налога – это земельный налог и налог на имущество. Сразу же нужно отметить, что это малоэффективные виды налогов. Они не могут в полной мере обеспечить нужды местного самоуправления. Их удельный вес в общем

объеме доходов местных бюджетов не значителен. В отношении них государством уже установлены размеры и ставки, льготы. Соответственно у органов местного самоуправления нет никакой самостоятельной возможности что-либо изменять касательно этих налогов, ни вводить, ни отменять, не регулировать ставки, ни предоставлять льготы они не могут. И это только один из аспектов не эффективного разграничения полномочий в сфере доходов. По нашему мнению, такое положение как минимум несправедливо. Раз мы говорим о самостоятельности, эта самостоятельность должна быть реальной, она должна побуждать и заинтересовывать местное самоуправление к поиску путей и возможностей пополнения своих доходов, а не ограничивать их определенными рамками. Конечно же, самостоятельность в регулировании как доходов, так и расходов бюджетов изначально ограничена республиканским законодательством, но в рамках установленных границ органы местного самоуправления должны быть абсолютно самостоятельными.

Не менее важным, если не краеугольным вопросом является реализация принципа разграничения на постоянной или долговременной основе расходных полномочий органов государственной власти и местного самоуправления. Он также основан на вышеуказанном конституционном принципе. Его содержание подразумевает четкое закрепление за каждым уровнем бюджетной системы расходных полномочий и обязательств на основе разграничения функций и полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления. Это предполагает, во-первых, недопущение передачи расходных обязательств органам местного самоуправления без подкрепления и предоставления соответствующих финансовых ресурсов, а во-вторых, запрет нерационального и неэффективного использования бюджетных средств, как органами государственной власти, так и органами местного самоуправления.

В действительности же мы видим совсем иную картину. На сегодня в соответствии с Законом КР «О местной государственной администрации и органах местного самоуправления» от 20 октября 2021 года № 123 за органами местного самоуправления закреплено 18 видов делегированных государственных

полномочий [3]. Но помимо него многие отраслевые законодательные акты возлагают дополнительные государственные полномочия на органы местного самоуправления, не подкрепленные финансовыми ресурсами, в результате чего значительные объемы собственных финансовых ресурсов местных бюджетов уходят на финансирование этих полномочий. Следствием этого является то, что вопросы местного значения остаются не профинансированными, интересы населения, проживающего на этой территории, не разрешаются, идет неэффективное использование своих средств. Тем самым мы видим, попрекаются нормы, принципы Конституции, наблюдается грубейшее нарушение законодательства и прав граждан со стороны органов государственной власти. Принципы определены, но нет их практической реализации. Таким образом, можно констатировать: Кабинету Министров Кыргызской Республики пока решить задачу четкого, стабильного и сбалансированного механизма разграничения расходных полномочий и доходных источников, гарантирующего финансовую самостоятельность и повышения самодостаточности органов местного самоуправления не удастся. И с этого периода времени многие органы местного самоуправления из разряда более или менее обеспеченных перешли в разряд дотационных. Таким образом, мы видим, что конституционные принципы, принципы бюджетной системы и межбюджетных отношений вступают в противоречие, что однозначно не дает возможности дальнейшего развития как государства в целом, его отдельных территорий, так и населения проживающих на них.

В соответствии с принципом разграничения доходных источников по уровням бюджетной системы все виды налогов подразделены на общереспубликанские и местные. И как уже было отмечено выше, практически все бюджетобразующие виды налогов сконцентрированы на республиканском уровне, что ведет к определенному дисбалансу доходов бюджетов. Это естественным образом требует урегулирования данных вопросов посредством определения на постоянной или долговременной основе нормативов распределения общегосударственных и других доходов между бюджетами и это еще один из принципов межбюджетных отношений. А для

местных бюджетов гг. Бишкек и Ош были утверждены нормативы отчислений от плановых поступлений подоходного налога, налога на прибыль, доходов от обязательного патентирования, единого налога для субъектов малого предпринимательства, акцизного налога (на внутреннюю продукцию), налога на проценты, налога на доходы нерезидентов и поступления от страховых фондов в размере 35 процентов.

И эта ситуация не изменилась по сегодняшний день. Наблюдается концентрация доходов на верхнем уровне власти и нежелание его перераспределения, что является еще одним признаком нарушения законодательно установленных принципов бюджетной деятельности.

В соответствии с Конституцией Кыргызская Республика социальное государство политика, которой социально ориентирована, т.е. направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и развитие каждого гражданина. Для покрытия всех видов гарантированных социальных выплат в составе бюджетов должен быть предусмотрен минимальный уровень денежных средств, или обеспечена так называемая минимальная бюджетная обеспеченность. При недостаточности средств на местном уровне они должны быть предоставлены из республиканского бюджета, в рамках выравнивания уровней минимальной бюджетной обеспеченности местных бюджетов, тем более, что эти минимальные социальные стандарты гарантируются государством и преимущественным большинством должны финансироваться из республиканского бюджета. И при этом также не нужно забывать о том, что если определенные государственные функции делегируются органам местного самоуправления, то они должны быть подкреплены финансовыми ресурсами в соответствии с Конституцией Кыргызской Республики. Тем самым мы видим, что выравнивание уровней минимальной бюджетной обеспеченности местных бюджетов является еще одним из важнейших принципов межбюджетных отношений и призвана способствовать сбалансированию средств бюджетов разных уровней. Соответственно она очень тесно связана с таким принципом бюджетной системы, как сбалансированность и непосредственно реализует ее.

Но опять же таки, на практике наблюдалась совершенно иная картина. Отдельные виды социальных функций делегировались органам местного самоуправления без достаточного объема финансирования. Например, в соответствии с Законом КР «Об образовании» выплата заработных плат учителей осуществлялась через местные бюджеты, путем предоставления категориальных грантов на их выплату. На образование до 2020 года приходилось около 60% расходов местного бюджета. Однако только заработная плата и отчисления на социальное страхование работников образования покрывались за счет категориальных грантов (70% расходов на образование) из республиканского бюджета, а остальные расходы финансировал местный бюджет. И такая ситуация сложилась по всем другим видам делегированных полномочий, а не только по социальным вопросам, в рамках которых необходимо достигать уровня минимальной бюджетной обеспеченности.

Еще одним из принципов межбюджетных отношений, законодательно определенных, является возмещение расходов, связанных с передачей расходных полномочий или принятием решений, вызвавших дополнительные расходы или потери доходов бюджетов. Штатным формуляром предусмотрены должности специалиста военно-учетного стола (ВУС). На это же указывает А.С. Баймонкоев, глава Вознесенского айыльного округа (аймака) Панфиловского района, что на проведение работы с военнообязанными и призывниками, на организацию привоза на воинскую службу с бюджета айыл окмоту выделяется 65,0 тыс. сомов, на содержание участкового инспектора милиции состоящего в структуре МВД 120,0 тыс. сомов и другие [5, с. 61]. И конечно, никаких средств для возмещения уже понесенных затрат из местного бюджета на вышеуказанные и многие другие виды расходов в рамках делегированных государственных полномочий из республиканского бюджета не предоставлено. По заявлениям многих глав, в силу того, что львиная доля доходных источников местного бюджета уходит на финансирование делегированных государственных полномочий, которые не подкрепляются финансовыми ресурсами в полном объеме и в последующем не возмещаются и не компенсируются, органы местного са-

моуправления не могут исполнять свои собственные функции, решать задачи местного значения (напр., ремонт и строительство школ, больниц, дорог и др.).

Проведенный анализ принципов межбюджетных отношений, определенных законодательством Кыргызской Республики, показывает, что центральные органы власти только демонстрируют желание децентрализации государственной власти, декларируя и определяя принципы, которые на практике грубейшим образом нарушаются. В их понимании децентрализация власти сводится только к передаче расходных полномочий и обязательств. Что же касается финансовой децентрализации органов местного самоуправления, то здесь наблюдается устойчивая тенденция либо непонимания, либо нежелания перераспределения доходных источников между уровнями бюджетной системы и возмещения затрат в рамках переданных государственных функций. Такая ситуация, по нашему мнению, недопустима, поскольку негативно сказывается на уровне развития местного самоуправления, как относительно самостоятельного института публичной власти, перечень задач которых определяется ежедневными потребностями людей, проживающих на этой территории. Соответственно нарушение принципов межбюджетных отношений, это есть, по сути, нарушение прав граждан, проживающих в этих местностях, т.е. наших прав. Для успешной реализации установленных законом принципов межбюджетных отношений, по нашему мнению, необходима последовательная политическая воля со стороны центральных органов власти. Помимо того, необходимо отметить, что межбюджетные отношения функционируют в рамках бюджетной системы. А с учетом этого конституционно определенный принцип разграничения функций и полномочий государственных органов и органов местного самоуправления трансформируется в следующие принципы:

- единство бюджетной системы;
- самостоятельность бюджетов всех уровней бюджетной системы;
- разграничение доходов и расходов между уровнями бюджетной системы;
- взаимная ответственность всех участников межбюджетных отношений;

– сбалансированность в межбюджетных отношениях;

– выравнивание уровней минимальной бюджетной обеспеченности органов местного самоуправления.

Таким образом, принципы бюджетной системы и межбюджетных отношений функционируют во взаимосвязи и взаимозависимости. Их законодательное закрепление необходимо для обеспечения эффективности бюд-

жетной деятельности. Анализ показал, что при существующей практике центральные органы власти нарушают законодательные принципы межбюджетных отношений, что негативно сказывается на финансовой автономии местных бюджетов, реализации социальных функций и благосостоянии населения. Для исправления данной ситуации требуется политическая воля и ответственное исполнение законов со стороны государства.

Библиографический список

1. Конституция Кыргызской Республики от 11 апреля 2021 года
2. Финансовое право: учебник. – 4-е изд., перераб. И доп./ Отв.ред. Н.И. Химичева. – М.: Норма, 2009. – 768 с.
3. Закон КР «О местной государственной администрации и органах местного самоуправления» от 20 октября 2021 года № 123.
4. Налоговый кодекс Кыргызской Республики от 17 октября 2008 года № 230.
5. Баймонкочев А.С. Укрепление доходного потенциала и целевое расходование бюджетных средств местного самоуправления / А.С. Баймонкочев // Повышение бюджетной прозрачности и подотчетности органов местного самоуправления: методическое руководство для органов местного самоуправления. – Бишкек: ЧП «Сарыбаев Т.Т.», 2010. – 138 с.

MAIN LEGAL PRINCIPLES OF REGULATING INTERBUDGETARY RELATIONS IN THE KYRGYZ REPUBLIC

E.B. Bazarbaev, *Doctor of Legal Sciences, Professor*

I.K. Kubatov, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

A.S. Kubanychbekova, *Graduate Student*

**Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn
(Kyrgyzstan, Bishkek)**

Abstract. *The article examines the main legal principles of regulating interbudgetary relations in the Kyrgyz Republic. Special attention is paid to the analysis of current legislation, identification of problems in its application, and consideration of directions for improving the regulatory framework in the field of formation, distribution, and execution of budgetary funds among different levels of the budget system. The work is based on constitutional norms, laws, and by-laws of the Kyrgyz Republic, as well as on modern scientific approaches to regulating interbudgetary relations.*

Keywords: *legal principles; interbudgetary relations; republican budget; local budgets; taxes; revenues; expenditures; budget legislation; financial decentralization.*

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ВИД ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Л.А. Баранов, магистрант

Научный руководитель: И.Н. Кременов, канд. юрид. наук, доцент

**Московский финансово-юридический университет МФЮА
(Россия, г. Калининград)**

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-63-68

***Аннотация.** В пределах настоящей статьи рассматриваются актуальные для административного права вопросы понятия, сущности, места и роли административной ответственности в пределах родовой категории (юридическая ответственность), в частности производится сравнение анализируемых категорий с позиций их принципов, целей, задач и функций. По результатам исследования сформированы актуальные определения юридической и административной ответственности, определена система принципов, целей, задач и функций административной ответственности.*

***Ключевые слова:** юридическая ответственность; административная ответственность; принципы административной ответственности; цели административной ответственности; задачи административной ответственности; функции административной ответственности.*

Любые права, включая естественные, нуждаются в действенной защите со стороны публичной власти, декларация ценностей не влечет их повсеместное соблюдение в объективной действительности. По данным причинам институт юридической ответственности приобретает фундаментальное значение для любой правовой системы (ядро механизма, признак права как родовой категории) [1, с. 324]. Стоит отметить, что в правовой доктрине вопросы юридической ответственности и ее разновидностей не являются пробелами, однако на текущий момент в них присутствует плюрализм мнений исследователей. Совокупное рассмотрение вопроса определения понятия «юридическая ответственность» в теории государства и права позволяет утверждать, что апробированными в науке являются 2 концепции понимания анализируемого межотраслевого правового института:

1) материально-правовой подход, согласно которому под юридической ответственностью стоит понимать совокупность негативных юридических последствий для нарушителя, имеющих своими целями восстановление общественных отношений и превенцию;

2) процессуально-правовой подход, согласно которому под юридической ответственностью понимается процессуальная деятельность правоохранительных органов в от-

ношении правонарушения и виновного в нем лица [2, с. 282].

Стоит отметить, что 2 приведенные концепции являются верными и описывают анализируемый объект с его внешней и внутренней сторон, в обоих случаях становится очевидно, что ответственность лежит в плоскости императивного правового регулирования и реализуется по модели власти и подчинения (государство, в лице соответствующего государственного органа к виновному лицу, который является объектом воздействия).

Опуская процессуальные составляющие юридической ответственности для целей настоящего исследования, предлагается использование материально-правового подхода и понимание под юридической ответственностью реализуемую публично-правовым образованием совокупность мер государственного принуждения, которая применяются к виновному в совершении противоправного посягательства лицу (индивидуально определенная концепция юридической ответственности).

Вопросу элементов юридической ответственности не свойственен конфликтный характер, авторы солидарны по отношению к ее основаниям, признакам и видам. Так, выделяется закрытый перечень оснований юридической ответственности:

1) нормативное основание (наличие норм о составах правонарушений и мер наказания по ним);

2) фактическое основание (совершение описанного нормативно деяния в объективной действительности годным субъектом права);

3) процессуальное основание (реакция государства на фактическое основание в виде начала процесса привлечения нарушителя к ответственности) [3, с. 98].

Гносеологическим значением в отношении исследования юридической ответственности, как межотраслевого правового института, обладают следующие ее признаки:

- легальность, законность (фиксация в системе законодательства, включая наличие соответствующей процессуальной формы);

- собственные цели и задачи (пресечение девиантного поведения, восстановление общественных отношений, общая и частная превенция);

- специальные уполномоченные субъекты с соответствующими правами и обязанностями (государство в лице представителей его правоохранительной системы);

- негативный характер воздействия в отношении нарушителя (пресечение, принуждение и наказание в виде личных или имущественных мер) [4, с. 92].

Совокупное рассмотрение положений Конституции РФ (статья 118) и отдельных норм отраслевого законодательства (к примеру, глава 39 Трудового кодекса РФ) позволяет согласиться с делением юридической ответственности на 2 блока ее разновидностей, так, система включает в себя:

1) основные виды (конституционно-правовая, административная, уголовная и гражданская ответственность) [5];

2. дополнительные виды:

- дисциплинарная и материальная ответственность в трудовом праве;

- семейно-правовая ответственность по нормам Семейного кодекса РФ;

- процессуальная ответственность в пределах уголовно-процессуального, гражданско-процессуального, административно-процессуального и арбитражно-процессуального права;

- международная ответственность по международным договорам, соглашениями и обычаям в международном праве;

- налоговая ответственность в налоговом праве [6, с. 338].

Обозначенная выше система юридической ответственности включает в себя в качестве основного элемента административную ответственность, которая имеет собственную историю легального и доктринального развития, обособления в пределах правовой системы:

1) длительный период времени анализируемая отрасль права была частью уголовного права в виде смягченного наказания по менее общественно опасным деяниям, ситуация была изменена только в XIX веке в виде нормативного отделения административной ответственности в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями от 1864 года;

2) период до принятия Основ законодательства СССР и союзных республик об административных правонарушениях (концепция смешения административной ответственности с государственным принуждением);

3) период после введения в действие Основ законодательства СССР и союзных республик об административных правонарушениях (разработанная концепция включения административной ответственности в государственное принуждение в виде составляющей блока административного принуждения);

4) новейшее время, после введения в действие Кодекса РФ об административных правонарушениях от 2001 года (легальная фиксация административной ответственности в составе административного принуждения – статья 1.6) [7, с. 42-45].

В настоящее время в доктрине в вопросе определения административной ответственности аналогичным образом присутствует плюрализм мнений исследователей, вызванный отсутствием его легального закрепления. На проблемный острый характер вопроса неоднократно обращали внимание отечественные исследователи [8, с. 52], данный аспект получил внимание законодательной власти, которая в проекте специального нормативно-правового акта закрепила соответствующие положения [9], однако существующая проблема не устранена, а лишь планируется к решению без указания конкретных сроков. Существуют следующие позиции по рассматриваемому вопросу:

- одни авторы понимают под административной ответственностью самостоятельный вид юридической ответственности, связанный с совершением лицом нарушения законодательства об административных правонарушениях [10, с. 42] (предполагается бытовой характер данного определения, однако оно не годно для доктринального использования по причине отсутствия основных признаков категории, по которым можно провести дифференциацию);

- другие исследователи говорят о том, что административной ответственностью является вид юридической ответственности, выражающийся в реализации в отношении лиц, признанных виновными в совершении административных правонарушений, негативных юридических последствий путем применения к ним уполномоченными субъектами мер взыскания, мер пресечения и восстановительных мер [11, с. 140] (данная позиция имеет концептуальные ошибки, так, меры взыскания являются категорией трудового права, не используемой по отношению к административным правонарушениям, для последнего применимы административные наказания, которые проигнорированы в тексте определения).

Совместное толкование доктринальных работ и нормативного материала, позволяет говорить о том, что административная ответственность представляет из себя один из основных видов юридической ответственности, который проявляется в виде совокупности общественных отношений между властным субъектом и нарушителем, возникающих в связи с совершением последним деяния, запрещенного административно-деликтным законодательством под угрозой наказания, связанной с последующим применением к виновному лицу негативных юридических последствий в виде мер административного принуждения и административного наказания.

Система признаков административной ответственности включает в свой состав элементы родовой категории, а также приобретает собственные черты, основанные на специфике отрасли права:

- административное право является частью административного принуждения (статья 1.6 Кодекса РФ об административных правонарушениях);

- самостоятельное нормативное основание (Кодекс РФ об административных правонарушениях и региональное законодательство по данным вопросам);

- собственное фактическое основание (административное правонарушение в объективной действительности);

- негативное последствие в виде административного принуждения и административного наказания, которые влекут менее тяжкие правовые последствия в сравнении с иными мерами государственного принуждения;

- широкий перечень уполномоченных на производство субъектов;

- особый субъектный состав нарушителей, объектов государственного воздействия (включая юридические лица);

- межотраслевая совокупность объектов охраны (различные общественные отношения) [12, с. 48].

В свою очередь, выделение какого-либо крупного правового образования невозможно без формирования и организации системы принципов правового регулирования. Под принципами права, правового образования, традиционно понимается совокупность исходных начал, которые имеют системообразующий характер [4, с. 94], для административной ответственности выделяется следующая проработанная совокупность принципов:

1. Межотраслевые принципы [4, с. 95]:

- законность (нормативное основание и процедура привлечения);

- всеобщее равенство (запрет дискриминации);

- открытость процесса (публичный характер с исключениями, предусмотренными законом);

- справедливость наказания (мера наказания должна базироваться на общественной опасности правонарушения);

- целесообразность наказания (запрет субъективности и гуманизм);

- своевременность наказания (максимально сжатые сроки процедуры);

- обоснованность ответственности (достаточная доказательная база);

2. Отраслевые принципы, включающие собственные или общие с соответствующей корректировкой под отрасль права [13, с. 66]:

- принцип нормативности (нормативное закрепление процедуры и составов административных правонарушений);

- принцип равенства (запрет дискриминации в статье 1.4 КоАП РФ);

- принцип вины (нормативное описание и обязательное доказывание субъективной стороны, запрет объективного вменения);

- принцип неотвратимости наказания (декларативная поддержка общей и частной превенции);

- принцип исключения множественной административной ответственности за одно деяние;

- принцип индивидуализации административного наказания (с учетом личных особенностей нарушителя и иных обстоятельств, предусмотренных законом);

- принцип самостоятельности властных субъектов (строгое определение компетенций, обязательность решений);

- принцип государственного языка (процедура реализуется на государственном языке, с предоставлением профессионального переводчика в случаях, предусмотренных законом);

- принцип оперативности и экономии (минимальные сроки производств с максимально допустимой экономией затрат);

- принцип годности доказательной базы (запрет доказательств, полученных с нарушением требований законодательства).

Что касается вопросов целей, задач и функций, то анализ юридической литературы демонстрирует конфликтность, авторы предлагают свои формулировки и содержание системы, к примеру, некоторые правоведы смешивают составляющие обозначенных категорий для административной ответственности (к примеру, выделение превенции в качестве самостоятельной цели) [14, с. 383]. Анализ специальной юридической литературы и нормативного материала позволяет сформировать следующую систему целей, задач и функций административной ответственности:

1. Цели, как причины существования административной ответственности [15, с. 17]:

- правовая охрана (правовой институт состоит из охранительных общественных отношений);

- воспитание населения государства (публичное осуждение и попытка исправления виновного лица).

2. Задачи, как промежуточные этапы, на которых базируются цели [16]:

- охрана прав и свобод человека и гражданина, здоровья граждан, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, общественной нравственности, окружающей среды, установленного порядка осуществления государственной власти, общественного порядка и безопасности, собственности;

- защита личности, законных экономических интересов физических и юридических лиц, общества и государства от административных правонарушений;

- предупреждение административных правонарушений.

3. Функции, как конечные или желаемые результаты воздействия [17, с. 4]:

- основные штрафная (применение административного наказания), исправительная (изменение отношения к административным правонарушениям) и предупредительная функции (пресечение административного правонарушения и предупреждение более общественно опасных деяний);

- факультативная восстановительная функция (восстановление общественных отношений и, при возможности, компенсация причиненного вреда).

Таким образом, вопросы юридической и административной ответственности в отечественной науке и системе законодательства являются проработанными моментами, которые, однако, требуют уточнения и снятия обозначенных противоречий и недоработок. Исходя из вышеописанного допустимо утверждать, что:

1. Под юридической ответственностью стоит понимать реализуемую публично-правовым образованием совокупность мер государственного принуждения, которая применяется к виновному в совершении противоправного посягательства лицу (индивидуально определенная концепция юридической ответственности).

2. Видом юридической ответственности является административная ответственность, под которой стоит понимать один из основных видов юридической ответственности, заключающийся в совокупности общественных отношений между властным субъектом и нарушителем, возникающих в связи с совер-

шением последним деяния, запрещенного административно-деликтным законодательством под угрозой наказания, связанной с последующим применением к виновному лицу негативных юридических последствий в виде мер административного принуждения и административного наказания.

3. Специфика административной ответственности включает в себя следующие признаки: она является частью административного принуждения, имеет самостоятельное нормативное и фактическое основания, негативное последствие в виде административного принуждения и административного наказания, широкий перечень уполномоченных на

производство субъектов, особый субъектный состав нарушителей и межотраслевую совокупность объектов охраны.

4. Система принципов административной ответственности включает в свой состав 2 блока: межотраслевые (родовой категории) и отраслевые принципы (нормативности, равенства, вины, неотвратимости наказания, исключения множественной административной ответственности за одно деяние, индивидуализации административного наказания, самостоятельности властных субъектов, государственного языка, оперативности и экономии, годности доказательной базы).

Библиографический список

1. Теория государства и права для обучающихся по специальности «правоохранительная деятельность»: учебник для вузов / Р.А. Ромашов [и др.]; под редакцией Р.А. Ромашова, Е.Л. Харьковского. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 471 с.
2. Теория государства и права: учебник и практикум для вузов / В.П. Гавриков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 461 с.
3. Теория государства и права. Общая часть: учебник для вузов / А.П. Альбов [и др.]; под общей редакцией А.П. Альбова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 162 с.
4. Теория государства и права : учебное пособие для вузов / В.С. Бялт. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 120 с.
5. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с изм. от 01.07.2020) // Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
6. Общая теория государства и права: учебник для вузов / С.А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 528 с.
7. Административное право Российской Федерации: учебник для вузов / Ю.И. Мигачев, Л.Л. Попов, С.В. Тихомиров; под редакцией Л.Л. Попова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 474 с.
8. Административное право России: учебник для вузов / А.И. Стахов, П.И. Кононов. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 646 с.
9. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
10. Дюкова Т.С. Особенности административной ответственности: отличия и проблемные вопросы института / Т.С. Дюкова // Студенческий. – 2025. – № 8-3 (304). – С. 41-43.
11. Трубицына К.А. Признаки административной ответственности по российскому законодательству / К.А. Трубицына // В сборнике статей по материалам СССХЛII международной научно-практической конференции: Молодой исследователь: вызовы и перспективы. – Москва, 2024. – С. 138-142.
12. Административное право: учебник для вузов / Е.А. Лютягина, А.М. Волков. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 423 с.
13. Плигин В.Н. Принципы административной ответственности: актуальные проблемы / В.Н. Плигин // NB: Административное право и практика администрирования. – 2024. – № 4. – С. 63-76.
14. Мингазова Е.В. Правовое регулирование мер административной ответственности / Е.В. Мингазова // Наукосфера. – 2024. – № 4-1. – С. 382-385.

15. Багрянцева В.Ю. Административная ответственность как вид юридической ответственности / В.Ю. Багрянцева // *Eromen. Global.* – 2024. – № 51. – С. 13-19.

16. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

17. Иванов В.И. Исследование назначения, цели, функции и задач производства по делам об административных правонарушениях / В.И. Иванов // *ВВ: Административное право и практика администрирования.* – 2024. – № 1. – С. 1-12.

ADMINISTRATIVE LIABILITY AS A TYPE OF LEGAL LIABILITY

L.A. Baranov, *Graduate Student*

Supervisor: *I.N. Kremenov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

Moscow Finance and Law University MFUA

(Russia, Kaliningrad)

Abstract. *This article examines issues relevant to administrative law regarding the concept, essence, place, and role of administrative liability within the generic category (legal liability). Specifically, it compares the analyzed categories in terms of their principles, goals, objectives, and functions. Based on the research results, relevant definitions of legal and administrative liability have been developed, and a system of principles, goals, objectives, and functions of administrative liability has been defined.*

Keywords: *legal responsibility; administrative responsibility; principles of administrative responsibility; goals of administrative responsibility; tasks of administrative responsibility; functions of administrative responsibility.*

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБРАБОТКИ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Е.Н. Баширина, канд. полит. наук, доцент

Л.Ф. Нургалиева, студент

**Уфимский университет науки и технологий
(Россия, г. Уфа)**

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-69-76

Аннотация. Актуальность обусловлена массовым внедрением биометрических технологий (распознавание лица, отпечатки пальцев, сканирование голоса) в цифровую экономику, что требует адекватного правового регулирования. Обработка биометрических персональных данных (БПД) – одна из самых строго регламентированных сфер в российском законодательстве о персональных данных. Это связано с повышенными рисками для прав и свобод субъекта, поскольку биометрия является неизменяемой и уникальной характеристикой человека, и ее компрометация носит необратимый характер. Цель исследования: провести комплексный гражданско-правовой анализ оборота биометрических данных в России.

Ключевые слова: биометрические данные; персональные данные; оператор персональных данных; согласие на обработку БПД; гражданско-правовая ответственность; субъект персональных данных.

Согласно п. 1 ст. 11 ФЗ-152, биометрические персональные данные – это сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основе которых можно установить его личность и которые используются оператором для установления личности субъекта персональных данных [1].

Чтобы те или иные данные были признаны биометрическими, должны выполняться два условия одновременно:

- они характеризуют физиологические и биологические особенности человека;
- они используются оператором именно для установления личности.

Если оба условия соблюдены, то на обработку таких данных распространяются особо строгие правила (требуется письменное согласие субъекта, за исключениями, указанными в законе).

Согласно ст. 2 Федерального закона «О персональных данных», целью данного Закона выступает обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну [2]. Как показывает анализ ст. 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации, в качестве основополагающего закреплен принцип недопустимости

сбора, хранения, распространения и использования сведений о частной жизни лица без его прямого согласия [3].

Биометрическими данными являются (при использовании для идентификации):

- отпечатки пальцев (дактилоскопия);
- радужная оболочка глаза;
- сетчатка глаза;
- ДНК-профиль;
- образец голоса (голосовой отпечаток);
- фотография и видеоизображение человека. Но с важной оговоркой: они являются биометрическими, только если используются специально для установления личности (например, в системе контроля доступа по лицу, в биометрическом паспорте, для прохода на госуслугах через веб-камеру);
- геометрия лица, ладони, уха.

Важно понимать, что не любая физиологическая характеристика автоматически считается биометрическими данными в контексте ФЗ-152.

Не являются биометрическими данными (в большинстве случаев):

1. Фотография в личном деле сотрудника, если она нужна только для того, чтобы руководитель или кадровик могли визуально идентифицировать человека в документах, а не для автоматического пропуска в здание.

2. Фотография в паспорте или водительском удостоверении, если сам документ не используется для автоматической биометрической верификации (в обычном паспорте фото – это реквизит документа, а не биометрические данные в смысле ФЗ-152).

3. Медицинские данные (рост, вес, группа крови, диагноз, рентгеновские снимки). Они являются специальной категорией персональных данных (ст. 10 ФЗ-152), а не биометрическими, если только по ним специально не устанавливается личность (что маловероятно).

4. Цифровая фотография в социальных сетях, размещенная самим пользователем для неограниченного круга лиц.

Разъяснения Роскомнадзора (орган, контролирующий соблюдение ФЗ-152) подтверждают, что фото- и видеоизображение становится биометрическим только при его использовании для уникальной идентификации личности с помощью технических средств [4].

Без согласия субъекта, но в следующих исключительных случаях предусмотрена обработка БПД: связана с осуществлением правосудия, с обязательной государственной дактилоскопической регистрацией. В случаях, предусмотренных законодательством о безопасности, противодействии терроризму, коррупции, оперативно-розыскной деятельности, государственной службе [1].

Можно выделить трех основных субъектов:

1. Субъект персональных данных (Субъект ПД).
2. Оператор персональных данных (Оператор).
3. Третьи лица (включая обрабатывающих лиц).

Субъект персональных данных (далее – Субъект ПД) – это физическое лицо, чьи биометрические данные обрабатываются (например, сотрудник, клиент банка, посетитель фитнес-клуба, пользователь смартфона с разблокировкой по лицу).

Субъект ПД является носителем конституционного права на неприкосновенность частной жизни (ст. 23 Конституции РФ), которое в контексте защиты данных трансформируется в право на защиту своих персональных данных.

Его правовой статус в гражданско-правовом аспекте: обладатель специальных

прав (ст. 14 ФЗ «О персональных данных» № 152-ФЗ):

- право давать согласие на обработку: ключевое право, поскольку обработка БПД возможна, как правило, только с письменного согласия субъекта (ч. 1 ст. 11 152-ФЗ);

- право на отзыв согласия: может в любой момент отозвать свое согласие на обработку БПД;

- право на доступ к информации: может запрашивать у оператора подтверждение факта обработки, цели, перечень обрабатываемых данных;

- право на уточнение, блокирование и уничтожение данных: если данные неполные, устаревшие, обрабатываются незаконно.

Оператор персональных данных – это государственный или муниципальный орган, юридическое или физическое лицо, которые самостоятельно или совместно с другими лицами организуют и (или) осуществляют обработку ПД, а также определяют цели и содержание обработки.

Оператор определяет цели и объем обрабатываемых БПД. Он является ключевым ответственным субъектом.

На оператора возложен широкий круг обязанностей (ст. 18, 18.1, 19 152-ФЗ):

- обязанность получить письменное согласие субъекта ПД (за исключением строго ограниченных случаев, например, обработка в целях пропуска на охраняемую территорию);

- обязанность обеспечить конфиденциальность и безопасность БПД. Он должен применять необходимые организационные и технические меры защиты;

- обязанность хранить БПД только на территории РФ (требование ст. 18 152-ФЗ). Исключения возможны, но они сложны в реализации;

- обязанность использовать для обработки БПД только специальные информационные системы, соответствующие установленным требованиям.

Третьи лица (в т.ч. обрабатывающее лицо) – это лицо, которое осуществляет обработку ПД по поручению оператора. Отношения между оператором и обрабатывающим лицом строятся на гражданско-правовой основе – как правило, это договор возмездного оказания услуг или договор поручения. Действует строго в рамках целей и инструкций, опреде-

ленных оператором. Не определяет цели обработки самостоятельно. Не обязан получать согласие субъекта ПД (это делает оператор).

Таким образом, гражданско-правовые аспекты обработки биометрических персональных данных формируют систему взаимных прав и обязанностей между тремя ключевыми субъектами. Оператор, как главный организатор процесса, несет основную ответственность и обязан выстраивать легитимные отношения как с субъектом данных (через информированное согласие), так и с привлекаемыми третьими лицами (через гражданско-правовой договор). Субъект данных, обладая набором вещно-правовых и обязательственных прав, является активным участником этих отношений, способным защитить свою приватность в судебном порядке.

В соответствии с п. 1 ст. 11 ФЗ-152, обработка БПД может осуществляться только при наличии согласия в письменной форме [1]. Это основное и наиболее часто встречающееся основание в гражданском обороте, особенно в отношениях «оператор-потребитель».

Согласие на обработку БПД не является простой формальностью. Закон предъявляет к нему строгие и конкретные требования. Помимо общих условий для согласия на обработку любых персональных данных (ФИО, адрес, номер основного документа и т.д.), в отношении биометрии действуют особые правила.

В цифровой среде (мобильные приложения, веб-сайты) согласие на обработку данных почти всегда оформляется как присоединение к оферте (публичной договору).

Пользователь, устанавливая приложение или регистрируясь на сайте, принимает условия Пользовательского соглашения (публичной оферты). В этом соглашении содержится пункт о том, что, совершая определенные действия (например, нажимая «Зарегистрироваться»), пользователь дает согласие на обработку своих персональных данных, включая биометрические, на указанных условиях. В данном случае согласие на обработку персональных данных является не самостоятельной сделкой, а одним из условий договора присоединения. Пользователь не может вести переговоры об условиях обработки данных; он может только принять их целиком или отказаться от использования сервиса. Такой под-

ход концентрирует все преимущества на стороне оператора, что порождает проблему добровольности согласия.

Проблема действительности и добровольности согласия в условиях неравного положения – это центральная проблема в гражданско-правовом аспекте.

Теоретически субъект добровольно дает согласие. Фактически, без такого согласия он не сможет получить желаемую услугу (например, открыть счет в банке удаленно, получить пропуск в офис). Это ставит под сомнение добровольность воли субъекта.

Пользовательские соглашения часто написаны сложным юридическим языком и имеют большой объем. Маловероятно, что рядовой пользователь внимательно их изучает. Фактически, он соглашается с условиями, которых не знает и не понимает, что противоречит принципу информированного согласия.

Согласие дается в рамках заключения договора, но должно быть оформлено таким образом, чтобы его можно было идентифицировать как соответствующее специальным требованиям закона.

Гражданско-правовые основания обработки биометрических данных строятся на двух ключевых столпах: согласии субъекта и договоре. Однако в связи со специальным режимом биометрии, основание «договор» фактически не работает без получения отдельного, соответствующего строгим требованиям закона, письменного согласия.

Основные правовые проблемы связаны с обеспечением реальной, а не фиктивной добровольности и информированности субъекта, особенно в условиях цифровой экономики, где согласие становится стандартным пунктом в договоре присоединения. Правоприменительная практика и доктрина движутся в сторону усиления защиты субъекта БПД, требуя от операторов не только формального соблюдения закона, но и обеспечения справедливого баланса интересов в гражданских правоотношениях.

Договор между оператором и субъектом данных является основой легитимности обработки биометрии. Согласие субъекта – это односторонняя сделка (п. 1 ст. 9 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»). Для её совершения не требуется встречного волеизъявления оператора.

Однако юридические последствия (правомерность обработки) наступают для обоих.

В тексте согласия в обязательном порядке должны быть указаны:

1. ФИО, адрес субъекта, номер основного документа, его реквизиты (для физического лица); реквизиты представителя (если согласие дает представитель).

2. Цель обработки БПД (например, для прохода в офисное здание, идентификации в биометрической системе).

3. Перечень обрабатываемых БПД (отпечаток пальца, образец лица, изображение радужной оболочки глаза и т.д.).

4. Перечень действий с данными и способы их обработки.

5. ФИО или наименование оператора, его адрес.

6. Срок действия согласия и способ его отзыва.

7. Подпись субъекта.

Биометрические данные можно обрабатывать только при наличии письменного согласия субъекта (за исключением узких случаев, например, в целях обороны и безопасности). Отсутствие такого согласия – прямое нарушение закона.

Утечка – это прямое неисполнение данной обязанности.

Согласие на обработку должно быть конкретным и информированным. Оператор не вправе использовать данные для любых иных целей, кроме тех, что прямо указаны в согласии.

Субъект в любой момент может отозвать свое согласие на обработку (ст. 9 Закона № 152-ФЗ). После этого оператор обязан уничтожить данные в установленный срок и предоставить подтверждение.

Потерпевшая сторона (субъект персональных данных) вправе использовать следующие механизмы защиты.

1. Требование о возмещении убытков (ст. 15 ГК РФ). В случае реального ущерба – финансовые потери, которые уже понес субъект (например, оплата услуг юриста для устранения последствий утечки, смена документов, если биометрия была привязана к ним). Истец должен доказать: размер убытков (предоставить чеки, квитанции) и причинно-следственную связь между нарушением оператора и наступившими убытками.

2. Компенсация морального вреда (ст. 151, 1099-1101 ГК РФ). Это связано с тем, что нарушение режима обработки биометрических данных посягает на нематериальные блага – неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Согласно ст. 1099 ГК РФ, компенсация морального вреда осуществляется независимо от возмещения имущественного вреда. Факт нарушения сам по себе считается причиняющим нравственные страдания (чувство тревоги, страх за безопасность себя и семьи, потеря контроля над личной информацией) [5]. Суд определяет размер компенсации исходя из принципов разумности и справедливости, учитывая степень вины нарушителя, характер физических и нравственных страданий, а также индивидуальные особенности потерпевшего.

3. Требование о пресечении действий, нарушающих право (ст. 12 ГК РФ). Это требование носит обеспечительный характер. Его можно заявить как самостоятельно, так и вместе с требованием о компенсации.

Судебная практика по данным спорам только формируется, но уже есть показательные прецеденты. Ключевая тенденция – суды встают на защиту прав субъектов и взыскивают компенсацию морального вреда.

Общая тенденция: суды общей юрисдикции чаще рассматривают иски физических лиц к компаниям, а арбитражные – споры между юридическими лицами (например, когда один оператор передал данные другому с нарушением).

Современное правовое регулирование в области защиты персональных данных в Российской Федерации предполагает двухуровневую систему ответственности: административную по ст. 13.11 КоАП РФ и уголовную по ст. 137 и 272 УК РФ. Анализ норм об уголовной ответственности выявляет наличие законодательной коллизии в ст. 137 УК РФ. Её суть заключается в отсутствии системной связи между частями 1 и 3 данной статьи: часть 3 в качестве квалифицирующего признака закрепляет использование сети «Интернет», в то время как базовый состав, предусмотренный частью 1, не содержит указания на распространение информации в информационно-телекоммуникационных сетях. Разрешение указанной коллизии видится в совершенствовании законодательной техники путем внесе-

ния соответствующих изменений в диспозицию части 1 ст. 137 УК РФ [6].

Фотографии на пропуске суды расценивают как биометрические персональные данные. Так, в одном деле Арбитражного суда Северо-Западного округа прямо указал, что такие фотографии характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основе которых можно установить его личность путем сравнения фото и содержащихся на документе (пропуске) фамилии, имени и отчества с лицом предъявителя пропуска (Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 21 ноября 2017 г. N Ф07-11732/17 по делу № А42-342/2017) [8].

Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 21 ноября 2017 года №Ф07-11732/2017 по делу №А42-342/2017 принято по заявлению государственного областного унитарного предприятия «Учебно-спортивный центр» Комитета по физической культуре и спорту Мурманской области о признании недействительным предписания Управления Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Мурманской области от 28.10.2016 №П-51/4/129-нд/-/1/40 [8].

Решение суда: суд частично удовлетворил требование. Он посчитал, что отсутствие в соглашениях на обработку персональных данных срока их действия не свидетельствует о нарушении требований закона. При этом действия предприятия по сбору и использованию фотографий подпадают под понятие обработки персональных данных, но согласия лиц на обработку их биометрических персональных данных (фотографий) не получено [8].

В Пермском крае суды трех инстанций поддержали позицию Роспотребнадзора о том, что обработка кредитной организацией персональных данных в течение 10 лет после прекращения обязательств по договору с потребителем является незаконной и противоречит требованиям частей 2, 7 статьи 5 Федерального закона «О персональных данных».

Так, в 2021 году между Банком и потребителем заключен Договор накопительного счета путем присоединения к договору о комплексном банковском обслуживании физических лиц. Пунктом 3.16.14 договора предусмотрено: «Банк осуществляет обработку персональных данных Клиента в течение все-

го срока действия соглашений, договоров, включая договор о комплексном банковском обслуживании физических лиц, заключенных с Банком, а также в течение 10 лет с даты прекращения обязательств сторон по соглашениям». Согласно пункту 3.17 договора: «Персональные данные Клиента подлежат уничтожению по истечении 10 (десяти) лет с даты прекращения обязательств Сторон по Договору» [7].

Постановлением Роспотребнадзора от 11.01.2022 Банк признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного по части 2 статьи 14.8 Кодекса об административных правонарушениях, в том числе на основании вышеизложенных положений договора, содержащих завышенный, не подтвержденный целями срок обработки персональных данных клиента.

Акционерное общество «Альфа-Банк» обратилось в суд с заявлением о признании незаконным и отмене постановления Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Пермскому краю №53 от 11.01.2022 по делу об административном правонарушении, о привлечении к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.8 КоАП РФ, о признании недействительным представления Управления №11 от 11.01.2022 [7].

Решение: в удовлетворении требования отказано, поскольку в действиях общества установлен состав вменяемого правонарушения. Суд постановил: решение Арбитражного суда города Москвы от 16 мая 2022 года и постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 июля 2022 года по делу №А40-12838/2022 оставить без изменения, кассационную жалобу – без удовлетворения [7].

В другом деле гражданка С. пожаловалась на гражданку М., которая без согласия осуществляла видеосъемку на камеру мобильного телефона с участием первой. Территориальное управление Роскомнадзора отказало в возбуждении дела, установив, что видеозапись не содержит сведений, позволяющих идентифицировать гражданку С. как конкретного субъекта персональных данных, что свидетельствует об отсутствии нарушений положений закона о персональных данных, в связи

с чем доводы жалобы были опровергнуты районным и областным судом [9].

Постановление Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции от 16 октября 2020 года по делу №16-894/2020 отказало в признании незаконным отказа в возбуждении дела об административном правонарушении [9].

Суд пришёл к выводу, что несогласие заявителя с оценкой имеющихся в деле доказательств и с толкованием судебными инстанциями норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях не свидетельствует о том, что судами допущены нарушения норм материального права и (или) процессуальные требования, не позволившие всесторонне, полно и объективно рассмотреть дело [9].

Помимо требования об обязательном письменном согласии на обработку персональных данных оператору требуется соблюдать положение о неразглашении персональных данных без согласия субъекта. В одном деле апелляционный суд согласился с доводами суда первой инстанции, отметив, что у потребителя не было возможности отказаться от передачи его персональных данных третьим лицам, и, следовательно, потребитель, являющийся стороной договора, был лишен возможности влиять на его содержание.

Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 октября 2020 года №11АП-13301/20 по делу №А55-14835/2020 отказало в удовлетворении требования об отмене актов о привлечении к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.8 КоАП РФ [10].

Дело рассматривалось по апелляционной жалобе общества с ограниченной ответственностью «Русфинанс банк» на решение Арбитражного суда Самарской области от 17 августа 2020 года. Банк обращался с требованием о признании в части незаконным и отмене постановления Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Республике Татарстан [10].

Суд пришёл к выводу, что отсутствие в кредитном договоре возможности права выбора потребителя (согласия либо отказа) от передачи персональных данных третьим лицам является нарушением статьи 16 Закона

№2300-1 и статей 3, 7 Закона «О персональных данных» [10].

Гражданско-правовая ответственность за нарушения в сфере обработки биометрических данных является действенным инструментом защиты. Наиболее эффективным и распространенным способом является взыскание компенсации морального вреда, так как сам факт нарушения законодательства о биометрии признается причиняющим нравственные страдания. Однако для достижения реальной компенсаторной и превентивной функции необходимо продолжать работу над повышением правосознания судей в части определения адекватных размеров компенсаций.

Проведенное исследование гражданско-правовых аспектов обработки биометрических персональных данных позволяет констатировать, что данная сфера находится на стыке динамичного технологического развития и консервативных правовых институтов, что порождает комплекс актуальных вызовов и проблем. Формирование адекватного и эффективного правового режима для биометрии является одной из ключевых задач современного российского законодателя.

В ходе анализа было установлено, что биометрические данные, в силу своей уникальности, неотчуждаемости и способности однозначно идентифицировать субъекта, представляют собой особую, специальную категорию персональных данных. Это обуславливает необходимость установления для них повышенного уровня правовой защиты. Основу такого регулирования в Российской Федерации составляют нормы Закона «О персональных данных» и подзаконных актов, которые, однако, не лишены системных недостатков. К ним можно отнести недостаточную конкретизацию процедур получения явного согласия субъекта, особенно в контексте удаленной идентификации, а также наличие широких исключений, позволяющих обрабатывать биометрию без согласия (например, в рамках реализации международных договоров или в целях охраны правопорядка), что создает риски для злоупотреблений.

Гражданско-правовой аспект проявляется, прежде всего, в договорных отношениях, где обработка биометрии становится либо условием соглашения (как в банковском или тру-

довом договоре), либо самостоятельным объектом регулирования. При этом ключевой проблемой остается обеспечение действительности согласия на обработку, которое должно быть информированным, конкретным и сознательным. На практике зачастую наблюдается формальный подход к его получению, когда такое соглашение «скрыто» в общей массе стандартных договорных условий.

Еще одной значимой проблемой является определение правовой природы биометрических данных и ответственности операторов.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» // Консультант Плюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/7336c78762a98b5f4f698b8c3800dca111acc16/.
2. Родионов Л.А., Таренкова О.А. Особенности гражданско-правовой защиты персональных данных // Правовая мысль. – 2022. – № 2 (5). – С. 104-111.
3. Рузанова В.Д. Персональные данные как гражданско-правовая категория // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 3 (69). – С. 77-83.
4. Разъяснения Роскомнадзора «О вопросах отнесения фото- и видео- изображения, дактилоскопических данных и иной информации к биометрическим персональным данным и особенности их обработки» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/razjasnenija-roskomnadzora-o-voprosakh-otnesenija-foto-i/>.
5. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Консультант Плюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/24d79364862d3c598a825b189d81411906bb1aed/.
6. Минина А.А., Атаян Г.Ю., Богатырева А.Т. Отдельные особенности правового режима и защиты персональных данных // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 8 (224). – С. 164-167.
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 3 октября 2022 г. по делу № А40-12838/2022 // Судебные и нормативные акты РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/5ZoVvZpRixNC/>.
8. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 21 ноября 2017 г. N Ф07-11732/17 по делу № А42-342/2017 // Гарант – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/41256802/>.
9. Постановление Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции от 16 октября 2020 года по делу № 16-894/2020 // КонсультантПлюс – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ004&n=21851#PzhJR2VUXvWyLJm81>.
10. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 октября 2020 года № 11АП-13301/20 по делу № А55-14835/2020 // Гарант – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/64078963/>.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Судебные и нормативные акты РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/law/gk-rf-chast1/razdel-i/podrazdel-1/glava-2/statia-12/?ysclid=mhxc0g57w334563764>.

Гражданский кодекс РФ не содержит прямых указаний на этот счет, что порождает дискуссии о возможности распространения на них режима вещных прав или признания их особым нематериальным активом. В контексте ответственности актуальным остается вопрос о распределении бремени доказывания и применении механизмов компенсации морального вреда при нарушении прав субъектов биометрических данных. Судебная практика по данным вопросам только начинает формироваться и нуждается в унификации.

12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.10.2025) // Судебные и нормативные акты РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/law/koap/razdel-ii/glava-13/statia-13.11_1/?ysclid=mhxpgz0060344670077.

13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Судебные и нормативные акты РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/law/uk-rf/osobennaia-chast/razdel-vii/glava-19/statia-137/?ysclid=mhxplgv59c68004121>.

14. Чукреев В.А. Персональные данные, в том числе биометрические данные, как предметы уголовно-правовой охраны // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2022. – № 3 (91). – С. 107-116.

15. Терещенко И.А. Биометрические персональные данные: проблемы и перспективы определения понятия // Закон и право. – 2024. – № 2. – С. 186-192.

16. Болотаева О.С. Биометрические персональные данные как средства индивидуализации физического лица // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 8 (236). – С. 245-247.

17. Цыпухина А.Н. Биометрические персональные данные: правовые проблемы / А.Н. Цыпухина // Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности (к 140-летию со дня рождения мученика Ю.П. Новицкого): сборник трудов V Международной научно-практической конференции, Кострома, 16 сентября 2022 года / Костромской государственной университет; Костромская митрополия Русской православной церкви; Костромская духовная семинария; Костромская духовная семинария; АНО «Паломническая служба «Стезя». – Кострома: Костромской государственной университет, 2022. – С. 130-134. – EDN HURNJJ.

CIVIL LAW ASPECTS OF BIOMETRIC PERSONAL DATA PROCESSING

E.N. Bashirina, *Candidate of Political Sciences, Associate Professor*

L.F. Nurgalieva, *Student*

Ufa University of Science and Technology
(Russia, Ufa)

Abstract. *The relevance is due to the massive introduction of biometric technologies (face recognition, fingerprints, voice scanning) into the digital economy, which requires adequate legal regulation. The processing of biometric personal data (BPD) is one of the most strictly regulated areas in Russian legislation on personal data. This is associated with increased risks to the rights and freedoms of the subject, since biometrics is an immutable and unique characteristic of a person, and its compromise is irreversible. The purpose of the study: to conduct a comprehensive civil law analysis of the turnover of biometric data in Russia.*

Keywords: *biometric data; personal data; personal data operator; consent to the processing of personal data; civil liability; personal data subject.*

ПРЕДМЕТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ФУНКЦИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Э.Д. Гаврилова, студент
Волгоградский государственный университет
(Россия, г. Волгоград)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-77-81

***Аннотация.** В статье анализируется предметное содержание одной из государственной функций по обеспечению безопасности личности, общества и государства при обороте цифровых данных, включающей деятельность государства по: 1) совершенствованию и обновлению научно-теоретических знаний по проблеме; 2) обеспечению надежного функционирования информационной инфраструктуры на основе национальных средств шифрования и криптозащиты; 3) развитию электронного документооборота; 4) усилению целостности, устойчивости, единства управления сетями связи в РФ. Автор выдвигает предложения по совершенствованию государственной деятельности в данных областях: сквозная унификация данных, импортозамещение программного обеспечения, разумная интеграция систем искусственного интеллекта в контрольно-надзорную деятельность и др.*

***Ключевые слова:** цифровой суверенитет; государственная функция; безопасность данных; национальное программное обеспечение; стратегия развития.*

В теории права существует дискуссия по вопросу классификации функций государства, исходя из которой выделяется ряд неосновных функций, по признаку однородного характера деятельности рассматриваемые как подфункции для какой-либо основной функции. При этом, современный этап развития российского общества связан с формированием информационной цивилизации, основа которой информационные технологии, в том числе в виде цифровых данных. Элементы информатизации и цифровизации включаются в содержание традиционных функций государства и приводят к объективной необходимости формирования новой самостоятельной и основной функции безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий и обороте цифровых данных.

В предметное содержание функции обеспечения безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий и обороте цифровых данных включается вся совокупность конкретных однородных процедур, действий и операций органов власти, организаций и граждан по решению оперативно-тактических и стратегических задач развития государства на данном направлении. Однородный характер деятель-

ности государственных органов в сфере информатизации предполагает объединение всех форм и методов воздействия на новые отношения в обществе по трем основным направлениям:

1) улучшение интернет-инфраструктуры (развитие широкополосного доступа в интернет с высокой скоростью во всех домохозяйствах, сетей с устойчивым покрытием 4G и 5G и маршрутизацией трафика через отечественные сети;

2) создание цифровых платформ в десяти основных сферах экономики: использование платформ должно будет повысить производительность в этих секторах, однако их нецелесообразно внедрять отдельно – в таком случае цифровые базы данных окажутся столь же разрозненными, что и нынешние информационные системы, только на более высоком технологическом уровне;

3) развитие цифровых платформ в единой цифровой парадигме «государства как платформы».

На практике это означает использование в госуправлении следующих новых принципов и методов:

1) поворот «от документов – к данным»;

2) унификация нормативов хранения и использования данных для интеграции государственных информационных систем;

3) прозрачность принимаемых решений за счет максимальной открытости данных и устранения человеческого фактора из принятия решений;

4) создание дополнительных (в том числе мобильных) каналов взаимодействия граждан и бизнеса с государством;

5) совершенствование госаппарата за счет развития каналов обратной связи и оптимизации расходов на государственное управление.

Расширение доступа к достоверным данным и технологиям их анализа в конечном счете может улучшить качество любых управленческих решений (стратегических, тактических и оперативных), пусть даже полная алгоритмизация возможна только для решения оперативных проблем. Такая унификация наряду с обеспечением доступа к данным даст серьезный толчок развитию регионов и муниципальных образований, расположенных на их территориях [1]. Освещение предметного содержания новой государственной функции затрагивает решение вышеназванных задач государства по достижению намеченных целей устойчивого и безопасного развития цифрового (информационного) общества.

Так, к примеру, в целях реализации задачи совершенствования и обновления научно-теоретических знаний по вопросам современного безопасного функционирования человека, общества и страны необходимо расширить изучение в вузовских программах основ финансовой грамотности и основ безопасного использования современного программного обеспечения (в рамках курса информатики для конкретного вида профессиональной деятельности. Данная проблема имеет важное значение, поскольку нецелесообразно внедрять всеобщую цифровую вовлеченность граждан при относительно низком уровне их цифровой финансовой грамотности [2, с. 174]. Отсутствие всеобщей цифровой финансовой грамотности не позволит обеспечить достижение национальных целей развития России, например, безопасно и эффективно участвовать в финансовых операциях с применением платежного средства в виде цифрового рубля.

По вопросу обеспечения доступа к образовательным и просветительским программам

современной научно-культурной направленности представляется интересной разработка психологического сопровождения формирования и развития критического мышления человека в информационной среде с помощью цифровых данных. В рамках компетенции Минобрнауки и Минпросвещения России с технической поддержкой Минцифры России следует нормативно уточнить задачи этих органов [3, с. 22] и методику внедрения в образование и просвещение граждан общего подхода, основанного на преобразовании информации в достоверные исторические знания и стимулирование интереса к их приобретению.

В свою очередь, осуществление задачи развития современных сервисов обмена и доступа к знаниям для формирования нового уровня правосознания и правовой культуры граждан в цифровой среде Минцифры России во взаимодействии с ФСБ России и ФСТЭК России должно не столько увеличить число сервисов, сколько улучшить качество циркулируемых в российском сегменте сети Интернет электронных ресурсов и материалов. В связи с тем, что Интернет-технологии разрывают исходную связь между источником информации и содержанием сообщения на больших расстояниях [4, с. 21], они должны быть направлены на получение наиболее полного и объективного представления о правах и обязанностях граждан, общественных и государственных интересах, разграничении этих интересов.

Закономерно, что уровень правосознания и правовой культуры тем выше, чем цифровой контент отражает истину и справедливость в правовых отношениях и государственном устройстве общества, а государственные гарантии получения качественного знания, в том числе исторически правдивого, способствуют более глубокому воздействию на духовный мир обучающегося и любого гражданина, сохранению неразрывного единства его личных интересов и интересов народа и страны.

При этом, безусловно, обеспечение высокого уровня цифровой культуры граждан, безусловно, не единственная задача государства, когда мы затрагиваем такую масштабную функцию как обеспечение безопасности личности, общества и государства в цифровой среде. На современном этапе необходимо

также обеспечить достойное функционирования информационной инфраструктуры на основе российских средств шифрования и криптозащиты, развивать принцип национальной юрисдикции исключительно на все объекты критической инфраструктуры и программное обеспечение, направленное на поддержание устойчивого ее функционирования. Это является компетенцией ФСБ, ФСТЭК и Минцифры России. Например, отмечается, что использование иностранных программных продуктов не всегда позволяет отслеживать все имеющиеся уязвимости программ и оборудования субъектов критической информационной инфраструктуры, предотвращать заражение вредоносным ПО, защищаться от DDOS-атак [5, с. 183].

Применение национального ПО дает возможность контролировать и предвидеть возможности злоумышленников по деструктивному психологическому воздействию на российских граждан, нарушению производства и несанкционированному доступу к информации, раскрытию информации об оборонном потенциале страны. Интеграция безопасных, надежных и доступных программ и сервисов в сети Интернет на основе национального программного обеспечения для обеспечения деятельности органов публичной власти возможна при развитии и совершенствовании системы уровневого взаимодействия между органами ФСБ, ФСТЭК, Минцифры России и профильными отделами информационной безопасности учреждений и предприятий государственного сектора. Взаимодействие представляет собой налаживание круглосуточного мониторинга и выявления скрытых угроз, немедленное информирование о возникших сбоях программного обеспечения, привлечение организаций к проведению технических экспертиз компьютерных инцидентов, формирование предложений и рекомендаций по совершенствованию программного кода российских информационных систем.

Между тем, на настоящий момент видится необходимым создание сбалансированного правового регулирования защиты и оборота персональных данных граждан РФ на российских серверах и в российской юрисдикции следует усовершенствовать требования законодательства РФ о персональных данных. С одной стороны, существуют чисто техниче-

ские проблемы, возникающие при аутентификации пользователя: случайный подбор пароля, отсутствие или неправильная работа принимающего сигнал мобильного телефона или иного устройства, перехват ключа биометрического образа человека. С другой стороны, многие проблемы исходят из наличия именно правовых пробелов действующего законодательства. Правовые основы применения информационных технологий регламентируются в одном законе, чего явно недостаточно, крайне неэффективным является размер ответственности на незаконное распоряжение персональными данными граждан, отсутствует вообще обязанность уведомлять владельцев персональных данных о передаче их данных третьим лицам и ответственность за неоповещение этих граждан [6, с. 169]. Усовершенствование технических средств защиты и ликвидация юридических пробелов – вот две стороны предметного содержания этой функции для Банка России, Минцифры, ФСБ и ФСТЭК России как субъектов.

Для перевода в российский интернет-сегмент и усиление целостности, устойчивости, единства управления сетями связи в РФ, доступного предоставления услуг связи гражданам РФ созданы практически все реальные возможности. В первую очередь следует обеспечить реальную ответственность импортеров и производителей несертифицированного оборудования связи с документацией, не переведенной в полном объеме на русский язык. Это входит в сферу ведения Минцифры России и Роскомнадзора. Перспективным представляется развитие проекта низкоорбитальных спутников «Сфера» для обеспечения связью всех труднодоступных территорий страны, дистанционного зондирования Земли, проведения спасательных операций, развития беспилотного транспорта и освоения Северного морского пути.

По вопросам развития сетевого взаимодействия участников гражданского оборота на основе электронного документооборота необходимо понимать, что введение последнего не замещает полностью традиционные формы бумажного документооборота. Их представление еще пока рассматривается как дублирующий итоговый вариант последующего оформления правовых отношений. Полное внедрение электронного документооборота

(например, в ФНС России) предполагает тотальную технологическую оснащенность и высокий уровень цифровой зрелости организаций в масштабе России или отдельного региона. Однако в этом случае бумажный вариант сохраняет актуальность в случае компьютерных инцидентов.

Перевод отчетности, режима контрольно-надзорных мероприятий в онлайн-сферу с целью снижения издержек и административного давления на бизнес требует унификации правил введения, использования и назначения ЭД со стороны Минцифры России. Организация системы ЭД построена на координации обмена нормативной документацией в цифровом виде как совокупностью цифровых данных. Государство предоставляет услуги бизнесу, а бизнес-структуры управляют делопроизводством и обмениваются цифровыми данными между собой и властью в безопасной информационной среде [7, с. 116]. В этой связи перспективными формами взаимодействия контрольно-надзорных органов государства и бизнеса, полагаем, являются сокращение и постепенный отказ от бумажного документооборота; профилактика ошибок и рисков информационной безопасности; внедрение искусственного интеллекта и открытых цифровых платформ в среду цифровых данных; усиление отечественного сегмента ИТ-продуктов; повышение качества корпоративного управления. Одной из значимых мер обеспечения безопасности финансовых услуг является использование метода разового пароля путем подтверждения по разовому СМС-коду, направленному на смартфон клиента. Единый портал государственных услуг сегодня уже предусматривает биометрическую аутентификацию граждан.

Вместе с тем, интересной тенденцией является расширение сетевого взаимодействия организаций высшей школы при выполнении уставных функций и целей, предоставляющее преимущества для повышения квалификации преподавателей в открытом сегменте сети Интернет, позиционирования цифровой открытости вуза, многовариантности реализуемых образовательных программ [8, с. 41]. При этом, существует риск снижения качества образования и результативности запланированных образовательных мероприятий, поскольку количество часов по сетевой образователь-

ной программе ограничено, поэтому стимулирование поступления на эти формы обучения поддерживается лишь посредством государственного финансирования по грантам Минобрнауки, Минпросвещения России и т.д.

Кроме того, актуализируются задачи по обеспечению безопасности личности, общества и государства и при внедрении различных форм электронной демократии. В данном случае потребуются комплексное понимание организационно-вспомогательного назначения электронных процедур голосования или опросов населения при принятии важнейших решений на государственном или муниципальном уровне. На сегодняшний день в Российской Федерации уже используются такие электронные платформы, как Единый портал государственных услуг, «Цифровой избирательный участок», «Мобильный избиратель», «ИнформУИК», система дистанционного электронного голосования (ДЭГ) и др. С одной стороны, они расширяют возможности для граждан участвовать в публичной политике, а с другой, порождают новые проблемы защиты инфраструктуры выборов, дополнительных гарантий избирательных прав граждан в цифровой среде, равного доступа к электронным формам электоральной деятельности [9]. Именно поэтому следует расширять и улучшать программную часть цифровых сервисов в процессе организации и проведения выборов, чтобы минимизировать ошибки при сборе подписей избирателей, заполнении ключевых избирательных документов. Использование безопасных и защищенных электронных форм избирательных бюллетеней позволит существенно повысить явку избирателей и демократизировать государственное управление, оптимизировать соотношение затрат и выгод, развивать политико-правовую культуру личности и общества.

Сказанным не исчерпывается значение конкретных однородных действий государства, общества и личности по воплощению в жизнь предметного содержания функции Российского государства по обеспечению безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий и обороте цифровых данных. Важнейшей основой для осуществления новой государственной функции является развитие и совершенствование нормативной базы.

Библиографический список

1. Шклярук М. У государства-платформы должен появиться главный архитектор. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/WoXc4RaKkT0y2nvE>.
2. Кудряшова Е.В. Финансово-цифровая грамотность и ее значение для развития права // Формирование многополярного мира: вызовы и перспективы: Сборник докладов XI Московского юридического форума (XXIV Международной научно-практической конференции). В 3-х частях, Москва, 08-12 апреля 2024 года. – М., 2024. – С. 172-174.
3. Шихер Н.Д. Анализ реализации политики по защите традиционных духовно-нравственных ценностей в России сегодня // Образование и право. – 2025. – № 6. – С. 20-25.
4. Молчанов С.В. Права человека на доступ к электронным источникам информации в современных реалиях // Юридическая наука и практика. – 2024. – № 4. – С. 18-22.
5. Янгаева М.О., Шепель Н.В. Актуальные способы неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2024. – № 4 (68). – С. 180-185.
6. Сеидов Г.З. Проблемные аспекты административно-правового обеспечения информационной безопасности Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 9 (196). – С. 169-170.
7. Разумова М.А., Перова М.В. Перспективы развития электронного документооборота во взаимодействии органов власти и бизнес-структур // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 110-18. – С. 115-118.
8. Старостина С.Е. Сетевое взаимодействие образовательных организаций: линии взаимодействия и ключевые риски // Ученые записки Забайкальского государственного университета. – 2024. – Т. 19. № 4. – С. 41-42.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 № 17 «Об отдельных вопросах, возникающих у судов при рассмотрении дел об административных правонарушениях, посягающих на установленный порядок информационного обеспечения выборов и референдумов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2024. – № 8.

THE SUBSTANTIVE CONTENT OF THE FUNCTION OF ENSURING THE SECURITY OF THE INDIVIDUAL, SOCIETY AND THE STATE IN THE APPLICATION OF INFORMATION TECHNOLOGY

E.D. Gavrilova, Student
Volgograd State University
(Russia, Volgograd)

***Abstract.** This article analyzes the substantive content of one of the state functions to ensure the security of individuals, society, and the state in the circulation of digital data, including state activities to: 1) improve and update scientific and theoretical knowledge on the issue; 2) ensure the reliable functioning of the information infrastructure based on national encryption and cryptographic protection tools; 3) develop electronic document management; 4) strengthen the integrity, sustainability, and unity of management of communications networks in the Russian Federation. The author puts forward proposals for improving state activities in these areas: end-to-end data unification, software import substitution, rational integration of artificial intelligence systems into control and supervisory activities, etc.*

***Keywords:** digital sovereignty; state function; data security; national software; development strategy.*

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ФУНКЦИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Э.Д. Гаврилова, студент

Волгоградский государственный университет
(Россия, г. Волгоград)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-82-86

Аннотация. Автор исследует цели и задачи функций государства по обеспечению безопасности личности, общества и страны при применении информационных технологий и обороте цифровых данных. В качестве способов совершенствования государственной деятельности в данных сферах предлагается развитие цифрового права как основы для комплексного обновления законодательства, постепенная интеграция новых субъектов (например, микрофинансовых, страховых организаций) в систему контроля и развития цифровой грамотности граждан, а также ужесточение уголовной и административной ответственности за совершенные киберпреступления.

Ключевые слова: государственная функция; государственные цели; обеспечение безопасности; нормативная база; информационные технологии.

На современном этапе развития общества и государства на передний план выходит технологическая сторона деятельности государства, связанная со становлением информационного (цифрового) общества. Во многом это позволяет констатировать появление новой и самостоятельной функции Российской Федерации по обеспечению безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий и обороте цифровых данных. Защита информационной безопасности граждан и страны, цифровой независимости государства направлена на решение коренных стратегических задач, стоящих сегодня перед страной, а поэтому может называться основной и самостоятельной функцией государства.

В теории права цели и задачи той или иной функции государства соотносятся как общее и особенное, абстрактное и конкретное. Цель рассматривается в качестве глобального, фундаментального и относительно отдаленного ориентира развития, а задачи не только конкретизируют цели, но и оформляют рабочий алгоритм пошагового достижения намеченных целей развития личности, общества и государства. Кроме того, между целями и задачами иногда называют и промежуточные цели, расшифровывающие сущность и пути достижения генеральной, общей цели. Считаем, что общее понимание цели осуществления

функции обеспечения безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий и обороте цифровых данных зависит от того, какая модель лежит в основании цифровой трансформации страны, общества и государства: патерналистская, сервисная (платформенная) или партнерская.

Так, патерналистская модель основана на прямом административном включении информационных технологий и цифровых данных в сферу правового регулирования, что позволит поставить их под контроль государства. В первую очередь, речь идет о решении следующих задач: ускорение обмена информацией, автоматизация ее оборота, расширение инструментов и технологий обработки данных, выделение цифровых технологий в самостоятельный предмет регулирования [1, с. 285].

В свою очередь, суть платформенной модели заключается в уровне взаимодействия государства, граждан и бизнеса. Высший уровень курируется профильным вице-премьером правительства и включает в себя Центр цифровой трансформации и компетенций, Программный офис, Оператор Государственной цифровой платформы. Средний уровень связывает высший и первичный, разрабатывает и эксплуатирует отдельные крупные сервисы. Базовый уровень производит пер-

вичную обработку данных для построения электронных сервисов (например, ЕСИА), услугами которых компании и граждане смогут воспользоваться с помощью мобильных приложений или физических интерфейсов (в помещении МФЦ). На практике это тоже будет означать автоматизацию государственных услуг на базе технологий big data.

Создание Платформы потребует не только разработки нормативной базы (и корректировки уже имеющихся актов), но и широкого обновления кадров, которые сегодня, в большинстве своем, не обладают должными цифровыми компетенциями. В конечном счете, успех реформы будет определяться снижением стоимости операций в системе государственного управления; повышением скорости оказания услуг; удовлетворенностью пользователей; сокращением традиционных «бумажных» сервисов [2, с. 481].

В платформенной структуре отношений государство принимает на себя те функции, которые изначально принимали на себя в высокотехнологичных странах транснациональные цифровые корпорации (далее – ТНК). Государство – главный владелец цифровых коммуникаций, сервисная площадка, регулятор и арбитр возникающих споров. Однако такая схема взаимоотношений не всегда полезна для развития всего бизнеса и реализации прав и свобод граждан. Игнорирование этого момента приводит к тому, что транснациональные цифровые компании могут сами попытаться захватить государственную власть и выдавать частный корпоративный интерес за государственный интерес. Средний и мелкий бизнес и граждане при этой схеме оказываются наименее защищенными в правовом аспекте.

Идеологическое обоснование этого подхода заключено в формулировании генеральной цели рассматриваемой нами функции как создание цифрового общества и цифрового государства (подразумеваемого как находящегося под контролем крупного IT-бизнеса). Те же цели, которые имеют самостоятельную ценность: новый вариант экономических отношений (цифровая экономика), новый уровень отношений между обществом и государством (цифровое правительство), создание высокотехнологичной инфраструктуры (цифровое

пространство) становятся инструментом достижения власти ТНК.

Полагаем, партнерская модель реализации анализируемой функции современного Российского государства является для России наиболее приемлемой. Эта модель предполагает, что государство берет на себя организующую и направляющую роль через систему правового регулирования в построении безопасной информационной среды с работающими в ней цифровыми данными. Однако основную работу по построению этой среды осуществляют институты бизнеса и общества, общественные объединения и граждане во взаимодействии с органами публичной власти.

На наш взгляд, общей и фундаментальной целью государственной функции обеспечения информационной безопасности и оборота цифровых данных является построение высокообразованного и культурно ориентированного общества знаний, что отличает нашу страну от материально обусловленной прибылью и доходом цели построения цифрового общества и государства как самодостаточной.

Между тем, наличие общей цели допускает ее разделение на ряд промежуточных, более детально проработанных целей, среди которых можно назвать следующие цели:

- 1) развитие творческого потенциала человека, его умений, навыков и компетенций, удовлетворение информационных потребностей;
- 2) создание стабильной и безопасной информационной среды взаимодействия личности, общества и государства;
- 3) формирование этически и социально ориентированной цифровой экономики в России.

Например, цель государственной политики связанная с формированием интеллекта и расширением цифровой грамотности граждан, подразумевает построение особой сетевой интеллектуальной среды создания и оборота, доступа к объективной, социально значимой, достоверной и качественной информации, относительно которой должна гарантироваться предсказуемость, уверенность, надежность, полезность, актуальность данных, т.е. общий режим информационной безопасности личности [3, с. 857].

Полагаем, что для реализации указанной цели потребуются решение следующих задач:

1) совершенствование и обновление научно-теоретических знаний, уровень которых отвечает вызовам времени и имеет направленность на безопасное функционирование человека, общества и страны;

2) осуществление образовательных программ и просветительских мероприятий, нацеленных на доступ к общепользным знаниям и достижениям современной культуры и науки;

3) развитие дистанционных, электронных и иных современных сервисов обмена и доступа к знаниям для формирования развитого правосознания, основанной на ответственности перед обществом потребительской и правовой культуры.

Вторая цель новой государственной функции, связанная с формированием устойчивого и безопасного информационного пространства, предполагает серьезное усовершенствование информационно-телекоммуникационной инфраструктуры России, ведь в результате усложнения технологической основы и расширения списка угроз информационной безопасности правовое регулирование вынуждено экспериментально воздействовать уже на использование квантовых технологий [4, с. 69].

Отметим, что данная цель обуславливает решение следующих задач:

1) обеспечение создания и надежного функционирования информационной инфраструктуры России на основе российских средств шифрования и криптозащиты, подключение всех органов власти, учреждений и должностных лиц к этой инфраструктуре;

2) интеграция технологической и производственной безопасности программ и сервисов в сети Интернет на основе национального программного обеспечения со встроенными средствами защиты с учетом разумного подхода к импортозамещению, а также внедрение российских информационно-коммуникационных технологий в органах публичной власти и социальном секторе, поддержка отечественных разработчиков программного обеспечения с акцентом на приоритетную роль безопасности, надежности и доступности конечного продукта;

3) создание разумного правового регулирования процедур и алгоритмов защиты персональных данных граждан РФ на российских серверах и в российской юрисдикции;

4) перевод в российский сегмент сети Интернет и усиление целостности, устойчивости, единства управления сетями связи в РФ и доступного предоставления услуг связи гражданам РФ.

Наконец, третья цель новой государственной функции, связанная с развитием цифровой экономики и социальной сферы, означает направленность на конституционно охраняемые ценности повышения качества жизни граждан, стимулирование экономического роста, социальной солидарности и народосбережения (ст. 75.1 Конституции РФ). Она связана с решением задач развития сетевого взаимодействия участников гражданского оборота на основе электронного документооборота и совершенствования нормативно-правовой базы. В правовой литературе имеется аргументированное мнение о наличии значимых нормативных пробелов в сфере функционирования Интернет-отношений, о дополнении нормативного регулирования саморегулированием, экономическими методами воздействия на поставщиков и покупателей. Кроме того, появление весьма близких по смыслу терминов «владелец агрегатора информации», «информационный посредник», «владелец маркетплейса», «цифровая платформа» и т.д. не укладывается в свободную рыночную конкуренцию и требует сочетания государственного и децентрализованного регулирования.

Невозможно предусмотреть все действенные меры по обеспечению информационной безопасности и защите цифровых данных граждан, бизнеса и государства. При этом, в контексте исследования следует отметить следующие подходы по вопросу совершенствования законодательного регулирования отношений, связанных с безопасным применением информационных технологий.

Первый подход связан с использованием общепринятых понятий и конструкций гражданского, конституционного и уголовного права, известных подходов к регулированию отношений: считается, что если информационные технологии внедрены в быт, производство и управление обществом и государством, то законодательство и правовое регулирова-

ние в целом должны идти следом, совершенствоваться и адаптироваться в условиях цифровой трансформации [6, с. 508].

Второй подход учитывает, что цифровая трансформация чревата появлением неопределенно большого числа рисков и вызовов, необходимо срочное введение новых понятий и представлений о цифровых явлениях в правовое поле через принятие нормативных правовых актов уровня Цифрового кодекса. Отмечается, что на основании этого нового документа должны быть внесены системные изменения в существующие кодексы (гражданский, уголовный, процессуальный, налоговый, таможенный и др.). В частности, требуют урегулирования вопросы определения цифровых объектов гражданских прав, цифровых сделок, уточнения ряда составов киберпреступлений, введения штрафов за распространение «фейков», экстремистских высказываний и т.п.

Более обоснованным и целесообразным, на наш взгляд, представляется третий подход, предлагающий включать развитие информационного права в контекст научно-технологического развития страны, обеспечения технологического лидерства России. Это обусловлено влиянием принципов научно-технологического развития страны на особенности информационных процессов в экономике, социальной сфере и государственном управлении. Согласно этой точке зрения сегодня формируется цифровое право, как базовый институт отрасли информационного права, состоящий из базовых норм и принципов регулирования информационных отношений и отраслевых норм цифрового права, определяющих особенности воплощения в жизнь процессов цифровизации в конкретных сферах регулирования: искусственного интеллекта, робототехники, микроэлектроники и фотоники [7, с. 170]. Думается, что этот подход должен лежать в основе концептуального обновления Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 24.06.2025).

Несмотря на позитивное восприятие цифровых технологий и постепенную адаптацию социальных процессов в обществе к этим технологиям, необходимо унифицировать, а в некоторых случаях – и ужесточать уголовную

и административную ответственность за нарушение законодательства в области безопасного функционирования информационных технологий и цифровых данных. В связи с принятием Федерального закона от 01.04.2025 № 41-ФЗ [8] считаем необходимым расширить в ближайшем будущем содержание информационной системы и перечень лиц, имеющих право доступа к данной информации. В систему должны включаться не только лица, совершившие правонарушения с использованием мобильных номеров сотовых сетей связи, но и их пособники, подстрекатели и организаторы таких структур и сообществ. К органам, уполномоченным на запрос информации из системы, следует отнести микрофинансовые, страховые организации, инвестиционные фонды и операторов рынка ценных бумаг.

Стремительный рост информационных технологий влечет серьезные коррективы в уголовное законодательство РФ: может потребоваться композиционная перестройка Особенной части УК РФ, прежде всего, главы 28 УК РФ; существенная конкретизация и смысловая унификация терминологии; совершенствование теории уголовного права. Причем варианты решения проблемы также видятся различными, это могут быть:

1) структурные преобразования или кардинальный пересмотр главы 28 УК РФ и смежных составов преступлений;

2) приведение в соответствие со специальными отраслевыми законами уголовно-правового терминологического аппарата;

3) расширение диспозиции статей главы 28 УК РФ, охватывающих новые предметы общественно-опасных деяний, обусловленных развитием информационных технологий и появлением все более реальных и актуальных угроз информационной безопасности [9, с. 142].

Таким образом, отмеченные направления совершенствования законодательного регулирования функции современного Российского государства по обеспечению безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий и обороте цифровых данных не являются окончательными. Представляется необходимым, чтобы общие и промежуточные цели и задачи новой государственной функции, о которых

мы ранее писали, соответствовали ее общему назначению: служить безопасному применению информационных технологий и безопасному обороту цифровых данных для личности, общества и государства.

При этом не исключено, что реализация функции по обеспечению безопасности лич-

ности, общества и государства при применении информационных технологий и обороте цифровых данных может осуществляться иными способами через призму других целей и задач.

Библиографический список

1. Миронов А.В. Вопросы обеспечения безопасности в сфере применения цифровых технологий в государственном управлении в Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. – 2021. – Т. 17. № 1. – С. 285-286.

2. Боготова О.Х., Кучмезов Р.А., Пожималин В.Н. Актуальные вопросы сотрудничества вузов, предпринимательского сообщества и государства в эпоху цифровизации // Индустриальная экономика. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 481-484.

3. Рафалюк Е.Е. Право будущего: поиск новых истин или сохранение традиционных ценностей? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2020. – Т. 24. № 4. – С. 843-863.

4. Магдилова Л.В., Магомедова З.А. Правовой аспект использования квантовых технологий при обеспечении информационной безопасности // Закон и право. – 2024. – № 1. – С. 67-71.

5. Дерюгина Т.В., Чеговадзе Л.А., Иншакова А.О. Правовое обеспечение использования в гражданском обороте цифровых технологий с участием информационных агрегаторов // Правовая доктрина в сфере цифровизации правовой жизни общества: междисциплинарный аспект: Монография. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2024. – С. 206-227.

6. Дуварярова С.А. Изменение законодательства Российской Федерации в рамках развития информационных технологий // Образование и право. – 2024. – № 11. – С. 508-510.

7. Полякова Т.А., Смирнов А.А. Правовые аспекты обеспечения информационной безопасности при использовании технологий искусственного интеллекта // Вестник Московского университета. Серия 26: Государственный аудит. – 2024. – № 3. – С. 101-103.

8. Федеральный закон от 01.04.2025 N 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ 07.04.2025. N 14. ст. 1574.

9. Василихина Ю.В. Развитие информационных технологий как драйвер правовых преобразований уголовного законодательства // Юридическая мысль. – 2024. – № 3 (135). – С. 138-149.

GOALS AND OBJECTIVES OF THE FUNCTION OF ENSURING THE SECURITY OF THE PERSON, SOCIETY, AND THE STATE IN THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGY

E.D. Gavrilova, Student
Volgograd State University
(Russia, Volgograd)

***Abstract.** The author explores the goals and objectives of the state's functions to ensure the security of individuals, society and the state in the use of information technology and digital data circulation. As ways to improve government activities in these areas, it is proposed to develop digital law as the basis for a comprehensive update of legislation, the gradual integration of new entities (for example, micro-finance, insurance organizations) into the system of control and development of digital literacy of citizens, as well as tougher criminal and administrative liability for cybercrimes.*

Keywords: state function; state objectives; security; regulatory framework; information technology.

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ СУБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

А.С. Глухова, студент

Э.Р. Мосина, студент

С.В. Старцева, старший преподаватель

Самарский государственный экономический университет
(Россия, г. Самара)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-87-92

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию понятия и видов субъектов гражданского права – ключевых участников гражданско-правовых отношений. В рамках анализа раскрываются правоспособность и дееспособность физических и юридических лиц, а также особенности участия публично-правовых образований в гражданском обороте. Особое внимание уделяется различиям в объеме правоспособности, порядку возникновения и реализации прав и обязанностей у разных категорий субъектов. Статья направлена на систематизацию теоретических подходов и практических аспектов правового регулирования, а также подчеркивает значимость правильного понимания статуса субъектов для эффективного применения норм гражданского права.

Ключевые слова: субъекты гражданского права; правоспособность; дееспособность; физические лица; юридические лица; публично-правовые образования; гражданские правоотношения; правовой статус; индивидуальные предприниматели; гражданский оборот.

В первую очередь, если давать обобщенную характеристику, то под субъектами гражданского права понимаются лица, определенные как участники регулируемых гражданским законодательством отношений, наделенные гражданской правосубъектностью, то есть, возможностью выступать в качестве наделенными субъектными гражданскими правами и юридическими обязанностями, если иное не вытекает из закона или особенностей данных субъектов [1].

Традиционные участники гражданского оборота: физические лица (граждане) и юридические лица (организации, созданные с определенными целями). Именно эти участники формируют структуру гражданского оборота, заключая договоры, передавая имущество, выполняя работы и оказывая услуги. Их деятельность охватывает как сферу материальных благ, так и область нематериальных ценностей (защита авторства, деловой репутации, приватности).

Однако ошибочно полагать, что перечень участников гражданских правоотношений ограничивается только физическими и юридическими лицами. В гражданских отношениях могут участвовать и публично-правовые образования, то есть:

1. Государство – Российская Федерация.

2. Регионы страны (республики, края, области и т.д.).

3. Муниципалитеты (города, сельские поселения, районы).

Особенность их статуса проявляется в публичных и непубличных отношениях. С одной стороны, они наделены определенными функциями, выступая от имени государства, то есть имеют полномочия со стороны власти. С другой, они властные функции не реализуют – при совершении гражданско-правовых сделок, например, при приобретении недвижимого имущества или размещении государственного заказа, они действуют на равных с иными участниками гражданского оборота, не используя административные преимущества, и руководствуются общими положениями гражданского законодательства. Такой принцип, как равенство сторон, составляет основу правового регулирования для всей системы гражданского права.

В соответствии с абз. 2 п. 2 ст. 11 НК РФ физическими лицами (гражданами) принято считать граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства [2].

Правосубъектность, будучи неотъемлемым элементом правового статуса личности, характеризуется совокупностью двух ключевых качеств: способности иметь права и нести

обязанности (правоспособность) и способности своими действиями их осуществлять (дееспособность) [3]. Иными словами, способность лица участвовать в правовых отношениях и быть активным субъектом права.

Руководствуясь ст. 17 ГК РФ способность иметь гражданские права и исполнять обязанности (гражданская правоспособность) признается в равной мере за всеми гражданами. Правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается смертью [4].

Стоит подчеркнуть, что правоспособность имеет абстрактный характер. Она существует независимо от того, пользуется ли человек на практике своими правами. К примеру, новорожденный ребенок потенциально может быть владельцем акций или наследником недвижимости, хотя фактически не способен распоряжаться этими активами. Согласно действующему ГК РФ, человек не может быть лишен правоспособности, а любые попытки его ограничить признаются юридически ничтожными.

В соответствии с п. 1 ст. 21 ГК РФ дееспособность гражданина – это способность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их (гражданская дееспособность) – возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, то есть по достижении восемнадцатилетнего возраста.

Объем гражданской дееспособности физического лица обусловлен критериями возраста и психического здоровья [5]. На основании данных критериев в законодательстве закреплена следующая классификация:

1. Полная дееспособность. Приобретается гражданином с достижением совершеннолетия и предоставляет неограниченную правовую автономию для совершения любых действий, не противоречащих закону.

2. Дееспособность малолетних (от 6 до 14 лет). Правоспособность в этом возрасте носит исключительный характер. Самостоятельно в этом возрасте они могут совершать только мелкие бытовые сделки и безвозмездно принимать выгоду (например, подарки). Вся имущественную и юридическую ответственность за их действия несут законные представители (родители или опекуны).

3. Частичная дееспособность несовершеннолетних (от 14 до 18 лет). Данная категория лиц обладает значительной правовой самостоятельностью по сравнению с малолетними. Подростки вправе самостоятельно распоряжаться личными доходами (заработком, стипендией), осуществлять авторские права, а также вступать в кооперативы. Совершение крупных сделок требует обязательного письменного согласия (одобрения) родителей, усыновителей или попечителей [6].

4. Ограниченная дееспособность и признание гражданина недееспособным, регламентируется законом в результате экспертизы и судебного решения. Ограничение дееспособности применяется в случаях, когда систематическое злоупотребление наркотическими средствами или алкоголем приводит к тяжелому финансовому положению семьи лица. В отличие от этого, недееспособность устанавливается в отношении лиц, которые в силу хронического психического расстройства полностью лишены способности понимать значение своих действий или руководить ими, что должно быть подтверждено заключением судебно-психиатрической экспертизы [7].

В случае, если гражданину требуется досрочно обрести полную дееспособность, законодательство предусматривает статью, которая позволяет стать полностью дееспособным до достижения восемнадцатилетнего возраста по ст. 27 ГК РФ. Эмансипация как основание для приобретения полной дееспособности предусмотрена для несовершеннолетних, достигших 16 лет, при условии их трудоустройства по трудовому договору или осуществления предпринимательской деятельности с одобрения законных представителей. Подтверждение данного статуса находится в компетенции органов опеки и попечительства (при наличии согласия родителей) или судебной инстанции [8].

Вторым, но не менее важным основанием является вступление в зарегистрированный брак. Если законодательство субъекта допускает снижение брачного возраста, гражданин обретает полную дееспособность с момента государственной регистрации союза. Примечательно, что данный правовой статус будет неизменным, если несовершеннолетней разведется.

Согласно п. 1 ст. 48 ГК РФ юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. Эти свойства раскрываются через следующие законодательно закрепленные признаки:

1. Имущественная обособленность. Организация владеет имуществом на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления, которое учитывается на ее самостоятельном балансе и юридически отделено от активов ее учредителей (участников).

2. Самостоятельная имущественная ответственность. Юридическое лицо отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, в то время как его участники (акционеры) несут риск убытков, связанных с деятельностью организации, лишь в пределах стоимости своих вкладов в уставный капитал.

3. Представление в гражданском обороте от собственного имени. Организация приобретает права и исполняет обязанности, а также заключает сделки под своим наименованием, закрепленным в учредительных документах, а не от имени физических лиц, входящих в ее состав [9].

4. Процессуальная правоспособность. Юридическое лицо наделено правом самостоятельно защищать свои интересы в судебном порядке, выступая в суде в качестве истца или ответчика.

Неотъемлемым условием правомерного создания такой организации является ее государственная регистрация в Едином государственном реестре юридических лиц (ЕГРЮЛ) в одной из организационно-правовых форм, предусмотренных Гражданским кодексом. Возникновение правоспособности организации прекращается с момента внесения в реестр записи о ликвидации. Деятельность юридического лица должна соответствовать тем целям, которые закреплены в его учредительной документации, в первую очередь, в уставе.

В настоящее время происходит усложнение системы субъектов гражданского права в связи с формированием новой категории лиц –

обладателей правосубъектности [10]. В соответствии со статьей 2 Гражданского кодекса Российской Федерации, субъектами отношений, регулируемых гражданским правом, выступают физические лица и организации, обладающие статусом юридического лица.

Классическая доктрина гражданского права, закрепленная в Гражданском кодексе РФ, традиционно исходит из двойственной модели субъектов, в которую включаются физические и юридические лица. Однако развитие общественных отношений, коммерческой практики и технологий выявляет системную проблему: данная модель становится всё менее адекватной для описания реального многообразия участников гражданского оборота и их правовых статусов. Это несоответствие проявляется в нескольких взаимосвязанных аспектах.

Во-первых, проблема определения правового статуса публично-правовых образований (Российской Федерации, её субъектов, муниципальных образований) в частноправовую модель. Формально выступая на равных началах с иными субъектами (п. 1 ст. 124 ГК РФ), это порождает внутренний конфликт статусов, поскольку данные образования, сохраняя свою государственно-управленческую сущность, формально выступают на равных началах. На практике это приводит к правовым противоречиям, когда формальное равенство нивелируется особым порядком принятия решений, ответственности (казенная собственность) и судебного иммунитета, что ставит под сомнение последовательность построения гражданско-правового регулирования.

Во-вторых, проблема внутренней дифференциации категории «физическое лицо». Законодатель, сохраняя единое понятие, фактически создает внутри него специальные правовые режимы с существенно различным объемом дееспособности и правоспособности:

1. Индивидуальные предприниматели (ИП) – это физические лица, наделенные хозяйственной правоспособностью, сближающей их с коммерческими юридическими лицами (ответственность всем имуществом, специальная регистрация), но без образования отдельного субъекта права. Их смешанный статус порождает сложности в разграничении личных и предпринимательских активов, в процедурах банкротства.

2. Эмансипированные несовершеннолетние и лица, вступившие в брак до 18 лет – приобретают полную дееспособность, оставаясь в группе «физические лица», но с исключительным, досрочным правовым положением, которое выпадает из общей возрастной градации.

3. Лица с ограниченной дееспособностью и недееспособные – их статус регулируется через институты попечительства и опеки, что фактически создает систему представительства, отличную от общегражданской.

Следовательно, правовая категория «физическое лицо» более не представляет собой единого целого, а распадается на ряд обособленных правовых режимов, требующих дифференцированного законодательного подхода.

В-третьих, наблюдается проблема возникновения форм участия в гражданском обороте, которые не могут быть в полной мере отнесены ни к физическим, ни к юридическим лицам, требуя разработки специальных правовых конструкций. В их числе:

1. Простые товарищества (без образования юридических лиц), которые могут выступать контрагентом, но не являются самостоятельным субъектом в классическом понимании.

2. Цифровые платформы, алгоритмы и искусственный интеллект, участие которых в обороте (например, через smart-контракты) ставит вопрос о признании за ними элементов специальной, ограниченной правосубъектности.

3. Иные объединения лиц и имущества (инвестиционные товарищества, фонды), чей статус определяется специальными законами, что создает угрозу единству и системности гражданско-правового регулирования.

Указанные тенденции свидетельствуют о кризисе классификационной системы субъектов гражданского права, который выражается в необходимости постоянных исключений, специальных оговорок и судебных толкований для применения базовых норм к нетипичным ситуациям.

Обозначенные трудности показывают, что текущая система классификации субъектов права нуждается в глубоком пересмотре. Для ее исправления недостаточно отдельных поправок. Необходима целостная модернизация теоретической базы и правового регулирова-

ния. В качестве основных направлений решения можно предложить следующие меры.

1. Юридическое закрепление и регламентация правового положения публично-правовых образований в качестве обособленного вида субъектов права. Для преодоления конфликтов правового статуса необходимо в Гражданском кодексе РФ выделить специальный раздел, детально регламентирующий их участие в гражданском обороте. В нем следует:

- установить правовые гарантии, обеспечивающие практическое равноправие публичных образований с иными участниками оборота при заключении и исполнении сделок, тем самым нивелируя возможность скрытого применения властного ресурса;

- четко определить пределы и особенности их гражданской правоспособности (целевой характер, специальная правоспособность);

- необходимо установить четкую процедуру участия в сделках через уполномоченные органы и однозначно прописать порядок обращения взыскания на средства казны, максимально ограничив возможности для уклонения от ответственности в суде.

2. Структурирование категории «физические лица» через внутреннюю дифференциацию правовых статусов. Для этого в рамках соответствующей главы ГК РФ требуется законодательно определить отдельные подкатегории граждан, каждая из которых будет обладать собственным правовым режимом:

- для индивидуального предпринимателя необходим отдельный, детально прописанный в законе правовой статус. В нем должны быть установлены ясные правила разделения имущества и активов, используемых в бизнесе, а также специальный порядок процедуры несостоятельности (банкротства);

- институты эмансипации и приобретения дееспособности через брак требуют более детальной регламентации последствий, включая вопросы поручительства, самостоятельной ответственности и ограничения дееспособности для таких лиц;

- для лиц с ограниченной дееспособностью и недееспособных необходимо расширив систему «сопровождаемой дееспособности» (ст. 29.1-29.5 ГК РФ), предоставив им право совершать юридически значимые действия

при обязательном согласовании своего попечителя.

3. Разработка и урегулирование правовых форм для новых участников оборота:

- для урегулирования правового статуса объединений, не являющихся юридическими лицами (таких как простое или инвестиционное товарищество), требуется введение в законодательство специальной правовой конструкции. Эта конструкция должна предоставлять подобным образованиям возможность выступать в гражданском обороте от собственного имени (под единым наименованием), при этом сохраняя персональную имущественную ответственность их участников в солидарном или долевом порядке;

- на начальном этапе правового регулирования деятельности искусственного интеллекта, алгоритмов и иных автоматизированных систем требуется принять специальный законодательный акт. Его основная цель – закрепить, что права и обязанности в сделках, совершаемых с применением таких технологий, возникают у лиц, их создавших или использующих. В этом акте могут быть предусмотрены исключения, позволяющие технологиям самостоятельно совершать определенные юридически значимые действия (например, заключение стандартизированных цифровых договоров, исполняемых автоматически). Однако для этого закон должен детально прописать условия, порядок и четкие пределы ответственности владельца или оператора технологии за ее действия.

Итоги проведенного анализа позволяют сделать вывод о том, что традиционное разделение субъектов права только на физические

и юридические лица в современных условиях не отвечает реальным потребностям гражданского оборота. Усложнения экономики, развитие цифровых технологий и разнообразие участников рынка показали неполноту этой устоявшейся модели. Статусы таких субъектов, как государство и муниципалитеты, индивидуальные предприниматели, несовершеннолетние с полной дееспособностью, недееспособные граждане, а также различные товарищества и цифровые платформы, плохо вписываются в жесткие рамки классической схемы. Это приводит к правовым нестыковкам и сложностям в применении закона на практике.

Разрешение этой ситуации возможно через постепенное усложнение и детализацию правового регулирования в рамках единого гражданского законодательства. Вместо простого деления на две группы необходимо построить многоуровневую систему субъектов. В ней, наряду с общими правилами для физических и юридических лиц, должны быть отдельно прописаны специальные правовые режимы для публичных образований и смешанных статусов, а также созданы гибкие правовые формы для новых видов объединений. Этот путь позволит сохранить целостность и логику гражданского права, обеспечить реальное равенство участников, повысить предсказуемость и стабильность правового регулирования и создать эффективные инструменты для работы в условиях цифровой экономики. Внедрение таких изменений укрепит гражданский оборот и усилит защиту прав всех его участников.

Библиографический список

1. Гражданское право. Общая часть.: учебник / Г.Ф. Ручкина, Н.И. Беседкина, Н.А. Ефимова [и др.]; под ред. Г.Ф. Ручкиной. – Москва: КноРус, 2021. – 703 с.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Гражданское право. Общая часть: учебник / Е.С. Болтанова, Н.В. Багрова, Т.Ю. Баршпольская [и др.]; под ред. д-ра юрид. наук Е.С. Болтановой. – Москва: ИНФРА-М, 2026. – 515 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Нагоненко В.С. Некоторые аспекты дееспособности граждан / В.С. Нагоненко // *Еромеп. Global*. – 2024. – № 52. – С. 101-106. – EDN UEBAOI.
6. Абсаликова А.Е. Проблемы ограничения дееспособности и признания гражданина недееспособным / А.Е. Абсаликова // *Аллея науки*. – 2025. – Т. 2, № 4(103). – С. 416-423. – EDN FIBFGA.

7. Гражданский кодекс Российской Федерации. Подробный постатейный комментарий с путеводителем по законодательству и судебной практике. Часть I / А.Ю. Беспалов, Ю.Ф. Беспалов, М.С. Варюшин и др.; отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. – М.: Проспект, 2017. – 800 с.

8. Феномен и концепт ЭМАНСИПАЦИЯ / А.П. Баженова, Т.П. Ковина, В.В. Леденева, Э.Я. Фесенко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2023. – Т. 14, № 1. – С. 36-52. – DOI 10.22363/2313-2299-2023-14-1-36-52. – EDN QFSFOE.

9. Смирнов Н.Н. Предпосылки ответственности юридического лица в праве: постановка проблемы / Н.Н. Смирнов // Юрист. – 2014. – № 13. – С. 9-12. – EDN SGZTOH.

10. Alontseva D.V. The structure and features of the civil status of an individual entrepreneur in modern Russia / D.V. Alontseva, S.V. Vorobyev, O.A. Lavrishcheva // Laplage em Revista. – 2021. – Vol. 7, № 3C. – P. 424-442. – DOI 10.24115/S2446-6220202173C1644p.424-442. – EDN GWWXOG.

THE CONCEPT AND TYPES OF SUBJECTS OF CIVIL LAW

A.S. Glukhova, *Student*

E.R. Mosina, *Student*

S.V. Startseva, *Senior Lecturer*

**Samara State University of Economics
(Russia, Samara)**

Abstract. *This article is devoted to the study of the concept and types of subjects of civil law – the key participants in civil law relations. The analysis reveals the legal capacity and legal capacity of individuals and legal entities, as well as the specifics of the participation of public law entities in civil turnover. Special attention is paid to differences in the scope of legal capacity, the order of occurrence and exercise of rights and obligations for different categories of subjects. The article is aimed at systematizing theoretical approaches and practical aspects of legal regulation, and also emphasizes the importance of a correct understanding of the status of subjects for the effective application of civil law norms.*

Keywords: *subjects of civil law; legal capacity; legal capacity; individuals; legal entities; public law entities; civil law relations; legal status; individual entrepreneurs; civil turnover.*

ЭВОЛЮЦИЯ НОРМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УБИЙСТВО, СОВЕРШЕННОЕ В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА

А.В. Гончаров, канд. юрид. наук, доцент
Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)
(Россия, г. Санкт-Петербург)

DOI: 10.24412/2500-1000-2026-1-2-93-100

***Аннотация.** Статья посвящена анализу эволюции правовых норм, регулирующих ответственность за убийство, совершенное в состоянии аффекта, а также формированию представлений об аффекте как обстоятельстве, влияющем на степень вины и меру наказания. Особое внимание уделяется изменению подходов законодателя к оценке психоэмоционального состояния лица в момент совершения преступления, соотношению аффекта с вменяемостью и субъективной стороной преступления. Анализируется развитие соответствующих норм в отечественном уголовном праве в сопоставлении с зарубежными правовыми порядками. Делается вывод о наличии тенденции усложнения критериев правовой оценки убийства, совершенного в состоянии аффекта, в условиях развития научных знаний о психике человека и изменении социально-правовых представлений о справедливости наказания.*

***Ключевые слова:** аффект; ограниченная вменяемость; провокация; убийство; уголовная ответственность.*

Актуальность настоящего исследования обусловлена следующими обстоятельствами. Ответственность за убийство в состоянии аффекта существует в российской правовой системе достаточно продолжительное время. Научные представления, которые лежат в его основе, в основном сформировались в XIX в. Однако в последние десятилетия, в связи с бурным развитием науки об эмоциях, многие из этих представлений были поставлены под сомнение, на что отечественная доктрина уголовного права пока практически не отреагировала. Между тем в странах общего права, являющихся, по сути, родоначальниками данного правового института в его современном виде, за это время произошли существенные изменения в области ответственности за подобные преступления (так, в Великобритании традиционный институт «защиты, основанной на утрате самоконтроля» был существенно трансформирован законом в 2009 г., а в Новой Зеландии – полностью исключен). Статистические данные показывают, что количество осужденных за убийство, совершенное в состоянии аффекта, в России неуклонно снижается. С 2010 г. оно снизилось более, чем в 10 раз, и в настоящее время случаи осуждения по данной статье стали практически единичными. Это свидетельствует о необходимости со-

вершенствования рассматриваемого института.

Господствовавшие в ту или иную историческую эпоху представления об эмоциях и их роли в регулировании поведения отражались в предоставлениях о должном – как в области морали, так и в области права.

В родоплеменном обществе посягательства на личность, как правило, влекли за собой месть со стороны самого потерпевшего либо его родственников, направленную против обидчика и нередко против его семьи или рода. Утверждают, что изначально такая форма возмездия основывалась на инстинктивных побуждениях. В более поздний период кровная месть приобрела нравственное обоснование, связанное с требованием взаимной защиты и поддержки внутри рода, и стала восприниматься как моральный долг его членов [1, с. 17-21].

С появлением первых официальных источников права отношение к наказанию меняется, однако частная месть еще долгое время определяла содержание наказания [1, с. 17-18]. Причинение смерти обидчику разгневанным потерпевшим в этот период рассматривалось как допустимое.

Однако уже в античности отношение к такому поведению меняется. Так, согласно наиболее влиятельной в античном мире (и не

утратившей своего значения до настоящего времени) этической теории Аристотеля, нравственные «добродетели» – это определенные состояния души, они возникают, «когда верно направленный разум согласуется с движением чувств, а чувства согласуются с разумом» [2, с. 26]. Добродетель предполагает «умение находить середину»», как в эмоциональной сфере, так и в поведении [2, с. 27]. В частности, такую эмоцию, как гнев, испытывать можно и нужно – если для этого есть причина, однако важно соблюдать правильную «пропорцию», в зависимости от того, что за причина его вызывает. Такое «срединное состояние» по отношению к гневу (между «безгневностью» и «гневливостью») Аристотель именует «ровностью» [2, с. 38].

Аристотель различает среди произвольных (волевых) действий преднамеренные действия, когда разум превалирует над страстями, решение принимается сознательно; и действия непреднамеренные (в том числе действия внезапные, совершаемые в порыве гнева). В поведении «середина» выражается в том, чтобы воздавать каждому по заслугам («дистрибутивная справедливость»), а также в том, чтобы компенсировать неравенство, возникающее в отношениях между людьми, в том числе вследствие нарушения закона одним из них («ретрибутивная справедливость»). Таким образом, Аристотель требует «ровности» в эмоциональной реакции и справедливости в действиях в ответ на причиняемое зло. Аристотель полагал, что ретрибутивная справедливость должна обеспечиваться путем наказания государством, а не путем действий пострадавшего, причем наказание должно быть серьезнее, чем причиненный вред [3, р. 47-52]. Однако из его теории следует вывод, что убийство в гневе морально оправдано, если причиненный лицу вред действительно велик (что оправдывает такую степень гнева и такой характер ответного вреда). Эта теория сыграла огромную роль в развитии института ответственности за убийство в результате провокации в английском праве [3, р. 44-45], откуда многие идеи перешли в право стран континентальной Европы и всего мира.

В раннем Средневековье эти идеи временно утратили свою значимость, поскольку христианская мораль и правосознание исходили

из того, что лишь любовь и сострадание являются добродетелями, а гнев и прочие страстные желания представляют собой грехи, которых следует всячески избегать.

Однако традиции родоплеменного общества еще довольно долго давали о себе знать. Так, в Германии убийство в гневе наказывалась менее сурово; мужу позволялась безнаказанно убить жену, нарушившую супружескую верность [4, с. 419]. Русская Правда менее строго наказывала убийство «в сваде», т. е. в ссоре, раздражении, гневе [4, с. 419-420]. Полностью невиновным объявлялся тот, кто не стерпит обиды, нанесенной ударом, и ответит ударом меча (ст. 28 3-й редакции) [4, с. 387]. Представляется, что право здесь уже различает деяние, совершенное из мести и деяние, совершенное под влиянием гнева (также стоит отметить, что допустимый ответный вред здесь больше, чем причиненный, что не отвечает древнему принципу «око за око», но соответствует аристотелевской идее ретрибутивной справедливости).

В тексте Закона Градского, действовавшего на Руси в период феодальной раздробленности, мужу предоставлялось право безнаказанно убить «прелюбодея», застигнутого на месте преступления [5, с. 172].

Со временем подобные нормы исчезли из российского и зарубежного права. Этому способствовали усиление центральной власти, рост влияния церкви, развитие судебной системы и самой концепции наказания. Запрет частной мести закономерно означал и пересмотр отношения государства к убийству в гневе. Христианская мораль и правосознание считали гнев и прочие страстные желания грехами, которым нет оправдания. Кроме того, христианство отрицательно относилось не только к гневным проявлениям, но и к светской чести – она рассматривалась как одно из земных благ, не имеющих особого значения в системе ценностей [3, р. 22].

Тем не менее в массовом правосознании сохранялось представление о том, что убийство в «праведном гневе» не должно наказываться также, как обычное убийство. Так, историки установили, что в Англии XIV в., где убийство считалось извинительным лишь в случае самообороны, присяжные, пользуясь свободой в интерпретации фактов и симпатии-

зируя обвиняемому, нередко искажали фактическую картину произошедшего таким образом, чтобы представить спровоцированное потерпевшим насилие как самооборону со стороны убийцы [3, р. 8-9].

В XVI в. в английском общем праве появилось разграничение «предумышленного убийства» (murder) и «простого убийства» (manslaughter). Одним из видов последнего было убийство, ставшее результатом «провокации». Разницу видели в том, что предумышленное убийство совершается «хладнокровно», тогда как спровоцированное лицо действует под влиянием сильного гнева, когда его «кровь разогрета» (heated blood, hot blood) [3, р. 17-18]. Данная терминология, была, возможно, заимствована у Аристотеля, который метафорически описывал физиологию гнева как «кипение крови» [3, р. 60].

Одной из основных причин произошедших изменений стали изменения в общественной морали. Идея христианского смирения и всепрощения к тому времени несколько утратила свое значение, а на первый план вышло понятие «чести». Моральная философия отвечала на вопрос о том, как достойный человеку должен поступать при посягательстве на его честь, используя аристотелевскую теорию добродетели и ретрибутивной справедливости. В части проявления эмоций следовало придерживаться середины: человек чести может и должен гневно реагировать в случае умышленных посягательств на таковую. Таким образом, эмоции перестали рассматриваться как что-то, что должно подавляться; им стали приписывать позитивное этическое значение – они помогают достойным людям вести себя соответствующе. В то же время достойный человек должен соблюдать определенный баланс «чувств и разума», реагируя пропорционально (как в части «градуса» своих эмоций, так и в части действия), и не теряя самоконтроль полностью. Таким образом, обосновывалось моральное право лица, чья честь нарушена, пребывать в «праведном» гневе и реагировать на зло пропорционально, тем самым восстанавливая справедливость и защищая ценности, которые присущи цивилизованному обществу [3, р. 26-27, 40-44].

Таким образом, смягчение ответственности за убийство, произошедшее в результате провокации, было обусловлено тем, что, согласно

господствующей моральной теории, в этом случае лицо реагирует «чрезмерно», причиняя «непропорциональный» вред (однако, учитывая серьезность провокации, все же не слишком чрезмерно). Чрезмерность реакции объяснялась неверным суждением о вреде, нанесенном чести, или о действии, которое в данном случае являлось бы пропорциональным, а не физиологическими причинами.

К концу XVII в. английской судебной практикой были выработаны критерии, при которых спровоцированное убийство квалифицировалось как простое [3, р. 20-23, 51]. В последующие пару веков они видоизменялись. В частности, изменилось описание эмоционального состояния: метафора о «разогретой крови» была заменена словосочетанием «потеря самоконтроля». Это произошло вследствие изменения взгляда на соотношение между эмоциями и разумом. Если до этого они рассматривались как равнозначные в части влияния на поведение, то в XVIII в. среди судей и ученых-юристов возобладало мнение, что эмоции в случае провокации могут взять верх над разумом, лишить его возможности контролировать поведение, сделать человека «глухим к голосу разума» [3, р. 74-77]. Свою роль здесь сыграла формирующаяся классическая теория эмоций как универсальной инстинктивной автоматической реакции на стимул (в частности, такие представления были у Т. Гоббса). При таком подходе того, кто нарушает закон под влиянием гнева, уже нельзя было упрекнуть в том, что он принял неверное решение в момент провокации, но лишь в том, что он недостаточно развивал в способность контролировать гнев (по сравнению с добродетельным, разумным человеком).

В своем классическом виде «доктрина провокации» выглядела следующим образом. Провокация должна была быть такой, чтобы лишить «разумного человека» самообладания: различалась «тяжелая» («особо насильственное» или «особо оскорбительное» противоправное физическое воздействие; прелюбодеяние) и «легкая» провокация (например, словесное оскорбление, пощечина). Первая была достаточна для квалификации убийства как простого, даже если преступление совершено смертоносным оружием, вторая – только в случаях, если оно было совершено неопасным

орудием. Важным признаком такого деяния, свидетельствующим о потере самообладания, стали считать внезапность – отсутствие (или незначительность) временного промежутка между провокацией и последствиями («промежуток охлаждения»). Признаки того, что гнев спровоцированного лица «остыл» за этот промежуток, препятствовали такой квалификации, как и «чувство раздражения, принявшее устойчивый характер». Другим необходимым признаком являлось разумное соответствие между провокацией и ответным насилием [6, с. 123-128].

Классическое определение провокации, сформулированное в 1949 г. судьей П. Девлинным, звучит так: «Это определенный поступок либо совокупность поступков (или произнесенных слов)... которые имели место и которые способны были бы вызвать у любого разумного человека – и фактически вызвали у обвиняемого – внезапную и временную утрату самоконтроля, вследствие чего он оказался настолько охвачен страстью, что в тот момент перестал владеть собственным разумом» [7, р. 560]. Аналогично развивалась практика и в США [7, р. 557]. В целом классический подход общего права к убийству в гневе можно обозначить как «доктрина провокации, вызвавшей потерю самоконтроля».

Аналогичные нормы в XIX в. были включены в уголовные кодексы других европейских стран. Так, Французский уголовный кодекс считал извиняемым убийство в раздражении в двух случаях: когда муж застал жену и ее любовника на месте прелюбодеяния и когда убийство последовало непосредственно при получении тяжких обид или побоев [8, с. 497].

В российский правопорядок идея смягченной ответственности за спровоцированное убийство, скорее всего была привнесена из немецкого или французского права, поскольку, как отмечается в литературе, начиная с XVIII в., российское правительство считало образцовыми государствами Пруссию и наполеоновскую Францию [9, с. 54].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (над которым, как известно, работали сотрудники Второго отделения императорской Канцелярии, обучавшиеся в Берлине), впервые со времен Русской Правды смягчило ответственность за убийство, со-

вершенное без предварительного умысла в состоянии «запальчивости или раздражения» (независимо от повода, его вызвавшего). После принятия Уголовного кодекса Пруссии 1851 г., содержащего статью «Убийство в аффекте», нормы российского уголовного права были существенно скорректированы, а в доктрину прочно вошло понятие аффекта.

Российские авторы, как и законодатель, уделяли значительно большее внимание аспекту потери самоконтроля («аффекта», по немецкому образцу), чем аспекту провокации. В тот это период сложилось два разных подхода к аффекту, которые прочно закрепились в доктрине.

Подход Н.С. Таганцева заключался в том, что раздражение и запальчивость относятся исключительно к воле, поэтому важна их «наличность», а не причины их возникновения или что-либо иное [10, с. 55]. При таком подходе аффект рассматривается исключительно как элемент субъективной стороны, снижающей опасность деяния.

Подход Л.С. Белогриц-Котляревского сводился к тому, что влияние аффекта на ответственность определяется не только его «степенью», но и предшествовавшими ему и сопровождающими его обстоятельствами, среди которых он выделял типичность или нетипичность аффекта для обвиняемого, причины его возникновения, индивидуальные психические особенности [11, с. 129]. При таком подходе аффект относится не только к субъективной стороне, его наличие зависит от ряда внешних условий. Такой подход больше соответствовал доктрине провокации.

В Уголовном уложении 1903 г., по сути, был найден компромисс между двумя позициями: «запальчивость» и «раздражение» заменили на «сильное душевное волнение» (ст. 458). Причины такового не учитывались в основном составе, а в привилегированном ими назывались противозаконные насилие над личностью или тяжкое оскорбление со стороны потерпевшего. Составители Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. привилегированный состав сделали основным (ст. 144). Таким образом, произошел возврат к корням института: доктрине провокации.

В Уголовном кодексе РСФСР от 1960 г. более широкой стала характеристика провокации, к ней отнесли также «иные противоза-

конные действия потерпевшего, если они повлекли или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких» (ст. 104). Кроме того, законодатель сделал акцент на внезапности аффекта.

Уголовный кодекс РФ 1996 г. еще более расширил круг обстоятельств, которые могут служить провокацией, добавив в него аморальные действия (бездействие) потерпевшего; а несколько позже – систематическое противоправное поведение, которое привело виновное лицо в состояние длительной психотравмирующей ситуации. Кроме того, был добавлен квалифицированный состав данного преступления (убийство двух или более лиц).

Следует отметить, что российские авторы так и не смогли прийти к единому мнению, почему убийство в состоянии физиологического аффекта, несмотря на сниженный контроль виновным своего поведения, общественно опасно, хотя и менее, чем обычное убийство.

Большинство отечественных авторов придерживается, по сути, теории «не вполне достаточной вменяемости», обусловленной снижением волевых и интеллектуальных механизмов контроля поведения. Так, Б.В. Сидоров подчеркивает, что при аффекте: «...человек не может полностью отдавать себе отчет в совершаемых действиях и контролировать их» [12, с. 26].

К этой теории склоняются многие зарубежные авторы (в контексте института провокации в общем праве), отмечая: «...это лишь один из тех случаев, когда нарушается способность актора к рациональной рефлексии, и потому он нуждается в снисхождении» [13, р. 166].

Некоторые авторы предлагают иное объяснение: «психически здоровый человек способен владеть своими страстями и подчинить свои высшие установки низшим. Если он этого не сделал, то потому, что сознательные социальные диспозиции его оказались слабыми» [14, с. 76]. Т. е., фактически, вина переносится на этап, предшествующий наступлению аффекта: человек наказывается за «антисоциальную установку».

Данный аргумент имеет в своей основе некоторое рациональное зерно, но не может быть применен ко всем, например, к тем, кто склонен к агрессии не больше, чем обычный

человек, или не осознает своей проблемы. Кроме того, это ставит вопрос о пригодности в данном случае традиционного понятия умысла. Вина лица, которое не предприняло каких-либо мер предосторожности, несомненно отличается от вины того, кто намеренно причиняет вред [13, р. 165].

Отметим, что в настоящее время в Великобритании доктрина провокации претерпевает существенные изменения. Закон 2009 г. (Coroners and Justice Act 2009) формулирует условия «защиты в форме потери самоконтроля», результатом которой является квалификация деяния как простого убийства (§ 54):

1) убийство стало результатом утраты самоконтроля (закон прямо указывает, что внезапность такой утраты не имеет значения, однако не должно быть и обдуманного намерения отомстить);

2) имеется квалифицирующий повод (qualifying trigger) для такой утраты;

3) лицо такого же пола и возраста, с нормальной степенью терпения и сдержанности в таких же обстоятельствах могло бы повести себя точно также или похожим образом.

Отдельный параграф (55) раскрывает значение понятие квалифицирующего повода. Они разделены на два вида:

1) страх серьезных насильственных действий со стороны потерпевшего или иного (неустановленного) лица;

2) что-то сделанное и (или) сказанное, что: а) создает обстоятельства крайне серьезного характера и б) влечет возникновение у виновного обоснованного чувства, что ему причиняется серьезный ущерб.

При этом квалифицирующим поводом не может считаться ситуация, когда виновный сам был инициатором поведения, сделавшего такое насилие извинительным; а также супружеская неверность.

Таким образом, Великобритания сохранила понятие «утрата самоконтроля», но отказалась от традиционного требования ее «внезапности». Классическое понятие «провокация» заменено понятием «квалифицирующий повод», получивший четкое описание в законе. Поведение лица оценивается в сравнении с неким стандартом поведения (а не с позиций индивидуальных особенностей психики).

Здесь видна попытка обосновать снижение ответственности за убийство двумя обстоятельствами: 1) сугубо негативным и существенным «вкладом» самого потерпевшего в эскалацию конфликта, приведшего к преступлению; 2) тем, что многие на месте виновного поступили бы похожим образом (а значит, он не более опасен для общества, чем другие). Происходит постепенный отказ от того, что некоторые британские авторы называют «ненужной патологизацией» действий виновного [15, р. 468]. Эту идею прекрасно выразил в российской литературе В.Г. Беляев, по мнению которого, устанавливая ответственность за физиологический аффект, закон «...поддерживает не испуг или трусость, а действия хотя и неправильные, но гуманные, выступающие против зла. В социальном плане субъект данного деяния... – это не враг правопорядка, а только невыдержанный союзник закона» [16, с. 43].

Следует отметить, что в моральной философии часто проводят разграничение между «консеквенциализмом» и «ретрибутивизмом». Первый исходит из того, что о характере поступка можно судить исключительно исходя из последствий; второй – что поступки могут быть благими или дурными в силу их естественного характера, вне зависимости от порождаемых ими последствий.

Если исходить из консеквенциализма, убийство в состоянии аффекта не менее плохой (и опасный поступок), чем простое убийство. Снисхождение к виновному в этом случае можно оправдать лишь тем, что он «не был самим собой» в момент совершения деяния, а потому акцент делается именно на субъективной стороне. Поэтому, как представляется, многие авторы, исходящие из данного подхода, характеризуют аффект, используя самые сильные эпитеты: «...не просто сильное, но исключительно... сильное эмоциональное переживание...» [12, с. 24]. Происходит та самая «ненужная патологизация» деяния.

Однако уголовное право в ходе своей эволюции опиралось больше на второй подход (поскольку в нем последовательно реализовывалась идея, что только виновный заслуживает наказания). С точки зрения «ретрибутивизма», действия в состоянии аффекта нельзя считать однозначно плохими, несмотря на ре-

зультат (также, как и в случае самообороны). Убийство в состоянии аффекта расценивается обществом (в лице законодателя) как менее дурной (и опасный для общества) поступок, чем обычное убийство, по трем причинам:

1) потерпевший внес свой «вклад» в конечный результат, и тем самым уменьшил вклад виновного, понизил «степень его вины»;

2) виновный, хоть и не вполне осознанно и совершенно не подходящим способом, но защищал ценности, разделяемые обществом (пусть в конечном итоге и причинил большее зло);

3) он не планировал заранее, не «предумышлял» убийство.

Это значит, что для снисхождения к виновному нет необходимости приравнивать его к ограниченно вменяемым; заниматься «ненужной патологизацией» его деяния. Акцент следует делать не только на том, мог ли он контролировать свои действия, но и на том, должен ли он был делать.

Это означает, во-первых, что для его действий должен быть действительно максимально серьезный повод. Не все поводы, которые указаны в ст. 107 УК РФ, могут считаться таковыми. Представляется, что необходимо исключить из нее упоминание об «аморальных действиях (бездействии)» (особенно учитывая отсутствие в обществе какого-либо согласия по поводу моральных ценностей; на практике нередки случаи, когда подсудимые ссылаются в свое оправдание на воровские «понятия»). Совершенно прав В.Г. Беляев, отмечавший, что одной из наиболее распространенных ошибок в применении рассматриваемой статьи является «...приложение ее к конфликтам сугубо личным, не имеющим правового (уголовно-правового) значения», в частности, к ситуациям супружеской неверности [16, с. 47]. Представляется, что она не должна также применяться к ситуациям пьяной бытовой ссоры – основной причины убийств в России. Для этого представляется возможным включить в ст. 107 УК РФ (возможно, в качестве примечания) следующую норму: данная статья не применяется в случаях, когда лицо само активно способствовало созданию конфликтной ситуации (т. е. по сути, «провоцирует провокацию»). Подобное положение применительно к необходимой обороне содержится в п. 9

Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»: «не признается находившимся в состоянии необходимой обороны лицо, которое спровоцировало нападение, чтобы использовать его как повод для совершения противоправных действий».

Во-вторых, даже при наличии серьезного повода, не следует считать аффект извинительным «сам по себе». Необходимо учитывать, насколько такое поведение типично для виновного. В.П. Сидоров, например, справедливо отмечает, что «аффект не может смяг-

чать ответственность, когда он вызван мотивами или личными качествами или привычками, отрицательно характеризующими виновного, которые отчетливо проявились в конфликтной ситуации...» [12, с. 37-38].

При таком подходе следует различать «аффект здорового человека» и аффект, обусловленный «патологической деформацией» поведения. В последнем случае необходим иной правовой институт – «ограниченной вменяемости», который бы предусматривал меры медицинского характера как дополнение к наказанию, а также специальный режим содержания [14, с. 99].

Библиографический список

1. Васильева Е.Г. Уголовный процесс: догматико-аксиологическое исследование. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 579 с.
2. Гусейнов А.А. Этика Аристотеля. – М.: Знание, 1984. – 64 с.
3. Horder J. Provocation and Responsibility. – Clarendon Press, Oxford University Press, 1992. – 208 p.
4. Сергеевич В. Лекции и исследования по древней истории русского права. 4-е изд. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1910. – 666 с.
5. Рубаник В.Е. Государство, право и суд в Киевской Руси: историко-юридический очерк. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 352 с.
6. Кенни К. Основы уголовного права. – М.: Издательство иностранной литературы, 1949. – 599 с.
7. Dubber M.D., Hörnle T. Criminal Law: A Comparative Approach. – Oxford University Press, 2014. – 671 p.
8. Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1867. – 662 с.
9. Уортман Р.С. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 520 с.
10. Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права. Часть общая. Книга 1-я. Учение о преступлении. Выпуск II-й. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1878. – 333 с.
11. Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. – Киев: Типо-литография И.И. Чоколова, 1903. – 618 с.
12. Сидоров Б.В. Аффект и его уголовно-правовое и криминологическое значение (социально-психологическое и правовое исследование). – Казань: Издательство Казанского университета, 1978. – 158 с.
13. Alexander L., Ferzan K.K. Crime and Culpability: A Theory of Criminal Law. – Cambridge University Press, 2009. – 358 p.
14. Зелинский А.Ф. Осознаваемое и неосознаваемое в преступном поведении. – Харьков : Вища школа, 1986. – 167 с.
15. Dressler J. Provocation: Partial Justification or Partial Excuse? // Modern Law Review. – 1988. – Vol. 51 (July). – P. 467-480.
16. Беляев В.Г., Свидлов Н.М. Вопросы квалификации убийств: учебное пособие. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1984. – 60 с.

**THE EVOLUTION OF NORMS ON LIABILITY FOR HOMICIDE COMMITTED
IN A STATE OF AFFECT**

A.V. Goncharov, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
Saint Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice
(Russia, Saint Petersburg)

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the evolution of legal norms regulating liability for homicide committed in a state of affect, as well as to the formation of doctrinal views on affect as a circumstance influencing the degree of guilt and the measure of punishment. Special attention is paid to changes in legislative approaches to the assessment of a person's psycho-emotional state at the moment of committing the crime, the correlation between affect and criminal responsibility (sanity), and the subjective elements of the offence. The development of the relevant norms in domestic criminal law is examined in comparison with foreign legal systems. The author concludes that there is a tendency toward increasing complexity of the criteria for the legal assessment of homicide committed in a state of affect, driven by the advancement of scientific knowledge about the human psyche and changes in socio-legal conceptions of the fairness of punishment.*

Keywords: *affect; diminished responsibility; provocation; murder; criminal liability.*

ВИДЫ РАЗРЕШЁННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ В ПРЕДЕЛАХ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

И.С. Дмитриев, аспирант

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет
(Россия, г. Санкт-Петербург)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-101-108

Аннотация. В статье рассматривается проблема правового регулирования землепользования на особо охраняемых природных территориях России. Основное внимание уделено определению допустимых видов разрешенного использования земельных участков в границах различных категорий ООПТ: заповедников, национальных и природных парков, заказников и памятников природы. Также в статье исследуются подходы и механизмы оптимизации хозяйственной и рекреационной деятельности на территориях природных объектов. Целью исследования является изучение допустимых видов деятельности на землях ООПТ, выявление особенностей их правового режима и их сравнение с видами разрешенного использования земельных участков на землях лесного фонда. Результаты исследования позволяют наглядно продемонстрировать различие допустимых видов деятельности – от практически полного запрета вмешательства в природные процессы (в заповедниках) до смягчения режима в категориях ООПТ, ориентированных на человека (национальный парк, заказник).

Ключевые слова: виды разрешенного использования; земли ООПТ; земли лесного фонда; особо охраняемые природные территории; рекреационная нагрузка.

В Российской Федерации все земли подразделяются на семь основных категорий по их целевому назначению. Каждая категория земель имеет свой особый правовой режим использования, который определяется законодательством. При этом важно понимать, что земельный участок может относиться только к одной категории. Такое деление является одним из основных принципов земельного законодательства России и направлено на рациональное использование и охрану земель как важнейшего природного ресурса.

Земли населённых пунктов предназначены для их развития и получают свой статус после официального установления границ, отделяющих их от других категорий земель. Все остальные участки, расположенные вне их границ, подлежат отнесению к определенной категории земель в зависимости от документально подтвержденного фактического использования земельного участка [1]. Земли сельскохозяйственного назначения предназначены для аграрных нужд. Земли специального назначения приобретают соответствующий статус при возникновении прав на использование территории для промышленных, энергетических, транспортных, коммуникационных и иных специальных целей; земли

особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ) – через постановления государственных или муниципальных органов, которые изымают земли из хозяйственного оборота и устанавливают особый правовой режим их использования. Земли лесного фонда (далее – ЗЛФ) определяются наличием лесного покрова или возможностью его восстановления, а также ее целевым назначением для лесного хозяйства. Земли водного фонда характеризуются наличием поверхностных вод и наличием гидротехнических или иных сооружений на водных объектах. Земли запаса определяются двумя основными признаками: нахождением в государственной или муниципальной собственности при отсутствии передачи этих участков гражданам или юридическим лицам.

В существующем законодательстве отсутствует методика отнесения участков за границами населенных пунктов к землям ООПТ, в связи с чем они могут находиться в составе земель других категорий. Так, создание большинства ООПТ допускается как с изъятием, так и без изъятия у пользователей, владельцев и собственников земельных участков.

Чаще всего ООПТ располагаются на землях лесного, водного фонда и землях сель-

хозназначения. Это является результатом того, что леса занимают более половины территории России и являются важнейшим природным ресурсом, а площади земель сельскохозяйственного назначения продолжают увеличиваться. За 300 лет площадь земель, используемых для сельского хозяйства в мире, увеличилась с 5% до 39%: площадь пашен с 2% до 12%, а пастбищ с 6% до 26% [2]. В границах ООПТ также могут находиться земли населенных пунктов, но только если сведения о их границах внесены в ЕГРН [3]. На таких землях действует менее строгий правовой режим охраны, что создает сложности с кадастровым учетом и регистрацией прав на земельные участки.

Проблемы такого расположения включают ограничения в хозяйственной деятельности, создающие напряженность между местными жителями и руководством ООПТ. Недостаточно жесткий правовой режим не всегда позволяет эффективно защитить уникальные экосистемы. Нередки случаи использования участков не по целевому назначению, а также сложности с постановкой земельных участков на кадастровый учет. Исключения составляют государственные природные заповедники, создание которых допускается только с изъятием земель у собственников и перевод их в земли ООПТ.

Таким образом ООПТ представляют собой не столько отдельную категорию земель, сколько особый правовой режим использования, который может применяться к участкам земли, водной поверхности и воздушному пространству земель различного целевого назначения. В таком случае для категорий продолжает вестись свой собственный государственный земельный кадастр и каждый учет является самостоятельным.

Виды разрешенного использования земельных участков на землях лесного фонда и на землях особо охраняемых природных территорий

В Российской Федерации градостроительные регламенты не устанавливаются для отдельных категорий земель, что обусловлено их особым правовым статусом, целевым назначением и необходимостью обеспечения защиты публичных интересов. Это исключение закреплено в Градостроительном кодексе РФ и связано со спецификой регулирования

таких территорий. К таким категориям можно отнести все земли за исключением земель специального населения, земель населенных пунктов, земельных участков в границах особых экономических зон и территории опережающего социально-экономического развития.

Причинами отсутствия градостроительных регламентов могут быть *особые режимы использования*, направленные на сохранение природных, экологических или экономически значимых функций земель, которые являются отличными от стандартных правил землепользования и застройки; *специализированное регулирование*, которые детально определяет порядок использования таких земель без необходимости дублирования норм в градостроительных регламентах (лесной кодекс, положения об ООПТ). Таким образом, исключение градостроительных регламентов для указанных земель позволяет сохранить их целевое назначение, минимизировать риски нерационального использования и обеспечить соблюдение государственных приоритетов в области экологии, обороны, сельского хозяйства и других стратегических сфер.

Стоит отметить, что на населенные пункты, расположенные в пределах ООПТ, действие градостроительных регламентов распространяется, если сведения о их границах внесены в ЕГРН. Иная ситуация обстоит с градостроительными образованиями, имеющими признаки населенных пунктов в заповедниках – при образовании такого вида ООПТ все земельные участки и объекты недвижимости изымаются у собственников и существующие земли населенных пунктов переводятся в *земли особо охраняемых природных территорий* [4].

Одним из основных объектов, занимаемых землями ООПТ, являются зеленые насаждения. Леса, расположенные на особо охраняемых природных территориях, в соответствии с частью 4 статьи 12 Лесного кодекса Российской Федерации подлежат освоению в целях сохранения средообразующих, водоохраных, защитных, санитарно-гигиенических, оздоровительных и иных функций.

Как отмечалось ранее, для земель лесного фонда не предусмотрено градостроительное зонирование и не устанавливаются градостроительные регламенты. Поэтому, согласно

Градостроительному кодексу РФ, виды разрешённого использования участков из состава ЗЛФ определяются лесохозяйственными регламентами в соответствии с лесным законодательством. Лесохозяйственный регламент лесничества, в границах которого расположен участок, устанавливает правовой режим участка из состава ЗЛФ с учётом таких факторов, как расположение участка в границах лесных или нелесных земель и целевое назначение лесов, которые на нём произрастают (защитные, резервные, эксплуатационные) [5].

Каждую статью Лесного Кодекса РФ, разрешающую вид определенного использования лесов, можно соотнести с видами разрешенного использования, согласно классификатору ВРИ ЗУ (далее – виды разрешенного использования земельных участков). Однако, они не всегда могут совпадать: виды использования лесов, указанные в ст. 25 ЛК РФ, регулируют цели эксплуатации лесов как природного ресурса, а не земель как объекта недвижимости. Письмо Росреестра от 04.12.2019 N 14-11811-ГЕ/19 О видах разрешенного использования земельных участков разъясняет, что положения Классификатора применяются в отношении земельных участков всех категорий, в том числе в отношении земель лесного фонда.

Основным использованием лесов являются виды, относимые к коду 10 классификатора (коды 10.1-10.10). С целью рекреации в лесах разрешена деятельность в сфере охотничьего хозяйства и рыболовства (коды 5.3 и 5.3.1). Сельскохозяйственное использование лесов (код 1) допускается для: выращивания сельхозкультур, пчеловодства, рыбоводства, сенокосения и выпаса животных (коды 1.2, 1.12, 1.13, 1.19, 1.20). Производственная деятельность (код 6) разрешена для геологического изучения недр и добычи полезных ископаемых (коды 6.1, 6.1.1). Использование водных объектов (код 11) предусмотрено для строительства гидротехнических сооружений и портов (код 11.3).

Установление ВРИ для земель ООПТ носит иной характер - они применяются индивидуально к каждой ООПТ и указываются в положении. В зависимости от дифференцированного режима охраны они должны быть прописаны для каждой функциональной зоны; если же зоны отсутствуют, то ВРИ применяются ко всей территории.

Каждая категория ООПТ допускает определённые виды разрешённого использования территории (рис. 1). Главным условием осуществления любой хозяйственной деятельности является полное исключение негативного влияния на природные комплексы, что напрямую определяет особенности допустимых видов использования земельных участков.

Сельскохозяйственная деятельность на территории ООПТ (код 1) регулируется строгими экологическими требованиями. Природоохранный подход к ее организации требует тщательного отбора разрешённых видов деятельности. Для местного населения, постоянно проживающего на территории ООПТ, допускается осуществление только тех видов хозяйственной деятельности, которые оказывают минимальное воздействие на окружающую среду, например сенокосение, выпас животных и ведение на закрепленных участках личного подсобного хозяйства.

Жилая застройка на территории ООПТ (код 2) имеет строго регламентированный характер. В отличие от традиционных форм жилищного строительства в границах населенных пунктов, на территориях, расположенных за их пределами, допускается особый вид – передвижное жилье.

Рекреационная деятельность (код 5) чаще всего связана с природно-познавательным туризмом, который заключается в создании инфраструктуры для посетителей ООПТ.

Приграничные ООПТ имеют особый статус, который предусматривает дополнительные требования к использованию земельных участков. В таких ООПТ допускается применение ВРИ с кодом 8, который связан с охраной Государственной границы Российской Федерации.

Деятельность по особой охране и изучению природы (код 9) представляет собой фундаментальную основу функционирования всех категорий ООПТ. Данный вид деятельности является приоритетным и определяющим для каждой ООПТ, независимо от её статуса и категории.

Лесохозяйственная деятельность (код 10) направлена на обеспечение права постоянно проживающего населения на заготовку лесных ресурсов для собственных нужд.

Благоустройство территорий общего пользования (код 12) является важным эле-

ментом развития и функционирования особо охраняемых природных территорий с точки зрения туристической привлекательности.

Виды разрешённого использования земель в ООПТ строго регламентированы и подчинены единому принципу: приоритет охраны природных комплексов над хозяйственной

деятельностью. Для каждой категории ООПТ установлен свой перечень допустимых видов деятельности – от практически полного запрета вмешательства (в заповедниках) до смягчения режима в категориях ООПТ, ориентированных на человека (национальный парк, заказник).

ВРИ	Сельскохозяйственное использование																			Жилая застройка					Общественное использование ОКС														Предпринимательство																																																						
	1	1.1	1.2	1.3	1.4	1.5	1.6	1.7	1.8	1.9	1.10	1.11	1.12	1.13	1.14	1.15	1.16	1.17	1.18	1.19	1.20	2	2.1	2.1.1	2.2	2.3	2.4	2.5	2.6	2.7	2.7.1	2.7.2	3	3.1	3.1.1	3.1.2	3.2	3.2.1	3.2.2	3.2.3	3.2.4	3.3	3.4	3.4.1	3.4.2	3.4.3	3.5	3.5.1	3.5.2	3.6	3.6.1	3.6.2	3.6.3	3.7	3.7.1	3.7.2	3.8	3.8.1	3.8.2	3.9	3.9.1	3.9.2	3.9.3	3.10	3.10.1	3.10.2	3.10.3	3.10.4	3.10.5	3.10.6	3.10.7	3.10.8	3.10.9	3.10.10	4.1	4.2	4.3	4.4	4.5	4.6	4.7	4.8	4.8.1	4.8.2	4.8.3	4.9	4.9.1	4.9.1.1	4.9.1.2	4.9.1.3	4.9.1.4	4.9.2	4.9.3
ЗЛФ	■																			■					■														■																																																						
ООПТ																																																																																													
ЗАПОВЕДНИК																																																																																													
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК																																																																																													
ПРИРОДНЫЙ ПАРК																																																																																													
ЗАКАЗНИК																																																																																													
ПАМЯТНИК ПРИР.																																																																																													

ВРИ	Отдых (Рекреация)					Производственная деятельность												Транспорт					Обесп. обороны и без-ти		Деят. по охране и изуч. природы		Использование лесов				Водные объекты		ЗУ общего пользования																																	
	5	5.1.1	5.1.2	5.1.3	5.1.4	6	6.1	6.2	6.3	6.3.1	6.3.2	6.3.3	6.3.4	6.4	6.5	6.6	6.7	6.8	6.9	6.10	6.11	6.12	7	7.1	7.2	7.2.1	7.2.2	7.2.3	7.3	7.4	7.5	7.6	8	8.1	8.2	8.3	8.4	9	9.1	9.1.1	9.2	9.2.1	10	10.1	10.2	10.3	10.4	10.5	10.6	10.7	10.8	10.9	10.10	11	11.1	11.2	11.3	12	12.0.1	12.0.2	12.1	12.2	12.3	13	13.1	13.2
ЗЛФ	■					■												■					■		■		■				■		■																																	
ООПТ																																																																		
участки лес. использования																																																																		
заповедная																																																																		
особо охраняемая рекреационная																																																																		
зона охраны ОКН																																																																		
хозяйственная																																																																		
особо охраняемая рекреационная																																																																		
хозяйственная																																																																		
особо охраняемая экстенсивного природоп.																																																																		
рекреационная																																																																		
интенсивного природоп.																																																																		

Рис. 1. ВРИ земельных участков в ООПТ и на ЗЛФ

Ключевые аспекты сочетания режимов земель особо охраняемых природных территорий и земель лесного фонда

В Федеральном законе об ООПТ прямой приоритет законодательства об ООПТ над лесным не указан. В таком случае, при возникновении противоречий между лесным законодательством и законодательством об ООПТ необходимо руководствоваться общими правилами разрешения коллизий в законодательстве. Одним из них является принцип, когда «специальный закон отменяет общий» (*lex specialis derogat generalis*). Он не закреплен напрямую в законодательстве, но применяется в правоприменительной практике и подтверждается решениями судов. Он означает, что специальные правовые нормы имеют приоритет над общими, если они регулируют одни и те же отношения, но с разной степенью детализации. Этот принцип специальной нормы действует, только если оба акта имеют

одинаковую юридическую силу. Так как ООПТ относятся к объектам общенационального достояния, это подчеркивает их особую значимость и необходимость приоритетной защиты по отношению к лесному законодательству. Лесной кодекс РФ устанавливает общие правила для всех лесов, а ФЗ № 33 «Об ООПТ» и положение о конкретной ООПТ вводят дополнительные ограничения к использованию территории. Виды использования лесов, независимо от их целевого назначения, могут быть ограничены положениями об ООПТ, другими документами, устанавливающими режим использования лесов на ЗЛФ.

Леса, расположенные на ООПТ, относятся к защитным - которые являются природными объектами, имеющими особо ценное значение, и в отношении которых устанавливается особый правовой режим использования. Также к защитным относят леса, расположенные

в водоохраных зонах; леса, выполняющие функции защиты природных и иных объектов; ценные леса; городские леса.

Критерием определения приоритетности проектирования категорий защитных лесов является установленный в их отношении особый правовой режим использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов. В тех случаях, когда леса на одной и той же территории могут быть отнесены к нескольким категориям защитных лесов, в приоритетном порядке проектируется та категория, для которой установлен наиболее строгий правовой режим использования.

На примере Сяберского государственного природного заказника, расположенного на территории Лужского лесничества, можно видеть, что приоритетными при установлении категорий защитных лесов были нерестоохранные полосы лесов и леса, расположенные в защитных полосах. (рис. 2). Проектирование таких лесов осуществляется на основании сведений об описании местоположения границ, содержащихся в ЕГРН. Хотя, режим использования защитного леса, расположенного в придорожных полосах автомобильных дорог, разрешает сплошные рубки, режим ООПТ ограничивает данное решение благодаря своему приоритету.

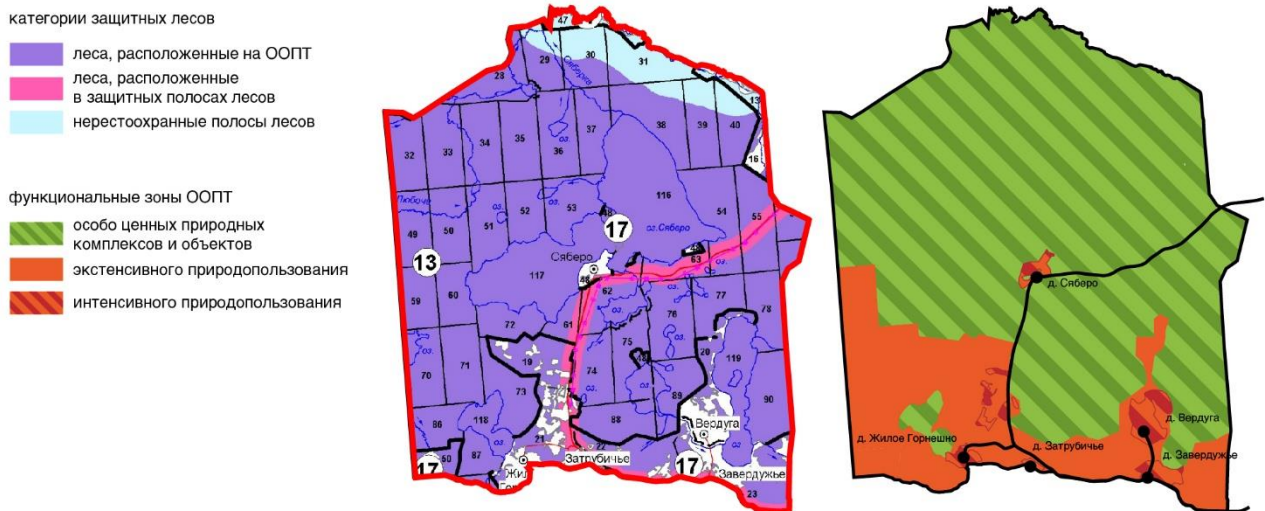

Рис. 2. Функциональное зонирование Лужского лесничества и Сяберского государственного природного заказника

Оптимизация деятельности на территории природных объектов

Одной из основных проблем, влияющих как на земли лесного фонда, так и на земли особо охраняемых природных территорий является рекреационная нагрузка. В ООПТ ее регулирование происходит за счет дифференцированного режима охраны от минимальной в заповедных зонах до высокой в рекреационных. Возрастающий интерес к природным территориям с рекреационными целями приводит к негативным последствиям для окружающей среды [6]. Такое воздействие вызывает целый ряд проблем: ухудшение состояния лесных массивов, снижение их продуктивности и защитных функций, уменьшение популяции животных, загрязнение водных

объектов и другие неблагоприятные изменения.

Долгое время расчет максимальной единовременной допустимой рекреационной нагрузки проводился с учетом «Временной методики определения рекреационных нагрузок...» (М., Гослесхоз СССР, 1987). Он объединял все многообразие видов отдыха, распространенных на природных территориях, в три группы: массовый повседневный отдых, туризм и экскурсии. В совокупности с типами лесов, для каждого вида отдыха была рассчитана среднегодовая единовременная допустимая рекреационная нагрузка (чел/га) в зависимости от географического расположения в структуре СССР (рис. 3). Данная методика применяется и в настоящее время во многих лесохозяйственных регламентах лесничеств.

Группы типов леса	Среднегодовая единовременная допустимая рекреационная нагрузка (чел/га среднегодовая) для			
	экскурсий	туризма планового	туризма самостоятельного	массового повседневного отдыха
1	2	3	4	5
Березняки, осинники, ольшатники кислично-широколиственные, сложные широколиственные	8,0	2,7	1,2	2,0

Рис. 3. Допустимая рекреационная нагрузка для лесов европейской части СССР в зависимости от вида туризма (фрагмент)

Такой параметр как допустимая антропогенная (рекреационная) нагрузка отсутствовал в законодательстве об ООПТ до 2023 года. Постановление Правительства РФ от 31 октября 2023 г. N 1811 утвердило правила расчета предельно допустимой рекреационной емкости (далее – ПДРЕ) ООПТ федерального значения (государственные природные заповедники и национальные парки) при осуществлении туризма. Согласно документу, можно вычислить ПДРЕ ООПТ и отдельно взятых туристских объектов на его террито-

рии, используя данные из Приказа Министерства природных ресурсов и экологии РФ «Об утверждении методик определения коэффициентов ... для одного посетителя, при осуществлении туризма» (на момент января 2026 г. документ еще находится на согласовании). Данный НПА устанавливает нормы площади на 1 посетителя для разных типов туристских объектов. Например, для зоны тихого отдыха в национальном парке, значения могут сильно отличаться в зависимости от функциональных зон.

Тип туристского объекта	Норма площади туристского объекта, необходимой для одного посетителя при осуществлении туризма
Зона тихого отдыха в особо охраняемой зоне национального парка, в не оборудованных специальными настилами природных комплексах и естественных экологических системах, в том числе лесах	10000 - 25000 м ²
Зона тихого отдыха в рекреационной зоне, зоне хозяйственного назначения национального парка, на особо охраняемых природных территориях других категорий, в не оборудованных специальными настилами природных комплексах и естественных экологических системах, в том числе лесах	500 - 1000 м ²

Рис. 4. Нормы площади туристского объекта, необходимой для одного посетителя при осуществлении туризма, для разных типов туристских объектов (фрагмент)

Расчет ПДРЕ производится государственными организациями в отношении ООПТ, управление которыми они осуществляют не реже одного раза в 5 лет либо при выявлении изменения состояния туристических объектов.

Сохранение экосистем является приоритетной задачей при организации туристско-рекреационной деятельности на особо охраняемых природных территориях. Грамотное регулирование нагрузки позволяет предотвра-

тить деградацию природных комплексов и сохранить биологическое разнообразие. Для достижения этой цели применяются различные методы контроля посещаемости. В частности, осуществляется тщательное дозирование нагрузки на туристические маршруты. Это достигается путем установления оптимального количества человек в группах, а также введения временных ограничений на посещение территории в периоды, когда природные объекты особенно уязвимы.

Развитие туристической инфраструктуры напрямую связано с созданием комфортных условий для посетителей. Равномерное распределение туристических потоков способствует не только сохранению природных объектов, но и открывает новые возможности для привлечения инвестиций в развитие материально-технической базы ООПТ. Это позволяет создать современную инфраструктуру, отвечающую всем экологическим требованиям.

Комплексный подход к организации рекреационной деятельности направлен на достижение нескольких важных целей. Во-первых, повышается эффективность просветительской работы с посетителями, что способствует формированию экологической культуры и ответственного отношения к природе. Во-вторых, усиливается социально-экономическая значимость ООПТ через развитие экологического туризма. В-третьих, максимально реализуется природоохранный потенциал территорий, что обеспечивает их долгосрочное сохранение для будущих поколений.

Таким образом, сбалансированное регулирование рекреационной деятельности позволяет достичь гармонии между сохранением природных ценностей и развитием туристско-рекреационного потенциала ООПТ.

Выводы:

Особо охраняемые природные территории имеют исключительное значение для сохранения природного наследия и поддержания экологического баланса. Уникальность каждой категории ООПТ определяется совокупностью факторов: ценностью природных ком-

плексов, спецификой природных объектов, особенностями режима охраны и допустимыми видами использования территории.

Закон об ООПТ – специальный акт, детально регулирующий природоохранный режим на уникальных территориях, тогда как лесное законодательство – общая норма для всех лесов. При конфликте правил применяется принцип приоритета специального закона.

При градостроительном развитии территорий на землях ООПТ необходимо внедрять систему рационального использования природных ресурсов. Ключевым элементом такой системы является грамотное регулирование нагрузки на природные территории со стороны рекреантов и проживающих. Важным параметром в этом процессе выступает предельно допустимая рекреационная нагрузка – это наибольшее количество посетителей, которое может находиться на определенном участке леса без ущерба для природных компонентов и культурно-исторического наследия данной территории.

Расширение сферы применения является необходимым условием для эффективной охраны природных территорий. Существующее регулирование, которое в настоящее время преимущественно охватывает особо охраняемые природные территории федерального значения, требует существенной доработки и адаптации. Комплексный подход к охране должен учитывать значимость всех категорий ООПТ, независимо от их уровня подчинения.

Библиографический список

1. Богоявленская Е.М. Практические аспекты определения категории земель / Е.М. Богоявленская, М.Г. Пискунова // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2014. – № 3 (150). – С. 44-57. – EDN RXFGSP.
2. Anthropogenic Transformation of the Biomes, 1700 to 2000. https://www.researchgate.net/publication/227604905_Anthropogenic_Transformation_of_the_Biomes_1700_to_2000c.
3. Веретенникова К.В. Особенности совместного развития особо охраняемых природных территорий и прилегающих к ним населенных пунктов Ленинградской области / К.В. Веретенникова, И.С. Дмитриев // Урбанистика. – 2023. – № 2. – С. 84-96. – DOI 10.7256/2310-8673.2023.2.43452. – EDN JURGZP.
4. Веретенникова К.В. Проблемы развития населенных пунктов в пределах особо охраняемых природных территорий Северо-Западного макрорегиона России / К.В. Веретенникова, И.С. Дмитриев // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16, № 3. – С. 51. – EDN ZZYOTX.
5. Ковыршина Е.И. Понятие правового режима земель лесного фонда / Е.И. Ковыршина // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – Т. 13, № 7. – С. 98-103. – EDN HJNMIO.

6. Мониторинг состояния туристских маршрутов природного парка «Оленьи ручьи» / В.П. Чиждова, А.Н. Иванов, К.С. Канаев, Е.Г. Сорокина // Антропогенная трансформация природной среды. – 2024. – Т. 10, № 2. – С. 13-19. – DOI 10.17072/2410-8553-2024-2-13-19. – EDN FYTMSC.

TYPES OF PERMITTED USE OF LAND PLOTS WITHIN SPECIALLY PROTECTED NATURAL TERRITORIES

I.S. Dmitriev, *Postgraduate Student*
Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering
(Russia, St Petersburg)

Abstract. *The article considers the problem of legal regulation of land use in specially protected natural areas of Russia. The main attention is paid to determining the types of permitted use of land sites within the boundaries of various categories of protected areas: nature reserves, national and natural parks, sanctuaries and natural monuments. The article also examines approaches and mechanisms for optimizing economic and recreational activities in the territories of natural objects. The purpose of the study is to study the permissible types of activities on the lands of protected areas, identify the features of their legal regime and compare them with the types of permitted use of land on the forest lands. The results of the study make it possible to clearly demonstrate the difference in types of activities – from an almost complete prohibition on interference in natural processes (in nature reserves) to a softening of the regime in categories of protected areas focused on humans (national park).*

Keywords: *types of permitted use; protected areas; forest lands; specially protected natural areas; recreational load.*

ОСОБЕННОСТИ ИЗЪЯТИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

В.Ю. Дмитриева, студент

Е.Н. Баширина, канд. полит. наук, доцент

**Уфимский университет науки и технологий
(Россия, г. Уфа)**

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-109-114

***Аннотация.** Насущные вопросы законного регулирования процесса изъятия наделов земли для общественных и государственных нужд. Пристальное внимание уделяется особенностям процедуры изъятия, правам владельцев и механизмам возмещения. Цель исследования – анализ правовых норм и практики изъятия (отчуждения) земельных участков, выявление проблемных аспектов и выработка рекомендаций по совершенствованию законодательства в этой (данной) сфере.*

***Ключевые слова:** изъятие земельных участков; муниципальные нужды; государственные нужды; земельное законодательство; права владельцев.*

Вопросы, касающиеся изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд, в текущем контексте развития страны и общества становятся особенно актуальными [1]. Это объясняется действием нескольких основных факторов: стремительное расширение инфраструктурного комплекса влечет за собой потребность в увеличении площадей, отводимых для государственных и муниципальных нужд, что, в свою очередь, закономерно обуславливает необходимость принудительного отчуждения земельных владений, находящихся в частной собственности; Поправки в законодательную базу, регулирующие земельные отношения, требуют скрупулезного подхода к их осмыслению и оценке тенденций правоприменения; Обеспечение законных интересов владельцев имущества является одним из ключевых векторов государственной стратегии, что обуславливает потребность в доработке методик возмещения убытков и регламентов принудительного отчуждения; Повышение количества спорных инцидентов между владельцами имущества и органами власти в процессе выполнения процедуры отчуждения недвижимого имущества земельного фонда указывает на острую потребность в тщательном изучении этой проблематики.

Необходимость, обусловленная государственными или муниципальными потребностями, обозначает нужды самого публично-правового субъекта, достижение которых, бу-

дучи направлено на реализацию общественных интересов (целей, полезных для социума), становится недостижимым без прекращения права частной собственности на часть имущества. Следовательно, изъятие земельного надела в принудительном порядке не должно осуществляться исключительно или по большей части ради извлечения прибыли иными негосударственными структурами, чья деятельность лишь косвенно соотносится с общественными интересами.

Принудительное отчуждение земли у правообладателя представляет собой один из методов завершения существующих субъективных прав на землю. В случае возникновения такой потребности, соответствующий орган исполнительной власти или орган самоуправления на местах инициирует процедуру изъятия надела для удовлетворения государственных или муниципальных потребностей у лица, владеющего им на правах собственности, землепользования или аренды.

Порядок изъятия земельного участка регулируется: Конституцией РФ [2]; ГК РФ [3]; ЗК РФ [4]; ГрК РФ [5]; ЖК РФ [6]; ФЗ от 23.06.2014 № 171-ФЗ [7]; ФЗ от 29.07.1998 № 135-ФЗ [8]; ФЗ от 13.07.2015 № 218-ФЗ [9]. Также действуют специальные нормы права, в частности: Федеральные законы «Об электроэнергетике» [10], «О Государственной границе РФ» [11], «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в РФ...» [12]; поста-

новление Правительства РФ от 06.05.2015 № 442 [13].

Извлечение земельных участков для государственных или муниципальных потребностей происходит в ограниченном ряде ситуаций, и основанием для этого является: следствие исполнения международных соглашений, участником которых является Российская Федерация; при возведении или модернизации объектов федерального, регионального или муниципального значения, если отсутствует возможность их постройки или обновления другим способом; другими обстоятельствами, обозначенными в федеральных законодательных актах.

Список объектов, при работах с которыми допускается изъятие земельной территории у владельца: сооружения, относящиеся к федеральным энергосистемам и энергосистемам, имеющим региональное значение; объекты, используемые для целей атомной энергетики; объекты, предназначенные для нужд обороны и обеспечения безопасности государства, включая технические и инженерные постройки, линии коммуникаций и связи, созданные в целях защиты и охраны государственной границы Российской Федерации; объекты федерального уровня для нужд транспорта, объекты связи федерального масштаба, а также объекты транспортной инфраструктуры и связи регионального уровня, объекты, входящие в инфраструктуру железнодорожного транспорта общего пользования; сооружения, обеспечивающие осуществление космической деятельности; протяженные в пространстве объекты федерального и регионального значения, необходимые для функционирования субъектов естественных монополий; объекты, относящиеся к системам электро-, газо- и теплоснабжения, а также к централизованным системам снабжения горячей и холодной водой и (или) водоотведения, имеющие значение на федеральном, региональном или местном уровне; дорожная сеть общего пользования (автомобильные дороги), отнесенные к федеральному, региональному, межмуниципальному или местному значению.

Полномочиями по вынесению постановления об отчуждении земельных наделов в пользу государственных потребностей обладают структуры исполнительной власти, а также органы самоуправления на местах.

Первоочередная задача этих органов – идентифицировать собственников тех территорий, которые предполагается реквизировать. Для выполнения этой задачи направляется запрос в Росреестр с целью получения данных из ЕГРН, осуществляется поиск в архивных фондах, а также размещается информация о планируемом изъятии в официальных информационных ресурсах (печатная пресса, веб-сайт компетентного органа). В период, не превышающий шестидесяти суток с даты указанной публикации, граждане, чьи земельные права и права на возведённые на них объекты не были надлежащим образом зафиксированы (отсутствуют записи в ЕГРН), имеют возможность подать письменное прошение о регистрации своих прав в орган, инициировавший публикацию. К данному заявлению надлежит приложить документальные свидетельства, подтверждающие заявленные претензии – без их наличия рассмотрение обращения не начнётся. Земельные участки, для которых не удалось идентифицировать владельцев, переходят в государственную собственность на основании судебного вердикта. После того как список отчуждаемых территорий сформирован, а их законные владельцы установлены, орган исполнительной власти или местное самоуправление оформляет официальное решение об изъятии. Этот правовой акт подлежит обязательной огласке (в сети Интернет и официальных печатных изданиях), а его дубликаты направляются в Росреестр и непосредственно собственникам изымаемых объектов недвижимости. В случае, когда местонахождение собственника не может быть установлено и, следовательно, отправка ему документов невозможна, с момента официального опубликования решения оно всё равно считается надлежащим уведомлением о предстоящем отчуждении земельного владения. Дата информирования может стать критически важной, если владелец не согласен с принятым актом и намерен оспорить его – на подачу апелляции отводится трёхмесячный период. Само решение сохраняет свою юридическую силу в течение 3 лет.

Изъятие земельных участков для государственных нужд всегда сопряжено с компенсацией – государство обязуется выплатить владельцу денежное возмещение. При этом такое

возмещение должно быть осуществлено до фактического изъятия.

Величина возмещения определяется рыночной ценой земельного участка и находящихся на нём сооружений, а также объёмом потенциальных потерь и недополученной прибыли. Однако, если объект недвижимости возведён после того, как владелец был уведомлен о предстоящем изъятии, оплата за него не производится. В качестве альтернативы денежному возмещению, при условии согласия собственника, ему может быть предоставлена другая недвижимость. Если её рыночная стоимость окажется ниже стоимости изымаемого имущества, разницу надлежит компенсировать. Принимать предложенный вариант замены не обязательно: собственник сохраняет право на получение денежной компенсации, если такой вариант для него предпочтительнее.

Взаимодействие при отчуждении недвижимого имущества государством происходит путём заключения двустороннего договора с каждым владельцем [14]. Этот акт должен содержать исчерпывающее описание всех аспектов сделки, включая точную величину возмещения и полные сведения о замещающем объекте недвижимости, который будет предоставлен вместо изымаемого.

Проект договора направляется собственнику посредством регистрируемого почтового отправления, и момент вручения будет считаться наступившим, даже если адресат фактически не получил корреспонденцию (например, письмо вернулось отправителю) или отказался его принять. Следовательно, в ситуации несогласия собственника с фактом отчуждения или с предлагаемым объёмом денежной компенсации, оптимальным шагом будет официальное направление ответного обращения, содержащего изложение возражений и контрпредложений.

Нет никакой необходимости заверять своей подписью документ, с которым владелец не имеет согласия. Не случайно он именуется договорённостью – его условия могут (и даже должны!) быть предметом обсуждения с целью достижения взаимовыгодного для всех участников консенсуса. Однако, выдвигаемые требования следует подкрепить доказательствами: к примеру, если собственник считает заявленную сумму компенсации недостаточ-

ной, в качестве обоснования может быть использован отчёт независимого эксперта-оценщика (однако, расходы на его привлечение придётся понести самостоятельно).

Законом предусмотрено принудительное изъятие земельной собственности (участка). Основанием изъятия, является судебное постановление. Владельцу прав дается 90-дневный период для достижения договорённостей по условиям и оформления соответствующего договора. Если за это время соглашение не было подписано, структура, инициировавшая решение об отчуждении, получает право инициировать судебное разбирательство, по итогам которого участок может быть изъят в принудительном порядке. Важно отметить, что даже в этом случае собственнику должна быть заблаговременно перечислена денежная компенсация (ее величина определяется судом на основе независимой рыночной оценки отчуждаемого объекта недвижимости). Если же собственник не согласен с предлагаемыми условиями сделки, и попытки внесудебного урегулирования зашли в тупик, он также имеет право подать иск в суд. В рамках судебного производства можно оспорить как саму законность отчуждения земли, так и установленные условия – при условии, что собственник представит весомые аргументы в подтверждение своих претензий.

Нормативное регулирование процедуры отчуждения земельных наделов в пользу государственных или муниципальных образований нуждается в дополнительной доработке и оптимизации, принимая во внимание текущую социально-экономическую обстановку и запросы социума. Принципиально важно соразмерять общественные интересы государства и частноправовые интересы владельцев этих земельных участков.

Исходя из этого, действующий порядок принудительного отчуждения земель требует непрерывного улучшения для гарантированного обеспечения прогресса в области инфраструктуры и одновременного строгого соблюдения законных прав и интересов собственников.

Подводя итог данному исследованию, можно выделить следующие проблемные аспекты правового регулирования изъятия земельных участков:

Процедурные сложности: длительный характер процесса подтверждения прав собственности; возникают препятствия в установлении фактического адреса собственников; недостаточная открытость в процессе установления размеров компенсаций.

Правовые противоречия: несоответствие толкований правовых предписаний на федеральном и субфедеральном уровнях; отсутствие четко определенных параметров для установления факта «государственной необходимости»; Отсутствие регламентированных временных интервалов, в течение которых должны быть завершены определенные процедуры.

Компенсационные вопросы: проблемы с точным определением текущей рыночной стоимости земельных участков; затягивание процесса осуществления компенсационных платежей; отсутствие унифицированных правил для определения размера понесенных потерь.

Организационные проблемы: наблюдается дефицит знаний у владельцев собственности относительно их законных прав; возникают препятствия при проведении публичных слушаний; недостаточно развиты или отсутствуют действенные инструменты для внесудебного разрешения конфликтов.

Рекомендации по совершенствованию законодательства в сфере изъятия земельных участков:

Оптимизация рабочих процессов: внедрение унифицированной цифровой платформы для учета земельных участков, доступной для надзорных органов; строгое регламентирование сроков выполнения каждого этапа процедуры изъятия с обязательным контролем их соблюдения; разработка и утверждение стандартных образцов документации для унификации всех операций; Модернизация системы возмещения ущерба.

Финансовые гарантии: создание единой методики оценки компенсационных выплат с учетом региональных особенностей; введение предварительного согласования размера возмещения до начала процедуры изъятия; формирование специального фонда для обеспечения своевременных выплат компенсаций; защита прав собственников.

Правовое обеспечение: усиление роли независимых экспертов при проведении оценки

имущества; расширение возможностей досудебного урегулирования споров через создание специализированных комиссий; введение обязательного правового консультирования собственников на всех этапах процедуры; организационные меры.

Комплексное совершенствование системы: формирование экспертных групп для урегулирования разногласий; разработка регламентов информирования собственников о ходе процедур; внедрение механизма контроля за соблюдением установленных норм; оптимизация правоприменительных процессов.

Информационная поддержка: разработка централизованной онлайн-платформы для предоставления актуальных сведений о предстоящих изъятиях; гарантирование своевременного внесения изменений в Единый государственный реестр недвижимости; установление каналов экстренной связи для консультирования правообладателей.

Контроль и надзор: усиление роли прокуратуры в надзоре за соблюдением процедур; введение обязательной отчетности органов власти; создание системы общественного контроля.

Профессиональное развитие:

- организация регулярных семинаров для должностных лиц: проведение систематических обучающих мероприятий для сотрудников с целью повышения их квалификации.

- разработка методических рекомендаций по применению законодательства: создание руководств и инструкций для обеспечения единообразного и корректного применения правовых норм;

- создание базы типовых решений для стандартных ситуаций: формирование унифицированного справочника готовых решений для типовых задач и проблем.

Ожидаемые результаты реализации предложенных мер:

Ключевые эффекты: сокращение сроков процедуры изъятия земельных участков; повышение прозрачности принятия решений на всех уровнях; снижение количества судебных споров между собственниками и органами власти; улучшение защиты прав собственников при изъятии участков; повышение эффективности использования земельных ресурсов.

Реализация предложенных инициатив позволит усовершенствовать законодательство,

регулирующее изъятие земельных участков. В результате будет создана система, которая более полно учитывает как государственные,

так и частные интересы, обеспечивая их равновесие и защиту прав.

Библиографический список

1. Изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.law.ru/article/22778-izyatie-zemelnogo-uchastka>.
2. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
4. «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/.
5. «Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред. от 31.07.2025). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/.
6. «Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 31.07.2025). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/.
7. Федеральный закон «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 23.06.2014 N 171-ФЗ (последняя редакция). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164516/.
8. Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» от 29.07.1998 N 135-ФЗ (последняя редакция). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19586/.
9. Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 N 218-ФЗ (последняя редакция). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/.
10. Федеральный закон «Об электроэнергетике» от 26.03.2003 N 35-ФЗ (последняя редакция). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41502/.
11. Закон РФ «О Государственной границе Российской Федерации» от 01.04.1993 N 4730-1 (последняя редакция). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3140/.
12. Федеральный закон «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 08.11.2007 N 257-ФЗ (последняя редакция). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72386/.
13. Постановление Правительства РФ от 06.05.2015 N 442 «Об утверждении перечня организаций, имеющих право на обращение с ходатайствами об изъятии земельных участков для федеральных нужд». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_179254/.
14. Что нужно знать землевладельцу об изъятии // Яндекс.Недвижимость: информационный портал. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://realty.yandex.ru/journal/post/chto-nuzhno-znat-zemlevladelcu-ob-izyatii/>.

THE SPECIFICS OF THE SEIZURE OF LAND FOR MUNICIPAL AND STATE NEEDS

V.Yu. Dmitrieva, *Student*

E.N. Bashirina, *Candidate of Political Sciences, Associate Professor*

Ufa University of Science and Technology

(Russia, Ufa)

Abstract. *Urgent issues of legal regulation of the process of withdrawal of land plots for public and state needs. Close attention is paid to the specifics of the withdrawal procedure, the rights of the owners and the mechanisms of compensation. The purpose of the study is to analyze the legal norms and practices of land seizure (alienation), identify problematic aspects and develop recommendations for improving legislation in this (given) area.*

Keywords: *seizure of land plots; municipal needs; state needs; land legislation; owners' rights.*

ЗАЩИТА ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРИ РАСТОРЖЕНИИ БРАКА РОДИТЕЛЕЙ

В.В. Душко, студент

П.С. Соболева, студент

С.В. Старцева, старший преподаватель

**Самарский государственный экономический университет
(Россия, г. Самара)**

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-115-120

***Аннотация.** В статье рассматриваются актуальные проблемы защиты жилищных прав несовершеннолетних детей при расторжении брака их родителей. Анализируются правовые механизмы обеспечения жилищных интересов детей в условиях семейного конфликта. Особое внимание уделяется исследованию судебной практики по делам о разделе имущества супругов, включающего объекты недвижимости. Исследуются такие аспекты как правовые гарантии защиты жилищных прав несовершеннолетних в рамках действующего законодательства, особенности определение места жительства детей и их права пользования жилым помещением, проблемы реализации права собственности, механизмы защиты детей при продаже или обмене жилого помещения, роль органов опеки и попечительства в защите жилищных прав несовершеннолетних.*

***Ключевые слова:** жилищные права; несовершеннолетние; расторжение брака; защита прав детей; семейное законодательство; раздел имущества; право собственности; интересы ребенка; семейное право.*

Актуальность исследования заключается в том, что в современных социально-экономических реалиях, проблемы обеспечения прав малолетних детей во время развода их родителей становятся особенно актуальными. В Российской Федерации наблюдается высокий уровень разводов, требующий надежной охраны жилищных интересов малолетних граждан.

Социальная значимость данного исследования определяется необходимостью защиты жилищных прав детей, так как они играют ключевую роль в обеспечении их благополучного роста и развития. При разводе супругов возникают многочисленные юридические противоречия, касающиеся определения места жительства детей и их права на проживание в квартире.

Проблема исследования заключается в том, что существующая практика показывает, что при разделении совместного имущества у супругов нередко возникают проблемы с защитой жилья для несовершеннолетних детей. Несмотря на наличие законодательных норм по защите интересов детей, в реальной жизни часто происходят случаи нарушения их прав или недостаточной защиты.

Основной целью данного исследования является всесторонний обзор способов обеспечения безопасности жилищных прав для несовершеннолетних при разводе их родителей, а также подготовка рекомендаций для улучшения законодательства в этой области.

Раздельное проживание законных представителей не ограничивает право ребенка на жилплощадь. Если ребенок состоит на учёте по адресу проживания родителей, то ему гарантируется сохранение права использования этого жилья. Если малолетний гражданин не имеет доступной недвижимости для длительного пребывания, то оба родителя обязаны участвовать в решении вопроса о предоставлении ему соответствующего помещения [1].

Забота о формировании личности и умственном становлении подрастающего поколения лежит на плечах взрослых. Им необходимо уделять внимание состоянию организма, интеллектуальному росту, эмоциональной устойчивости, внутренней гармонии и формированию моральных принципов у подрастающего поколения.

Развод законных представителей не лишает ребёнка прав собственности, включая право пользования жилплощадью (абз. 1 п. 55, абз. 2

п. 61, абз. 1 п. 63 Семейного кодекса Российской Федерации [2]; абзац 14 постановления пленума Верховного суда РФ от 2 июля 2009 года № 14 [3]).

Место проживания малолетних лиц определяется по адресу проживания их официальных опекунов, включая мать или отца согласно п. 2 ст. 20 Гражданского кодекса Российской Федерации [4].

Согласно законодательству о семье, родители обязаны заботиться об обучении и полном развитии собственных детей, обеспечивая заботу о здоровье и формируя у них целостную нравственную, телесную и духовную личность. Вследствие этого развод или разделение родительских жилищ не оказывают воздействия на жилищные условия ребёнка.

В Российской Федерации развод родителей, имеющих совместных малолетних детей, осуществляется через судебную процедуру согласно части 1 статьи 21 СК РФ. В рамках судебного процесса предстоит определить место жительства детей разведенной пары.

В решении Пленума Верховного суда РФ от 02 июля 2009 года под № 14 указано, что разрыв семейных связей между родителями несовершеннолетнего, проживающего в принадлежащем одному из них жилье, не приводит к потере детьми права пользоваться этим жильем.

При рассмотрении судебных дел по жилищным спорам, касающихся прав малолетних на проживание в конкретном жилье, важно принимать во внимание ограниченную способность детей самостоятельно защищать свои интересы из-за юного возраста.

После прекращения брачных отношений, один из родителей, не владеющий жилым помещением, рискует быть выселенным как исключен член семьи владельца, однако малолетние дети от такого выселения освобождаются. Аналогичный подход применяется для охраны интересов детей в отношении жилья, предоставленного через социальный найм.

Согласно п. 2 статьи 20 ГК РФ, адрес постоянного проживания детей младше 14 лет, либо лиц под опекой, определяется по месту прописки их официальных опекунов – родителей, приемных родителей или опекунов.

Согласно части 1 статьи 70 ЖК РФ, размещение совместно с родителями несовершенно-

летних детей допускается без согласия других жильцов и собственника жилья [5].

Согласно части 2 статьи 69 ЖК РФ, родственники основного арендатора жилья по социальному найму обладают такими же правами и обязанностями, как и сам арендатор.

Отказ от права пользования жильем у не достигших совершеннолетия граждан, полученного через договор социального найма, возможен исключительно на условиях, предусмотренных ЖК РФ.

Тем не менее, продолжительное отсутствие ребёнка в месте его прописки, обусловленное проживанием вместе с родителем(и) по иному адресу, не служит автоматическим поводом для отказа от права использования жилого пространства, так как ребёнок физически не способен самостоятельно воспользоваться своим правом на заселение и использование жилья.

При рассмотрении дел по разделению совместного имущества между супругами, согласно статье 39 СК РФ, судебные органы могут отклоняться от принципа равномерности распределения долей супругов в их общем имуществе, если это необходимо для защиты прав малолетних детей [6].

В решении Мосгорсуда апелляционной инстанции от 14 декабря 2022 года по гражданскому иску № 33-50125/2022 было принято решение о выделении женщине двух третей части жилого помещения, так как она обеспечивает содержание и воспитание малолетних детей, находящихся под её попечением [7].

Судебный состав, изучая исковое заявление, принял во внимание особенности жилого помещения – оно представляет собой помещение с одной комнатой, а также факт наличия у заявителя двух малолетних детей, среди них имеется ребенок с ограниченными возможностями здоровья. После развода дети остаются жить с матерью, а приобретение жилья осуществлялось благодаря единовременному пособию от работодателя ответчика, учитывающему состав всей его домогачев.

В данных условиях коллегиальный состав суда решил отклониться от равного распределения имущества между супругами по общему праву совместной долевой собственности и постановил передать Солдатовой Т.В. две трети права общей долевой собственности на

жилье, а Солдатову Р.В. — одну треть этого права на ту же недвижимость.

Несмотря на это, общий факт наличия несовершеннолетних детей и решения о месте их проживания у одного из родителей сам по себе не служит гарантией расширения долей супруга(и), так как жилищные интересы детей относительно родительского имущества остаются защищенными, а их содержание обеспечивается алиментными обязательствами [8].

При рассмотрении судебной практики по делам о разделе имущества супругов, включающего объекты недвижимости, трудности возникают при распределении имущества, которое изначально не было совместным владением пары, однако позже значительно улучшено, благодаря совместным финансовым вкладам, либо личным финансам одного из партнёров. Подобные ситуации усложняются из-за отсутствия полностью исчерпывающих информативных свидетельств о сроках проведения тех или иных работ.

Так же при разделе имущества, важно оценить текущую рыночную стоимость имущества перед их распределением. В случае если одному из разводящихся партнеров достается имущество более высокой стоимости по сравнению с его долей, другой партнер имеет право претендовать на эквивалентную денежную компенсацию или иной вид возмещения.

Процесс раздела имущества, которое находится в ипотеке так же немного затруднен. Верховный суд решил, что если дом с участком находится в ипотеке, то их всё равно можно поделить, при этом все собственники имущества станут солидарными залогодателями [9].

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26 октября 2021 г. № 5-КГ21-116-К2 [10] направило дело на новое апелляционное рассмотрение из-за ошибочного расчёта стоимости имущества. Апелляционный суд два раза учел в оценке недвижимости общую сумму затрат на возведение зданий и инженерных коммуникаций, равную двум миллионам восьмисот восьмидесяти двум тысячам рублей. В браке также не проверили наличие или отсутствие инвестиций, которые могли бы существенно повысить цену земли, а также возможность считать её совместной собственностью супру-

гов. Кроме этого, суд проигнорировал факт принадлежности здания и участка земли разным субъектам имущественных прав. Суд апелляционной инстанции определил, что земельный участок, вместе со всеми строениями на нем, принадлежит супругам совместно, так как во время их брака были осуществлены неотъемлемые улучшения, значительно повысившие стоимость земли. Распределение совместного имущественного фонда между супругами осуществляется согласно положениям статей 38 и 39 СК РФ, а также статьи 254 ГК РФ. Оценка активов, предназначенных для раздела, устанавливается по состоянию делопроизводства на момент его рассмотрения. Исходя из этого, суд не определил доли супругов в имуществе, так как отменил решения нижестоящих судов и направил дело на новое рассмотрение.

Судебный процесс по вопросу обеспечения права ребёнка на жильё в случае развода его законных представителей проходил в суде одного из районов Тверской области в указанный период времени. Женщина, воспитывающая двух малолетних сыновей самостоятельно, потребовала от отца компенсировать долю затрат на покупку недвижимости. Женщина сообщила суду о необходимости приобретения жилья через заемные средства после расторжения брака из-за отсутствия подходящего места жительства, включая использование семейного капитала. Решением суда отцы обязаны были компенсировать часть расходов по кредиту, связанных с содержанием их общих малолетних детей [10].

Дополнительным примером служит ситуация, где судебный орган отказался признать подростка лишённым права проживания в квартире и снятия его с учета по месту жительства. Суд пришел к выводу о невозможности разрыва связей отца с ребенком младше совершеннолетия, а также об отсутствии у последнего права самовольно определить место жительства из-за юного возраста [11, 12].

В случае прекращения брачных отношений законодательство гарантирует предоставление жилья несовершеннолетнему лицу согласно положению ч. 4 ст. 31 ЖК РФ. В случае отсутствия оснований получения или реализации прав использования альтернативного жилья со стороны бывшего супруга владельца недвижимости, а также невозможности само-

стоятельно обеспечить себе другое жилье по причине финансового положения или других значимых факторов, суд вправе разрешить временное сохранение права проживания.

Основной группой исковых заявлений, где суды принимали во внимание возможность проживания несовершеннолетнего в жилье после развода родителей, были дела по отмене прав на проживание детей в жилых помещениях и их снятия с учета, а также признания отсутствия у них таких прав. После расторжения брака между родителями права ребенка остаются действительными, а обязанности взрослых по отношению к нему сохраняются.

В ходе рассмотрения исковых заявлений по гражданским делам о разделе имущества, судебные инстанции отклоняли статус бывшего члена семьи владельца недвижимости для ребёнка. На основе данного положения, ограничение доступа ребёнка к жилью со стороны одного из родителей, владельца такого жилья, квалифицировалось как нарушение детских прав. С учетом норм законодательства РФ о родительских обязанностях по отношению к детям, судебные инстанции продолжали признавать за детьми право проживания в принадлежащем одному из родителей жилье даже после развода их родителей.

Таким образом, при рассмотрении конфликтов судебные инстанции руководствовались интересами ребёнка, обладающего правом на жилье, находящееся в собственности у его родителей, однако по причине несовершеннолетия неспособного самостоятельно воспользоваться данным жильем при разделении родительского совместного проживания. Судебные инстанции принимали во внимание, что изменение адреса проживания ребёнка в связи с разводом его родителей само по себе не должно стать причиной ограничения жилищных гарантий для него.

Суды так же сталкиваются с проблемами при разделе имущества.

В качестве примера можно привести Определение ВС РФ от 04 октября 2022 года № 5-КГ22-82-К2, где указано, что совместно нажитые средства использовались супругами для приобретения недвижимости и участка земли, оформленных на отца семейства и его двоих детей поровну по трети права собственности. Один из партнёров посчитал, что

треть имущества второго лица относится к совместно нажитому имуществу и должна делиться поровну между сторонами. Верховный суд указал, что муж и жена имеют право самостоятельно решить вопрос о переходе совместно нажитых благ либо их доли в личную собственность через заключение брачного договора или другого документа, соответствующего действующему законодательству [13].

Так же примером может служить Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 18 февраля 2021 г. № 88–1820/2021. Суды отметили, что у истца на иждивении остались две маленькие дочери, одна из которых является инвалидом. Поскольку истец находится в отпуске по уходу за младшим ребёнком и её среднемесячный доход составляет 62,64 рубля, суды признали эти обстоятельства заслуживающими внимания при решении вопроса об отступлении от равенства долей и присудили истцу 2/3 нажитого имущества [14, 15].

Проведенный анализ судебной практики показывает наличие недостатков в текущем законодательстве в вопросах защиты жилищных прав несовершеннолетних при расторжении брака родителей.

Во-первых, возникает проблема распределения кредитных обязательств, особенно касающаяся жилищного кредита.

Во-вторых, отсутствуют четкие процедуры обеспечения безопасности интересов малолетних при разделе долей.

При разбирательствах по вопросам раздела имущества, судебные инстанции придают первостепенное значение доказательствам. Крайне важным моментом выступает подтверждение реального вклада каждого супруга в покупку и модернизацию совместного имущества. Судебные инстанции принимают во внимание не только финансовые вклады, но также прочие виды поддержки при формировании общего благополучия семьи.

Так же возникают сложности с применением п. 2 ст. 39 СК РФ. Суды редко используют это положение, так как нет установленных законом оснований для отступления от принципа равенства долей супругов [16].

Сложности возникают из-за требования обосновать целесообразность отклонения от принципа равной доли. Сторона, настаивающая на таком исходе дела, обязана обосно-

вать, в чём конкретно указанное благо может способствовать удовлетворению потребностей ребёнка. При распределении предметов личного обихода судебные инстанции обычно принимают во внимание предпочтения детей относительно сохранения принадлежностей, которые они систематически применяют (обувь, гаджеты связи, снаряжение для игр и подобное). При распределении объектов недвижимости судебные инстанции почти никогда не используют п. 2 ст. 39 СК РФ, считая доли между супругами равными.

Для устранения выявленных проблем в правоприменении необходимо конкретизировать условия ст. 39 СК РФ, регулирующие распределение имущественных долей между супругами при разделении совместного имущества. Следует установить ясные условия, позволяющие суду отклоняться от равного распределения имущества в пользу супруга, сохраняющего совместное жильё с детьми.

Рекомендуется добавить п. 4.1 в статью 60 СК РФ с положениями о защите интересов детей при передаче или переходе права собственности на жильё, где они проживают, а именно закрепить строго регламентированный процесс получения одобрения от органов опеки и попечительства в подобных ситуациях.

Для оптимизации ситуации с ипотекой рекомендуется дополнить Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)» [17], а именно ввести ст. 38.1 «Сохранение ипотеки при разделе совместно нажитого имущества супругов» в которой указать особый механизм разделения жилища, купленного с привлечением кредитов, кроме того, необходимо, так же установить ясные нормы по разделению долгов между родителями, учитывая интересы детей. Можно добавить положения о правах детей и обязанностях банка при разделе имущества.

В п. 3 ст. 77 указанного закона целесообразно включить норму, указывающую как учитывать интересы несовершеннолетних при разделе ипотечного жилья, а именно о надзоре органов опеки и попечительства за процедурой раздела ипотечного жилья и необходимости дачи ими заключения о необходимости учета интересов детей при разделе совместно нажитого ипотечного имущества родителей.

Эти корректировки обеспечат создание усовершенствованной системы охраны жилищных прав детей во время развода их родителей, поддерживая равновесие между интересами всех вовлечённых сторон.

Библиографический список

1. Справка Судебной коллегии по гражданским делам Иркутского областного суда «По результатам изучения практики рассмотрения судами Иркутской области дел о праве ребенка на жилое помещение в случае расторжения брака между родителями» от 6 декабря 2016 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/34652144/>.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) // СПС «Консультант Плюс».
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Хужина О.Н. Об экспертизах по семейно-правовым спорам, связанным с воспитанием детей / О.Н. Хужина // Четвертый конгресс цивилистов правоохранительных органов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Нижний Новгород – Барнаул, 24-25 марта 2022 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2022. – С. 377-382. – EDN IGYPEQ.
7. Ситкова О.Ю., Темникова Н.А., Куропацкая Е.Г., Очеретько Е.А., Литвиненко Н.В. Комментарий к разделу VI «Формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей» Семейного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/57288482/>.

8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2020 г. по делу № 20-КГ19-13 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 февраля 2023 г. № 18-КГ22-144-К4 (УИД 23RS0057-01-2020-002312-10) // СПС «КонсультантПлюс».

10. Калинина И.А. Правовое регулирование раздела имущества супругов в связи с расторжением брака // Право: история и современность. – 2024. – Т. 8. № 4. – С. 508-523.

11. Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 14 февраля 2024 г. № 88-204/2024 (УИД 26RS0026-01-2022-000163-06) // СПС «КонсультантПлюс».

12. Никитченко А.А. Проблемы судебной практики при разрешении споров об участии родителей в дополнительных расходах на детей // Проблемы публичного и частного права. Сборник студенческих научных работ. – Тверь, 2023. – С. 280-286.

13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 04 октября 2022 года № 5-КГ22-82-К2 (УИД 77RS0005-01-2017-010864-59) // СПС «КонсультантПлюс».

14. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 18 февраля 2021 г. № 88–1820/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Ковалева Е. Когда суд отходит от равенства долей в пользу детей при разделе имущества. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://companies.rbc.ru/news/bnMopk5531/kogda-sud-otodit-ot-ravenstva-dolej-v-polzu-detej-pri-razdele-imuschestva/>.

16. Антонович Ю.И., Михайленко Ю.А. К вопросу об отступлении от начала равенства долей супругов в интересах несовершеннолетних детей // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – 2024. – № 1 (24). – С. 100-103.

17. Федеральный закон от 16 июля 1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

PROTECTION OF HOUSING RIGHTS OF MINORS AT THE DISSOLUTION OF THE PARENTS' MARRIAGE

V.V. Dushko, *Student*

P.S. Soboleva, *Student*

S.V. Startseva, *Senior Lecturer*

**Samara State University of Economics
(Russia, Samara)**

Abstract. *The article discusses the current problems of protecting the housing rights of minor children at the dissolution of their parents' marriage. The article analyzes the legal mechanisms for ensuring the housing interests of children in the context of family conflict. Special attention is paid to the study of judicial practice in cases of division of marital property, including real estate. The article examines such aspects as legal guarantees for the protection of housing rights of minors within the framework of current legislation, the specifics of determining the place of residence of children and their right to use residential premises, the problems of exercising property rights, mechanisms for protecting children when selling or exchanging residential premises, the role of guardianship and guardianship authorities in protecting the housing rights of minors.*

Keywords: *housing rights; minors; dissolution of marriage; protection of children's rights; family legislation; division of property; property rights; interests of the child; family law.*

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

О.В. Корнелюк, канд. юрид. наук, доцент
М.В. Лифанова, канд. юрид. наук, доцент
 Уфимский университет науки и технологий
 (Россия, г. Уфа)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-121-125

***Аннотация.** В статье рассматривается сущность русской правовой философии, анализируются евразийская правовая концепция, размышления одного из известных его идеологов Н.Н. Алексеева, а также других ярких представителей философии права: П.И. Новгородцева, И.А. Ильина, В.В. Соловьева, Н. Бердяева. На основе данных философско-правовых идей, анализируются теоретико-методологические основы уголовно-процессуального законодательства России.*

***Ключевые слова:** философия права; евразийство; государство; личность уголовный процесс; права; обязанности; объективная истина; уголовно-процессуальные гарантии.*

В последнее время мы наконец-то стали обращаться к вопросам нашей идентичности буквально во всех областях общественных, государственных отношений. Невозможно оставить без внимания и такую важную составляющую часть нашей жизни, как правоотношения, законодательство и глубинное понимание права как такового.

В этой связи хотелось бы обратиться к истокам русской правовой философии. И, в первую очередь, наше внимание привлекли мысли Н.Н. Алексеева – выдающегося русского философа, правоведа, одного из ярких идеологов евразийства.

Согласно воззрениям Н.Н. Алексеева, основная идея евразийской концепции государства заключается в том, что право в России должно строиться на принципах и предпосылках, альтернативных западно-либеральным юридическим теориям. **Не право важно, но правда, государство правды** (выделено нами). Национальная юриспруденция резко и жестко должна отказаться от копирования правовых теорий запада, подвергнуть их детальному и скрупулезному историко-геополитическому и критическому анализу, перенимая лишь то, что может быть использовано в ограниченно инструментальных целях [1, с. 18].

Н.Н. Алексеев выделяет два основных подхода в понимании сущности права, государства, других социальных явлений. Это, так называемый, «атомарный подход, согласно

которому все социально-исторические образования – государство, классы и т.д. – есть следствие произвольного объединения атомарных личностей, индивидуумов, которые фиксируют такое объединение в разнообразных формах «контракта», «договора». Иными словами, неделимым, константным в таком механицистском подходе является только индивидуум (это латинское слово и означает «неделимый», а его точным греческим аналогом будет слово «атом» – «неделимый»), все остальные образования в конечном итоге являются историческим произволом, не обладают никакой самостоятельной онтологией» [2, с. 102].

Данному подходу противостоит «органицистский подход, рассматривающий народы, государства, общества как органические сущности, как цельные естественные существа, органически сочетающие субъективные и объективные аспекты. В пространственном смысле прослеживается такая закономерность – органицизм характерен для Востока, индивидуализм – для Запада».

С иронией Алексеев указывает на тот факт, что под «Общей теорией права» западные юристы понимают «общую теорию западного права», оставляя вне сферы рассмотрения все альтернативные юридические модели, которые, однако, распространены и до сих пор среди народов, составляющих большую часть человечества. Интереснейший вывод Алексеева – когда мы употребляем слово «право»,

мы уже имплицитно входим в систему западного образа мышления, попадаем в философский контекст, чуждый органицистской логике.

«Концепции права в альтернативных социальных моделях противостоит концепция обязанностей. Она вытекает из философской установки традиционного общества, которая рассматривает индивидуума как часть целого, как не самостоятельную и не самодостаточную проекцию на единичное всеобщего. Отсюда индивидуум представляется лишь частичкой единого целого - государства, церкви, народа, нации и т.д. Это – общинный принцип, принцип предшествования общего в формировании целого» [1, с. 19].

Фактически возникают две возможные теории права. В одной – фигурируют индивидуумы, как частное и договорное сообщество, как продукт связей частного. Соотношение между ними и индивидуумов между собой и составляет содержание права, как его понимает Запад. Предельным выражением такой конструкции является теория «правового государства» и «прав человека». Вторая теория права имеет дело не с индивидуумами («неделимыми»), а с личностями. Русское «личность» – этимологическая калька с греческого, и означает оно более «функцию» и «роль», а не самостоятельную и суверенную, автономную единицу. Здесь все служат всему, осуществляя роль, заданную целым и, имея в качестве награды постоянную перспективу полноценного участия в этом целом, возможность неограниченного черпания из этого целого бытийных сил и душевного покоя [2, с. 13].

Н.Н. Алексеев говорит о концепции «правообязанностей», как об альтернативе правового подхода. При внутреннем органическом сочетании прав и обязанностей, право пропитывается обязанностью и обязанность правом. На месте отдельного от обязанности права и отдельной от права обязанности получается то, что можно было лучше всего назвать русским словом правообязанность. К такому качественному сочетанию прав и обязанностей склоняются славянофилы, П.И. Новгородцев, С.Л. Франк, последний утверждал, что «никакое человеческое право не имеет имманентной моральной силы».

Н. Бердяев писал, что «...декларация прав человека должна быть связана с декларацией обязанностей. Требование прав без сознания обязанностей толкало на путь борьбы человеческих интересов и страстей, состязание взаимноисключающих притязаний. Права человека предполагают обязанность уважать эти права. В осуществлении прав человека самое важное не собственные правовые притязания, а уважение к правам другого, почитание в каждом человеческого образа... Обязанности человека глубже прав человека, они и обосновывают права человека. Право вытекает из обязанности. Если все будут очень сильно сознавать права и очень слабо сознавать обязанности, то права никем не будут уважаться и не будут реализованы...» [3, с. 119]. И в этом заключен великий смысл.

И.А. Ильин отмечал, что «история русского правосознания свидетельствует о проникновении его духом братского сочувствия...» [4, с. 67].

В.С. Соловьев – один из ярких представителей русской философии, писал: «Взаимное отношение между нравственной областью и правовой есть один из коренных вопросов практической философии. Это есть, в сущности, вопрос о связи между идеальным нравственным сознанием и действительную жизнь, от положительного понимания этой связи зависит жизненность и плодотворность самого нравственного сознания. Между идеальным добром и злою действительностью есть промежуточная область права и закона, служащая воплощению добра, ограничению и исправлению зла. ...закон требует низшей, минимальной степени нравственного состояния... С нравственной стороны нельзя отрицать, что требование добросовестного исполнения долговых обязательств, воздержание от убийств, грабежей есть требование хотя и элементарного, но все-таки добра, а не зла и что если мы должны любить врагов, то и по-прежнему должны уважать жизнь и имущество всех наших ближних, и без исполнения этих низших требований нельзя исполнить высших заповедей. Таким образом, отношение между двумя началами практической жизни может быть выражено только так, что право есть низший предел или определенный минимум нравственности» [5, с. 447].

Таким образом, из анализа источников отечественной правовой мысли, мы видим, что она пронизана идеей общего блага, неразрывной связи права с нравственными духовными началами.

Если применить эту теорию к уголовно-процессуальной материи, то мы можем выдвинуть тезис о том, что интересы участников уголовного процесса обусловлены в целом их правовым статусом и их участие в уголовном судопроизводстве вызвано **общностью интересов, объективно обусловленной необходимостью защиты от преступлений** и защиты частных лиц от злоупотреблений со стороны должностных лиц.

В последнее же время, с нашей точки зрения, происходит некая абсолютизация права как такового, и совершенно забывается, что **право – это не самоцель, это средство обеспечения законных интересов**, в последних всегда присутствует элемент сопоставления одного участника уголовного судопроизводства с другим. Характер и содержание уголовно – процессуальных правоотношений выражают не право само по себе, а законные интересы участников процесса, выраженные при помощи этого права. Уголовно - процессуальное право является средством правового компромисса интересов участников процесса, в нормах которого существует определенное распределение прав и обязанностей между субъектами процесса, детерминируемое в конечном итоге назначением уголовного судопроизводства.

В этой связи, естественно возникает вопрос о гарантиях прав участников уголовного судопроизводства. И здесь опять хотелось бы обратиться к истокам уже уголовно-процессуального права.

У русских дореволюционных юристов существовали две крайности в оценке уголовно-процессуальных гарантий. Так, И.Я. Фойницкий, В.К. Случевский рассматривали назначение уголовно-процессуальных гарантий в «защите интересов государства от эксцессов личности» [6, с. 486]. И.В. Михайловский [7, с. 50], П.И. Люблинский [8, с. 2], считали, что «уголовно-процессуальные гарантии призваны ограждать личность от произвола государства».

Следует, однако, отметить, что между личностью и государством всегда существовало,

существует, и будет существовать противоречие, которое носит объективный и неустраняемый характер. Оно имеет место на протяжении всей истории общества, права и государства. В истории политической мысли оно приводило к тому, что Ж.-Ж. Руссо требовал отдать все государству, а И. Бентам – личности. Между тем, по мнению П.И. Новгородцева, «необходимо их сочетание, надо найти границу между правами личности и государства. Только тогда возможно подлинное сотрудничество» [9, с. 7]. Права человека сами по себе есть некий баланс между личной свободой и общественной необходимостью.

Постановка этих вопросов логично приводит нас к рассмотрению принципа диспозитивности, предполагающего развитие частных начал в рамках уголовно-процессуального законодательства. И здесь мы вынуждены констатировать процесс крайней минимизации количества дел частного обвинения. Как известно, Федеральный закон от 07.06.2025 № 146-ФЗ исключил ст. 128.1 УК РФ из категории дел частного обвинения, оставив в их числе всего лишь два состава ст.ст. 115 и 116.1 УК РФ.

Данное обстоятельство свидетельствует, с одной стороны, о расширении публичных начал уголовного процесса, но здесь надо иметь ввиду, что «повышенное внимание к публичному интересу всегда оборачивалось стеснением, либо полным игнорированием частного, индивидуального начала в общественных отношениях» [10, с. 38], с другой стороны, принимая во внимание очень противоречивые и непростые случаи разрешения дел частного обвинения, приводящие к их произвольному истолкованию и применению и не обеспечивающие их эффективного расследования», следует приветствовать решения Конституционного Суда РФ и последующие изменения законодательства по этому вопросу.

Повышение уровня гарантий защиты частных интересов за счет расширения публичных начал уголовного процесса, представляется вполне оправданным. Потерпевший, впрочем, как и подозреваемый, по вполне понятным причинам, находятся в состоянии сильнейшего стресса и всерьез говорить о том, что они должны сами проявить активность, желатель-

но еще и максимально адекватную, в собирании и представлении доказательств, представляется абсурдным. Думается, все-таки это прямая обязанность должностных лиц, соответствующих правоохранительных органов.

Как известно, права участников уголовного судопроизводства обеспечены соответствующими гарантиями. Не углубляюсь в методологию этого вопроса, хотелось бы сказать, что, с нашей точки зрения, правовые средства обеспечения объективной истины и процессуальных прав тесно взаимосвязаны между собой. В настоящее время, уголовно-процессуальное законодательство вообще не содержит понятия «объективной истины», так как эта категория имеет известное несоответствие с принципом состязательности, закрепленным в ст. 15 УПК РФ и это обстоятельство лежало в основе изменения методологии отечественного уголовного процесса. В этой связи считаем верным утверждение о том, что «стремление правоохранительных органов и суда установить истину по делу является основной задачей правосудия, поскольку в противном случае теряется его смысл. Если не стремиться к установлению истины по делам, то все правосудие превращается лишь в фарс, шоу для развлечения участников судебного разбирательства. Разыгранный в суде спектакль, участниками которого будут обвиняемый с потерпевшим, и защитник с обвинителем не достигнет тех целей, которые ставились человечеством для достижения справедливости и наказания зла» [11, с. 37].

Считаем абсолютно не корректным перенесение общеправового утверждения о том, что «объективная истина известна лишь Богу» в совершенно специфическую область уголовного судопроизводства. Мы солидарны

с мнением о том, что «с позиции здравого смысла проблема истины в правосудии, казалось бы, не дает почвы для споров. Если понимать истину в этой сфере как соответствие выводов следствия и суда о фактических обстоятельствах дела тому, что произошло в действительности, трудно представить, как можно отрицать необходимость постановки такой цели» [12, с. 143].

Очевидно, что наше уголовно-процессуальное законодательство, к сожалению, базируется на той самой западной правовой доктрине, характеристику которой так точно дал Н.Н. Алексеев и другие мыслители в области философии права. Может в этом причина того, что в последнее время все чаще и чаще, как в научных кругах, так и в среде практикующих юристов, мы говорим, что после долгих лет реформированию уголовно-процессуального законодательства, мы зашли в тупик?

И снова хотелось бы снова обратиться к истокам отечественной правовой мысли: «нет единой общеобязательной западной культуры, перед которой все остальное темнота. Культура Запада не есть идеал совершенства. Строеение его духовного акта может быть и соответствует его способностям и его потребностям, но нашим силам, нашим задаткам, нашему историческому призванию и душевному укладу оно не соответствует и не удовлетворяет. Нам надо не отталкиваться от других народов, а уходить в собственную глубину... Российское право и правоповедение должны оберегать себя от западного формализма... России необходимо новое правосознание, национальное по своим корням...» [4, с. 72]. Эти слова И.А. Ильин написал в 1951 г., но и поныне они актуальны как никогда. Наверное, они вместили в себя вечность.

Библиографический список

1. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. – М., 1998. – С. 18.
2. Алексеев Н.Н. Очерки по общей теории государства. – М., 1919. – С. 102.
3. Бердяев Н. Философия неравенства. 2 изд. испр. – Париж: YMKA-PRESS, 1970. – С. 119-121.
4. Ильин И. Для русских. Избранное. М., 1995. С. 67,72.
5. Соловьев В. Оправдание добра. Нравственная философия. Собр. соч., в 2-х Т. – М., 1988. – С. 447-450.
6. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. – СПб., 1896.
7. Михайловский И.В. Основные принципы организации уголовного суда. Томск, 1905. – С. 50.
8. Люблинский П.И. Суд и права личности. «Судебная реформа», 1915. Т. 2. С. 2.

9. Новгородцев П.И. Введение в философию права. – СПб., 2000. – С. 7.
10. Демидов И.Ф. Проблема прав человека в российском уголовном процессе. – М., 1995. – С. 38-39.
11. Дорошков В.В. Частное обвинение. Правовая теория и судебная практика. – М., 2000. – С. 37.
12. Доказывание в уголовном процессе. Традиции и современность / Под ред. Власихина В.А. – М., 2000. – С. 143.

FEATURES OF THE RUSSIAN UNDERSTANDING OF LAW AND ITS INFLUENCE ON CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION

O.V. Kornelyuk, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
M.V. Lifanova, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
Ufa University of Science and Technology
(Russia, Ufa)

***Abstract.** The article examines the essence of Russian legal philosophy, analyzes the Eurasian legal concept, the thoughts of one of its famous ideologists, N.N. Alekseev, as well as other prominent representatives of the philosophy of law: P.I. Novgorodtsev, I.A. Ilyin, V.V. Solovyov, N. Berdyaev. Based on these philosophical and legal ideas, the theoretical and methodological foundations of the criminal procedural legislation of Russia are analyzed.*

***Keywords:** philosophy of law; Eurasianism; state; individual criminal procedure; rights; obligations; objective truth; criminal procedural guarantees.*

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ НАДЗОР В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ И ПРИНЦИПЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

И.К. Кубатов, канд. юрид. наук, доцент

Э.К. Кубатова, магистрант

Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына

(Кыргызстан, г. Бишкек)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-126-130

Аннотация. В статье проводится комплексный теоретико-правовой анализ функций государственного контроля и административного надзора в деятельности органов исполнительной власти Кыргызской Республики. Раскрываются понятие, содержание и признаки данных функций как самостоятельных направлений государственного управления. Особое внимание уделяется принципам осуществления контрольно-надзорной деятельности с учётом положений Конституции Кыргызской Республики 2021 года и отраслевого законодательства. Обосновывается необходимость разграничения государственного контроля и административного надзора, а также их значения для обеспечения законности, правопорядка и защиты прав и законных интересов граждан, и юридических лиц. Полученные выводы могут быть использованы в научных исследованиях, правотворческой и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: государственный контроль; административный надзор; органы исполнительной власти; функции государственного управления; принципы контроля; административное право Кыргызской Республики.

В условиях, проводимых в Кыргызской Республике административных реформ, направленных на повышение эффективности государственного управления, укрепление законности и развитие предпринимательской деятельности, особую актуальность приобретает научное осмысление функций государственного контроля и административного надзора, реализуемых органами исполнительной власти. Совершенствование данных функций рассматривается как необходимое условие формирования правового государства, обеспечения баланса публичных и частных интересов, а также защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц.

Государственный контроль и административный надзор выступают важнейшими инструментами публичного управления, посредством которых обеспечивается соблюдение законодательства, стабильность управленческих процессов и реализация задач социально-экономического развития. В то же время их чрезмерное или неэффективное применение способно негативно влиять на деловой климат, порождать коррупционные риски и

подрывать доверие общества к органам государственной власти.

В связи с этим особое значение приобретает исследование сущности, содержания и принципов осуществления функций государственного контроля и административного надзора в деятельности органов исполнительной власти Кыргызской Республики с учетом национального законодательства и современных теоретико-правовых подходов.

Категория «функция» занимает важное место в юридической науке и особенно широко используется в теории административного права и государственного управления. Как отмечает В.А. Юсупов, функции административного права представляют собой «основные направления воздействия данной отрасли права на общественные отношения и их участников» [1, с. 207]. Вместе с тем в административно-правовой доктрине понятие функции чаще всего исследуется не применительно к отрасли права, а в контексте государственного управления – как функция управления, функция органа управления или функция управленческого процесса.

И.Л. Бачило справедливо указывает на необходимость разграничения функций орга-

на управления и функций процесса управления [2, с. 37]. По ее мнению, функции органа управления непосредственно связаны с его компетенцией и правовым статусом, тогда как функции управленческого процесса выражаются в конкретных действиях и операциях, направленных на достижение поставленных целей.

Анализ научных источников позволяет выделить основные признаки функции государственного управления:

- она выражает типичную, устойчивую деятельность субъекта управления;
- предопределяется целями и задачами управления;
- имеет нормативно-правовое закрепление;
- реализуется посредством организационно-правовых форм;
- основывается на информационном взаимодействии субъектов управления.

Таким образом, функцию государственного управления можно определить как обусловленную целями, задачами и объектом управления систему типичных действий органов исполнительной власти, закрепленную в правовых нормах и реализуемую в установленной организационно-правовой форме.

Применительно к органам исполнительной власти Кыргызской Республики функции государственного контроля и административного надзора следует рассматривать как самостоятельные виды управленческой деятельности, имеющие общие черты, но различающиеся по целям, объектам и методам реализации.

Государственный контроль представляет собой непрерывную, системную деятельность органов исполнительной власти, направленную на проверку исполнения управленческих решений, соблюдение нормативных предписаний и корректировку деятельности подчиненных или подконтрольных субъектов. Он пронизывает все стадии управленческого процесса и во многом носит внутриорганизационный характер.

Административный надзор, в свою очередь, имеет внешнюю направленность и осуществляется в отношении организационно не подчиненных субъектов. Его основное назначение заключается в проверке соблюдения требований законодательства и, при необходимости, применении мер государственного принуждения.

Такое разграничение соответствует положениям Закона Кыргызской Республики «О порядке проведения проверок субъектов предпринимательства» от 25 мая 2007 года № 72, а также нормам Кодекса Кыргызской Республики о правонарушениях, которые устанавливают процедурные основы контрольно-надзорной деятельности.

Содержательная характеристика государственного контроля заключается в его постоянстве и превентивной направленности. Он ориентирован не только на выявление нарушений, но и на предупреждение возможных отклонений от законности в деятельности органов исполнительной власти и иных управляемых субъектов.

Государственный контроль выполняет информационную функцию, обеспечивая органы управления достоверными данными о состоянии управляемых объектов. Именно на основе результатов контрольной деятельности формируются управленческие решения, направленные на оптимизацию государственного управления.

В условиях Кыргызской Республики особое значение приобретает развитие риск-ориентированного подхода к государственному контролю, что соответствует современным тенденциям административной реформы и требованиям снижения административной нагрузки на бизнес.

Административный надзор является одной из ключевых статусных функций органов исполнительной власти, наделенных специальной компетенцией. Его содержание заключается в проверке соблюдения обязательных требований законодательства в сфере общественной безопасности, охраны окружающей среды, санитарно-эпидемиологического благополучия и иных общественно значимых областях.

В отличие от государственного контроля административный надзор осуществляется преимущественно в форме плановых и внеплановых проверок, строго регламентированных законодательством Кыргызской Республики. Итогом надзорной деятельности может являться применение мер административного воздействия, включая привлечение к юридической ответственности.

Принципы государственного контроля и административного надзора представляют со-

бой основополагающие начала, определяющие содержание и направленность контрольно-надзорной деятельности органов исполнительной власти.

В научной литературе отсутствует единый подход к классификации данных принципов. Так, М.Н. Марченко выделяет принципы законности, демократизма и гуманизма [3, с. 552], тогда как В.М. Сырых относит к базовым принципам научную обоснованность и системность [4, с. 182].

Поскольку государственный контроль является функцией государственного управления и отдельным видом управленческой деятельности, основой его организации служат принципы, регулирующие контрольную деятельность. Их следует рассматривать как общие принципы государственно-контрольной деятельности, применимые к различным органам исполнительной власти. Эти принципы формируют универсальные ориентиры для осуществления контроля, обеспечивая законность, объективность, системность и своевременность проверок, а также соблюдение прав и законных интересов субъектов контроля.

Несмотря на принадлежность к общему контуру государственного управления, государственный контроль обладает специфическими особенностями, отличающими его от других видов управленческой деятельности. Специфика проявляется в целевых задачах контроля: выявлении нарушений законодательства, оценке эффективности реализации государственных полномочий, корректировке управленческих решений и предупреждении возможных нарушений в будущем.

Эта специфика позволяет выделить особую группу специальных принципов государственного контроля, которые конкретизируют и дополняют общие принципы, обеспечивая адекватное реагирование на выявленные нарушения и оптимизацию управленческих процессов.

В юридической науке высказывались предложения о включении в систему специальных принципов государственного контроля таких начал, как принцип неотвратимости юридической ответственности и принцип презумпции невиновности [5, с. 73]. Однако эти принципы относятся к сфере уголовной и административной ответственности и процессуальным гарантиям, а не к функциям контроля как

управленческой деятельности. Реализация юридической ответственности является самостоятельной задачей правоохранительных и административно-юрисдикционных органов, а не органов государственного контроля.

Система принципов государственного контроля в Кыргызской Республике должна включать общие принципы, характерные для всей государственно-управленческой деятельности, и специальные принципы, отражающие специфику контрольной функции. Специальные принципы направлены на обеспечение выявления нарушений законодательства, коррекцию управленческих процессов и предупреждение возможных нарушений, при этом органы контроля действуют в рамках своей компетенции и направляют выявленные нарушения в соответствующие административно-юрисдикционные структуры для применения ответственности.

В Кыргызской Республике государственный контроль и административный надзор осуществляются органами исполнительной власти в соответствии с Конституцией КР, Законом КР и другими нормативными правовыми актами. При этом действуют следующие ключевые принципы:

Принцип объективности. Государственный контроль должен базироваться на фактах и документах, достоверно отражающих деятельность подконтрольного субъекта. Любое управленческое решение должно опираться на проверенные данные, всесторонний анализ и системное изучение информации, чтобы обеспечивать законность, обоснованность и эффективность принимаемых мер.

Принцип действенности. Контрольная деятельность направлена на предупреждение нарушений, устранение выявленных проблем и обеспечение соблюдения законов и нормативных актов. Органы контроля принимают меры, позволяющие предотвратить негативные последствия и поддерживать законность в деятельности государственных органов.

Принцип защиты прав субъектов. Подконтрольные юридические лица и предприниматели пользуются презумпцией добросовестности. Контроль осуществляется строго в рамках полномочий органа, без дублирования и с доступностью информации о правах и обязанностях сторон.

Принцип гласности. Государственный контроль должен обеспечивать информирование общества о результатах деятельности органов власти, выявленных нарушениях и принимаемых мерах. Это повышает прозрачность управления и способствует повышению законности.

Принцип систематичности. Контрольные и надзорные мероприятия проводятся регулярно, в соответствии с планами и графиками, что обеспечивает упорядоченность, дисциплину и своевременное выявление недостатков в работе органов исполнительной власти.

Принцип профессионализма. Контролирующие и надзирающие органы должны обладать высокой квалификацией, опытом и профессиональной компетенцией. Ошибки или некомпетентность снижают эффективность контроля и подрывают доверие граждан к государственным органам.

Принцип презумпции добросовестности. Любые сомнения при проверке трактуются в пользу подконтрольного субъекта, пока не установлено нарушение закона.

Принцип разграничения компетенции. Государственный контроль и административный надзор осуществляются в пределах полномочий, установленных законодательством, с учетом разграничения федеральной и региональной компетенции.

Принцип ответственности. Органы и должностные лица, осуществляющие контроль и надзор, несут ответственность за нарушение законодательства, неправомерные действия и причинение ущерба подконтрольным субъектам.

Особые принципы административного надзора *включают:*

- плановость – проведение мероприятий в соответствии с ежегодными, квартальными и месячными планами;

- надведомственность – надзор осуществляется внешне и не зависит от подчиненности поднадзорного объекта;

- оптимизация – минимизация вмешательства в экономическую и хозяйственную деятельность субъектов;

- государственно-принудительные последствия – применение мер ответственности только при выявлении нарушений закона.

Эти принципы обеспечивают эффективное, законное и сбалансированное осуществление государственного контроля и административного надзора в Кыргызской Республике, соблюдение прав граждан и юридических лиц, а также поддержание прозрачности и дисциплины в деятельности органов исполнительной власти.

Реализация данных принципов позволяет обеспечить баланс между публичными интересами государства и правами субъектов предпринимательства, что особенно актуально в условиях экономического развития Кыргызской Республики.

Функции государственного контроля и административного надзора являются самостоятельными и взаимосвязанными элементами системы государственного управления Кыргызской Республики. Их эффективная реализация возможна лишь при строгом соблюдении общих и специальных принципов, закрепленных в законодательстве и разработанных в административно-правовой науке.

Научное осмысление содержания и принципов данных функций позволяет сформировать целостную концепцию контрольно-надзорной деятельности, направленную на укрепление законности, повышение качества государственного управления и защиту прав и законных интересов граждан, и юридических лиц.

Библиографический список

1. Юсупов В.А. Право и советское государственное управление (административно правовой аспект проблемы). – Казань: Казанский университет, 1976.
2. Бачило И.Л. Функции органов управления (правовые проблемы оформления и реализации). – М.: Юридическая литература, 1976. – 200 с.
3. Теория государства и права: Учебник / Под редакцией профессора М.Н. Марченко. – Изд. 3-е. – М.: Зерцало, 2002. – 624 с.
4. Сырых В.М. Теория государства и права: Учебник. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Юстицинформ, 2012. – 704 с. – ISBN 978-5-7205-1094-7.

5. Стерлинг М.Р. Правовое регулирование организации контрольной и надзорной деятельности федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004. – 195 с.

**STATE CONTROL AND ADMINISTRATIVE SUPERVISION IN THE ACTIVITIES
OF EXECUTIVE AUTHORITIES OF THE KYRGYZ REPUBLIC:
CONCEPT, CONTENT, AND PRINCIPLES OF IMPLEMENTATION**

I.K. Kubatov, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

E.K. Kubatova, *Graduate Student*

**Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University
(Kyrgyzstan, Bishkek)**

Abstract. *The article conducts a comprehensive theoretical and legal analysis of the functions of state control and administrative supervision in the activities of executive authorities of the Kyrgyz Republic. It reveals the concept, content, and characteristics of these functions as independent directions of state administration. Special attention is given to the principles of implementing control and supervisory activities considering the provisions of the 2021 Constitution of the Kyrgyz Republic and sectoral legislation. The necessity of distinguishing between state control and administrative supervision, as well as their significance for ensuring legality, law and order, and the protection of the rights and legitimate interests of citizens and legal entities, is substantiated. The conclusions drawn can be used in scientific research, legislative drafting, and law enforcement activities.*

Keywords: *state control; administrative supervision; executive authorities; functions of state administration; principles of control; administrative law of the Kyrgyz Republic.*

**АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГРАЖДАНСКОГО СЛУЖАЩЕГО КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

И.К. Кубатов, канд. юрид. наук, доцент

Д.Н. Нурланова, магистрант

**Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына
(Кыргызстан, г. Бишкек)**

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-131-135

***Аннотация.** В статье проводится углублённый теоретико-правовой анализ административно-правового положения государственного гражданского служащего Кыргызской Республики с опорой на доктринальные подходы отечественных и зарубежных учёных-юристов. Раскрываются понятие и сущность административно-правового положения, его структура и содержание, включающие права, обязанности, ограничения, запреты, гарантии и меры юридической ответственности. Особое внимание уделяется нормативно-правовой базе государственной гражданской службы Кыргызской Республики, а также проблемам правоприменительной практики и направлениям совершенствования законодательства. Обосновывается вывод о том, что административно-правовое положение государственного гражданского служащего выступает ключевым юридическим механизмом обеспечения эффективности государственного управления и реализации принципов правового государства.*

***Ключевые слова:** государственная гражданская служба; административно-правовое положение; правовой статус; государственный гражданский служащий; публичная власть; Кыргызская Республика.*

Современный этап развития Кыргызской Республики характеризуется углублением процессов конституционного строительства, реформированием системы публичной власти и поиском эффективных моделей государственного управления. В этих условиях особое значение приобретает государственная гражданская служба как институциональная основа функционирования государственного аппарата и практической реализации публичных полномочий. Именно через деятельность государственных гражданских служащих обеспечивается исполнение законов, реализация государственных программ и защита прав и законных интересов граждан.

В юридической науке обоснованно подчёркивается, что качество государственного управления напрямую зависит от уровня правового регулирования статуса государственных служащих. Так, Г.В. Атаманчук отмечает, что государственная служба является «организационно-правовым механизмом реализации государственной власти» и без чёткого определения статуса служащего она теряет системность и управляемость [1, с. 77]. Аналогичную позицию занимает Ноздрачев А.Ф., указывая, что именно административно-

правовой статус служащего обеспечивает устойчивость публичной администрации и законность управленческих решений [2, с. 47].

Административно-правовое положение государственного гражданского служащего выступает фундаментальной правовой категорией, через которую раскрывается его место в системе публичной власти, объём и пределы полномочий, характер служебных обязанностей, а также система гарантий и ответственности. Актуальность исследования данной проблематики обусловлена принятием Закона Кыргызской Республики «О государственной гражданской службе и муниципальной службе» от 27 октября 2021 года, который закрепил новые подходы к организации и прохождению государственной службы, но одновременно выявил необходимость их теоретического осмысления и дальнейшего нормативного развития [3].

Целью настоящей статьи является комплексный анализ административно-правового положения государственного гражданского служащего Кыргызской Республики с учётом доктринальных положений административного права и практики правоприменения.

В теории административного права категория «административно-правовое положение» традиционно рассматривается в тесной взаимосвязи с понятием «правовой статус». По справедливому замечанию Д.Н. Бахраха, правовой статус представляет собой совокупность юридически закреплённых прав и обязанностей субъекта, определяющих его положение в системе общественных отношений. Вместе с тем административно-правовое положение является более специализированной категорией, отражающей именно публично-властный, служебный аспект статуса [4, с. 127].

Применительно к государственной гражданской службе административно-правовое положение можно определить, как совокупность норм административного права, закрепляющих права, обязанности, ограничения, запреты, гарантии и ответственность государственного гражданского служащего, возникающие и реализуемые в процессе прохождения службы. Как подчёркивает А.Ф. Ноздрачёв, специфика административно-правового положения служащего заключается в том, что он одновременно выступает носителем публичных полномочий и объектом административно-правового воздействия со стороны государства [5, с. 90].

Сущность административно-правового положения государственного гражданского служащего Кыргызской Республики выражается в его служении государству и обществу на профессиональной основе, в условиях подчинённости принципам законности, подотчётности и ответственности. Реализуя публичные полномочия от имени государства, служащий занимает особое место в системе публичного управления, что обуславливает повышенные требования к его профессионализму, этике и правосознанию.

Нормативно-правовую основу административно-правового положения государственного гражданского служащего Кыргызской Республики образуют Конституция Кыргызской Республики, Закон Кыргызской Республики «О государственной гражданской службе и муниципальной службе» от 27 октября 2021 года, а также иные законы, указы Президента Кыргызской Республики, постановления Кабинета Министров и ведомственные нормативные правовые акты.

Конституция Кыргызской Республики закрепляет фундаментальные принципы организации государственной службы, включая равный доступ граждан к государственной службе, приоритет прав и свобод человека и гражданина, принцип законности и ответственность органов государственной власти. Эти положения носят базовый характер и определяют конституционные рамки административно-правового положения государственного гражданского служащего.

Закон 2021 года выступает системообразующим актом, детализирующим конституционные принципы и определяющим структуру государственной гражданской службы, классификацию должностей, порядок поступления на службу, её прохождения и прекращения. Как отмечает В.М. Манохин, именно отраслевое законодательство наполняет конституционные нормы конкретным административно-правовым содержанием [6, с. 89].

Административно-правовое положение государственного гражданского служащего основывается на системе принципов, отражающих сущность государственной службы как публичного института. В научной литературе принципы рассматриваются как исходные начала правового регулирования, определяющие содержание прав и обязанностей служащих.

К основным принципам административно-правового положения государственных гражданских служащих Кыргызской Республики относятся законность, равный доступ граждан к государственной службе, профессионализм и компетентность, политическая нейтральность, подотчётность и ответственность, приоритет прав и свобод человека и гражданина, а также стабильность государственной службы.

Реализация указанных принципов обеспечивает баланс публичных и частных интересов, способствует формированию профессионального и устойчивого кадрового корпуса и укрепляет доверие общества к институтам государственной власти.

Права государственного гражданского служащего являются ключевым элементом его административно-правового положения и, по мнению А.П. Алехина, выступают юридической формой обеспечения надлежащих условий служебной деятельности [7, с. 153].

Законодательство Кыргызской Республики закрепляет широкий перечень прав служащих, включая право на достойные условия труда, своевременное и справедливое вознаграждение, отдых, социальное обеспечение, продвижение по службе, профессиональную подготовку и судебную защиту.

Реализация данных прав не только обеспечивает защиту законных интересов служащего, но и способствует повышению эффективности его профессиональной деятельности и устойчивости государственной службы в целом.

Обязанности государственного гражданского служащего образуют ядро его административно-правового положения. Как справедливо отмечает Б.М. Лазарев, именно обязанности придают служебной деятельности публично-властный характер [8, с. 82].

К числу основных обязанностей относятся соблюдение Конституции и законодательства Кыргызской Республики, добросовестное исполнение должностных обязанностей, соблюдение служебной дисциплины, обеспечение прав и законных интересов граждан, предотвращение конфликта интересов и соблюдение норм служебной этики.

Исполнение обязанностей обеспечивает законность и эффективность деятельности государственных органов и укрепляет авторитет государственной службы.

Ограничения и запреты являются специфическим элементом административно-правового положения государственного гражданского служащего и направлены на предотвращение злоупотреблений и коррупционных проявлений. По мнению В.А. Козбаненко данные институты служат инструментом защиты публичных интересов [9, с. 7].

В то же время гарантии государственной гражданской службы обеспечивают стабильность административно-правового положения служащего и включают правовые, социальные и организационные меры защиты, без которых невозможна профессиональная и независимая служебная деятельность.

Юридическая ответственность является обязательным элементом административно-правового положения государственного гражданского служащего. В зависимости от характера правонарушения служащие могут быть привлечены к дисциплинарной, администра-

тивной, гражданско-правовой или уголовной ответственности. Как подчёркивает Овсянко Д.М., ответственность служащего выступает важнейшим средством обеспечения служебной дисциплины и законности [10, с. 57].

В современных условиях особую актуальность приобретает правовое закрепление конституционных основ общественно-политического и социально-экономического развития Кыргызской Республики. Это имеет важное значение как для юридической науки и административного права, так и для правоприменительной практики, связанной с государственным управлением. В этой связи возрастает роль государственной службы как ключевого механизма реализации функций государства, что обуславливает необходимость ее дальнейшего совершенствования и нормативного развития.

Модернизация института государственной гражданской службы и системы государственного управления в целом относится к приоритетным направлениям государственного строительства Кыргызской Республики. Формирование профессиональной, эффективной и подотчетной государственной службы, основанной на принципах правового, демократического и социального государства, является одной из стратегических задач развития страны и соответствует положениям Конституции Кыргызской Республики.

Реформирование государственной службы носит комплексный характер, одним из ключевых направлений которого является формирование и реализация административно-правового статуса государственных гражданских служащих. Совершенствование данного статуса выступает необходимым условием повышения эффективности государственного управления и достижения целей проводимых реформ.

Исследование административно-правового статуса государственных гражданских служащих позволяет сформулировать ряд теоретически значимых выводов.

Во-первых, административно-правовой статус государственного гражданского служащего является базовой правовой категорией, раскрывающей сущность государственной службы и определяющей его место и роль в системе государственного управления Кыргызской Республики.

Во-вторых, правовой и административно-правовой статус гражданского служащего взаимосвязаны по своей природе, однако различаются по функциям: правовой статус носит формализованный характер, тогда как административно-правовой статус является динамичным и реализуется в процессе служебной деятельности.

В-третьих, основу административно-правового статуса составляет совокупность служебных прав и обязанностей, формирующих должностную компетенцию государственного служащего и обеспечивающих реализацию функций государственного органа.

В-четвертых, принцип единства и соразмерности прав и обязанностей государственного гражданского служащего выступает ключевым условием эффективного осуществления служебных полномочий и ответственности перед государством и обществом.

В-пятых, законодательство Кыргызской Республики в сфере государственной гражданской службы характеризуется тенденцией к усложнению административно-правового статуса служащих, усилению ограничений и запретов, а также повышению уровня юридической и нравственной ответственности.

В-шестых, ограничения и запреты, связанные с государственной службой, являются необходимым элементом административно-правового статуса и направлены на обеспечение независимости, беспристрастности и антикоррупционной устойчивости государственной службы.

В-седьмых, требования к служебному поведению государственных гражданских служащих приобретают все большее значение и основываются не только на правовых, но и на нравственно-этических принципах публичной службы.

В-восьмых, реализация административно-правового статуса гражданского служащего находится в прямой зависимости от занимаемой им должности государственной службы, назначение на которую порождает государственно-служебные правоотношения.

В-девятых, дальнейшее развитие института государственной гражданской службы в Кыргызской Республике требует систематизации и совершенствования нормативной правовой

базы, а также оптимизации структуры и содержания административно-правового статуса государственных гражданских служащих в условиях продолжающейся административной реформы.

Основу административно-правового статуса составляют принципы его формирования и реализации, в том числе принцип единства прав и обязанностей государственного служащего. Права и обязанности образуют взаимосвязанную систему и реализуются в процессе исполнения должностных полномочий в интересах государства и общества.

Анализ законодательства Кыргызской Республики свидетельствует о развитии и усложнении административно-правового статуса гражданских служащих, усилении ограничений и запретов, а также повышении уровня юридической и нравственной ответственности. Особое внимание уделяется вопросам конфликта интересов, прозрачности служебной деятельности и антикоррупционным механизмам.

Реализация административно-правового статуса гражданского служащего непосредственно связана с занимаемой им должностью государственной службы, назначение на которую порождает государственно-служебные правоотношения. В дальнейшем развитие института государственной службы в Кыргызской Республике требует совершенствования и систематизации нормативной правовой базы, а также оптимизации структуры и содержания административно-правового статуса государственных гражданских служащих в рамках проводимых административных реформ.

Административно-правовое положение государственного гражданского служащего Кыргызской Республики представляет собой сложный и многокомпонентный правовой институт, играющий ключевую роль в обеспечении эффективности государственного управления. Его дальнейшее развитие должно быть направлено на углубление теоретических основ, совершенствование законодательства и формирование профессионального корпуса государственных гражданских служащих, отвечающего современным требованиям правового государства.

Библиографический список

1. Атаманчук Г.В. Сущность государственной службы. – М., 2002.
2. Ноздрачев А.Ф. Государственная служба: Учебник. – М., 1999.
3. Закон Кыргызской Республики «О государственной гражданской службе и муниципальной службе» от 27 октября 2021 года. – [Электронный ресурс]. – Режим просмотра: <https://cbd.minjust.gov.kg/112303/edition/34989/ru>.
4. Бахрах Д.Н. Административное право. – М., 1996.
5. Ноздрачев А.Ф. Государственная служба. Учебник для государственных служащих. – М., 1999.
6. Манохин В.М. Служба и служащий в Российской Федерации: правовое регулирование. – М., 1997.
7. Алехин А.П. Административное право Российской Федерации. – М., 2001.
8. Лазарев Б.М. Компетенция органов управления. – М., 1972.
9. Козбаненко В.А. Правовое обеспечение статуса государственного гражданского служащего: Автореф. ...д-ра. юрид. наук. – М., 2003.
10. Овсянко Д.М. Государственная служба Российской Федерации. – М., 2003.

**ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF A STATE CIVIL SERVANT
OF THE KYRGYZ REPUBLIC**

I.K. Kubatov, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

D.N. Nurlanova, *Graduate Student*

Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University
(Kyrgyzstan, Bishkek)

***Abstract.** The article conducts an in-depth theoretical and legal analysis of the administrative and legal status of a state civil servant of the Kyrgyz Republic, based on doctrinal approaches of domestic and foreign legal scholars. It reveals the concept and essence of administrative and legal status, its structure and content, including rights, duties, restrictions, prohibitions, guarantees, and measures of legal responsibility. Special attention is paid to the regulatory framework of the state civil service of the Kyrgyz Republic, as well as issues of law enforcement practice and directions for improving legislation. The conclusion is substantiated that the administrative and legal status of a state civil servant serves as a key legal mechanism for ensuring the effectiveness of state administration and the implementation of the principles of a legal state.*

***Keywords:** state civil service; administrative and legal status; legal status; state civil servant; public authority; Kyrgyz Republic.*

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПРОБЛЕМЫ ПРИОБРЕТЕНИЯ И ПРЕКРАЩЕНИЯ ГРАЖДАНСТВА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

И.К. Кубатов, канд. юрид. наук, доцент

К.Д. Молдалиева, магистрант

**Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына
(Кыргызстан, г. Бишкек)**

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-136-140

Аннотация. В статье рассматриваются теоретико-правовые проблемы приобретения и прекращения гражданства Кыргызской Республики в условиях трансформации государственного управления и развития конституционно-правовых институтов. Гражданство анализируется как устойчивая политико-правовая связь лица с государством, определяющая его правовой статус, объём конституционных прав, свобод и юридических обязанностей. Особое внимание уделяется соотношению института гражданства с принципами суверенитета, правового государства и защиты прав человека.

Автор проводит комплексный анализ действующего законодательства Кыргызской Республики в сфере гражданства, выявляет основные проблемы правового регулирования, включая наличие пробелов, коллизий и недостаточную определённую отдельных правовых норм. Рассматриваются процедуры приобретения и прекращения гражданства, а также компетенция государственных органов, участвующих в их реализации. Отдельное внимание уделяется практическим аспектам применения законодательства, связанным с миграционными процессами, вопросами двойного гражданства и обеспечением прав лиц без гражданства.

В статье обосновывается необходимость совершенствования законодательства о гражданстве Кыргызской Республики с учётом международно-правовых стандартов, зарубежного опыта и современных социально-политических вызовов, что позволит повысить эффективность правового регулирования и уровень защиты прав и законных интересов личности.

Ключевые слова: гражданин; правовой статус; гражданство; права; обязанности; государственные органы; конституционное право; правовое регулирование; миграция; правосубъектности; суверенитет; публичная власть; административные процедуры; международные стандарты; правоприменительная практика; институт гражданства; законодательство; правовая система.

Правовой статус гражданина – одна из важнейших политико-юридических категорий, неразрывно связанных с социальной структурой общества, уровнем демократии и состоянием законности в нем. Юридический статус человека и гражданина в обществе, государстве представляет собой сложный и многосторонний конституционно-правовой механизм, т.е. контакты, которые возникают между государством и индивидом, а ток же взаимоотношения людей друг с другом фиксируются государством в юридической форме прав, свобод и обязанностей, образующих в своем единстве правовой статус индивида. Построение правового гражданского общества немислимо, если частное лицо не занимает в его правовой системе одну из ведущих позиций, если интересы рядового гражданина

стоят ниже государственных. Три юридических кита составляют основу цивилизованной человеческой системы – права и свободы человека, приоритет частного права, независимое и сильное правосудие. Взаимосвязи государства и личности нуждаются в четкой упорядоченности и урегулированности [1, с. 77].

Правовой статус индивида законодательно закрепляется государством в конституции и других нормативно правовых актах. Правовой статус гражданина, природа прав и обязанностей привлекают пристальное внимание специалистов различных отраслей права. Это обусловлено тем, что правовой статус гражданина представляет собой комплексный правовой институт. Вместе с тем каждый человек является субъектом правового общения как в целом, так и отдельных областях. Поэтому его

статус в той или иной области регулируются нормами той или иной отрасли права. Согласно Конституции человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства.

Соответственно права граждан, закрепленные административными нормами, можно поделить на две группы:

1. Конкретизирующие, развивающие, обеспечивающие реализацию конституционных прав. Они являются вторичными по отношению к конституционным правам, производными от них, условно их можно назвать конституционно-административными;

2. Права, регулируемые только нормами административного права, получившие первичное закрепление в источниках административного права (чисто административные). Большинство основных (конституционных) прав граждан нуждается в административно-правовом обеспечении. А если они не подкреплены административно-правовыми нормами, то зачастую становятся благими пожеланиями, красивыми обещаниями.

Согласно Конституции Кыргызской Республики, принятой в 2021 году, принадлежность лица к государству и его правовой статус определяются гражданством. Гражданин Кыргызской Республики на основании своего гражданства обладает правами и свободами, установленными законом, и несет соответствующие обязанности перед государством. Конституция гарантирует, что гражданин КР не может быть выдворен за пределы страны, выдан другому государству, а также не может быть лишен гражданства или права на его изменение. Государство обеспечивает защиту и покровительство своим гражданам за пределами республики [2].

Отдельно следует подчеркнуть, что новая редакция Конституции закрепляет важные принципы, касающиеся института гражданства. В частности, впервые конституционно закреплено право этнических кыргызов, проживающих за пределами Кыргызской Республики, независимо от наличия у них гражданства других государств, на упрощенное получение гражданства Кыргызской Республики. Это положение подчеркивает ориентацию государства на сохранение национальной

идентичности и укрепление связей с диаспорой.

Гражданин – понятие емкое и многогранное. Следует различать два его аспекта: политический и юридический.

Гражданство – прежде всего юридическая категория. И вопрос о содержании понятия гражданства, его научном определении представляет собой важную и сложную проблему конституционного права.

Содержание гражданства обусловлено конкретными историческими условиями развития, как самого государства, так и состоянием его теоретического осмысления и законодательного регулирования. Поэтому при оценке роли определений понятия «гражданство» особое значение приобретает вопрос о том, насколько адекватно отражено в них познание реальной действительности [3, с. 7].

В свою очередь, Л.Д. Воеводин рассматривает гражданство как правовую принадлежность лица к государству, закрепленную законом. Профессор формулирует это следующим образом: «Гражданство – это правовая связь лица с определенным государством, в силу которой на него распространяется суверенитет данного государства, и оно пользуется защитой своих прав и законных интересов как внутри страны, так и за ее пределами» [4, с. 152].

Однако представляется, что определение гражданства исключительно как правовой принадлежности не полностью отражает суть данного института. Такой подход может быть истолкован как простое членство в государстве, что по своей сути создает ассоциацию с принадлежностью к какой-либо партии, социальному классу или иной группе, а не с полноценной политико-правовой связью личности с государством.

В соответствии с Законом КР «О гражданстве Кыргызской Республики», гражданство Кыргызской Республики – устойчивая правовая связь лица с Кыргызской Республикой, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей [5].

Содержанием административно-правового статуса гражданина являются:

- комплекс их прав и обязанностей, закрепленных нормами административного права;

- гарантии реализации этих прав, обязанностей, включая их охрану законом и механизм защиты органами государственной власти.

Согласно статье 11. Закона КР «О гражданстве Кыргызской Республики» от 21 мая 2007 года N 70 гражданство Кыргызской Республики приобретается:

- 1) по рождению;
- 2) в результате приема в гражданство Кыргызской Республики;
- 3) в результате восстановления в гражданстве;
- 4) по основаниям или в порядке, предусмотренным вступившими в установленном законом порядке в силу межгосударственными соглашениями.

Приобретение гражданства Кыргызской Республики по рождению. Ребенок, родители которого на момент его рождения состоят в гражданстве КР, является гражданином КР независимо от места рождения. При различном гражданстве родителей, если один из родителей имеет гражданство КР, гражданство ребенка независимо от места рождения определяется с письменного согласия родителей. Ребенок, один из родителей которого к моменту его рождения состоял в гражданстве КР, а другой был лицом без гражданства или был неизвестен, является гражданином КР независимо от места его рождения. Ребенок, родившийся на территории КР, родители которого являются лицами без гражданства, постоянно проживающими в КР, является гражданином КР. Ребенок, находящийся на территории КР, оба родителя которого неизвестны, является гражданином КР.

Условия приема в гражданство Кыргызской Республики в общем порядке. Иностранцы граждане и лица без гражданства, достигшие 18-летнего возраста, имеют право обратиться с ходатайством о приеме в гражданство КР в общем порядке, если они:

- 1) постоянно, непрерывно проживали на территории КР в течение последних пяти лет на момент подачи заявления. Срок проживания считается непрерывным, если лицо выезжало за пределы КР не более чем на три месяца в течение одного года;
- 2) владеют государственным или официальным языком в объеме, достаточном для общения; порядок определения уровня знаний государственного или официального языка

устанавливается положением о порядке рассмотрения вопросов гражданства;

3) обязуются соблюдать Конституцию и законодательство КР;

4) имеют источник средств к существованию.

Срок проживания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Кыргызской Республики (5 лет), сокращается до трех лет при наличии хотя бы одного из следующих оснований:

1) наличие высоких достижений в области науки, техники, культуры, также наличие профессии либо квалификации, востребованной в КР;

2) инвестирование приоритетных отраслей экономики КР. Порядок инвестирования и размер инвестиций утверждаются Правительством КР;

3) при признании их беженцами в соответствии с законодательством КР.

Иностранцы граждане и лица без гражданства, достигшие 18 лет, имеют право обратиться с ходатайством о приеме в гражданство Кыргызской Республики в упрощенном порядке. При этом срок их непрерывного проживания на территории КР, установленный для стандартного порядка (5 лет), сокращается до одного года, если иное не предусмотрено межгосударственными соглашениями, вступившими в силу в соответствии с законодательством. Упрощенный порядок применяется к следующим категориям лиц: лицам, имеющим хотя бы одного родителя с гражданством КР, проживающего на территории республики; лицам, родившимся на территории Кыргызской ССР и ранее имевшим гражданство СССР; лицам, восстанавливаемым в гражданстве КР; лицам кыргызской национальности, имеющим иностранное гражданство или постоянно проживающим за пределами КР.

Лицо, ранее состоявшее в гражданстве КР и постоянно проживавшее на ее территории на законных основаниях, может быть восстановлено в гражданстве по личному ходатайству с соблюдением установленного порядка.

В приеме в гражданство отказывается лицам, которые: пропагандируют насильственное изменение конституционного строя или представляют угрозу государственной безопасности КР; предоставили подложные до-

кументы или заведомо ложные сведения; были выдворены из КР с временным или постоянным запретом на въезд; находятся на военной службе либо службе в правоохранительных или органах безопасности иностранного государства; преследуются по уголовным делам в КР или иностранном государстве до вынесения окончательного решения; являются ответчиками по гражданским делам до окончательного решения суда; осуждены к лишению свободы и отбывают наказание; осуждены за тяжкие и особо тяжкие преступления, классифицируемые законодательством КР.

В ходе исследования правовых основ и проблем приобретения и прекращения гражданства Кыргызской Республики были выявлены как достижения, так и недостатки действующего законодательства. Гражданство КР является ключевым элементом правового статуса личности, определяет объем ее прав, свобод и обязанностей, а также гарантирует защиту и покровительство государства за его пределами. Конституция и законы Кыргызской Республики закрепляют принципы недопустимости лишения гражданства и невозможности выдачи граждан другому государству, что обеспечивает правовую стабильность и защищает личные и политико-правовые интересы граждан.

Анализ нормативных актов показал, что процедуры приобретения гражданства в упрощенном порядке для этнических кыргызов и лиц, ранее состоявших в гражданстве КР, соответствуют международным стандартам и учитывают исторические и демографические особенности государства. Вместе с тем выявлены отдельные правовые пробелы и коллизии, в том числе необходимость уточнения оснований для отказа в приеме в гражданство, ограничения при выходе из гражданства и совершенствования процедур оценки знания государственного языка.

На основе проведенного анализа сформулированы рекомендации по совершенствованию законодательства о гражданстве КР: создание комплексной концепции института гражданства, гармонизация норм с международным правом, упрощение процедур для этнических кыргызов и лиц, восстанавливающих гражданство, а также закрепление прозрачных и объективных критериев правоприменения. Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность правового регулирования, защиту прав граждан, укрепить государственность и обеспечить соблюдение международно-правовых обязательств Кыргызской Республики.

Библиографический список

1. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право: Учебник. – 3-е изд., пересмотр. и доп. – М.: Норма, 2007.
2. Конституция Кыргызской Республики: Принята на референдуме (всенародном голосовании) 11 апреля 2021 года (введена в действие Законом Кыргызской Республики от 5 мая 2021 года). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/1-2/edition/1202952/ru>.
3. Косаков С.К. Конституционные основы советского гражданства. – Фрунзе, 1984.
4. Воеводин Л.Д. Советское гражданство. – Советское право, учебник для вузов. – М., 1985.
5. Закон КР от 21 мая 2007 года N 70 «О гражданстве Кыргызской Республики». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-3549/edition/1272039/ru>.

**LEGAL FOUNDATIONS AND PROBLEMS OF ACQUISITION AND TERMINATION
OF CITIZENSHIP OF THE KYRGYZ REPUBLIC**

I.K. Kubatov, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

K.D. Moldaliev, *Graduate Student*

**Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn
(Bishkek, Kyrgyzstan)**

Abstract. *The article examines the theoretical and legal issues of the acquisition and termination of citizenship of the Kyrgyz Republic in the context of the transformation of public administration and the development of constitutional and legal institutions. Citizenship is analyzed as a stable political and legal bond between an individual and the state, which determines the legal status of a person, the scope of constitutional rights and freedoms, and legal obligations. Particular attention is paid to the correlation between the institution of citizenship and the principles of state sovereignty, the rule of law, and the protection of human rights.*

The author conducts a comprehensive analysis of the current legislation of the Kyrgyz Republic in the field of citizenship and identifies key problems of legal regulation, including gaps, conflicts, and insufficient clarity of certain legal norms. The procedures for the acquisition and termination of citizenship, as well as the competence of state authorities involved in their implementation, are examined. Special emphasis is placed on practical issues of law enforcement related to migration processes, dual citizenship, and the protection of the rights of stateless persons.

The article substantiates the need to improve the citizenship legislation of the Kyrgyz Republic with due regard to international legal standards, foreign experience, and contemporary socio-political challenges, which will enhance the effectiveness of legal regulation and the level of protection of individual rights and legitimate interests.

Keywords: *citizen; legal status; citizenship; rights; obligations; state authorities; constitutional law; legal regulation; migration; legal personality; sovereignty; public power; administrative procedures; international standards; law enforcement practice; institution of citizenship; legislation; legal system.*

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ СУБЪЕКТОВ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Н.С. Ларионова, студент

Т.Е. Сучкова, канд. юрид. наук

Вятский государственный университет
(Россия, г. Киров)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-141-147

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правового статуса несовершеннолетних участников исполнительного производства, а также процессуальные права и обязанности представителей ребенка. Проводится подробное изучение актуальных проблем, связанных с защитой прав несовершеннолетних субъектов в исполнительном производстве, также проводится анализ правовых норм действующего законодательства, правоприменительной практики и предлагаются пути решения выявленных проблем. Авторами подчеркивается необходимость совершенствования действующего законодательства для повышения уровня защищенности прав и законных интересов несовершеннолетних в исполнительном производстве.

Ключевые слова: исполнительное производство; несовершеннолетний; субъекты исполнительного производства; права несовершеннолетних; наследство.

Исполнительное производство выступает завершающей стадией гражданского процесса и призвано обеспечивать реальное исполнение судебных решений. Особое значение в рамках исполнения судебного решения занимает защита прав несовершеннолетних субъектов, поскольку их права и законные интересы могут быть нарушены действиями или бездействием других участников исполнительного производства.

Правоспособность является необходимым условием для того, чтобы лицо могло стать стороной исполнительного производства. Однако, для того чтобы у лица была возможность самостоятельно реализовывать свои права и обязанности, оно должно обладать полной дееспособностью. Таким образом, несовершеннолетние участники исполнительного производства являются уязвимой категорией субъектов, которые не могут самостоятельно в полной мере реализовывать свои права и обязанности, в связи с чем они нуждаются в особой правовой защите.

Говоря о правовом статусе несовершеннолетнего в исполнительном производстве необходимо обратить внимание на положения ст. 51 ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – ФЗИП) [5]. В данной статье усматривается четкое разграничение правового статус-

са несовершеннолетнего в зависимости от ряда условий. Исходя из буквального толкования ст. 51 ФЗИП можно заключить следующее: если несовершеннолетний участник, не достигший возраста 16 лет, является третьим лицом в исполнительном производстве, то его права и обязанности должны быть исполнены законным представителем. Однако, если в данном возрасте лицо является по исполнительному документу либо должником, либо взыскателем, то осуществление им своих прав и обязанностей возможно только с согласия либо законного представителя, либо органа опеки и попечительства. Если в исполнительном производстве несовершеннолетний с 16 до 18 лет является должником либо взыскателем, то он самостоятельно несет все возложенные на него права и обязанности. Необходимо отметить, что в подобных случаях за судебным приставом-исполнителем сохраняется право привлечения в исполнительное производство законного представителя или органа опеки и попечительства. Если же несовершеннолетний прошел процедуру эмансипации, то он самостоятельно участвует в процессе исполнения судебного решения, несет права и возложенные на него обязанности.

Поскольку самостоятельное участие несовершеннолетних лиц в исполнительном про-

изводстве ограничено положениями ст. 51 ФЗИП, важно обратить внимание на представительство несовершеннолетнего в этом процессе. ФЗИП в ст. 55 предусматривает возможность законного представительства в данном производстве, так, к законным представителям субъектов, не достигших возраста полной дееспособности, отнесены родители, опекуны или усыновители, а также попечители. Отметим, что данный перечень не является исчерпывающим, так ст. 121 Семейного кодекса (далее – СК РФ) [4] предусмотрено, что обязанность по охране прав и законных интересов несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей (например, лишение родительских прав, смерти родителей и др.), возложена на органы опеки и попечительства. Следует обратить и на часть 2 данной статьи, которая предусматривает возможность возложения обязанности представления интересов ребенка органами местного самоуправления в случаях, когда законом субъекта РФ он наделен полномочиями по опеке и попечительству.

В соответствии со ст. 153 СК РФ на приемных родителей возлагаются обязанности опекунов или попечителей [4]. Исходя из толкования данной статьи, можно прийти к выводу, что приемные родители аналогично являются законными представителями несовершеннолетних детей, принятых к ним на воспитание.

В случаях, когда несовершеннолетние дети находятся под надзором, организации для детей-сирот и детей, которые остались без родительского попечения, не назначают ни опекунов, ни попечителей [4]. Согласно ст. 155.2 СК РФ исполнение обязанности по защите прав и интересов несовершеннолетних в данных случаях возлагается на организации, в которых они находятся.

Закон «Об исполнительном производстве» предоставляет право законным представителям поручать участие в исполнительном производстве иным лицам, которые были ими выбраны в качестве представителя [5].

Следует отметить, что ФЗИП в качестве полномочий законного представителя выделяет возможность совершения всех действий, право на совершение которых принадлежит недееспособному гражданину. Однако, полномочия законных представителей могут быть ограничены нормами материального права, например, ч. 2 ст. 37 Гражданского кодекса

(далее – ГК РФ) [1], предусматривает, что опекуны и попечители не могут совершать сделки по реализации имущества несовершеннолетнего подопечного без согласия органа опеки и попечительства. Следовательно, исполнение обязанности несовершеннолетнего должника будет осуществляться за счет средств его законных представителей.

Одной из острых проблем, вытекающих из семейных отношений, является принятие наследства с долговыми обязательствами несовершеннолетними лицами. Зачастую возникают ситуации, когда несовершеннолетние граждане становятся наследниками не только имущества наследодателя, но и долговых обязательств. Гражданский кодекс не устанавливает каких-либо ограничений для наследников. Согласно положениям гражданского законодательства несовершеннолетний наследник будет нести ответственность по долгам наследодателя также, как и совершеннолетние наследники. Однако, положения ст. 392.2 ГК РФ допускают возможность исполнения долгового обязательства иным лицом, которое не является должником.

Острота проблемы принятия наследства с долговыми обязательствами заключается в том, что произвольный отказ от наследства законным представителем лица, не достигшего возраста полной дееспособности, не допускается. В соответствии с требованиями ч. 4 ст. 1157 ГК РФ в случаях, когда наследником выступает несовершеннолетний, отказ от наследства законным представителем этого лица допускается только с предварительного разрешения органа опеки и попечительства [2]. Помимо всего прочего, органом опеки и попечительства должна быть проведена проверка соотносимости данного отказа и прав ребенка, если же данный отказ будет нарушать права и интересы ребенка, орган опеки и попечительства не даст согласие на совершение отказа от наследства. Если же размер долгов и состав наследуемого имущества не отвечают интересам ребенка, то отказ от наследства совершить не получится.

В данном вопросе необходимо обратить внимание и на судебную практику. Так, по делу N 88-31962/2023 от 20.12.2023 было вынесено Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции [7]. Исходя из материалов дела было установлено, что после смерти

супруга двое несовершеннолетних детей и их мать стали наследниками имущества умершего, однако помимо имущества у наследодателя имелся долг по кредитному договору. Взыскатель – Банк обратился в суд для взыскания задолженности по кредиту. В ходе судебного разбирательства было установлено, что принятие наследства наследниками не производилось, но отказ от наследства также не был составлен. Разрешая спор и удовлетворяя иск взыскателя, суд первой инстанции исходил из того, что ФИО2 и несовершеннолетние ФИО3 и ФИО1 являются наследниками умершего заемщика, у которого перед Банком имеется задолженность по кредитному договору. При этом судом было установлено фактическое принятие наследства ФИО2, ведущей на момент смерти с наследодателем общее хозяйство, и их несовершеннолетними детьми ФИО3 и ФИО1, а доказательств обратного не представлено, таким образом, ответчики как наследники несут солидарную ответственность перед Банком. Судом была установлена верность расчётов Банка о задолженности и стоимость наследственного имущества является достаточной для удовлетворения требований кредитора. Требования взыскателя были удовлетворены.

По делу № 2-199/2020, рассмотренному Хорольским районным судом Приморского края было установлено, что ПАО «Совкомбанк» обратилось в суд с иском о взыскании с ФИО1, несовершеннолетних ФИО2, ФИО3, как с наследников ФИО4, умершего долгов по кредитному договору. Законный представитель несовершеннолетних ссылалась на то, что при принятии наследства ей не было известно о долговых обязательствах супруга. Поскольку смерть должника не влечет прекращения обязательств по заключенному им договору, наследник, принявший наследство, становится должником и несет обязанности по их исполнению со дня открытия наследства [9]. Таким образом, требования банка были удовлетворены.

Еще одним примером судебной практики является Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.03.2024 N 41-КГ24-4-К4 [8]. Фабула дела такова: ПАО «Сбербанк России» обратилось в суд с иском к Власенко Ю.В., Власенко В.А. о взыскании задол-

женности по кредитному договору за счет наследственного имущества. Суд обратил внимание на факт нотариально удостоверенного отказа от наследственного имущества Власенко Ю.В. и несовершеннолетней Власенко В.А. в интересах которой был подписан отказ со стороны законного представителя и при согласии органов опеки и попечительства. Судом было установлено, что несовершеннолетняя дочь наследодателя не проживает и не зарегистрирована по месту жительства наследодателя на день открытия наследства. Судом в удовлетворении требований ПАО «Сбербанк России» было отказано, позиция суда основывалась на факте отсутствия принятия наследства наследниками.

Таким образом, можно сделать вывод, что отказ от наследства несовершеннолетним признается законным только при его легитимности органами опеки и попечительства. Однако, определенные сложности вызваны обоснованностью решений органов опеки и попечительства в разрешении или об отказе в разрешении совершить отказ в принятии наследства. Поскольку органом опеки принимается данное решение исходя из состава и стоимости наследственного имущества, а также размера долгов, то необходимо обратить внимание и на положения ст. 1175 ГК РФ, которая устанавливает ограниченный объем переходящих долгов от наследодателя к наследнику: наследник отвечает по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества.

Так, Первым кассационным судом общей юрисдикции было вынесено кассационное определение от 13 ноября 2023 г. N 88а-33048/2023 по делу N 2а-5522/2022 об отказе в удовлетворении требований Истца. Исходя из материалов дела, было установлено, что Истица обратилась в суд с административным иском заявлением, с требованием признать незаконным отказ администрации муниципального образования «Город Саратов» в разрешении на совершение нотариального действия, заключающегося в отказе несовершеннолетней дочери от наследства. В состав наследства было включено следующее имущество: доля в квартире и машина, помимо этого у наследодателя были долги по двум кредитным договорам на сумму 364 тысячи рублей и 58 тысяч рублей, а также вынесены

судебные приказы о взыскании с наследодателя налогов и коммунальных платежей. Стоимость наследственного имущества составляла 270 тысяч рублей – машина и 290 тысяч рублей – доля в квартире. Орган опеки и попечительства сообщил о невозможности принятия решения по данному вопросу, так как ему не были предоставлены доказательства о превышении долговых обязательств над стоимостью наследуемого имущества, следовательно, разрешение об отказе в наследстве несовершеннолетним ребенком ухудшит положение наследника [6]. Суд отказал в удовлетворении требований Истицы в виду отсутствия доказательств, свидетельствующих об ухудшении материального положения несовершеннолетнего наследника при принятии наследства.

Ввиду того, что отсутствует правовая регламентация процедуры оценки соответствия наследственного имущества и долгов наследодателя интересам ребенка, необходима четкая регламентация данного процесса. Это обосновано тем, что несовершеннолетний гражданин не имеет возможности самостоятельно исполнять обязательства по долгам наследодателя и обязанность исполнения возлагается на законного представителя. Отметим, что исполнение обязанности должника законным представителем несовершеннолетнего может повлечь ухудшение материального состояния законного представителя и его семьи, поэтому необходима четкая правовая регламентация процесса исполнения, в том числе, возможность отсрочки или рассрочки платежа при поступлении ходатайства от законного представителя. Следует выработать методические рекомендации, которые бы устанавливали определенный перечень имущества от отказ от которого возможен в рамках принятия наследства, а также перечень имущества, отказ от наследования которого невозможен. Также, считаем необходимым, установление четкого процентного соотношения долгов и наследуемого имущества несовершеннолетним, чтобы эти долги не стали тяжким бременем не только для законного представителя несовершеннолетнего, но и после наступления полной дееспособности не были чрезмерно обременительны для самого наследника.

Еще одной не менее острой проблемой в исполнительном производстве, связанной с

защитой прав несовершеннолетних детей, является исполнение соглашения родителей или решения суда о порядке общения с родителем, проживающим отдельно от ребенка. В случае спора о порядке общения с ребенком суды устанавливают определенный порядок общения с несовершеннолетним, а именно: время, дни недели, место общения и т.д.

Согласно положениям ст. 66 СК РФ родитель, проживающий отдельно от ребенка, имеет право на общение с ним, участие в его воспитании и решении вопросов об его образовании, а родитель, проживающий с ребенком, не должен ограничивать эту возможность [4]. Однако, на практике не редки ситуации, когда родитель, проживающий совместно с ребенком, ограничивает возможность общения с другим родителем, такие действия являются нарушением заключенного соглашения между родителями или судебного акта, а также нарушают права и интересы ребенка и другого родителя.

Так, родитель, проживающий с ребенком, может не являться на назначенные встречи, представлять различные причины неявки (болезнь и иные обстоятельства, которые отсутствуют в действительности), сокрытие ребенка, психологическое давление на ребенка (это может быть манипулирование мнением ребенка, посредством внушения ему негативно-го мнения о втором родителе). Такие действия могут негативно сказаться на психологическом здоровье ребенка, он может испытывать эмоциональное и психологическое давление, стресс. Такие действия зачастую приводят к тому, что ребенок должен выбрать сторону одного из родителей, что прекратит возможность общения со вторым родителем и может негативно сказаться на его эмоциональном развитии и формировании личности [11, с. 39-44].

В случаях воспрепятствования одним из родителей общению другого родителя с ребенком может быть проведена профилактическая беседа. Однако, данная мера может не привести к положительным результатам. Например, судом был установлен порядок общения отца с несовершеннолетними детьми, но мать детей была против данного общения. Позже женщина увезла детей в неизвестном направлении, не выходила на связь ни с отцом несовершеннолетних, ни с сотрудника-

ми ФССП. Так как совершенные исполнительные действия, предусмотренные ст. 64 Закона «Об исполнительном производстве» не позволили установить местонахождение должника, судебным приставом-исполнителем на основании ст. 65 Закона «Об исполнительном производстве» был объявлен розыск ее и детей [11, с. 39-44]. Тогда женщина самостоятельно связалась с судебным приставом-исполнителем и сообщила о местонахождении детей. Отец смог общаться с детьми только после составления протокола и наложения на женщину штрафа по ст. 17.15 КоАП РФ.

В подобных ситуациях судебные приставы сталкиваются с невозможностью принудительного исполнения решения суда, поскольку запрещается насильно принуждать ребенка к общению с одним из родителей в виду того, что это может нанести ему психологический вред. Более того отсутствие эффективности при исполнении таких решений связано с человеческим фактором – один из родителей может препятствовать общению с ребенком. В подобных случаях запрещения общения ребенка с одним из родителей есть законодательный механизм воздействия на такого родителя. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 5.35 КоАП РФ нарушение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних прав и интересов несовершеннолетних, выразившееся в лишении их права на общение с родителями, если это общение не противоречит интересам детей, может повлечь наложение административного штрафа в размере от двух до трех тысяч рублей. Повторное совершение данных действий влечет наложение административного штрафа в размере от четырех тысяч до пяти тысяч рублей или административный арест на срок до пяти суток [3].

По нашему мнению, наложение столь низких административных штрафов не является препятствием для многократного неисполнения требований исполнительного документа о порядке общения с ребенком. Считаем необходимым ужесточение ответственности за нарушение требований о порядке общения с ребенком, а при систематическом нарушении следует предусмотреть возможность ограничения родительских прав лица, злостно не исполняющего решение суда об определении порядка общения с ребенком.

Необходимо также отметить то, что необходимо учитывать мнение ребенка, в том числе, при возможности привлечения специалиста в соответствии со ст. 61 ФЗИП, в случаях, когда ребенок не желает общаться с другим родителем. В данных случаях необходимо установить, что это нежелание контактировать с одним из родителей является мнением самого ребенка, а не мнением родителя, который оказывает психологическое давление на него. Если ребенок не желает общаться с одним из родителей в присутствии пристава составляется акт, далее для дачи заключения назначается специалист, который так же говорит о нежелании ребенка общаться с родителем, исполнительный лист возвращается в суд и решение пересматривается [10, с. 114]. Такие ситуации отчетливо показывают защиту прав и интересов ребенка в исполнительном производстве.

Подводя итог, можно сказать, что защита прав и законных интересов несовершеннолетнего в исполнительном производстве представляет собой задачу, требующую системного подхода и регулярного совершенствования законодательной базы. Одними из самых острых и проблемных вопросов исполнительного производства с участием несовершеннолетних являются принятие наследства, обремененного долговыми обязательствами, и возможность отказа от такого наследства, а также вопрос об обеспечении исполнения исполнительных документов, определяющих порядок общения ребенка с родителем.

Анализ действующего законодательства позволяет выделить основные недостатки и трудности, возникающие при применении норм, направленных на обеспечение прав детей в исполнительном производстве. Ключевые проблемы связаны с недостаточностью правовой регламентации процедуры оценки риска принятия наследства с долгами, отсутствием эффективных механизмов контроля за соблюдением договоренностей о порядке общения с родителями, проживающими раздельно, а также недостаточной ответственностью за несоблюдение обязанностей по выполнению судебных решений.

В связи с этим были предложены меры для разрешения данных проблем, в том числе, необходимость формирования четких рекомендаций, устанавливающих перечень иму-

щества, отказ от которого является невозможным, и, наоборот, допускается. Необходимость разработки методики оценки соотношения долгов и наследственного имущества для определения обременительности вступления в наследство несовершеннолетним. Для урегулирования конфликтов, возникающих в связи с ограничением одним из родителей общения несовершеннолетнего ребенка с другим родителем, предлагается ужесточение ответственности за данные действия, а также в случаях, когда такие действия носят систематический характер, считаем необходимым предусмотреть возможность ограничения родительских прав лица, злостно не исполняющего решение суда о порядке общения с ребенком. Такие изменения законодательства позволили бы повысить уровень защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в исполнительном производстве.

ности за данные действия, а также в случаях, когда такие действия носят систематический характер, считаем необходимым предусмотреть возможность ограничения родительских прав лица, злостно не исполняющего решение суда о порядке общения с ребенком. Такие изменения законодательства позволили бы повысить уровень защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в исполнительном производстве.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 1 от 21.10.1994 N 190-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 3 от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 04.11.2025) // СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.

4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/.

5. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 N 229-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/.

6. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13.11.2023 N 88а-33048/2023 (УИД 64RS0046-01-2022-008142-55) // СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=151872#OTIML4ViYhqKlODA1>.

7. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20.12.2023 N 88-31962/2023 (УИД 50RS0027-01-2022-001325-38) // СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=154648#fbpJL4V4QIPrPK8n>.

8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.03.2024 N 41-КГ24-4-К4 (УИД 61RS0008-01-2021-002502-36) // СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=807551#NdiKL4V6lRDMNpZm>.

9. Решение № 2-199/2020 2-199/2020~М-129/2020 М-129/2020 от 29 июля 2020 г. по делу № 2-199/2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/b7mdtx6Mhurj/>.

10. Канкулов А.Х. Защита прав несовершеннолетних в исполнительном производстве / А.Х. Канкулов // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 3(207). – С. 113-114. – DOI 10.47643/1815-1337_2022_3_113. – EDN ZRETGT.

11. Новикова Е.Р. Проблемы исполнения решений по порядку общения отдельно проживающего родителя с ребенком в Российской Федерации / Е.Р. Новикова // Актуальные исследования. – 2024. – № 44-2(226). – С. 39-44. – EDN NVZJQI.

ON THE QUESTION OF PROTECTING THE RIGHTS OF MINORS IN ENFORCEMENT PROCEEDINGS: CURRENT PROBLEMS AND SOLUTIONS

N.S. Larionova, *Student*

T.E. Suchkova, *Candidate of Legal Sciences*

Vyatka State University

(Russia, Kirov)

***Abstract.** This article examines the legal status of minor participants in enforcement proceedings, as well as the procedural rights and responsibilities of the child's representatives. It provides a detailed examination of current issues related to protecting the rights of minors in enforcement proceedings, analyzes current legislation and law enforcement practices, and proposes solutions to these issues. The authors emphasize the need to improve current legislation to enhance the protection of the rights and legitimate interests of minors in enforcement proceedings.*

***Keywords:** enforcement proceedings; minor; subjects of enforcement proceedings; rights of minors; inheritance.*

УЧАСТИЕ ЗАЩИТНИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

А.А. Маркина, студент

М.С. Русяев, студент

Научный руководитель: Д.Е. Дроздов, канд. юрид. наук, доцент

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
(Россия, г. Калуга)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-148-153

Аннотация. В статье рассматривается тема участия защитника в уголовном судопроизводстве. Центральными вопросами являются: понятие и процессуальный статус защитника, случаи его обязательного участия, а также процессуальный порядок вступления в уголовное дело. По некоторым исследуемым вопросам доктринальные и нормативные точки зрения расходятся, что создает возможность для авторского размышления.

Ключевые слова: защитник; уголовное судопроизводство; квалифицированная юридическая помощь; стадия предварительного расследования; адвокат; состязательный процесс; статус защитника.

Защитник является важным участником в уголовном процессе нашей страны именно он является гарантом права подозреваемого и обвиняемого на защиту. Конституция РФ гарантирует каждому право на защиту; право на получение квалифицированной юридической помощи, а в случаях, предусмотренных законом, на бесплатную юридическую помощь. Нормативная база осуществления защиты по уголовному делу закреплена в нескольких статьях Конституции РФ (ст. 45-51), они безусловно восприняты Уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее – УПК РФ) и применяются на практике.

Право обвиняемого (подозреваемого) на защиту представляет собой совокупность процессуальных средств, используя которые он может противостоять выдвинутому против него обвинению: знать, в чем он обвиняется (подозревается); оспаривать участие в совершении преступления; опровергать обвинительные доказательства; представлять оправдывающие его доказательства; защищать законные интересы другими средствами и способами [1, с. 77-78].

Согласно п. 58 ст. 5 УПК РФ участниками уголовного судопроизводства являются лица, принимающие участие в уголовном процессе. Таким образом, указанные в правовой норме лица, могут быть квалифицированы в группы по различным основаниям. Наиболее широким и основательным подходом является разделение участников по цели их участия в

процессе, направлению их деятельности, отношению к результатам производства. Так УПК РФ выделяет следующие группы [1, с. 84]:

- 1) Суд;
- 2) Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения;
- 3) Участники уголовного судопроизводства со стороны защиты;
- 4) Иные участники.

Обоснованной является также классификация участников уголовного процесса в зависимости от их назначения [2, с. 52]. По этому основанию субъектов можно разделить на пять групп:

1. Государственные органы и должностные лица, на которые возложена обязанность, связанная с осуществлением уголовного судопроизводства (суд, судья, прокурор, следователь, руководитель следственного органа, следователь-криминалист, дознаватель, начальник органа дознания; начальник подразделения дознания).

2. Лица, лично заинтересованные в исходе уголовного дела (защищающие свой личный интерес), – подозреваемый, обвиняемый (подсудимый, осужденный, оправданный); лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве; потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, частный обвинитель.

3. Защитники и представители лиц, имеющих личный интерес в исходе уголовного дела (защитник обвиняемого и подозреваемого, представители и законные представители потерпевшего и др.).

4. Субъекты, служащие интересам доказывания (свидетель, эксперт, специалист, понятой).

5. Субъекты, выполняющие вспомогательные функции в уголовном процессе. К таким относятся: переводчик, помощник судьи, секретарь судебного заседания, личный поручитель; командование воинской части, обеспечивающее реализацию меры пресечения; лицо, которому поручен присмотр за несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым, и т. д.

Вне зависимости от принадлежности к той или иной из указанных групп можно констатировать, что участники уголовного судопроизводства – это лица, наделенные уголовно-процессуальным законом правами и обязанностями сообразно их процессуальному положению. Все они вступают в уголовно-процессуальные отношения с другими участниками (субъектами) этих отношений [1, с. 85].

Защитник является одним из центральных участников уголовного судопроизводства в России. Если обратиться к лексическому значению слова «защитник», то толковый словарь С.И. Ожегова дает следующее определение: 1. тот, кто защищает, охраняет, оберегает кого-что-нибудь; 2. то же, что адвокат; 3. участник, игрок защиты. Следовательно, можно сделать вывод, что лексическое значение слова защитник происходит от слова защита и несет в себе смысл, заключающийся в охране кого-нибудь или чего-нибудь от посягательств. В то же время, С.И. Ожегов указывает на то, что защитник и адвокат тождественные понятия. Обращаясь к этому же словарю, можно сказать, что адвокат – это юрист, которому поручается защита чьих-нибудь интересов в суде [3, с. 20, 185]. Соответственно, закономерен вывод, что защитник в уголовном судопроизводстве – это юрист, осуществляющий защиту и охрану чужих интересов от посягательств.

В УПК РФ дано легальное определение исследуемого понятия, так, согласно статье 49, защитник – лицо, осуществляющее в установ-

ленном УПК РФ порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. Стоит отметить, что в нормативном определении понятия отсутствует прямое указание на профессиональное юридическое образование защитника, что изначально предоставляет простор для широкого толкования.

В качестве защитника могут выступать [4, с. 117]:

1. Адвокат (по предъявлению удостоверения и ордера).

2. Один из близких родственников или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый наряду с адвокатом, а в производстве у мирового судьи также и вместо него. Об этом свидетельствует и определение Конституционного суда Российской Федерации от 22 апреля 2004 года № 160-О в котором говорится о том, что ч. 2 ст. 49 УПК РФ не предполагает право суда произвольно отклонять ходатайство обвиняемого о допуске в качестве защитника лица, не являющегося адвокатом, и не препятствует осуществлению защиты интересов обвиняемого в суде – наряду с адвокатом – близким родственником или иным лицом [5].

Характер закрепления процессуальных полномочий защитника в УПК РФ, позволяет некоторым авторам рассуждать на тему отсутствия правового закрепления в УПК РФ процессуальных обязанностей защитника [6, с. 67; 7, с. 32].

Содержание процессуального статуса каждого участника судопроизводства составляют его права и обязанности.

Определяя статус адвоката, защитника в уголовном судопроизводстве, необходимо выходить за пределы только процессуального нормирования, и рассматривать нормы УПК РФ в единстве с положениями Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ». Согласно части 1 статьи 49 УПК РФ защитник – это «лицо, осуществляющее защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь». Законодатель, используя словосочетание «лицо осуществляющее», закрепляет императивный характер исполнения защитником своих полномочий, и развивается это положение в статьях 6 и 7 ФЗ «Об адво-

катской деятельности и адвокатуре в РФ» (Полномочия и обязанности адвоката) [10, с. 149].

Если в производство по уголовному делу вступает адвокат, то для него защита прав и интересов подозреваемого или обвиняемого, становится процессуальной обязанностью, исполнение которой сопряжено с использованием всей совокупности прав и возможностей, предусмотренных УПК РФ.

В науке представлена и другая точка зрения. Так, по мнению В.А. Лазаревой, процессуальные обязанности возникают только у адвоката-защитника, вступившего в уголовный процесс по назначению. «Неявка такого адвоката без уважительной причины, является неисполнением возложенной на него статьей 7 ФЗ обязанности и может повлечь дисциплинарное взыскание». При этом адвокат-защитник, вступивший в уголовное дело по приглашению, «эту обязанность несет исключительно перед своим подзащитным, поэтому никто, кроме подзащитного не вправе спросить с адвоката за ее ненадлежащее исполнение» [8, с. 29]. В связи с этим автор делает вывод: обязанность адвоката защищать подозреваемого, обвиняемого не является процессуальной обязанностью.

Уголовное право – сфера, где права человека нуждаются в особой защите. Закон четко определяет случаи, когда участие защитника в уголовном процессе является не просто желательным, а обязательным, независимо от воли самого подозреваемого или обвиняемого. Статья 51 УПК РФ регламентирует эти ситуации, и их понимание крайне важно как для граждан, так и для правоохранительных органов. Подозреваемому или обвиняемому обязаны обеспечить участие защитника в случаях:

1. Отсутствие отказа от защитника: согласно п. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ, первым и наиболее распространенным случаем является ситуация, когда подозреваемый или обвиняемый не отказался от услуг защитника в порядке, установленном статьей 52 УПК РФ. Важно понимать, что отказ должен быть оформлен надлежащим образом, добровольно и осознанно. Любое сомнение в добровольности отказа должно толкать следственные органы на обеспечение участия защитника. На практике это означает, что следователь обязан

разъяснить подозреваемому (обвиняемому) его право на защитника, а также порядок отказа от него. Отказ, полученный с нарушением установленной процедуры, считается недействительным, и участие защитника становится обязательным.

2. Несовершеннолетие: закон особо защищает права несовершеннолетних. Согласно п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ, несовершеннолетний имеет право на обязательное участие защитника. Эта норма обусловлена незрелостью личности, недостатком жизненного опыта и возможностью оказания на него неправомерного давления. Наличие защитника в данном случае гарантирует защиту интересов несовершеннолетнего и соблюдение его прав.

3. Физические или психические недостатки: п. 3 ч. 1 ст. 51 УПК РФ также указывает на обязательное участие защитника, если подозреваемый или обвиняемый в силу физических или психических недостатков не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту. Здесь возникает вопрос интерпретации. УПК РФ не предоставляет исчерпывающего перечня таких недостатков. Практика показывает, что решение о необходимости участия защитника принимается индивидуально, с учетом конкретного состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого и его способности понимать суть происходящего и адекватно защищать свои права. Это может включать в себя, например, тяжелые заболевания, интеллектуальные нарушения, психические расстройства, которые существенно ограничивают способность понимать процессуальные действия и эффективно взаимодействовать с органами следствия и суда. Оценка данного обстоятельства ложится на плечи следователя и суда, которые должны оценить возможность самостоятельного осуществления права на защиту с учетом конкретных обстоятельств.

4. Не владение языком судопроизводства: п. 4 ч. 1 ст. 51 УПК РФ, касается лиц, не владеющих языком уголовного судопроизводства. Этот пункт, на первый взгляд, кажется простым, но на практике вызывает ряд толковательных сложностей. Закон гласит, что защитник предоставляется лицу, подозреваемому или обвиняемому, «не владеющему» языком, на котором ведется судопроизводство. Ключевое здесь – понимание самого понятия

«владеть языком». УПК РФ использует термин «владеть» в значении «знать язык», «уметь на нем говорить». Это не просто пассивное знание слов, а активное умение строить фразы, понимать нюансы и свободно общаться. Однако, эта формулировка порождает неоднозначность. Практика и доктрина предлагают утвердительный ответ. Неграмотность, несмотря на свободное владение устной речью, создает объективные трудности в понимании сложных юридических терминов, формулировок и документов.

5. Кроме того, п. 5 ч. 1 ст. 51 УПК РФ предусматривает обязательное участие защитника, если обвиняемый обвиняется в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пятнадцати лет, пожизненное лишение свободы или смертная казнь. Здесь законодатель исходит из повышенной важности защиты прав обвиняемого в наиболее тяжких преступлениях, где ставки максимально высоки, и необходимость в квалифицированной юридической помощи очевидна. Даже если обвиняемый свободно владеет языком и является грамотным, наличие квалифицированного защитника критически важно для обеспечения справедливого судебного разбирательства в таких случаях.

6. Если дело подлежит рассмотрению судом присяжных (п. 6 ч. 1 ст. 51 УПК).

7. Обвиняемый заявил ходатайство о рассмотрении уголовного дела в порядке главы 40 УПК РФ или производстве дознания в сокращенной форме в порядке, установленном главой 32¹ УПК РФ (пп. 7,8, ч. 1 ст. 51 УПК РФ) [9].

Таким образом, защитник не просто формальность. Он обеспечивает юридическую помощь, представляет интересы подзащитного, защищает его права и законные интересы на всех этапах уголовного процесса – от дознания до суда. Обязательное участие защитника – это ключевая гарантия права на справедливое судебное разбирательство, закрепленного в российских правовых актах. Нарушение требований статьи 51 УПК РФ может повлечь за собой серьезные правовые последствия, включая отмену процессуальных действий и признание доказательств, полученных с нарушением закона, недопустимыми.

В настоящее время закон предусматривает два способа появления защитника в уголовном деле: по соглашению и по назначению (ст. 50 УПК РФ). При этом сущность защитной деятельности вне зависимости от того, каким образом защитник стал участвовать в деле, полностью идентична.

Как правило, приглашение защитника является прерогативой обвиняемого (подозреваемого) или осуществляется другими лицами по его просьбе или с его одобрения. Данное законодательное положение имеет важное значение и обусловлено стремлением избежать возложения на органы предварительного расследования обязанности по поиску защитника. Участие защитника рассматривается не как часть работы органов уголовного преследования, а наоборот, как законный способ противодействия ей. Следовательно, именно обвиняемый (подозреваемый) несет ответственность за поиск защитника, согласование условий защиты, разработку позиции и стратегии поведения в суде. Такое разделение функций защиты и уголовного преследования является оптимальным, поскольку право на защиту лица, подвергающегося уголовному преследованию, реализуется, в частности, через свободу выбора защитника, которому он доверяет. После выбора подходящего защитника и заключения с ним соглашения, подзащитный может полностью доверять ему, что способствует построению эффективной защиты. Ключевым моментом защиты по соглашению является подписание соглашения (договора) об оказании юридической помощи [10, с. 126].

Другой способ участия защитника в уголовном деле – по назначению. Согласно УПК РФ, этот порядок привлечения защитника применяется, если обвиняемый (подозреваемый) по каким-либо причинам не смог заключить соглашение с защитником, или если явка защитника, с которым заключено соглашение, невозможна в установленный законом срок. Другими словами, назначение защитника – это не свободный выбор, а вынужденная альтернатива участию защитника по соглашению. Этот процесс состоит из нескольких этапов. Во-первых, следователь получает от обвиняемого (подозреваемого) информацию о невозможности заключения соглашения с адвокатом. Порядок уведомления об этом зако-

нодательно не установлен. Это может быть оформлено в виде письменного заявления или устно. Поскольку право обвиняемого (подозреваемого) на получение квалифицированной юридической помощи является фундаментальным и носит презумптивный характер, обвиняемый (подозреваемый) не должен отдельно ходатайствовать о предоставлении защитника. Предполагается, что процессуальные действия с обвиняемым (подозреваемым) должны проводиться с участием защитника, что обязывает следователя выяснить, заключено ли соглашение с адвокатом. Поскольку получение этой информации носит предварительный характер, строгий порядок ее сообщения законодательно не установлен. Во-вторых, следователь направляет запрос в адвокатскую палату о предоставлении защитника. По закону следователь не имеет права требовать, чтобы для участия в деле был направлен конкретный адвокат, поскольку это может свидетельствовать о наличии неформальной связи между следователем и этим адвокатом и ставить под сомнение эффективность юридической помощи, оказываемой обвиняемому (подозреваемому). Вместе с тем следователь не только вправе, но и обязан указать, какие адвокаты не могут участвовать в деле в качестве защитника, если такие препятствия установлены законом. Например, в деле о групповом преступлении следователь должен уведомить адвокатскую палату о том, какие адвокаты защищают других соучастников, чтобы исключить одновременное участие адвоката в качестве защитника нескольких лиц, интересы которых противоречат друг другу. В-третьих, адвокатская палата по результатам рассмотрения запроса поручает конкретному адвокату принять участие в уголовном деле. Однако это еще не означает, что адвокат начал участвовать в деле. Он только направляется к следователю для решения этого вопроса. В-четвертых, следователь принимает ордер адвоката. Именно в этот момент происходит то, что ранее называлось «допуском адвоката в дело», а сейчас – «вступлением в де-

ло». Следователь предоставляет адвокату для ознакомления установленные законом материалы уголовного дела и обеспечивает реальное начало участия адвоката в деле. Следовательно, следователь не «разрешает» адвокату начать защиту, а как бы «вводит» защитника в дело [10, с. 127-128].

Учитывая вышеизложенное, представляется, что назначение защитника имеет двойственный характер. Оно включает в себя два относительно самостоятельных и в то же время неразрывно связанных действия – выделение адвоката адвокатской палатой и принятие следователем ордера адвоката. Таким образом, в назначении защитника участвуют и следователь (поскольку принимает решение об обращении в адвокатскую палату о предоставлении защитника), и адвокатура (поскольку удовлетворяет запрос следователя и выделяет конкретного адвоката для участия в деле). Поскольку эта процедура логически завершается в момент прибытия адвоката к следователю, и именно следователь принимает решения по уголовному делу, то назначение адвоката производится органом предварительного расследования, но следует учитывать, что термин «назначение защитника следователем» носит весьма условный характер и подразумевает, что предоставление конкретного адвоката находится в исключительной компетенции адвокатуры [10, с. 128].

Таким образом, защитник является важным участником уголовного судопроизводства, так как именно он является гарантом соблюдения прав и законных интересов подозреваемых (обвиняемых). Как правило, защитники – профессиональные юристы, адвокаты, тем не менее, наравне с ними или даже вместо них защитником может быть назначен близкий родственник или иное лицо, о котором ходатайствует подозреваемый (обвиняемый). В уголовно-процессуальном законе напрямую предусмотрены ситуации обязательного участия защитника в деле, список этот исчерпывающий, но вызывающий двойственное толкование.

Библиографический список

1. Уголовный процесс: учебник для вузов / Б.Я. Гаврилов [и др.]; под ред. Б.Я. Гаврилова. – 9-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2024. – 572 с.
2. Кокорев Л.Д., Шпилев В.Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. – Минск: Изд-во Булорус. ун-та, 1974. – 143 с.

3. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под. ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1989 – 750 с.
4. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): Учебник для вузов / Под. ред. проф. Э.К. Кутуева; науч. ред. и вступительное слово проф. В.П. Сальникова; 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Фонд «Университет», 2019. – 583 с.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 22.04.2004 N 160-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Попова Михаила Евгеньевича на нарушение его конституционных прав положением части второй статьи 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=12009#RHUdgkUofzWwMAJE2>.
6. Коряковцев В.В., Питулько К.В. Руководство адвоката по уголовным делам. – СПб.: ООО «Питер Пресс», 2006. – 528 с.
7. Адаменко В. Процессуальное положение защитника обвиняемого // Проблемы охраны прав граждан в сфере борьбы с преступностью. – Иваново, 1980. – С. 32-33.
8. Лазарева В.А. Как защитить себя от необоснованных претензий // Вестник Палаты адвокатов Самарской области. – 2006. – № 1 (7). – С. 29.
9. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // СПС Консультант Плюс. – [Электронный ресурс]. – режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
10. Сафонова А.А. Назначение защитника в уголовном деле: правовая сущность и процессуальный порядок // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – №3 (95).
11. Гареева Э.Р., Кадымов А.А. Процессуальное положение защитника в уголовном процессе // Аграрное и земельное право. – 2022. – №8 (212).

THE PARTICIPATION OF THE DEFENDER IN CRIMINAL PROCEEDINGS

A.A. Markina, *Student*

M.S. Rusyaev, *Student*

Supervisor: *D.E. Drozdov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

**Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky
(Russia, Kaluga)**

Abstract. *The article discusses the topic of the defender's participation in criminal proceedings. The central issues are: the concept and procedural status of a defender, cases of his mandatory participation, as well as the procedural procedure for entering into a criminal case. Doctrinal and normative points of view differ on some of the issues under study, which creates an opportunity for the author's reflection.*

Keywords: *defender; criminal proceedings; qualified legal assistance; preliminary investigation stage; lawyer; adversarial process; defender's status.*

ОБРАТНАЯ СИЛА БРАЧНОГО ДОГОВОРА: РИСКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Д.А. Нархова, студент

К.В. Чебуркова, студент

С.В. Старцева, старший преподаватель

Самарский государственный экономический университет
(Россия, г. Самара)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-154-159

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовой проблемы обратной силы (ретроактивного действия) брачного договора. В условиях роста экономической активности граждан и усложнения структуры семейного имущества данный институт приобретает особую важность для судебной практики. На основе анализа существующего законодательства авторы рассматривают условия, при которых возможно применение ретроактивного действия брачного договора, а также систематизируют правовые риски, связанные с его использованием для супругов, а также третьих лиц. Особое внимание уделяется выявленным законодательным пробелам и предложениям по совершенствованию правового регулирования для обеспечения баланса интересов участников гражданского оборота и повышения правовой определенности в сфере семейных имущественных отношений.

Ключевые слова: брачный договор; имущественные отношения супругов; ретроактивное действие; обратная сила брачного договора; семейное законодательство.

Институт брачного договора, закрепленный в Семейном кодексе РФ, стал важным инструментом регулирования имущественных отношений супругов. В условиях роста экономической активности граждан и усложнения структуры семейных активов (включая интеллектуальную собственность, бизнес, ценные бумаги) значение брачного договора возрастает. Однако правоприменительная практика сталкивается с рядом нерешённых вопросов, в том числе с проблемой придания договору обратной силы.

Актуальность исследования обратной силы брачного договора обусловлена социально-экономическими, правовыми и законодательными факторами. Современная семья как субъект экономической деятельности и рост числа лиц с сложными активами повышают спрос на инструменты для регулирования имущественных отношений. Отсутствие четких законодательно установленных критериев обратного действия создаёт правовые риски для супругов и третьих лиц – кредиторов, наследников, поскольку ретроактивное перераспределение имущества может затронуть их права. Кроме того, судебная практика по данному вопросу отличается противоречивостью и отсутствием единых подходов, что дестабилизирует правопорядок.

Цель настоящего исследования заключается в анализе ретроактивного действия брачного договора, выявление правовых рисков, связанных с его применением, и разработке предложений по их минимизации. В ходе работы рассматривается понятие и природа брачного договора, его место в системе гражданско-правовых и семейных институтов, изучается общее положение об обратной силе, ее условиях и ограничениях. Особое внимание уделяется существующим законодательным подходам, и ситуациям, в которых возможно применение обратной силы. Важной задачей является выявление рисков, связанных с обратной силой, включая возможные негативные последствия для супругов и третьих лиц и анализ факторов, влияющих на правовые последствия договора.

Согласно статье 40 Семейного кодекса Российской Федерации, «брачным договором признается соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения» [1]. Брачный договор является юридическим инструментом, позволяющим сторонам заранее согласовать порядок владения, пользования и распоряжения совместным и лич-

ным имуществом, что способствует предупреждению возможных споров в будущем.

Правовое регулирование брачного договора в Российской Федерации осуществляется в соответствии с Семейным Кодексом, Гражданским Кодексом и иными нормативными актами. Основным источником, регулирующим заключение, содержание и порядок оформления брачного договора, является Семейный Кодекс РФ (статьи 40-43). Он предусматривает, что брачный договор может содержать соглашения по вопросам имущественных прав и обязанностей супругов как во время брака, так и при его расторжении, и подлежит государственной регистрации для приобретения юридической силы.

Брачный договор может содержать положения, касающиеся различных аспектов имущественных отношений: режим совместной собственности, режим раздельного имущества, условия распоряжения имуществом и иные имущественные права и обязанности сторон. При этом содержание договора не должно противоречить закону, моральным принципам и публичному порядку. Принципы свободы договора, равенства сторон, недопустимости нарушения закона и публичных интересов, закреплённые в Гражданском Кодексе, распространяются и на брачные договоры, что даёт сторонам возможность самостоятельно устанавливать условия соглашения. При этом условия брачного договора не должны нарушать семейное законодательство: не противоречить нормам, регулирующим права несовершеннолетних, интересы третьих лиц и государственную политику в области семьи и имущества.

В современном правовом поле брачный договор имеет особое значение, заключающееся в том, что брачный договор служит юридическим инструментом для определения имущественных прав и обязанностей супругов, помогает предотвратить споры при разводе, обеспечивает защиту имущественных интересов обеих сторон и способствует регулированию имущественных отношений в соответствии с их волей [2].

В юридической литературе и правоприменительной практике нередко возникает терминологическая проблема разграничения понятий «обратная сила» и «ретроактивное действие». Ключевое различие заключается в

том, что обратная сила – это основание (иными словами, согласованное волеизъявление сторон, разрешенное законом), а ретроактивное действие – это следствие (фактическое изменение правового положения, вызванного сделкой). Применительно к брачному договору, такое разграничение приобретает особое значение, поскольку позволяет анализировать не только прямо выраженные условия договора, но и те системные правовые эффекты, которые порождаются его содержанием независимо от прямого указания на ретроактивность.

В российской правовой доктрине и законодательстве понятие обратной силы связывается, прежде всего, с действием закона. Согласно фундаментальному принципу, закреплённому в пункте 1 статьи 4 Гражданского кодекса РФ, акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие [3]. Исключения возможны лишь в случаях, прямо предусмотренных федеральным законом. Однако в контексте сделок, а в частности договоров, обратная сила приобретает иное содержание. В соответствии с пунктом 2 статьи 425 ГК РФ стороны вправе установить, что условия заключённого ими договора применяются к их отношениям, возникшим до заключения договора. Данная конструкция позволяет сторонам задним числом урегулировать свои фактические отношения, придав им юридическую определенность.

Говоря об условиях и ограничениях обратной силы в гражданском праве, стоит упомянуть, что несмотря на диспозитивный характер нормы пункта 2 статьи 425, придание сделке обратной силы не является абсолютным и сталкивается с системными ограничениями, вытекающими из самой природы гражданского права. Во-первых, условие об обратной силе, как и любой иной элемент сделки, не должно противоречить закону, также ретроактивное изменение прав и обязанностей не может нарушать права третьих лиц, которые возникли и защищались законом до момента заключения договора. Во-вторых, действия сторон, направленные на придание договору обратной силы, должны быть добросовестными. Недопустимо применение данного механизма для злоупотребления правом, например, для уклонения от исполнения обя-

зательств пред третьими лицами или для недобросовестного обогащения одной стороны за счет другой, воспользовавшись ее неосведомленностью. В-третьих, обратная сила не может быть применена к тем правам и обязанностям, которые уже были реализованы, прекращены или на которые истекли сроки исковой давности.

Обратная сила брачного договора – это юридический механизм, при котором положения, включённые в брачный договор, могут применяться или иметь юридическую силу не только с момента его заключения, но и в отношении событий, произошедших до этого момента.

На сегодняшний день в российском гражданском праве прямо не закреплено понятие «обратная сила брачного договора». Согласно статье 41 Семейного Кодекса РФ, «брачный договор, заключенный до государственной регистрации заключения брака, вступает в силу со дня государственной регистрации заключения брака». Однако в практике встречаются ситуации, когда стороны хотят, чтобы условия договора применялись, например, к имуществу, которое было приобретено до заключения брака, или к обязательствам, возникшим ранее. В большинстве случаев суды отказываются признавать обратную силу, если это прямо не предусмотрено законом или договором, а также если такое применение условий противоречит основным принципам семейного законодательства. Обычно суды исходят из принципа разумности, добросовестности и права сторон на свободу договорных отношений, поэтому в судебной практике в каждом конкретном случае поднимается вопрос о применимости условий брачного договора к событиям, произошедшим до его заключения.

Обратная сила брачного договора возможна в исключительных случаях, когда:

1. Стороны в предварительном соглашении или в особых условиях договора самостоятельно договорились об обратной силе брачного договора, что подтверждается их волей и не нарушает законодательства.

2. Имущественные отношения были согласованы на будущее, а затем возникли обстоятельства, связанные с имуществом, приобретённым ранее, и стороны считают возможным

применить к этим обстоятельствам условия договора.

3. Закон прямо предусматривает возможность применение условий брачного договора к событиям, произошедшим ранее, если в договоре указано, что его положения распространяются на имущественные отношения, возникшие до его заключения, и не нарушают закон.

4. Суд устанавливает, что применение условий договора к прошлым событиям соответствует закону и не нарушает прав третьих лиц или других участников правоотношений [4].

Наделение брачного договора обратной силой порождает для супругов ряд существенных правовых рисков, нарушающих баланс их имущественных интересов. Прежде всего, возникает риск нарушения принципа справедливости при ретроактивном перераспределении имущества, изначально приобретавшегося в рамках законного режима совместной собственности. В такой ситуации возникает опасность злоупотребления правом, когда одна из сторон, воспользовавшись сложным положением или недостаточной осведомленностью контрагента, может добиться включения в договор условий, существенно ущемляющих имущественные интересы другого супруга.

Институт обратной силы брачного договора создает повышенные риски его оспоримости в судебном порядке. Правовые основания для признания такого договора недействительным могут быть следующими. Во-первых, условие об обратной силе может быть квалифицировано как противоречащее основам правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК РФ), если установлено, что его целью являлось заведомое ущемление прав одного из супругов, либо уклонение от исполнения обязательств перед кредиторами. Во-вторых, ретроактивное изменение режима имущества может быть признано мнимой сделкой (ст. 170 ГК РФ), если оно совершено без действительного намерения создать правовые последствия, а лишь для создания видимости отсутствия имущества у должника. В-третьих, существуют риски оспоримости договора как кабальной сделки (ст. 179 ГК РФ) или сделки, совершенной под влиянием существенного заблуждения (ст. 178 ГК РФ), поскольку сложность правовой конструкции обратной силы может препятство-

вать адекватному пониманию сторонами всех ее юридических последствий.

Наиболее системными представляются риски, связанные с воздействием ретроактивных условий брачного договора на права и законные интересы третьих лиц. Серьезно нарушаются права кредиторов супругов, которые при предоставлении кредита обоснованно рассчитывали на обращение взыскания на общее совместное имущество должника. Ретроактивный перевод такого имущества в раздельную собственность другого супруга существенно уменьшает объем имущества, на которое может быть обращено взыскание, что в свою очередь противоречит принципам добросовестности и стабильности гражданского оборота. Помимо этого, могут быть ущемлены права наследников, поскольку изменение режима имущества задним числом способно привести к неправомерному уменьшению наследственной массы. А также возникают риски для приобретателей имущества, которые заключая сделку, полагались на действовавший на момент сделки законный режим собственности супругов. Таким образом, обратная сила брачного договора создает риск дестабилизации не только отношений между супругами, но и смежных гражданско-правовых отношений.

Обратная сила брачного договора может существенно изменить имущественные отношения между супругами посредством:

- 1) перераспределения имущества;
- 2) применения правил раздела имущества;
- 3) решения споров о разделе имущества;
- 4) постановки в очередь имущественных прав и обязанностей.

Обратная сила брачного договора также может затрагивать вопросы наследования. Если в договоре предусмотрены условия, касающиеся наследственного имущества или прав наследников, то их применение к уже существующим наследственным правоотношениям может вызвать споры. Законодательство РФ в области наследства (статья 1140 Гражданского кодекса РФ) предусматривает свободу наследодателя в распоряжении своим имуществом, однако любые изменения, связанные с наследственными правами, требуют особой процедуры и согласования. Если брачный договор содержит положения, противоречащие наследственным законам, их применению с

обратной силой может привести к юридическим конфликтам [5].

Обратная сила брачного договора может стать источником конфликтов между супругами. Возможны следующие причины конфликтов:

1. Непредвиденные изменения в имущественных правах (обратная сила брачного договора может привести к изменению имущественных прав и обязанностей супругов, что может не совпадать с их ожиданиями и планами на будущее).

2. Несогласованность в применении правовых норм, особенно если брачные договоры были заключены в разные периоды времени.

3. Споры, связанные с имущественными обязательствами, так как у супругов могут складываться разные мнения относительно их исполнения или распределения.

4. Использование обратной силы в интересах одного из супругов, что может вызывать дополнительные правовые вопросы.

Основные способы разрешения подобных конфликтов включают:

1. В ситуациях, когда супруги не достигают соглашения, суд может рассмотреть спор и принять решение, основанное на законах и конкретных обстоятельствах дела.

2. Супруги могут решить вопросы посредством медиации или третейского суда (альтернативные методы разрешения споров).

3. Члены семьи могут самостоятельно попытаться определить, что именно подразумевает обратная сила брачного договора и как она будет применяться в их конкретной ситуации.

Супруги могут решить вопросы о имущественных правах и обязанностях в процессе заключения брачного договора, чтобы избежать возможных проблем с обратной силой договора (предварительное урегулирование) [6].

Ключевой проблемой института обратной силы брачного договора является отсутствие в законодательстве прямого регулирования такого вопроса, что создает правовой пробел, вызывающий судебную неопределенность и противоречивость практики. В большинстве случаев суды придерживаются ограничительного подхода, допускающего обратную силу лишь при отсутствии нарушений прав третьих лиц и в отношении определенных видов иму-

щества. Особенно ужесточается практика при использовании условий для уклонения от обязательств перед кредиторами, что признается недействительным. Для решения этой проблемы необходимо внести изменения в Семейный кодекс РФ, регулировать условия обратной силы, предусмотреть нотариальные разъяснения и закрепить презумпцию недействительности таких условий, а также разработать нормативные акты Верховного суда для унификации судебной практики.

В ходе проведенного исследования было установлено, что понятие и юридическая природа брачного договора являются важными аспектами регулирования имущественных отношений супругов, а его правовое регулирование в гражданском и семейном законодательстве продолжает развиваться. Обратная сила в гражданском праве представляет собой сложный институт, требующий четкого определения условий и ограничений в области брачного договора. Актуальность проблемы применения обратной силы брачного договора обусловлены отсутствием единых правовых

стандартов и разнообразия судебных решений по данному вопросу.

Риски, связанные с обратной силой, могут иметь серьезные последствия для сторон, такие как признание договора недействительным и нарушение имущественных прав. Эти последствия затрагивают не только имущественные отношения, но и наследственные права, что подчеркивает необходимость внимательного регулирования в данной сфере. В ходе анализа были выявлены недостатки законодательства и особенности судебной практики.

Развитие правового регулирования в данной области должно учитывать особенности брачных отношений, обеспечить баланс интересов сторон и защитить права третьих лиц. Для дальнейшего совершенствования законодательства необходимо более точно определить правовые механизмы обратной силы и закрепить соответствующие правовые нормы, что повысит эффективность юридической практики и обеспечит стабильность имущественных правоотношений в браке.

Библиографический список

1. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025).
2. Болтанова Е.С., Багрова Н.В., Баришпольская Т.Ю. Гражданское право. Общая часть: учебник. – Москва: ИНФРА-М, 2023. – 515 с.
3. Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // *Собрание законодательства РФ*. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Брагинский М.И., Витрянский В.В. [и др.] Комментарий части первой Гражданского кодекса Российской Федерации. – Москва: СПАРК, 1995. – 597 с.
5. Наследование при наличии брачного договора // *Нотариальная контора*. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rosnotarius.ru/nasledovanie-pri-nalichii-brachnogo-dogovora>.
6. Как оспорить брачный договор // Суворов Лигал. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://suvorov.legal/kak-osporit-brachnyj-dogovor/>.

**RETROACTIVE EFFECT OF THE PRENUPTIAL AGREEMENT:
RISKS AND CONSEQUENCES**

D.A. Narkhova, *Student*

K.V. Cheburkova, *Student*

S.V. Startseva, *Senior Lecturer*

**Samara State University of Economics
(Russia, Samara)**

***Abstract.** The article is devoted to the study of the legal problem of retroactive effect of a marriage contract. In the context of the growing economic activity of citizens and the increasing complexity of the structure of family property, this institution is becoming particularly important for judicial practice. Based on the analysis of existing legislation, the authors consider the conditions under which the retroactive effect of the marriage contract can be applied, and also systematize the legal risks associated with its use for spouses, as well as third parties. Special attention is paid to the identified legislative gaps and proposals for improving legal regulation in order to ensure a balance of interests among participants in civil circulation and to increase legal certainty in the field of family property relations.*

***Keywords:** marriage contract; property relations between spouses; retroactive effect; retroactive force of a marriage contract; family legislation.*

ЭКСПЕРТИЗА КАК ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ

А.С. Петракова, канд. филос. наук

Р.Л. Попов, магистрант

В.А. Попова, магистрант

Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации
(Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-160-165

Аннотация. Экспертиза как правовое явление начинает развиваться с конца XIX в. и стремительно становится основным действующим юридическим инструментом анализа объектов социальной практики. Научный интерес к сущности экспертизы появляется с момента становления ее правового регулирования. Однако, не взирая на многочисленные исследования ученых и практиков, единого понимания экспертизы сегодня нет ни в науке, ни в законодательстве. Статья посвящена рассмотрению сущностных особенностей экспертизы как правового явления, выявлению ее существенных признаков и отдельных видов, имеющих место как в юридической науке, так и в законодательной практике. В исследовании проводится анализ специфических особенностей правовой экспертизы как технологии, метода исследования, правового института и категории права. Исследование позволило сформулировать основные отличительные особенности экспертизы как правового явления, установить различия между экспертизой в прикладном понимании и научно-теоретическом, а также обособить ее от других видов исследовательской деятельности. Кроме того, авторами выделены существенные недостатки как в правовом регулировании процесса экспертизы, так и в установлении правового статуса эксперта.

Ключевые слова: экспертиза; исследование; эксперт; специалист; экспертное заключение; технология; регламент.

Экспертиза как необходимое условие подтверждения подлинности фактов и данных, как способ обоснования эффективности решений в науке и практике, как технология увеличения результативности любого вида социальной практики стала рассматриваться необходимым условием любого вида деятельности исключительно в постиндустриальную эпоху. В юридической практике экспертиза как необходимый инструмент используется практически на каждом этапе правового регулирования: на стадии создания нормативно-правовой основы, на стадии возникновения субъективных прав и обязанностей, на стадии их реализации и стадии применения юридической ответственности. Однако, несмотря на всю важность использования инструмента экспертизы для совершенствования правового регулирования и повышения эффективности принимаемых решений, в науке и законодательстве до сих пор нет единого понимания этого правового явления.

Н.В. Мамитова экспертизу определяет как глубокое и тщательное исследование выбран-

ного объекта экспертом в данной области с использованием его опыта и профессиональных знаний и навыков с целью последующего принятия эффективного решения в изучаемом вопросе [11, с. 126]. Результатом экспертизы становится экспертное заключение, оформленное в письменном виде соответствующим образом. Данное понимание экспертизы универсально и может быть применено к любому ее виду. Среди различных экспертиз именно правовая является необходимым, наиболее эффективным и обязательным к реализации средством оптимизации законотворческого процесса.

В свою очередь, Е.В. Журкина отмечает, что экспертиза – не просто средство повышения эффективности законотворческого процесса, но цельный правовой институт, отличающийся специфическими характеристиками: предметом изучения; применяемыми методами; кругом субъектов, уполномоченных к проведению экспертного исследования; устойчивой позицией в механизме правового регулирования и экспертным заключением в

виде ее результата [5, с. 58]. Практически аналогичную позицию относительно понимания правовой экспертизы как правового института содержит и исследование Е.С. Черновой. Автор постулирует, что институциональность экспертизы обусловлена тем, что она реализуется с опорой на группу правовых норм, регулирующих общественные отношения в области инициации и процесса проведения экспертного исследования. По мнению Черновой Е.С., со временем нормы, регулирующие экспертную деятельность в области исследования проектов нормативно-правовых актов, должны стать едиными и универсальными, а также получить свою завершенность, самостоятельность и быть закрепленными в действующем законодательстве на всех уровнях [19, с. 79-80]. Еще дальше в своем исследовании идет Рагозин В.Ю., предлагая рассматривать в качестве правового института не только саму правовую экспертизу, но и отдельные ее виды. Например, экспертизу проектов нормативно-правовых актов [15, с. 120]. Похожее понимание явления правовой экспертизы находим также у Л.В. Пинчука, называющего правовым институтом криминологическую экспертизу [13, с. 5-6].

Л.Ф. Апт также рассматривает явление юридической экспертизы как самостоятельного правотворческого института. Автор отмечает, что юридическая экспертиза необходима во всей правовой практике и оказывает существенное влияние не только на юридическую технику, но и на формирование элементов всей правовой системы в целом [1, с. 78].

Более конкретное понимание правовой экспертизы находим в исследованиях А.В. Петренко. Здесь правовая экспертиза представляет собой особый вид профессиональной деятельности эксперта, предполагающий соблюдение определенного регламента выполнения, основанный на общих принципах и нормах права, результатом которого становится специальный вид документа – экспертное заключение, могущее служить основанием принятия значимого для правовой науки и социальной практики решения [14, с. 12]. А.В. Петренко вторит Н.В. Ралдугин, соглашаясь с определением экспертизы как вида профессиональной деятельности, реализуемого специалистом – экспертом, обладающим исключительными познаниями и опытом

в конкретной исследуемой области и формирующим результаты своего исследования в виде экспертного заключения, отвечающего на все поставленные перед экспертом вопросы [17, с. 10].

Детализирует понятие правовой экспертизы А.В. Ким, указывая на правовую экспертизу, реализуемую территориальными органами Министерства юстиции Российской Федерации. Под правовой экспертизой исследователь понимает определенную профессиональную деятельность, предполагающую соблюдение административных процедур по анализу нормативно-правового акта, в ходе которого устанавливается его соответствие действующим нормам права, а также соответствие между действиями органа, его предлагающего, и его компетенцией, а также определяется уровень соблюдения требований юридической техники при составлении акта [7, с. 8-9].

Похожее, но более узкое понимание экспертизы находим у Р.К. Надеева, подразумевающего под ней специальное исследование проекта нормативно-правового акта, предполагающего установление его соответствия действующим нормам права, закрепленным в законодательстве страны и международных договорах, а также требованиям юридической техники [12, с. 21-22].

Определение, исходящее из целевого и функционального назначения экспертизы, дает Д.В. Чухвичев, постулируя, что экспертиза является исследованием, требующим специальных знаний и компетенций для ее проведения и служащим цели совершенствования нормативно-правовой базы и улучшения качества законодательства [21, с. 128].

Подобное понимание экспертизы как инструмента повышения качества законодательства дают А.А. Зелепукин, Н.Н. Черногор и М.В. Залоило [20, с. 103], отмечая, что процесс экспертизы необходим для выявления соответствия проектов и действующих нормативно-правовых актов требованиям научности, законности. Правовая экспертиза служит цели устранения законодательных ошибок, правовых коллизий еще на стадии разработки закона. Кроме того, авторы указывают, что механизм правовой экспертизы нормативно-правовых актов детальнее разработан именно в региональном законодательстве, где экспертиза служит общеправовой оценке законопро-

екта. Исследователи также отмечают, что в законодательстве, как на федеральном, так и на региональном уровне до сих пор не выработан единый механизм осуществления правовой экспертизы нормативно-правовых актов, что приводит к двусмысленному пониманию как самого явления правовой экспертизы, так и процедуры ее проведения [6, с. 111]. Исследователям вторит Е.С. Третьякова, утверждая, что единого понимания правовой экспертизы нет ни только в законодательстве, но и в правовой науке, вследствие чего автор предлагает под правовой экспертизой понимать работу специалиста – эксперта или уполномоченного лица либо органа государственной власти, нацеленную на анализ проекта нормативно-правового акта на предмет его соответствия действующим законодательным нормам [18, с. 63].

А.А. Разуваев называет правовую экспертизу исследованием, основанным на применении уполномоченными субъектами (экспертами) своих специальных знаний, и направленным на получение результата, предполагающим подготовку экспертного заключения, могущего служить достаточным основанием для принятия обоснованных решений в отношении объекта экспертизы [16, с. 34]. Подобное определение, на наш взгляд, является общим и не содержит конкретики относительно экспертизы нормативно-правовых актов.

В свою очередь, Н.В. Ломакина, при определении правовой экспертизы муниципальных нормативно-правовых актов, выделяет ее отдельные признаки, такие как публично-правовой характер, необходимость наличия специальных познаний и опыта профессиональной деятельности в исследуемой области, обязательность формирования письменного заключения и др. [9, с. 13].

Правовую экспертизу как технологию реализации нормотворческого процесса рассматривают такие авторы, как А.И. Абрамова, А.С. Пиголкин, Т.Н. Рахманина. Исследователи отмечают высокую значимость правовой экспертизы для развития юридической науки и правовой практики, а также для оптимизации решения государственных задач на самом высоком уровне [2, с. 225].

Еще дальше в своих исследованиях явления правовой экспертизы идет О.А. Короткова, акцентируя внимание на экс-

пертизе законодательства и утверждая, что это отдельный вид профессиональной деятельности, осуществляющийся лицами, имеющими необходимые компетенции в области исследования норм закона и уполномоченные готовить экспертные заключения прикладного характера, касающиеся доработки или переработки законопроекта с целью приведения его в соответствие с действующим законодательством и актуальным состоянием и науки, и практики [8, с. 20-21]. По мнению автора, законодательная экспертиза – это один из важнейших технологических этапов подготовки нового закона. Имеющая всегда конечной целью совершенствование действующего законодательства.

Акцент на необходимость и полномочия давать специальное заключение по итогам экспертизы указывают такие исследователи, как Т.В. Кашанина и А.В. Ермакова, отмечая, что возможные последствия принятия того или иного законопроекта невозможно просчитать, проводя только правовую экспертизу. Кроме того, А.В. Ермакова делает акцент на антикоррупционной экспертизе, предлагая считать ее не только самостоятельным правовым институтом, но также обособленным видом исследования, имеющим свой предмет, объект, методы, цели, а также специальной государственной функцией, указывая тем самым, на необходимость закрепления экспертизы законодательных актов в качестве функции отдельных государственных органов и должностных лиц [4, с. 40]. Похожей позиции придерживается Ю.Г. Арзамасов, указывая на технологическую суть экспертизы и на необходимость ее реализации конкретными ведомствами, разрабатывающими нормативно-правовые акты [3, с. 135].

В исследовании А.В. Малько при разработке понятия правовой экспертизы встречаем ее толкование в качестве средства правовой политики, поскольку результатом экспертизы становится принятие важных решений в юридической сфере, влияющих на поддержание или, наоборот, изменение всего политического курса [10, с. 151-152].

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет выделить существенные черты экспертизы как правового явления. К ним относятся следующие:

1) экспертиза – это, прежде всего, исследование;

2) субъектами экспертизы являются эксперты, обладающие необходимыми компетенциями в исследуемой области;

3) экспертиза – сама по себе, это технология, для которой должен быть законодательно закреплён определенный регламент;

4) в ходе экспертизы происходит установление соответствия исследуемого объекта действующим нормам права, требованиям объективности, справедливости, законности, рациональности, своевременности и обоснованности;

5) результатом экспертизы является экспертное заключение, выполненное в письменной форме и отвечающее технологическим требованиям к его структуре и содержанию;

6) экспертное заключение должно отвечать на все поставленные в качестве основных задач исследования вопросы;

7) результаты экспертного заключения являются необходимым условием разработки и принятия управленческого решения в области, к которой относится объект экспертизы.

Стоит отметить, что экспертиза, не смотря на свою исследовательскую природу, все же существенно отличается от научного исследования. В первую очередь, экспертиза, как правило, проводится не с научной целью, а с целью обоснования принятия решения в одной из отраслей социальной практики, она всегда ориентирована на практическую полезность действия. В то же время, любое научное исследование направлено на получение нового научного знания.

Кроме того, цели, задачи и методы экспертного исследования напрямую зависят от целей заказчика и характеристик объекта исследования. Иными словами, в ходе проведения экспертизы научные методы и средства применяются не с целью обогащения науки, но с целью выполнения задач, поставленных

заказчиком. Оформление результатов экспертизы также подчиняется определенным правилам и регламентам, в отличие от результатов научного исследования, где сам ученый является субъектом и инициатором исследования.

Также необходимо отметить, что методики, применяемые для проведения экспертизы, как правило, имеют универсальный характер и служат решению типовых задач, в отличие от методов научного исследования.

Среди важнейших признаков экспертизы как правового явления необходимо обязательность письменного закрепления результатов экспертизы в виде документа как материального носителя сведений, представленных экспертом по итогам его правового анализа.

К важнейшим недостаткам правового регулирования экспертизы проектов и действующих нормативно-правовых актов, как и к правовой экспертизе, в целом, можно отнести отсутствие на федеральном уровне в законодательстве единого определения данного явления, не закреплённость регламента проведения, а также нерешённость вопроса относительно утверждения универсальной технологии определения статуса эксперта как лица, могущего осуществлять правовую экспертизу и отдельные ее виды.

Кроме того, единого определения экспертизы, правовой экспертизы и экспертизы проектов и нормативно-правовых актов нет и в науке, что также затрудняет процесс систематизации знания о видах и процедурах экспертизы. Однако общим как для науки, так и для юридической практики является понимание экспертизы как необходимого, независимого, объективного инструмента определения качества исследуемого объекта и как способа совершенствования процесса принятия решений в различных областях человеческой деятельности.

Библиографический список

1. Апт Л.Ф. Правовая экспертиза как фактор повышения качества законодательного материала в Российской Федерации // Юридическая техника. – 2014. – № 8. – С. 75-80.
2. Абрамова А.И., Пиголкин А.С., Рахманина Т.Н. Законотворчество в Российской Федерации: научно-практическое и учебное пособие / Под ред. А.С. Пиголкина. Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. – М.: Формула права, 2000. – 604 с.
3. Арзамасов Ю.Г. Теория и практика ведомственного нормотворчества в России: монография. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 477 с.
4. Ермакова А.В. Антикоррупционная экспертиза как элемент законодательного процесса в

субъектах Российской Федерации: на примере субъектов Российской Федерации, входящих в Южный федеральный округ: дис. ... канд. юрид. наук. – М.: Московский гуманитарный университет, 2014. – 185 с.

5. Журкина Е.В. Правовая экспертиза нормативного правового акта как средство повышения эффективности законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. – М.: Московская гос. юрид. акад., 2009. – 178 с.

6. Зелепукин А.А. Проблемы эффективности российского законодательства: дис. канд. юрид. наук. – Саратов: Саратовская гос. акад. права, 2000. – 233 с.

7. Ким А.В. Правовая и антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов в территориальных органах Министерства юстиции Российской Федерации: административно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения, 2017. – 27 с.

8. Короткова О.А. Экспертиза законопроектов и законодательных актов: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. – М.: Ин-т гос. и права РАН, 2010. – 25 с.

9. Ломакина Н.В. Правовая экспертиза муниципальных правовых актов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М.: Росс. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ, 2013. – 22 с.

10. Малько А.В. Теория правовой политики: монография. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 325 с.

11. Мамитова Н.В. Правотворческая политика в современной России: курс лекций / под ред. А.В. Малько. – М.: Проспект, 2016. – 342 с.

12. Надеев Р.К. Правовая экспертиза законопроектов в Государственной Думе: учеб. пособие. – М.: Изд-во МГУ, 2005. – 78 с.

13. Пинчук Л.В. Криминологическая экспертиза законопроектов: дис. ... канд. юрид. наук. – М.: Московский ун-т МВД РФ, 2011. – 227 с.

14. Петренко А.В. Экспертиза как средство оптимизации правового регулирования: проблемы теории и практики: автореф. дис. канд. юрид. наук. – Пенза: Пенз. гос. ун-т, 2018. – 32 с.

15. Рагозин В.Ю. Правовая экспертиза законопроектов в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М.: Российская акад. гос. службы при Президенте РФ, 1998. – 166 с.

16. Разуваев А.А. Экспертиза как средство повышения эффективности процесса правореализации: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юр. наук. – Саратов: Саратовская гос. акад. права, 2006. – 229 с.

17. Ралдугин Н.В. Правовая экспертиза проектов федеральных законов. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1998. – 46 с.

18. Третьякова Е.С. Правовая экспертиза нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации: конституционно-правовое исследование на материалах деятельности территориальных органов Министерства юстиции в субъектах Российской Федерации в пределах Сибирского федерального округа: дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2010. – 253 с.

19. Чернова Е.С. Институт экспертизы как средство совершенствования юридической техники в правотворчестве ЦИК РФ: теоретический и историко-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар: КубГАУ, 2011. – 180 с.

20. Черногор Н.Н., Залоило М.В. Экспертиза в правотворчестве: проблемы правового регулирования и вопросы его совершенствования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 3 (43). – С. 100-108.

21. Чухвичев Д.В. Законодательная техника: учебное пособие. – М.: ЮНИТИ, Закон и право, 2012. – 415 с.

EXPERTISE AS A LEGAL PHENOMENON

A.S. Petrakova, *Candidate of Philosophical Sciences*

R.L. Popov, *Graduate Student*

V.A. Popova, *Graduate Student*

**Krasnodar Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation
(Russia, Krasnodar)**

***Abstract.** Expertise as a legal phenomenon began to develop in the late 19th century and quickly became the primary legal tool for analyzing social practice. Scholarly interest in the nature of expert examination emerged with the establishment of its legal regulation. However, despite numerous studies by scholars and practitioners, there is no unified understanding of expert examination today in either science or legislation. This article examines the essential features of expert examination as a legal phenomenon, identifying its essential characteristics and individual types found in both legal science and legislative practice. The study analyzes the specific characteristics of legal expert examination as a technology, research method, legal institution, and category of law. The study allowed the authors to formulate the key distinguishing features of expert examination as a legal phenomenon, establish the differences between expert examination in its applied and scientific and theoretical sense, and distinguish it from other types of research. Furthermore, the authors identified significant shortcomings in both the legal regulation of the expert examination process and the establishment of the legal status of experts.*

Keywords: *examination; research; expert; specialist; expert opinion; technology; regulations.*

РАССМОТРЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ СПОРОВ В СУДАХ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ

А.С. Пожиткова, студент

Е.Н. Баширина, канд. пед. наук, доцент

Уфимский университет науки и технологий
(Россия, г. Уфа)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-166-170

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ особенностей рассмотрения земельных споров судами общей юрисдикции в Российской Федерации. Рассматриваются категории земельных споров, подведомственные данной судебной системе, процессуальные особенности их рассмотрения, а также, актуальные вопросы правоприменительной практики, возникающие при рассмотрении судебных споров, а конкретно, при определении надлежащих сторон спора, доказывании обстоятельств дела. Отдельное внимание уделяется анализу динамики судебной статистики за последние годы с целью выявления ключевых тенденций и наиболее проблемных категорий дел.

Ключевые слова: земельные споры; суды общей юрисдикции; подведомственность; земельное законодательство; судебная практика.

Земельные отношения являются одной из критических областей общества, которые влияют на экономические, социальные и экологические интересы. Из-за ограниченной доступности земли и ее высокой стоимости, земельные споры занимают важное место в судебной практике и являются актуальными по сей день и час. Эффективное урегулирование разноплановых земельных споров необходимо для обеспечения стабильных земельных отношений, защиты прав и законных интересов как самих граждан, так и юридических лиц; тех, кто участвует в земельных отношениях. А также для устойчивого экономического развития страны.

Суды общей юрисдикции (районные, городские, мировые суды) выступают ключевым элементом системы правосудия в этой сфере, рассматривая подавляющее большинство конфликтов, в которых одной из сторон являются физические лица. Судебная система занимается рассмотрением широкого круга связанных с землей дел, начиная от споров о правах на землю, неправильно построенных заборах или ветках, которые загораживают проезд, и заканчивая защитой нарушенных прав граждан и организаций.

Вопрос о том, какой именно суд уполномочен рассматривать тот или иной спор (вопрос подведомственности), является первостепенным и часто определяющим для дальнейшего движения дела.

Суды общей юрисдикции руководствуются статьей 22 Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ). В их ведении находятся

споры, вытекающие из гражданских, семейных, земельных, экологических и иных правоотношений, в которых участвуют граждане, не имеющие статуса индивидуального предпринимателя, а также споры, не связанные с предпринимательской деятельностью [1].

Ключевые категории дел в СОЮ:

1. Споры о признании права собственности на земельный участок.
2. Споры об установлении границ земельных участков (межевые споры).
3. Споры об устранении препятствий в пользовании участком (негаторные иски).
4. Споры, связанные с определением порядка пользования земельным участком.
5. Споры с участием садоводческих и огороднических товариществ.
6. Споры о возмещении убытков, причиненных в результате нарушения земельного законодательства.
7. Оспаривание действий (бездействия) органов государственной власти и местного самоуправления в сфере земельных отношений, если эти действия затрагивают права граждан (например, отказ в предоставлении участка, решение об изъятии) [2].

Арбитражные суды действуют на основании статьи 27 Арбитражного процессуального кодекса РФ (АПК РФ). Их юрисдикция распространяется на экономические споры и иные дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями [3].

Ключевые категории дел в Арбитражных судах:

1. Споры между юридическими лицами об аренде земельных участков, используемых в коммерческих целях.

2. Споры, связанные с применением последствий недействительности сделок с землей в предпринимательской деятельности.

3. Споры о возмещении убытков, причиненных субъекту предпринимательской деятельности действиями государственных органов.

Споры между юр. лицами и ИП, связанные с реализацией их коммерческой деятельности, обычно разрешаются арбитражными судами. Например, споры по поводу выбора арендной платы за аренду земли, используемой в коммерческих целях, споры по поводу решений органов власти, регулирующих вопросы, связанные с коммерческим использованием земли и т.д.

В некоторых случаях, необходимо правильно провести грань между, казалось бы, похожими делами. Земельные споры необходимо отграничивать от дел, возникающих из публичных правовых отношений:

- по жалобам на действия или решения органов государственной власти, органов местного самоуправления, учреждений, предприятий или их объединений, должностных лиц (например, судебное обжалование действий, ущемляющих права и законные интересы лиц, не присутствующих при проведении землеустроительных работ на местности, либо решений исполнительных органов государственной власти или органов местного самоуправления об установлении ограничений прав на землю);

- по жалобам на действия органов и должностных лиц, осуществляющих государственный земельный контроль, в связи с нарушением административных взысканий за допущенные нарушения земельного законодательства;

- об оспаривании законности нормативных правовых актов, регулирующих земельные отношения (ст. 61 ЗК РФ) [4].

Разобраться, какой суд: общей юрисдикции или арбитражный - должен рассматривать земельный спор, крайне важно. Ошибка в определении подведомственности влечет за собой отказ в принятии искового заявления, что приводит к потере времени и усложняет дальнейшую защиту нарушенных прав. Поэтому, прежде чем подавать иск, необходимо точно определить, какой суд компетентен в данной

ситуации. Ведь от этого зависит, будет ли вообще рассмотрено ваше дело и, в конечном итоге, справедливо ли будет разрешен спор. Ключевое тут - правильно определить характер спора и его участников.

В земельных спорах важное значение имеет определение предмета доказательства. Предметом доказательства является совокупность фактов, имеющих юридическое значение для дела, определение которых необходимо для принятия законного и мотивированного решения. Чёткое понимание этих фактов – это компас, который помогает истцу и ответчику не заблудиться в дебрях земельного законодательства и привести суд к правильному решению, основанному на законе.

Доказательства обычно включают:

- существование права на землю от истца и (или) ответчика (имущественные права, право на постоянное (бессрочное) пользование, право на наследуемое имущество, право на аренду);

- нарушение прав ответчика;

- сумма причиненного ущерба (в случае предъявления иска о возмещении убытков);

- другие обстоятельства, относящиеся к делу.

Говоря о самих доказательствах, требуется сказать и об особенностях использования некоторых из них: письменные доказательства: играют первостепенную роль. К ним относятся правоустанавливающие документы, кадастровые паспорта и планы, межевые дела, документы о проведении согласования границ, переписка сторон. Заключение эксперта: ввиду технической сложности многих земельных вопросов, суд часто назначает судебные экспертизы (ст. 79 ГПК РФ). Наиболее распространены: землеустроительная экспертиза: для установления точных границ участка, определения их соответствия кадастровым данным, выявления фактов самозахвата: кадастровая экспертиза: для проверки правильности кадастрового учета и внесенных в ЕГРН сведений; оценочная экспертиза: для определения рыночной или кадастровой стоимости участка, расчета размера убытков; экологическая экспертиза: для установления факта деградации земель, загрязнения почвы и оценки причиненного экологического вреда.

Заключение эксперта не имеет для суда заранее установленной силы и оценивается в совокупности с другими доказательствами по делу (ст. 86 ГПК РФ).

Доказательством в спорах по законным основаниям может быть любая информация, на основе которой суд определяет наличие или отсутствие обстоятельств, оправдывающих претензии и возражения сторон, а также другие обстоятельства, имеющие отношение к надлежащему рассмотрению и разрешению дела (статья 55 ГПК РФ).

На практике правоохранительные органы рассматривают различные земельные споры в судах общей юрисдикции, которые поднимают ряд актуальных вопросов, требующих особого внимания.

Землепользование может привести к ситуациям, когда действия или бездействие сторон в экономических отношениях могут нарушать права и интересы других. Например, осуществляется несанкционированная конфискация земли, нарушение условий аренды, не приведение земли в надлежащее состояние. Возникающая по этому поводу полемика и являются содержанием земельных споров [5].

Обратимся к ключевым изменениям в земельном законодательстве. С наступлением весны 2025 года, а именно с 1 марта, вступил в законную силу Федеральный закон № 307-ФЗ, принятый 8 августа предыдущего года. Этот нормативный акт вводит трехлетний период для подготовки к использованию земельных участков, находящихся в границах населенных пунктов, а также садовых и огородных участков [6].

Человек получит дополнительные 3 года для выполнения всех необходимых работ и приготовления к использованию (очистить от мусора, высушить, выровнять почву и т.д.). В течение этого периода, пока владелец разви-

вает землю, он не может быть привлечен к ответственности за неправомерное использование земли, поскольку он еще не начал ее использовать. После этого срока, человек уже начинает использовать земельный участок для своей цели – построить дом, торговля, рекреационные объекты, выращивать сельскохозяйственную продукцию и т.п. С тех пор владелец несет полную ответственность за неиспользование или захламливание земли.

В краткосрочной перспективе (2025-2026 гг.) вероятно снижение количества дел, связанных с административной ответственностью за неиспользование земельных участков. Однако к началу 2028 года, по истечении переходного периода, может произойти обратный всплеск исков со стороны контролирующих органов, если собственники не приведут свои участки в надлежащее состояние.

В 2024 году наблюдается высокий уровень активности судебных разбирательств по вопросам земельных и имущественных прав в области земельных отношений. Большинство разрешенных дел заканчивается удовлетворительно, но процент отклонений сильно варьируется в зависимости от типа спора.

Анализ земельных споров, рассмотренных судами в 2024 году, выявил ряд тенденций [7]. Во-первых, наибольшее число дел связано с спорами, возникающими в связи с арендой земли (26196), что указывает на наличие существенных проблем в договорных отношениях землепользования. Высокий процент удовлетворенных претензий в этой категории может указывать на преобладание нарушений арендной платы арендаторами или домовладельцами.

Таблица. Судебная статистика по рассмотрению земельных споров

Показатель	Рассмотрено	Удовлетворено	Отказано	Судебные приказы
О признании права собственности на садовые участки и объекты недвижимости	16 190	15 061	1 129	0
О признании права собственности на невостребованные земельные участки в составе земель сельскохозяйственного назначения	8 902	8 200	702	16
О признании недействительным решений об изъятии земельных участков для государственных или муниципальных нужд и определении их выкупной цены	2 059	1 964	95	0
О возмещении убытков, причиненных нарушением прав на землю	1 025	950	75	712
Дела по искам садоводческих организаций, связанные с членством и использованием земельными участками	14 459	14 010	449	8 466
О признании недействительным решения общего собрания садоводческих организаций, связанного с землепользованием	1 367	783	584	0
Об устранении препятствий в пользовании земельными участками и объектами недвижимости	3 930	2 806	1 124	0
Споры, связанные с самовольной пристройкой	10 382	7 662	2 720	0
Споры о правах на земельные участки, на которых расположены многоквартирные дома	152	120	32	0
Споры, вытекающие из договора аренды земельных участков	26 196	24 357	1 839	13 090

Во-вторых, правовой статус садовых земель и земельных участков в составе земель сельскохозяйственного назначения остается актуальным. Значительное число случаев признания прав собственности (16190 и 8902) указывает на необходимость совершенствования законодательства и правоприменительной практики в этих областях.

В-третьих, имеется высокий процент удовлетворенных исков по делам, связанным с конфискацией земель для общественных или муниципальных целей (1964 из 2059). Это ставит вопрос о нахождении баланса между интересами государственных и частных владельцев при осуществлении изъятия, а также о качестве документации, оправдывающей необходимость изъятия.

В-четвертых, значительное число случаев с участием садоводческих товариществ (14459)

указывают на проблемы в отношениях между членами и самими организациями, в частности в том, что касается членства и землепользования. Кроме того, наличие большого числа постановлений в этой категории (8466) может указывать на то, что значительная часть споров может быть разрешена в досудебном порядке.

Наконец, следует отметить, что присутствует также незначительно, но оттого не менее важное число споров, затрагивающих прав на землю, на которой расположены многоквартирные дома, которые, в свою очередь, связаны как с действующим законодательством, регулирующим отношения в этой области, так и с отдельными физическими и юридическими лицами.

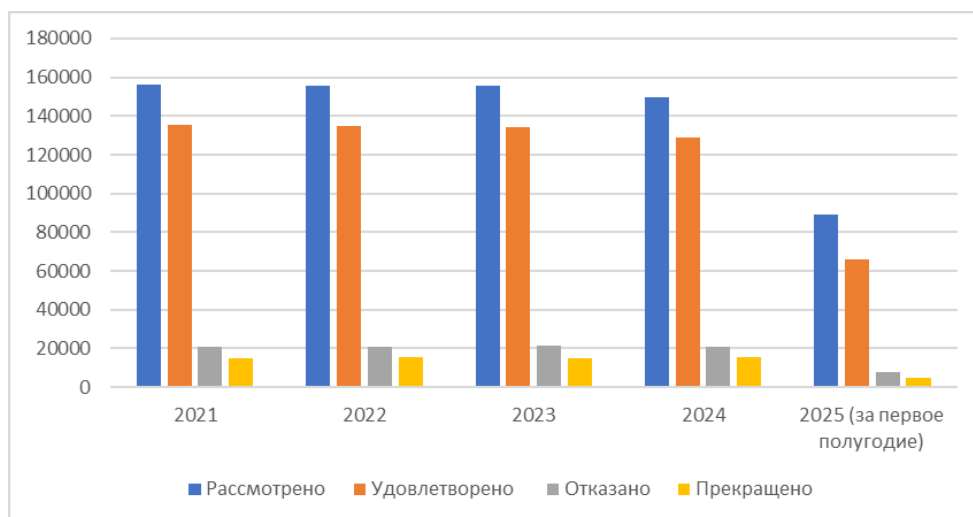

Рисунок. Земельные споры в РФ на период с 2021 г. по 2025 г.

Диаграмма демонстрирует динамику земельных споров в РФ с 2021 по 2024 год и половину 2025 года. Общее количество рассмотренных дел колеблется незначительно, оставаясь в диапазоне примерно от 150 до 160 тысяч ежегодно. Это свидетельствует о стабильном уровне конфликтности в сфере земельных отношений. При этом, количество удовлетворенных исков существенно ниже - в среднем около 130-140 тысяч в год. Доля отклоненных и прекращенных дел сравнительно невелика, составляя, как правило, менее 20 тысяч исков в год для каждой из этих категорий. Соотношение примерно 160 тыс. рассмотренных дел и 130 тыс. удовлетворенных подразумевает, что примерно в 18% случаев истцу не удается

добиться желаемого решения. В 2025 ожидается, что общее количество земельных споров останется на стабильно высоком уровне, сопоставимом с 2023-2024 годами (порядка 150-160 тысяч дел в год). Это связано с продолжающейся активностью в сфере оборота недвижимости, а также с действием новых законодательных норм. Такая статистика подчеркивает необходимость дальнейшего анализа причин такого исхода, включая возможные недостатки в доказательной базе, пробелы в законодательстве или неэффективность правоприменительной практики.

Если же говорить о мировых практиках, то следует сказать о том, что в России и Европе присутствует ряд отличий, касаемых разреше-

ния земельных споров. В РФ акцент на компенсациях за изъятие, правах собственности и границах, что связано с перераспределением ресурсов и законодательными изменениями. В Европе – экологические нормы и градостроительные ограничения, отражающие фокус на устойчивое развитие. Различаются и механизмы разрешения: в России суды, в Европе – альтернативные способы. Это демонстрирует,

что земельные споры отражают социально-экономические процессы каждой страны.

Таким образом, рассмотрение земельных споров судами общей юрисдикции остается основным механизмом защиты прав на землю для граждан в Российской Федерации. Несмотря на стабильно высокую нагрузку, суды в целом успешно справляются с разрешением широкого спектра конфликтов - от арендных споров до сложных дел об изъятии земель.

Библиографический список

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/.
2. Афанасьев С.Ф. Земельные споры: понятие и особенности рассмотрения в суде / С.Ф. Афанасьев, Т.В. Волкова // Правовая культура. – 2018. – № 4 (35). – С. 79-85. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://legal-culture.sarrpa.ru/images/legalculture/PDF/4-2018/079-086-Afanasev-SF-Volkova-TV.pdf>.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/.
4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 31.07.2025). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/.
5. Фролов, С.А. Особенности судебного порядка рассмотрения земельных споров / С.А. Фролов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2017. – № 10-2. – С. 44-47. – EDN ZIACTZ.
6. Федеральный закон от 08.08.2024 N 307-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и статью 23 Федерального закона «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/85979.html>.
7. Агентство правовой информации: официальный сайт. Судебная статистика. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/gr/t/22/s/0>.

CONSIDERATION OF LAND DISPUTES IN COURTS OF GENERAL JURISDICTION

A.S. Pozhitkova, Student

E.N. Bashirina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Ufa University of Science and Technology

(Russia, Ufa)

Abstract. *The article provides a comprehensive analysis of the specifics of the consideration of land disputes by courts of general jurisdiction in the Russian Federation. The categories of land disputes subordinated to this judicial system, the procedural features of their consideration, as well as topical issues of law enforcement practice arising during the consideration of judicial disputes, and specifically, when determining the appropriate parties to the dispute, proving the circumstances of the case, are considered. Special attention is paid to analyzing the dynamics of judicial statistics in recent years in order to identify key trends and the most problematic categories of cases.*

Keywords: *land disputes; courts of general jurisdiction; jurisdiction; land legislation; judicial practice.*

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ИЗЪЯТИЮ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД В ГОРОДЕ МУРАВЛЕНКО

И.А. Полодъев, студент

Научный руководитель: В.В. Недорезков, канд. юрид. наук, доцент

Уфимский университет науки и технологий
(Россия, г. Уфа)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-171-175

Аннотация. В настоящее время в период активного жилищного строительства и развития благоустройства городов изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд является востребованным, а в ряде случаев единственным инструментом, позволяющим решать поставленные перед городскими администрациями задачи по развитию городов. Несмотря на то, что процедура изъятия недвижимости регламентирована действующим законодательством, на практике суды могут по-разному толковать нормы права, регулирующие изъятие. В настоящей статье будут рассмотрены особенности судебной практики по изъятию недвижимости для государственных и муниципальных нужд в городе Муравленко Ямало-Ненецкого автономного округа.

Ключевые слова: изъятие земель; земельный участок; изъятие для государственных и муниципальных нужд; изъятие недвижимости; территориальное планирование.

Споры по вопросам изъятия земельных участков из частной и иных форм собственности начали появляться с возникновением вещных правоотношений, так как по своей сути право субъекта в отношении земельного участка является правом вещным, что согласуется с различными правовыми системами в мире. Так, определение вещного права на земельный участок было дано ещё в английском праве в судебном решении по делу *National Provincial Bank Ltd v. Ainsworth* в 1965 году [16]. Определение прав на земельный участок как вещных прав согласуется с римской системой права: в российской системе права земельный участок в силу ч. 1 ст. 130 ГК РФ является вещью недвижимой [2], а значит в отношении земель применяются нормы вещных прав.

Учитывая, что земельный участок является вещью, которая может входить в состав имущества субъекта гражданских прав, принудительное отчуждения у данного субъекта имущества по общему правилу не допускается, за исключением особых случаев. Согласно п. 3 статьи 35 Конституции Российской Федерации «никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено

только при условии предварительного и равноценного возмещения» [1].

Главной причиной необходимости изъятия земельных участков для нужд государства является превосходство в каждом конкретном случае публичных интересов над интересами частного лица относительно вещи. Согласно Земельному кодексу Российской Федерации (далее – ЗК РФ) «изъятие земельных участков для государственных или муниципальных нужд осуществляется в исключительных случаях» [3]. Таким образом, в действующем законодательстве допускается нарушение частных вещных прав на земельные участки и иную недвижимость в пользу публичных интересов, но при условии равноценности возмещения за нарушенное частное право.

Сам факт «исключительности изъятия принадлежащей субъекту вещи» подразумевает необходимость строгого правового регулирования процедуры изъятия: перечень случаев, при которых изъятие является допустимым, должно быть ограничено; регламентированная процедура изъятия должна быть соблюдена субъектом, изымающим вещь, в полном объеме; возмещение должно являться равноценным.

Важно отметить, что в соответствии с принципами единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объек-

тов, предусмотренных Земельным кодексом, изъятие земельных участков рассматривается действующим правом во взаимосвязи с изъятием объектов капитального строительства, расположенных на изымаемом земельном участке.

Действующее правовое регулирование непосредственного изъятия земельных участков и объектов недвижимости для государственных и муниципальных нужд содержится в нескольких правовых документах. Так, основы изъятия земельных участков и объектов недвижимости содержатся в земельном кодексе (статьи 49, 54, 54.1, 56, 56.1-56.12 Земельного кодекса РФ) [3], гражданском кодексе (статьи 235, 239, 239.2, 279, 281-284 Гражданского кодекса РФ) [2], градостроительном кодексе (статьи 26, 41, 45, 65, 68 Градостроительного кодекса РФ) [4], жилищном кодексе (статьи 32, 87.2 Жилищного кодекса РФ) [5]. Вопросы изъятия могут регулироваться иными нормами, например: вопросы ипотеки регулирует законодательство об ипотеке (статья 41 Федерального закона от 16.07.1998 N 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» [6]); вопросы снятия ипотеки на изъятое имущество или вопросы замены предмета залога при изъятии путем предоставления другой вещи регулируется законом о государственной регистрации (статья 60 Федерального закона от 13.07.2015 N 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [7]); вопросы оценки размера возмещения за изъятие регулирует закон об оценочной деятельности (статьи 8, 11, 12 Федерального закона от 29.07.1998 N 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» [8]).

Таким образом, вопросы изъятия земельных участков и недвижимости регулируется большим количеством нормативных документов, что в ряде случаев создает сложность их правоприменения судами в системном толковании.

В силу исключительной подсудности спора о праве на земельные участки и объекты недвижимости рассмотрение споров об изъятии земельных участков для муниципальных нужд в городе Муравленко осуществляется Арбитражным судом Ямало-Ненецкого автономного округа и Муравленковским город-

ским судом Ямало-Ненецкого автономного округа.

В процессах рассмотрения споров Арбитражным судом Ямало-Ненецкого автономного округа и Муравленковским городским судом Ямало-Ненецкого автономного округа можно выделить следующие особенности толкования судами действующего законодательства об изъятии земельных участков и объектов недвижимости.

Во-первых, суды обращают внимание на обязательность соблюдения лицами, осуществляющими изъятие, предусмотренной процедуры изъятия, в противном случае в удовлетворении исковых требований об изъятии может быть отказано, тогда как точное соблюдение процедуры изъятия избавляет от возможных негативных последствий (например, от признания соглашения об изъятии недействительным).

Так, Арбитражным судом Ямало-Ненецкого автономного округа по делу А81-12994/2024 в удовлетворении иска было отказано в полном объеме в связи с существенным нарушением процедуры изъятия земельного участка [9]. В данном споре суд под существенным нарушением процедуры изъятия земельного участка принял неправильно составленную и представленную администрацией города экспертизу о стоимости изымаемой недвижимости. Однако суд апелляционной инстанции назначил судебную экспертизу [10]. Таким образом, оценка эксперта, вызывающая у суда или у сторон процесса сомнения относительно ее достоверности, не является сама по себе существенным нарушением процедуры изъятия земельного участка, однако может быть расценена таковой судами, что необходимо иметь в виду при подготовке оценки изымаемых объектов недвижимости для муниципальных нужд.

На необходимость соблюдения процедуры изъятия земельного участка и объектов недвижимости обращают внимание суды общей юрисдикции. Так, в решении Муравленковского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 04.04.2025 года по делу 2-53/2025 сформирована правовая позиция, согласно которой при условии соблюдения Администрацией города Муравленко, предусмотренной статьями 56.2, 56.7, 56.8, 56.10 Земельного кодекса РФ процедуры изъятия

оспаривание заключенного соглашения об изъятии исключительно по мотиву несоблюдения процедуры изъятия неправомерно [11]. Аналогичные позиции сформированы в решении Муравленковского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 27.12.2025 года по делу 2-544/2024 [12], в решении Муравленковского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 27.12.2025 года по делу 2-543/2024 [13].

Таким образом, точное соблюдение процедуры изъятия земельного участка является важным и юридически значимым обстоятельством, который находится во внимании судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Во-вторых, суды акцентируют внимание на то, что в отношении земельных участков и объектов недвижимости, находящихся в собственности, изъятие является обязательным вне зависимости от каких-либо иных обстоятельств (например, даже если у собственника изымаемого объекта недвижимости прекратилось право на земельный участок по различным обстоятельствам). Так, Арбитражный суд Западно-Сибирского округа при рассмотрении кассационной жалобы ИП Ахмедова В.Т.о. отменил решение Арбитражного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 13.05.2024 и постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 23.07.2024 по делу № А81-3289/2024 в связи со следующим.

Суды первой и апелляционной инстанции при рассмотрении в арбитражном деле № А81-3289/2024 требования предпринимателя обязать Администрацию города заключить с ним договор аренды без проведения торгов отказали в иске, указав, что в соответствии со ст. 39.16 Земельного кодекса РФ имелись основания для отказа в предоставлении истцу земельного участка (имелась документация о планировке территории, земельный участок являлся участком общего пользования) [14]. Однако в Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 05.12.2024 по делу А81-3289/2024 отмечено неверное толкование нижестоящими судами норм материального права: «земельное законодательство исходит из приоритета положений статьи 39.20 Земельного кодекса РФ над иными нормами земельного законодательства, включая пункты 2, 5, 14 статьи 39.16 Земельного ко-

декса РФ, согласно которой исключительность указанного права означает, что никто кроме собственника здания, строения, сооружения такого объекта не вправе приватизировать или приобрести в аренду земельный участок, занятый этим объектом и необходимый для его использования» [15]. Также Арбитражный суд Западно-Сибирского округа обратил внимание, что «до начала строительства или реконструкции объектов федерального, регионального или местного значения в соответствии с утвержденными документами территориального планирования и (или) документацией по планировке территории должна быть произведена в установленном статьями 279-282 Гражданского кодекса РФ, положениями главы VII.1 Земельного кодекса РФ порядке процедура изъятия у собственников для государственных или муниципальных нужд как объектов недвижимости, так и права аренды земельного участка, на котором они расположены» [15].

В-третьих, судебная практика относительно изъятия земельных участков и недвижимости в городе Муравленко выработала особенности относительно вопросов назначения судебной экспертизы для определения стоимости возмещения за изъятие. Так, в силу положений ст. 171 гражданского процессуального кодекса РФ, которая говорит о том, что при назначении судебной экспертизы эксперт предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, суды отдают большее предпочтение именно судебным экспертизам, чем отчетам об оценке, представляемых сторонами процесса. При этом законодатель предоставил судам дискреционные полномочия по выбору конкретных экспертных учреждений, в связи с чем стороны не вправе существенно повлиять на выбор в пользу конкретного эксперта (стороны по общему правилу не вправе обжаловать выбор судом конкретного эксперта, за исключением, если стороной заявляется отвод эксперта в предусмотренном порядке). Данное обстоятельство вызывает особенность судебной практики по изъятию в Муравленко: районный суд на регулярной основе назначает судебную экспертизу по оценке стоимости возмещения за изъятие жилых помещений (квартир в аварийных многоквартирных домах) одному конкретному эксперту, а именно: экс-

перту ООО «ЦН Экспо «Арус». Как правило, в определениях о назначении экспертизы суды преимущественно никак не мотивируют причину выбора данного эксперта. Например, в определении Муравленковского городского суда от 29.12.2025 года по делу 2-18/2026 (2-296/2025) отмечено, что не видит существенных причин для назначения экспертизы другим экспертам, а не экспертам ООО «ЦН Экспо «Арус» [17]. При этом, как показывает судебная практика, предложение иных экспертных учреждений также не влияет на выбор эксперта.

Для решения подобной проблемы считаем необходимым и возможным: заявлять встречное ходатайство о назначении судебной экспертизы с внесением денежных средств за проведение экспертизы на депозит суда; заявление ходатайства о проведении повторной экспертизы с внесением денежных средств за проведение повторной экспертизы на депозит суда и представлением в суд рецензий на су-

дебную экспертизу; заявление экспертных организаций с положительной судебной практикой (судебной практикой, при которой судебная экспертиза устояла).

На основании изложенного, при осуществлении изъятия земельных участков и объектов недвижимости для государственных и муниципальных нужд необходимо учитывать перечисленные выше особенности системного толкования судами нормативно правовых актов об изъятии объектов недвижимости, в частности: необходимо неукоснительно соблюдать процедуру изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд; необходимо учитывать приоритет права собственников объектов капитального строительства на земельные участки, на которых эти объекты расположены; необходимо учитывать особенность судебной практики и приоритет судов при выборе экспертных учреждений.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/>.
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/>.
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/>.
4. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/>.
5. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 188-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/>.
6. Федеральный закон от 16.07.1998 N 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/>.
7. Федеральный закон от 13.07.2015 N 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/>.
8. Федеральный закон от 29.07.1998 N 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/>.
9. Решение Арбитражного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 22 марта 2025 по делу А81-12994/2024 // Картотека арбитражных дел. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/1d12b5da-71fe-433a-915e-77a3f51c32f2/>.
10. Определение Восьмого арбитражного апелляционного суда от 11.09.2025 по делу А81-12994/2024 // Картотека арбитражных дел. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/1d12b5da-71fe-433a-915e-77a3f51c32f2/>.

11. Решение Муравленковского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 04.04.2025 года по делу 2-53/2025 // Официальный сайт Муравленковского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://muravlenkovsky--y nao.sudrf.ru/>.

12. Решение Муравленковского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 27.12.2025 года по делу 2-544/2024 // Официальный сайт Муравленковского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://muravlenkovsky--y nao.sudrf.ru/>.

13. Решение Муравленковского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 27.12.2025 года по делу 2-543/2024 // Официальный сайт Муравленковского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://muravlenkovsky--y nao.sudrf.ru/>.

14. Определение Восьмого арбитражного апелляционного суда от 23.07.2024 по делу А81-3289/2024 // Карточка арбитражных дел. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/e6509d1b-7eeb-4a08-ac8c-4960a7647731/>.

15. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 05.12.2024 по делу А81-3289/2024 // Карточка арбитражных дел. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/e6509d1b-7eeb-4a08-ac8c-4960a7647731/>.

16. Семякина А.В. Вещные права на земельные участки в РФ и Великобритании: догматический подход против прагматизма / А.В. Семякина // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 7 (128). – С. 179-191. – DOI 10.17803/1994-1471.2021.128.7.179-191. – EDN TQYTSS.

17. Определение Муравленковского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 29.12.2025 года по делу 2-18/2026 (2-296/2025) // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

FEATURES OF JUDICIAL PRACTICE ON THE SEIZURE OF LAND FOR MUNICIPAL NEEDS IN THE CITY OF MURAVLENKO

I.A. Polodyev, Student

Supervisor: *V.V. Nedorezkov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

**Ufa University of Science and Technology
(Russia, Ufa)**

***Abstract.** Currently, during the period of active housing construction and urban improvement development, the seizure of land for state and municipal needs is in demand, and in some cases the only tool that allows solving urban development tasks assigned to city administrations. Despite the fact that the procedure for the seizure of real estate is regulated by the current legislation, in practice the courts may interpret the rules of law governing the seizure in different ways. This article will consider the specifics of judicial practice on the seizure of real estate for state and Municipal needs in the city of Muravlenko, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug.*

***Keywords:** land acquisition; land plot; seizure for state and municipal needs; seizure of real estate; territorial planning.*

СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ: ОБЪЕКТЫ, СОДЕРЖАНИЕ, ФОРМЫ И МЕТОДЫ КОНТРОЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н. Соболев, студент

Д.М. Полонский, канд. юрид. наук, доцент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, г. Белгород)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-176-180

***Аннотация.** В статье проводится анализ содержания понятия судебный контроль, раскрывается содержание понятий законность, способы обеспечения законности, а также описывается их соотношение между собой в сфере публичного администрирования. Освещаются актуальность вопросов исследования судебного контроля как одной из важных гарантий соблюдения прав и свобод личности, характеризуются признаки объектов, содержания, форм и методов контрольной деятельности.*

***Ключевые слова:** законность; публичное администрирование; судебный контроль; предмет судебного контроля; формы контроля; государственный контроль; методы контрольной деятельности.*

В системе конституционной защиты прав личности особое место и роль отводится судебной защите. При этом, ключевым принципом, на котором базируется российская система права, является принцип законности.

Мы неоднократно указывали, что законность это и фундаментальная юридическая категория и в тоже время комплексное юридико-правовое явление, отображающее юридическую связь права и власти, права и государства. Законность – это атрибут существования и развития демократически организованного общества, столь необходимый для обеспечения свободы и реализации прав граждан, осуществления демократии, деятельности гражданского общества, научно-обоснованного построения и рационального функционирования государства [1; 2].

Отметим, что современная действительность характеризуется наличием ряда кризисных явлений и сложных вызовов, негативно влияющих на обеспечение законности в деятельности субъектов публичной администрации. При чем, такая тенденция прослеживается не только в России, но и во многих, в том числе развитых, государствах в мире.

Наличие нерешенных проблем в обеспечении законности в государстве в перспективе неминуемо приведет к ухудшению состояния правопорядка, и как следствие, росту правонарушений, низкому уровню защищенности прав, свобод и законных интересов всех без

исключения участников общественных отношений. Состояние правопорядка непосредственно связано с уровнем обеспечения законности в государстве – это аксиома.

По нашему мнению, отдельного внимания заслуживает необходимость создания и укрепления системы разнообразных гарантий законности. Речь идет о создании единой системы мер, призванных стимулировать и обеспечивать соблюдение законов и поддержание правопорядка в государстве и обществе. В указанном аспекте под гарантиями законности понимаются определённые условия, меры, способы, факторы, обусловленные объективными закономерностями общественного развития, которые непосредственно обеспечивают законность и стабилизируют правопорядок или способствуют укреплению их состояния.

Следовательно, акцентируем на стабильно сохраняющейся актуальности всестороннего исследования такого многогранного феномена как законность, а также **переосмысления отдельных теоретических и практических вопросов обеспечения законности в деятельности субъектов** публичной администрации.

Основной закон РФ в ст. 15 утверждает базовый принцип обеспечения правового порядка в государстве и обществе: органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и

их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы.

В результате, в отечественной науке, сформировалась определённая концепция законности, которая состоит в неуклонном соблюдении законов и подзаконных актов всеми субъектами права.

При этом наличие у исследователей разных подходов к определению дефиниции законности отображают реальные, но разные стороны этого сложного явления. Отсюда считаем, что вполне естественным будет определению содержания законности через призму предмета исследуемых общественных отношений.

Считаем, что в деятельности публичной администрации законность имеет более четкое проявление как специфический правовой режим, при этом постараемся учесть существующие мнения о проявлении законности как основополагающего правового принципа.

Законность как принцип, например, обязывает суд, а также иных участников правоотношений строго руководствоваться требованиями закона и обеспечивать соблюдение правовых предписаний. Суд осуществляет контрольную деятельность в юридическом процессе, являясь независимым участником судопроизводства.

Понятие судебного контроля нередко встречается в научном обороте, а также в практической деятельности суда и правоохранительных органов. Одним из проблемных вопросов теоретико-правового характера судебного контроля в российской юридической науке является отсутствие законодательного определения судебного контроля, что, как считается, не позволяет установить существенное значение, которое придается такому виду государственного контроля. Вместе с тем, именно суду отводится ключевая роль и принадлежит право осуществлять контрольную деятельность при отправлении правосудия, реализуя тем самым одну из форм государственного контроля.

Понятие судебного контроля и надзора встречается в уголовно-процессуальной доктрине. Например, по мнению Б.А. Муминова: «Судебный надзор – это урегулированная законом деятельность вышестоящих судов по проверке законности, обоснованности и справедливости вступивших и не вступивших в силу решений нижестоящих судов. Деятель-

ность же суда, осуществляемая им в досудебном производстве, является судебным контролем» [3, с. 53]. По мнению автора, судебный контроль как форма государственного контроля осуществляется судом только на досудебной стадии, в остальных случаях в уголовном процессе имеет место судебный надзор.

В научной работе М.В. Колесникова приводится следующее определение судебного контроля: «Судебный контроль – это система предусмотренных процессуальным законодательством средств для реализации конституционных функций судебной власти, которые в конечном итоге направлены на предотвращение незаконного и необоснованного ограничения прав человека, а в случае нарушения этих прав – на восстановление этих прав или возможную компенсацию с помощью правовых средств» [4, с. 73]. Как отмечается М.В. Колесникова, осуществление судебного контроля является проявлением реализации одной из функций судебной власти, что является бесспорным достоинством рассматриваемого определения.

В другой научной работе высказывается следующая точка зрения относительно судебного контроля: «Судебный контроль за законностью правовых актов, решений, действий или бездействия органов государственной власти, местного самоуправления, общественных и иных организаций и должностных лиц называется судебным контролем» [5, с. 734].

В российской судебной практике в постановлениях судов также можно встретить использование такого термина как судебный контроль. Для примера проанализируем следующую выдержку из апелляционного постановления: «...по смыслу закона, рассмотрению в порядке ст.125 УПК РФ подлежат жалобы на такие действия и решения, которые требуют незамедлительного судебного контроля на досудебной стадии, с целью немедленного устранения возможных нарушений конституционных прав и интересов заявителя и обеспечения ему доступа к правосудию, при этом, не подлежат обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ действия (бездействие) и решения, проверка законности и обоснованности которых относится к исключительной

компетенции суда, рассматривающего уголовное дело по существу» [6].

Так, определяется, что целью судебного контроля является немедленное устранение возможных нарушений конституционных прав и интересов заявителя и обеспечения ему доступа к правосудию. В уголовном процессе все процессуальные институты основываются на учете высшей конституционной ценности прав и свобод человека и гражданина, потому процессуальная деятельность, реализуемая в ходе уголовного судопроизводства, не должна нарушать права и свободы человека и гражданина. Значение судебного контроля состоит в обеспечении соблюдения органами и должностными лицами при производстве по уголовному делу прав и свобод личности.

На основании изложенного, считаем, что к признакам судебного контроля могут быть отнесены следующие признаки:

– является разновидностью государственно-контрольной деятельности в юридическом процессе. Осуществление контрольной деятельности обеспечивает реализацию одного из важных направлений деятельности судебной власти – обеспечение соблюдения прав и свобод человека и гражданина, их судебную защиту;

– судебный контроль носит проверочный характер. Судебный контроль осуществляется путем проверки законности и обоснованности принятых решений органами и должностными лицами, их действий (бездействий), затрагивающих конституционные права личности на предмет законности и обоснованности такого решения, а именно: компетентности органа или должностного лица в принятии такого вида решения, его содержания, соответствия процессуальной формы. Сами решения органов власти и должностных лиц, их действия (бездействия) являются объектом судебного контроля;

– цель судебного контроля состоит в обеспечении правовой охраны и защиты конституционных прав личности.

Исходя из указанного, можно сделать вывод о том, что судебный контроль представляет собой деятельность суда по проверке законности и обоснованности решений органов и должностных лиц, действий (бездействий) при осуществлении судопроизводства по гражданским, административным и уголов-

ным делам, затрагивающих конституционные права личности.

Считаем, что значение судебного контроля состоит в том, что суд выступает одним из важных субъектов в системе конституционной защиты прав личности, а потому контрольная деятельность суда в юридическом судебном процессе состоит в необходимости обеспечения соблюдения права и свобод личности, пресечения нарушений со стороны органов и должностных лиц, при осуществлении ими государственно управленческих функций.

Судебный контроль может осуществляться судом в формах предварительного и последующего контроля. На примере уголовного судопроизводства есть возможность продемонстрировать особенности указанных форм контрольной деятельности суда.

Предварительный судебный контроль осуществляется на досудебной стадии уголовного судопроизводства и состоит в принятии решения о санкционировании действий органов и должностных лиц при производстве по уголовному делу. Судом осуществляется контроль за избранием мер процессуального принуждения и при производстве следственных действий. Одним из ярких проявлений судебного контроля является проверка законности избрания меры пресечения. Необходимость предварительного судебного контроля за избранием мер пресечения состоит в том, что они фактически устанавливают для обвиняемого/подозреваемого изоляцию от привычного общества, социума и образа жизни, и является, в определенном смысле жесткой мерой пресечения, применяемые в случае невозможности назначения альтернативной и более демократической меры пресечения. Например, лицо, подвергнутое заключению под стражу, испытывает пресекаательно-процессуальную меру, направленную на законное ограничение его свобод на определенный период времени. Подозреваемый/обвиняемый испытывает психологическое, нравственное, процессуальное ограничение.

Процессуальным полномочием предварительного контроля, который осуществляет суд в стадии досудебного разбирательства и судебного разбирательства до вынесения приговора, также можно считать положение п. 4 ст. 29 УПК РФ [7], закрепляющее полномочие

суда вынести частное определение и постановление при обнаружении нарушений прав и свобод человека и гражданина, допущенных при производстве дознания, предварительного следствия.

Осуществление прямого и косвенного судебного контроля в российском уголовном процессе также зачастую осуществляется судом до принятия итогового решения по уголовному делу. Прямой судебный контроль в отношении органов предварительного расследования выражается в непосредственном принятии судом решений о необходимости производства следственных действий, рассмотрений постановлений следователя о производстве следственного действия в исключительных обстоятельствах без получения судебного постановления.

Последующий судебный контроль состоит в проверке законности и обоснованности решений, принятых нижестоящими судебными инстанциями. Такой вид контроля существует в любой процессуальной форме отправления правосудия.

На основании изложенного, можно сделать вывод о том, что судебный контроль как разновидность государственного контроля представляет собой деятельность суда по проверке законности и обоснованности решений орга-

нов и должностных лиц, действий (бездействий).

Значение судебного контроля состоит в том, что суд выступает одним из важных субъектов в системе конституционной защиты прав личности, а потому контрольная деятельность суда необходима для обеспечения соблюдения прав и свобод личности, пресечения нарушений со стороны органов власти и должностных лиц, и тем самым она выступает гарантией обеспечения законности в деятельности субъектов публичного администрирования.

Также считаем, что дальнейшие исследования системы гарантий обеспечения законности в деятельности субъектов публичного администрирования неминуемо приводит к необходимости дальнейшего научного поиска в изучении факторов и условий, которые порождают или определяют нарушения законности в указанной сфере. То есть между этапом познания содержания и сущности законности в деятельности субъектов публичного администрирования и этапом разработки конкретных предложений по усовершенствованию ее обеспечения, в том числе по установлению системы гарантий, обязательным видится этап по изучению детерминации и причинности факторов, негативно влияющих на состояние законности.

Библиографический список

1. Полонский Д.М. Гарантии законности в деятельности субъектов публичного администрирования / Д.М. Полонский, Ю.М. Горячковская // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 8(224). – С. 123-125.
2. Полонский Д.М. О проблеме определения понятия законности в деятельности публичной администрации в России / Д.М. Полонский // *Nomothetika: Философия. Социология. Право.* – 2022. – Т. 47, № 1. – С. 110-116.
3. Муминов Б.А. Судебный контроль в системе обеспечения прав и свобод участников уголовного процесса / Б.А. Муминов // *Наука и мир.* – 2020. – № 2-1 (78). – С. 52-53.
4. Колесникова М.В. Соотношение судебного контроля и правосудия: анализ понятий / М.В. Колесникова // В сборнике: Проблемы применения уголовного закона и уголовно-процессуального законодательства в деятельности следственно-судебных органов. Сборник научных статей по итогам научно-практической конференции магистрантов. – Симферополь, 2023. – С. 72-79.
5. Фоминых С.М. Понятие судебного контроля / С.М. Фоминых, В.Е. Круковский, И.М. Вокуева // *Аллея науки.* – 2023. – Т. 1. – № 10 (85). – С. 730-738.
6. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда № 22-8381/2023 22К-8381/2023 от 29 ноября 2023 г. по делу № 3/10-567/2023 // Судебные и нормативные акты РФ.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 27.11.2025) // *Собрание законодательства Российской Федерации.* – 2001. – № 52 (часть I). – Ст. 4921.

**JUDICIAL CONTROL: OBJECTS, CONTENT, FORMS, AND METHODS
OF CONTROL ACTIVITIES**

N. Sobolev, *Student*

D.M. Polonsky, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

Belgorod State National Research University

(Russia, Belgorod)

***Abstract.** This article analyzes the concept of judicial review, exploring the concepts of legality, methods of ensuring legality, and judicial review, as well as their relationship in public administration. It highlights the relevance of research into judicial review, one of the most important guarantees of individual rights and freedoms, and characterizes the objects, content, forms, and methods of review activities.*

***Keywords:** legality; public administration; judicial review; subject of judicial review; forms of review; state review; methods of review activities.*

ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ: КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ И ФОРМИРОВАНИЮ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Д.Д. Трубин, студент

Т.Н. Субботина, канд. пед. наук, доцент

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
(Россия, г. Калуга)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-181-186

***Аннотация.** Данная статья посвящена актуальной проблеме профилактики экстремизма среди молодежи, рассматривая её как неотъемлемую часть обеспечения национальной безопасности и содействия гармоничному развитию подрастающего поколения. Актуальность исследования обусловлена ростом экстремистских проявлений, затрагивающих молодежную среду, что требует глубокого понимания причин и механизмов их возникновения, а также разработки эффективных комплексных мер противодействия. В статье анализируются сущность и формы экстремизма, его основные факторы и тенденции, затрагивающие молодежь. Обобщаются существующие подходы к профилактике экстремизма, включая образовательные, социальные, психологические и правовые аспекты. Приводятся примеры успешных практик и стратегий, направленных на формирование у молодежи толерантного сознания, критического мышления и гражданской ответственности.*

***Ключевые слова:** экстремизм; профилактика экстремизма; молодежь; национальная безопасность; толерантность; гражданская ответственность.*

В современном мире проблема экстремизма среди молодежи приобретает всё большую остроту, становясь вызовом национальной безопасности и препятствием на пути гармоничного развития подрастающего поколения.

Интенсивный информационный обмен, социальные и экономические трансформации, а также специфические психолого-возрастные особенности молодежи создают условия для распространения деструктивных идеологий. Глубокое изучение причин и форм экстремизма, а также разработка эффективных мер профилактики требуют комплексного подхода, учитывающего как индивидуальные, так и социальные факторы. Данный процесс, охватывающий различные сферы деятельности, оказывает непосредственное влияние на формирование взглядов и установок молодежи.

Комплексная профилактика экстремизма, основанная на междисциплинарных знаниях,

является необходимым условием для обеспечения безопасности и устойчивого развития общества. Понимание механизмов распространения экстремистских идей и их воздействия на молодежную аудиторию необходимо для формирования критического мышления, развития толерантности и укрепления гражданской позиции.

В настоящий момент для России обострилась проблема экстремистских проявлений в обществе, и в том числе в молодежной среде.

Так, по данным МВД России начиная с 2019 г. очевидно явное увеличение преступлений террористического и экстремистского характера (рис. 1). В 2023 г. произошло существенное увеличение количества данных преступлений по отношению к предыдущим годам.

Рис. 1. Динамика преступлений террористического и экстремистского характера по данным МВД РФ [1]

В рамках данного исследования были выделены и обобщены основные факторы, которые влияют на распространение экстремизма в молодёжной среде (таблица).

Таблица. Факторы, способствующие распространению экстремизма среди молодежи

Категория факторов	Характеристика
Социально-экономические	Неравенство, безработица, низкий уровень жизни, отсутствие перспектив, социальная изоляция, жилищные проблемы
Психолого-возрастные	Поиск идентичности, повышенная внушаемость, склонность к радикальным взглядам, неудовлетворенность самореализацией, стремление к принадлежности к группе, эмоциональная нестабильность
Идеологические	Распространение радикальных идеологий, призывы к насилию, дискриминации, нетерпимости, культ силы, героизация экстремистских действий, манипуляция ценностями
Информационно-коммуникационные	Использование Интернета и социальных сетей для вербовки и пропаганды, дезинформация, фейковые новости, распространение ненависти, анонимность в сети
Образовательные и культурные	Недостаток толерантности в образовательной среде, отсутствие воспитательной работы по формированию критического мышления, культурные барьеры, непонимание и отчуждение

Анализ представленных в таблице факторов демонстрирует многоаспектность проблемы экстремизма среди молодежи. Различные категории факторов, взаимодействуя между собой, создают благоприятную почву для радикализации. Отсутствие перспектив в жизни, социальное неравенство, а также психологические особенности подросткового и юношеского возраста (поиск идентичности, повышенная внушаемость) могут сделать молодых людей уязвимыми для воздействия радикальных идеологий. Важную роль играют также информационно-коммуникационные технологии, через которые происходит актив-

ная вербовка и распространение деструктивного контента. Недостаточное внимание к вопросам толерантности и гражданского воспитания в образовательной среде усугубляет ситуацию.

Молодёжь часть в силу ещё несформировавшихся ценностных установок и неустойчивой психики, легче подвержена формированию радикальных взглядов и убеждений. Так, по данным МВД России на сегодняшний момент на учёте состоят различные молодёжные группировки, причисляющие себя тем или иным движениям (рис. 2).

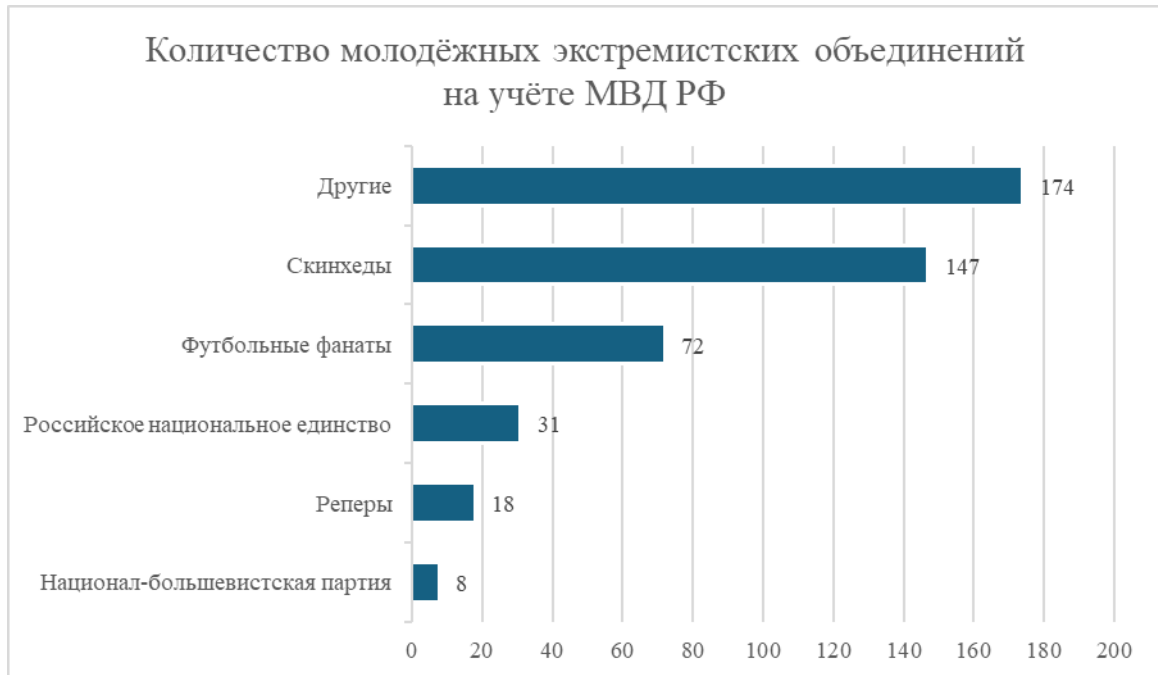

Рис. 2. Структура молодёжных экстремистских объединений в Российской Федерации по данным МВД РФ [2]

Так как молодёжь представляет собой значимую часть населения, то часто именно на неё делают ставки различные оппозиционные силы в процессе преобразований в государстве. Часто при этом задействуются средства массовой информации, в том числе и интернет-ресурсы, которые в современном обществе оказывают влияние на жизнь человека, выступая не только способом передачи информации, но и манипулятором, насаждая определённые ценности [3].

В условиях геополитической нестабильности и российско-украинского конфликта именно на молодёжь оказывается сильное информационно-психологическое воздействие с целью вовлечения в экстремистскую деятельность для дестабилизации ситуации в стране в условиях специальной военной операции. Так, в 11 апреля 2025 г. на заседании Национального антитеррористического комитета директор ФСБ А. Бортников сообщил, что 65% задержанных за преступления террористической направленности в России – это молодёжь, попавшая под влияние украинских спецслужб и неонацистских организаций [4]. При этом он отметил, что фиксируется устойчивая тенденция увеличения количества совершенных терактов несовершеннолетними. По итогам заседания Национального антитеррористического комитета был сделан вывод о

необходимости совершенствования системы профилактики терроризма, в том числе введения в школах и вузах гуманитарных дисциплин, включающих вопросы профилактики терроризма.

В контексте профилактики экстремизма среди молодёжи, важно отметить, что её осмысление как системного процесса, направленного на предотвращение радикализации, началось с развитием общества и осознанием его деструктивных последствий. Однако формализованные исследования профилактики экстремизма как самостоятельной области получили развитие в конце XX – начале XXI века, во многом под влиянием роста международных террористических угроз и обострения межэтнических и межконфессиональных конфликтов.

Понимание механизмов распространения экстремистских идей и их воздействия на молодёжную аудиторию является фундаментальным для анализа причин радикализации и разработки действенных стратегий. Разнообразие форм и методов, используемых экстремистскими группами, требует детального изучения. От прямых призывов к насилию до тонких манипуляций, использующих эмоциональные и иррациональные мотивы, – всё это является предметом исследования.

На протяжении истории экстремистские идеологии возникали и развивались, используя различные социальные, политические и культурные контексты. Классические работы по психологии масс и социологии, такие как исследования Густава Ле Бона «Психология народов и масс» [5], хоть и не посвящены напрямую экстремизму, но раскрывают механизмы группового поведения и внушения, которые являются основой для многих радикальных идеологий. Впоследствии исследователи, опираясь на такие труды, стали анализировать, как эти психологические принципы применяются в целенаправленном формировании радикальных взглядов.

Исследования, проводимые специалистами в области криминологии и социологии, внесли значительный вклад в изучение факторов, способствующих распространению экстремизма. Например, работы, анализирующие причины вовлечения молодежи в деструктивные группы, выделяют ряд ключевых мотивов, таких как чувство несправедливости, желание принадлежности, потребность в самоутверждении и недостаток позитивных альтернатив. По мнению В.Х. Акаева и Б.Б. Нанаевой [6], эффективная профилактика должна учитывать этнокультурные ценности, способствуя мобилизации позитивных ресурсов молодежной среды.

Эти исследования подчеркивают важность понимания глубинных причин, а не только поверхностных проявлений.

Практика профилактики экстремизма также включает в себя разработку и использование специфических стратегий. К таким стратегиям можно отнести, например, формирование толерантности и межкультурного диалога, развитие критического мышления, гражданское и патриотическое воспитание, а также поддержку молодежных инициатив. Современные исследователи, анализируя роль СМИ в формировании общественного мнения, подчеркивают важность противодействия дезинформации и распространению языка вражды. Они отмечают, что современные медиа могут как способствовать распространению экстремистских нарративов, так и быть эффективным инструментом их нейтрализации.

Анализ конкретных кейсов, таких как меры предотвращения радикализации в обра-

зовательных учреждениях, успешные социальные программы для молодежи из групп риска, или кампании по противодействию онлайн-экстремизму, позволяют выявить как общие закономерности, так и специфику применения профилактических мер в разных контекстах. Например, исследования, посвященные опыту противодействия экстремизму в образовательных учреждениях Российской Федерации, отмечают, что внедрение программ по развитию толерантности и межкультурного диалога в школах привело к снижению числа конфликтных ситуаций на национальной почве [7]. По данным исследования, такой подход позволил сократить количество случаев межэтнической напряженности на 20% в среднем по экспериментальным группам. Это подчеркивает эффективность образовательных мер. Аналогично, анализ социальных проектов, направленных на поддержку молодежи из неблагополучных семей, показывает, что предоставление им возможностей для самореализации и профессионального роста снижает их уязвимость к вербовке экстремистскими группами [8].

Так, по данным социологических опросов, в группах, охваченных такими проектами, число молодых людей, выразивших симпатию к радикальным идеологиям, снизилось на 15% по сравнению с контрольными группами. Исследования, посвященные профилактике онлайн-экстремизма, подтверждают, что активное противодействие дезинформации и пропаганде в сети Интернет, а также развитие медиаграмотности у молодежи, являются ключевыми факторами в снижении риска радикализации [9]. По результатам одного из исследований, применение образовательных модулей по медиаграмотности снизило уровень доверия к фейковым новостям среди подростков на 30%.

В настоящее время в России предпринимаются активные шаги по профилактике экстремизма среди молодежи. К числу современных примеров можно отнести государственные программы, направленные на поддержку молодежных инициатив, развитие гражданского общества и укрепление межэтнического согласия. Важную роль играет работа с образовательными учреждениями, где проводятся лекции, тренинги и семинары по профилактике экстремизма, формированию толерантного

сознания и критического мышления. Реализуются также проекты, направленные на социально-психологическую поддержку молодежи, оказание помощи в трудных жизненных ситуациях и предотвращение их вовлечения в деструктивные организации. Например, исследования, посвященные реализации антиэкстремистских программ, показывают положительную динамику в снижении уровня радикализации среди молодежи при комплексном подходе.

Таким образом, анализ и обобщение результатов многочисленных исследований по данной проблеме позволяет сделать вывод, что понимание причин экстремизма, его форм и механизмов распространения, а также эффективных стратегий профилактики является критически важным для современного общества.

В условиях глобализации и развития информационных технологий, когда деструктивные идеологии могут распространяться с беспрецедентной скоростью, способность критически оценивать информацию, распознавать манипулятивные техники и противостоять радикальным взглядам становится необходимым условием для обеспечения национальной безопасности и гармоничного развития молодежи. Изучение истории и практики профилактики экстремизма позволяет не только анализировать существующие проблемы, но и разрабатывать превентивные меры, способствующие формированию толерантного, ответственного и граждански активного молодого поколения. Дальнейшее углубленное изучение данной проблематики должно стать приоритетным направлением научных исследований в области социологии, психологии, политологии и образования.

Библиографический список

1. Состояние преступности // МВД России: официальный сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/?ysclid=mhujjmxao978219075>.
2. Современное состояние молодежного экстремизма в Российской Федерации // МВД России: офиц. сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1af0bj.xn--b1aew.xn--p1ai/document/3524556>.
3. Остапов И.Д. Средства массовой информации как фактор формирования общественного сознания / И.Д. Остапов, Т.Н. Субботина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 11-5(74). – С. 94-97.
4. В России больше половины терактов совершает молодежь // РИА «Европейско-Азиатские новости». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eanews.ru/rossiya/20250812191312/v-rossii-bolshe-poloviny-teraktov-sovershaet-molodezh>.
5. Ле Бон Г. Психология народов и масс. – Москва: АСТ, 2018. – 352 с.
6. Акаев В.Х. Экстремизм и терроризм в молодежной среде: противодействие средствами мобилизации этнокультурных ценностей / В.Х. Акаев, Б.Б. Нанаева // Сборник научных материалов в помощь учителям школ Чеченской Республики. Чеченский институт повышения квалификации работников образования. – Грозный, 2020. – 38 с.
7. Кисляков П.А. Деструктивное влияние религиозно-экстремистских и террористических организаций на личность несовершеннолетних / П.А. Кисляков, С.Е. Сергеев // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2017. – Т. 16, № 5 (144). – С. 86-95.
8. Черникова Т.А. Социальная работа с неблагополучными семьями с детьми в современных условиях / Т.А. Черникова, Л.Д. Шайдукова // Мир экономики и управления. – 2018. – Т. 18, № 4. – С. 240-253.
9. Савина О.В. Медиаграмотность как фактор противодействия дезинформации и пропаганде в цифровой среде / О.В. Савина // Постсоветский материк. – 2025. – № 1 (45). – С. 64-76.

**PREVENTION OF EXTREMISM AMONG YOUTH:
A COMPREHENSIVE APPROACH TO SECURITY AND TOLERANCE FORMATION**

D.D. Trubin, *Student*

T.N. Subbotina, *Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor*

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

(Russia, Kaluga)

***Abstract.** This article focuses on the urgent issue of preventing extremism among young people, considering it as an integral part of ensuring national security and promoting the harmonious development of the younger generation. The relevance of this research is driven by the growing prevalence of extremist activities among young people, which requires a deep understanding of the causes and mechanisms behind them, as well as the development of effective and comprehensive measures to counter them. The article analyzes the essence and forms of extremism, as well as its main factors and trends affecting young people. It also summarizes existing approaches to preventing extremism, including educational, social, psychological, and legal aspects. The article provides examples of successful practices and strategies aimed at fostering a tolerant mindset, critical thinking, and civic responsibility among young people.*

***Keywords:** extremism; prevention of extremism; youth; national security; tolerance; and civic responsibility.*

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ

Е.А. Туркенья, студент

В.В. Васильченко, студент

Е.В. Останкова, студент

Научный руководитель: М.Н. Зубкова, канд. юрид. наук, доцент

Самарский государственный экономический университет
(Россия, г. Самара)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-187-194

Аннотация. В статье приведен анализ правового регулирования процедур банкротства в Российской Федерации. Основное внимание уделяется критике процедуры наблюдения как избыточной и неэффективной стадии, приводящей к неоправданному затягиванию процесса и уменьшению имущественной массы должника. Обосновывается необходимость реформирования процедуры наблюдения, совершенствования механизма торгов и расширения применения инструмента замещения активов. Доказывается, что предлагаемые меры позволят оптимизировать сроки процедур банкротства и повысить эффективность удовлетворения требований кредиторов. Целью данной статьи является комплексное обоснование данного тезиса через анализ правовых и экономических целей всех процедур банкротства, выявление системных недостатков наблюдения и разработку конкретных предложений по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: банкротство; наблюдение; кредиторы; временный управляющий; торги в банкротстве; конкурсное производство; замещение активов.

Институт несостоятельности (банкротства) занимает центральное место в механизме правового регулирования рыночной экономики, выполняя функцию «санитарной очистки» хозяйственного оборота от неплатежеспособных субъектов. Действующее российское законодательство о банкротстве предусматривает сложную систему процедур, последовательно применяемых к должнику. Как следует из анализа норм Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1] (далее – Закон о банкротстве), к ним относятся: наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство и мировое соглашение.

Системный подход законодателя демонстрирует явную реабилитационную ориентацию правового регулирования: четыре из пяти процедур имеют своей основной целью восстановление платежеспособности должника и сохранение его как действующего предприятия. Лишь конкурсное производство является исключением, будучи направленным на ликвидацию юридического лица и соразмерное удовлетворение требований кредиторов. Однако данная законодательная концепция вхо-

дит в противоречие с судебной-арбитражной практикой, где подавляющее большинство дел о банкротстве завершается именно ликвидацией должника.

В этом контексте особую актуальность приобретает критический анализ эффективности реабилитационных инструментов, и в первую очередь – начальной стадии процесса, процедуры наблюдения. Формально-правовые цели наблюдения, такие как обеспечение сохранности имущества должника, проведение анализа его финансового состояния и подготовка первого собрания кредиторов, представляются теоретически обоснованными. На практике же предоставление предприятию в этот период широких преференций – включая снятие арестов с имущества, разблокировку счетов и приостановление исполнительных производств – зачастую не только не способствует достижению заявленных целей, но и создает почву для злоупотреблений со стороны контролирующих лиц должника.

Ключевой проблемой действующей правовой конструкции является системная неопределенность в распределении полномочий по управлению и надзору за деятельностью

должника в данный период. С одной стороны, органы управления юридического лица не отстраняются от исполнения своих функций, но их компетенция существенно ограничивается (например, вводится запрет на совершение ряда сделок без согласия временного управляющего, на распределение прибыли и выплату дивидендов). С другой стороны, временный управляющий, наделенный в основном контрольными и согласительными функциями, не обладает достаточными рычагами для оперативного управления. При этом собрание кредиторов на данном этапе не обладает какими-либо действенными механизмами влияния на текущую хозяйственную деятельность должника.

Созданный правовой вакуум порождает на практике типичный и крайне деструктивный сценарий. Легитимно продолжая осуществлять хозяйственную деятельность, де-факто неплатежеспособный должник зачастую преследует цели, прямо противоположные интересам кредиторского сообщества. Вместо ориентации на извлечение прибыли деятельность может быть направлена на вывод ликвидных активов, а также на искусственное создание обязательств перед аффилированными лицами. Временный управляющий в такой ситуации зачастую оказывается вовлечен в решение исключительно процедурных задач (проведение финансового анализа, формирование реестра требований), не имея реальной возможности противодействовать недобросовестным действиям. Кредиторы же, формально включенные в реестр, лишены действенных инструментов вмешательства и вынуждены пассивно наблюдать за обесцениванием конкурсной массы.

Прямым следствием описанной дисфункциональной модели становится предсказуемый результат: к моменту введения основной процедуры (которая в 98% случаев является конкурсным производством) [2] имущественный комплекс должника оказывается обременен значительным объемом сделок, обладающих признаками оспоримости; возникает хаотичная картина взаимоисключающих текущих платежей, а реестр требований кредиторов нередко включает в себя значительное число сомнительных требований. Таким образом, процедура наблюдения, призванная обеспечить сохранность имущества, во многих слу-

чаях трансформируется в стадию, в течение которой потенциал для последующего удовлетворения требований кредиторов оказывается существенно минимизирован.

Сохраняющаяся в период наблюдения возможность осуществления должником текущей хозяйственной деятельности порождает правовую коллизию. С одной стороны, формально предпринимательская деятельность сохраняет свою традиционную цель – извлечение прибыли. С другой стороны, статистическая предопределенность перехода к ликвидационной процедуре (конкурсному производству) в большинстве случаев объективно лишает эту цель перспективы. На практике данное противоречие зачастую приводит к трансформации целеполагания деятельности должника, которая может быть направлена не на сохранение стоимости бизнеса, а на противоположные цели – вывод оборотных активов и искусственное наращивание текущих обязательств перед аффилированными лицами.

В этой связи особую значимость приобретает вопрос о пределах контроля временного управляющего за операционной деятельностью должника.

Действующее законодательство не наделяет управляющего полномочиями по оценке коммерческой составляющей решений руководства должника, таких как ценовая политика, выбор контрагентов или определение объемов производства. Однако на управляющего возлагается обязанность осуществлять контроль с позиций соответствия таких действий критериям реальности и обычным условиям гражданского оборота. Реализация данного контрольного механизма обеспечивается, прежде всего, через систематический анализ предоставляемой должником информации об изменениях в составе имущества и ключевых показателях финансово-хозяйственной деятельности. Стоит отметить, что несмотря на несовершенство надзорной функции временного управляющего, некоторые эффективные инструменты контроля у него все же есть.

Например, отдельным объектом контроля выступает соблюдение установленной законом очередности удовлетворения требований текущих кредиторов. Систематическое нарушение очередности, предусмотренной статьей 134 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», приводит к ущемлению

прав кредиторов и создает основания для последующего оспаривания произведенных платежей как совершенных с необоснованным предпочтением. Временный управляющий правомочен требовать от руководства должника ведения реестра текущих платежей и неукоснительного соблюдения законодательной очередности. В случаях уклонения от исполнения данных требований, управляющий может инициировать применение механизмов административно-правового воздействия, включая обращение в органы прокуратуры для проведения комплексной проверки.

В связи с этим закономерно возникает вопрос о возможности оптимизации правового регулирования процедуры наблюдения для нейтрализации указанных рисков. Далее представлен анализ ключевых проблемных аспектов и предложены конкретные механизмы противодействия злоупотреблениям, направленные на повышение эффективности данной стадии банкротства. Основной тезис настоящего исследования заключается в том, что наблюдение, по своей сути, является избыточной и затягивающей процесс стадией и в современных экономических условиях нуждается либо в кардинальной трансформации, либо в исключении из системы процедур банкротства с перераспределением его функций на иные стадии процесса. Рассмотрим влияние процедуры наблюдения на продолжительность дел о банкротстве и макроэкономические издержки. Анализ динамики дел о несостоятельности в Российской Федерации выявляет устойчивую негативную тенденцию к увеличению их общей продолжительности. Согласно данным официальной статистики Единого федерального реестра сведений о банкротстве (ЕФРСБ), если в 2015 году средний срок рассмотрения корпоративного банкротства составлял порядка 25 месяцев, из которых на наблюдение приходилось около 6 месяцев, то к 2023 году этот показатель возрос до 45 месяцев, при этом продолжительность стадии наблюдения достигла почти 8 месяцев [3]. Существует высокая вероятность того, что в среднесрочной перспективе может быть преодолен психологически значимый рубеж в четыре года. Подобная динамика обусловлена комплексом факторов, включая интенсификацию процесса оспаривания сделок, ужесточение регулирования в сфере суб-

сидиарной ответственности, а также общий рост правовой грамотности участников процесса, что закономерно влечет за собой увеличение количества процессуальных действий.

В настоящее время наблюдение является обязательной первой стадией в каждом деле о банкротстве юридических лиц. Его формально-правовые цели, такие как обеспечение сохранности имущества, анализ финансового состояния и подготовка первого собрания кредиторов для определения дальнейшего вектора развития дела, на практике оказываются иллюзорными. Статистические данные за 2023 год демонстрируют, что в 99% случаев собрание кредиторов принимает решение о переходе к ликвидационной процедуре – конкурсному производству. Таким образом, в абсолютном большинстве случаев наблюдение превращается в длительную (до 7 месяцев) подготовительную стадию, предвещающую заранее predetermined исход, что противоречит принципу процессуальной экономии.

Между тем, фактор времени в институте несостоятельности обладает критической важностью с позиций как частных интересов кредиторов, так и общеэкономической эффективности. Во-первых, пролонгация процедуры напрямую ведет к существенному снижению приведенной (дисконтированной) стоимости денежных требований, подлежащих удовлетворению. В условиях сохраняющейся высокой ключевой ставки Банка России (на момент написания – 17%), каждый дополнительный полугодовой период процедуры обесценивает потенциальный возврат долга примерно на 8% [4]. Таким образом, длительная процедура наблюдения, длящаяся в среднем 7-8 месяцев, сама по себе наносит финансовый ущерб кредиторам, сокращая реальную ценность их будущих поступлений. Во-вторых, существует прямая корреляция между продолжительностью процесса и степенью сохранности и, как следствие, ликвидационной стоимости активов должника. Любое имущество подвержено физическому и моральному износу, а его поддержание в ликвидном состоянии требует регулярных инвестиций и профессионального управления. Даже при самом добросовестном отношении арбитражного управляющего, его возможности по эффективному управлению имуще-

ственным комплексом объективно ограничены по сравнению с мотивированным собственником, что приводит к неизбежной потере стоимости активов на протяжении процедуры.

Однако, важно рассмотреть и имеющийся у временного управляющего законный инструментарий по урегулированию перечисленных нами проблем. К числу наиболее эффективных механизмов относятся следующие. В соответствии с п. 3.2 ст. 64 Закона о банкротстве руководитель должника обязан ежемесячно предоставлять временному управляющему сведения об изменениях в составе имущества. Это позволяет управляющему своевременно выявлять случаи выбытия активов и при наличии оснований использовать предоставленные законом инструменты защиты.

В случае непредоставления указанной информации управляющий вправе самостоятельно запросить необходимые данные, включая банковские выписки, сведения из ЕГРЮЛ и иных реестров. Параллельно целесообразно инициировать административное производство по ч. 4 ст. 14.13 КоАП РФ, предусматривающей ответственность за воспрепятствование деятельности арбитражного управляющего. Как показывает практика, обращения в прокуратуру по данным фактам часто приводят к проведению комплексных проверок и привлечению виновных лиц к ответственности. При выявлении признаков недобросовестного распоряжения имуществом временный управляющий вправе ходатайствовать о применении обеспечительных мер на основании п. 1 ст. 66 Закона о банкротстве. В частности, может быть установлен запрет на совершение руководителем должника определенных сделок без согласия управляющего. В исключительных случаях такой запрет может распространяться на все имущество и денежные средства должника (в качестве примера можно привести Постановление АС Волго-Вятского округа от 15.03.2019 по делу № А43-21316/2016) [7]. В случае совершения сделок без требуемого согласия управляющего (п. 2 ст. 65 Закона о банкротстве) либо в нарушение прямых запретов, установленных п. 3 ст. 65, управляющий обязан незамедлительно инициировать их оспаривание. Отсрочка данных действий до стадии конкурсного производства недопустима, по-

скольку повышает риск безвозвратной утраты активов. Совершение контролирующими лицами действий, наносящих ущерб интересам кредиторов, предоставляет временному управляющему и кредиторам право предъявить иск о взыскании убытков на основании ст. 53.1 ГК РФ и ст. 61.20 Закона о банкротстве. Указанное требование может быть заявлено в рамках дела о банкротстве, не исключая параллельного оспаривания сделок и привлечения виновных лиц к субсидиарной ответственности (п. 68 Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53) [8].

Несмотря на то, что в руках временного управляющего находится широкий арсенал средств борьбы с неправомерными действиями собственников или менеджмента организации, все перечисленные способы не решают сложившуюся правовую коллизию, а лишь сглаживают ее существенные недостатки, кроме того, крайне негативно сказываются на сроке банкротного процесса в целом. Учитывая изложенное, системное сокращение сроков процедур представляется одним из ключевых направлений повышения их эффективности. Наиболее действенной мерой в данном контексте видится реформирование начальной стадии процесса – процедуры наблюдения.

Целесообразным представляется отказ от универсальной обязательности процедуры наблюдения и переход к дифференцированной модели. Если на основании предварительных данных и представленных документов очевидно, что восстановление платежеспособности должника невозможно, арбитражный суд должен получить право сразу возбудить конкурсное производство, минуя наблюдение. Подготовительные действия, такие как формирование реестра требований кредиторов и первичный анализ финансового состояния, могут быть успешно интегрированы в рамки основной ликвидационной процедуры. Введение наблюдения может сохраняться в качестве факультативной меры лишь для тех случаев, когда имеются реальные признаки финансового оздоровления и на это есть волеизъявление кредиторов и должника.

Положительный прецедент для подобной оптимизации уже существует в российской правовой системе. В рамках законодательства о банкротстве граждан (потребительском

банкротстве) изначально отсутствует стадия, аналогичная наблюдению; дело сразу переходит к реструктуризации долгов или реализации имущества, что не порождает непреодолимых правовых коллизий и подтверждает функциональную возможность упрощенной процедуры. По экспертным оценкам, широкое внедрение подобного подхода в корпоративном банкротстве позволило бы сократить общие сроки процедуры в массовых случаях на 3-5 месяцев, что оказало бы значительный положительный эффект на экономику в целом, минимизировав описанные выше макроэкономические издержки [5].

Проблема неоправданной продолжительности процедур банкротства не исчерпывается избыточностью наблюдения. Еще одним системным препятствием, ведущим к значительным временным и материальным издержкам, является действующий регламент проведения торгов по реализации имущества должника. Сложившийся механизм демонстрирует свою неэффективность, требуя кардинального пересмотра в целях оптимизации всего процесса несостоятельности. Анализ практики показывает, что устоявшаяся двухэтапная модель, предполагающая первоначальное проведение торгов на повышение, в своей основе содержит фундаментальный изъян. Статистические данные подтверждают, что примерно в 90% случаев имущество не находит покупателя на этих стадиях, что в обязательном порядке влечет за собой переход к следующему этапу – торгам в форме публичного предложения, где цена последовательно снижается. Данный многоступенчатый процесс, по экспертным оценкам, занимает не менее трех месяцев, создавая при этом значительные организационные и финансовые затраты для всех участников дела.

Суть проблемы заключается в избыточности и нерациональности данной последовательности. Фактически, первые две стадии (первые и повторные торги на повышение) в подавляющем большинстве случаев оказываются бесплодными, лишь откладывая момент реальной продажи актива. Это не только увеличивает общие сроки банкротства, но и усугубляет проблему снижения стоимости имущества, о которой шла речь выше, поскольку актив продолжает оставаться в процессе ре-

лизации без фактического перехода к новому собственнику.

В качестве обоснованной альтернативы профессиональным сообществом предлагается переход к усовершенствованной модели торгов. Ее ключевое отличие заключается в отказе от заведомо нерезультативных начальных стадий. Новый механизм предполагает старт торгов с цены, равной предварительной рыночной оценке. При отсутствии спроса на первоначальном этапе цена будет последовательно снижаться до момента поступления первой заявки от покупателя. Только после фиксации этого начального предложения должны инициироваться традиционные торги на повышение между потенциальными приобретателями. Преимущества такого подхода носят комплексный характер. Во-первых, он позволяет в сжатые сроки – по оценкам, до трех месяцев быстрее, чем при действующей модели – определить реальную рыночную цену актива и найти покупателя. Во-вторых, он исключает избыточные процедурные стадии, сокращая материальные издержки. Важно подчеркнуть, что в отношении целесообразности и большей обоснованности подобной реформы в среде арбитражных управляющих, юристов и экономистов уже достигнут определенный консенсус. Таким образом, назрела объективная необходимость в имплементации данной модели на законодательном уровне для завершения комплексной модернизации процедур банкротства.

Следующим логическим звеном в цепи проблем, снижающих эффективность процедур банкротства после неоптимальной организации торгов, является недостаточное использование реабилитационного потенциала, заложенного в законодательстве. В частности, речь идет о маловостребованном на практике, но обладающем значительными преимуществами инструменте – замещении активов. Данный механизм позволяет осуществить переход не к продаже разрозненных активов должника, а к комплексной реализации всего имущественного комплекса в рамках вновь созданного юридического лица. Такой подход потенциально способен сохранить бизнес как единое целое, максимизировать его стоимость и, как следствие, повысить уровень удовлетворения требований кредиторов.

Однако, несмотря на очевидные экономические выгоды, институт замещения активов не получил должного распространения в российской практике. Исторически сложилось, что его применение было заблокировано правовой неопределенностью, в первую очередь, в отношении судьбы залогового обременения, которое возникало на передаваемое новому юридическому лицу имущество. Кредиторы-залогодержатели справедливо опасались утратить обеспечительные механизмы своих требований. Частичное решение данной проблемы было найдено в 2014 году путем внесения изменений в законодательство, которые установили, что залог с переданного имущества автоматически переносится на акции (доли) вновь созданного общества [6]. Это создало важную правовую гарантию для залоговых кредиторов, тем не менее, даже после этого правового усовершенствования инструмент замещения активов не стал массовым.

Анализ сложившейся ситуации позволяет выявить еще один существенный законодательный барьер. В соответствии с действующей редакцией закона, для целей замещения активов может быть создано исключительно акционерное общество. Данная организационно-правовая форма является одной из наиболее сложных и регламентированных, что влечет за собой значительные временные и административные издержки, связанные с его учреждением, эмиссией акций и последующим корпоративным управлением. В условиях банкротства, где фактор времени является критическим, такая процедурная сложность выступает непреодолимым препятствием для широкого применения механизма.

Таким образом, для раскрытия реабилитационного потенциала замещения активов требуется дальнейшая точечная, но принципиально важная корректировка законодательной базы. Целесообразным представляется распространение правового режима замещения активов на возможность использования иных, более гибких организационно-правовых форм, в первую очередь, обществ с ограниченной ответственностью. Учреждение ООО является менее длительным и более простым в администрировании процессом, что значительно снизит транзакционные издержки. Подобная мера повысит привлекательность данного инструмента для участников дела о

банкротстве, позволит ускорить процесс сохранения бизнеса как действующего предприятия и будет способствовать сокращению общих сроков всей процедуры, выводя на первый план ее реабилитационную функцию.

Проведенный в рамках данного исследования анализ ряда процедурных аспектов современного российского института несостоятельности (банкротства) позволяет выявить ряд системных дисфункций, препятствующих достижению декларируемых законодателем целей. Установлено, что действующая модель характеризуется критической продолжительностью, которая не только снижает экономическую эффективность процесса, но и напрямую обесценивает удовлетворение требований кредиторов. В качестве основных проблем, детерминирующих данную негативную тенденцию, были рассмотрены: обязательность и избыточность процедуры наблюдения, архаичная многоступенчатая модель торгов, а также низкая востребованность перспективного инструмента замещения активов. Предложенный комплекс мер по модернизации указанных процедур носит последовательный и взаимодополняющий характер. Исключение универсальной обязательности наблюдения, переход к ускоренной модели торгов, стартующих с рыночной цены, и либерализация правил замещения активов через разрешение использования гибких организационно-правовых форм – в своей совокупности направлены на радикальное сокращение непроизводительных временных затрат. Согласно произведенным расчетам, совокупный эффект от реализации данных новаций может составить от шести до восьми месяцев.

В этой связи требуется оценить практическую значимость подобного сокращения применительно к сложившейся средней продолжительности дел о банкротстве. Критически важным является не столько валовое уменьшение временного периода, сколько то, какие именно процессуальные стадии подвергаются компрессии. Ключевой положительный эффект заключается в том, что оптимизации подлежит именно начальная, наиболее значимая фаза дела о банкротстве. Именно на этом этапе сохраняется максимальная стоимость активов должника и существуют реальные предпосылки для их реализации по высокой цене или даже для восстановления платеже-

способности предприятия. Важнейшим достоинством предлагаемой концепции совершенствования законодательства о банкротстве является ее реалистичность и умеренность. Речь не идет о тотальной реформе всего института банкротства, а о точечных, но глубоко выверенных изменениях в наиболее «узких» местах процедуры. Текущий момент, характеризующийся осознанием профессиональным сообществом необходимости повышения эф-

фективности банкротных процессов, представляется наиболее благоприятным для такой законодательной работы. Внедрение рассмотренных инициатив будет способствовать превращению процедуры банкротства из тяжелой и зачастую формальной процедуры в действенный инструмент оздоровления экономики и защиты имущественных прав субъектов предпринимательской деятельности.

Библиографический список

1. «О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ (последняя ред.): [принят Государственной Думой 27 сент. 2002 г.: одобрен Советом Федерации 16 окт. 2002 г.]».
2. Статистический бюллетень Федресурса по банкротству. Итоги 2023 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fedresurs.ru/news/a57795a8-e1f1-4e2e-ba8b-da58725127e2>.
3. Статистический бюллетень ЕФРСБ 2017 с Приложением. – С. 26-27. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://download.fedresurs.ru/news/Статистический%20бюллетень%20ЕФРСБ%202017%20с%20Приложением.pdf>.
4. Ключевая ставка Банка России 20.10.2025 – 27.10.2025. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/.
5. Смирных А.В. Отказаться от обязательности наблюдения и сменить модель торгов: как ускорить банкротство // Право.Ру. – 2024. – 17.05. – Ст. 1.
6. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 29.12.2014 N 482-ФЗ (последняя редакция) от 29 декабря 2014 года N 482-ФЗ.
7. Постановление АС Волго-Вятского округа от 15.03.2019 по делу № А43-21316/2016 // Официальный интернет портал правовой информации «КонсультантПлюс». – с изм. и допол. в ред. от 07.11.2025.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» от 21.12.2017 № 53 // Официальный интернет портал правовой информации «КонсультантПлюс». – с изм. и допол. в ред. от 07.11.2025.

ON SOME ISSUES OF IMPROVING BANKRUPTCY LEGISLATION**E.A. Turkenya**, *Student***V.V. Vasilchenko**, *Student***E.V. Ostankova**, *Student***Supervisor:** *M.N. Zubkova, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor***Samara State University of Economics****(Russia, Samara)**

Abstract. *The article provides an analysis of the legal regulation of bankruptcy procedures in the Russian Federation. The main focus is on criticizing the monitoring procedure as an excessive and ineffective stage, leading to an unjustified delay in the process and a decrease in the debtor's wealth. The necessity of reforming the monitoring procedure, improving the bidding mechanism and expanding the use of the asset substitution tool is substantiated. It is proved that the proposed measures will optimize the timing of bankruptcy procedures and increase the effectiveness of meeting creditors' claims. The purpose of this article is to provide a comprehensive justification of this thesis through an analysis of the legal and economic objectives of all bankruptcy procedures, the identification of systemic surveillance deficiencies and the development of specific proposals to improve legislation in this area.*

Keywords: *bankruptcy; supervision; creditors; interim manager; bankruptcy auctions; bankruptcy proceedings; asset substitution.*

ПЕРИОД СИСТЕМНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

И.В. Упоров, *д-р ист. наук, канд. юрид. наук, профессор*
Российская академия естествознания
 (Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-195-200

***Аннотация.** Институт местного самоуправления в российской правовой истории на системном уровне стал регулироваться сравнительно поздно, а именно с принятием в 1785 г. «Городового положения», что произошло с период правления Екатерины II в рамках фундаментального реформирования в целом государственного управления. Тогда городские жители получили определенные полномочия самостоятельно решать ряд вопросов местного значения, формируя при этом органы самоуправления на выборной основе, хотя, конечно, в ограниченном виде. В статье сделан обзор этого акта, а также других специальных системных законов, в которых институт местного самоуправления получал свое совершенствование («Положение о губернских и уездных земских учреждениях» 1864 г., «Городовое положение» 1870 г.). Показываются структура, особенности этих нормативно-правовых актов, их значение в развитии местного самоуправления в Российской империи конца XVIII – второй половины XIX вв.*

***Ключевые слова:** местное самоуправление; Городовое положение; дума; гласные; управа; земские учреждения; власть; государство.*

Местное самоуправления в той или иной форме функционирует в любом государстве с давних времен. Россия не является исключением. Однако правовое регулирование этого института довольно долго носили эпизодический характер, в частности, в таких актах, как Соборное уложение 1649 г., в различных царских грамотах, документах различных приказов, в делопроизводствах губных и земских изб и т.д. И только в период правления Екатерины II, которая, как известно, стремилась по ряду позиций не отставать от европейских стран, ситуация стала меняться в том числе это касалось и института местного самоуправления. При этом нужно иметь в виду, что императрица основательно реформировала и в целом систему государственного управления. Так, согласно утвержденным в 1775 г. Учреждениям для управления губерний [1] в стране вводилось новое административное деление, по которому территория страны делилась на губернии и уезды, исходя из количества податного населения; в измененных территориальных единицах создавались учреждения государственного аппарата с широким привлечением в ряды чиновничества представителей дворянства. А позже, в 1785 г., была принята и «Грамота на права и выгоды городам Российской империи», кото-

рая в литературе чаще обозначается как «Городовое положение» (по названию первой, основной главы этого документа), поскольку в комплексе весь этот документ посвящен местному городскому самоуправлению [2]. И именно с этого нормативно-правового акта ведется отсчет системного законодательного регулирования института местного самоуправления в нашей стране.

В преамбуле к этому документу, в частности, указывается, что целью его является стремление сделать жизнь в городах лучше, в том числе «снабдить надлежащим управлением, освободить рукоделия, промыслы и торговлю от принуждений и притеснений и преподать им различные полезные способы и ободрения. С помощью Божию в толь краткое время добрые плоды намерений и трудов наших, да и несомненно уповаем, что верно-подданные наши, граждане городов наших, похвальным радением, доброю верою в торговле, промыслах и ремеслах и поведением, соответствующим благому нашему об них попечению будут пособствовать возвышению мест ими населяемых в цветущем состоянии, и тем вяще заслужат нашу императорскую к себе милость и благоволение, в залог коих восхотели мы данныя от нас городам, их обществам и членам сих обществ выгоды и пре-

имущества подтвердить нашею жалованною грамотою, узаконяя в следствие того на веки непоколебимо следующие статьи» [2].

В этом законе речь идет о правовом положении отдельных категорий лиц, проживающих в городах, причем, с учетом достаточно сложного сословного положения, чему уделено довольно много внимания, в том числе в таких главах, как «О городских обывателях», «Доказательства состояния городских обывателей», «О личных выгодах городских обывателей среднего рода людей, или мещан вообще», «О гильдиях и о гильдейских выгодах вообще», «О первой гильдии», «О второй гильдии», «О третьей гильдии», «О выгодах цеховых», «Ремесленное положение», «О иногородних и иностранных гостях», «О выгодах имянитых граждан», «О посадских и их выгодах вообще» [2]. Устанавливалось, что городу принадлежит «навечно» недвижимая и движимая собственность. Территориальную основу городского самоуправления составляли города и посады. Городским обывателям дозволялось собираться и составлять «общество градское», пользующееся определенными правами и выгодами. Были определены также полномочия и компетенция «городской общей думы» и «городской шестигласной думы». Общую думу избирали на «градском собрании» сроком на три года (разумеется, в то время избирательное право было неравным). Шестигласная дума являлась исполнительным органом городского самоуправления; депутаты («гласные») общей дума избирали её из своей среды по одному представителю от каждого из шести разрядов, на которое данный акт разделял жителей города, имевших право участвовать в городском самоуправлении («настоящие городские обыватели» – владельцы недвижимости из дворян, чиновников, духовенства; купцы трёх гильдий; ремесленники, записанные в цехи; иностранцы и иногородние; «именитые граждане»; «посадские» – прочие граждане, занимающиеся промыслами или рукоделием).

«Городское общество» могло иметь собственность. Вместе с тем функции органов городского самоуправления были ограничены достаточно узким кругом вопросов, городское самоуправление решало в основном вопросы благоустройства, развития торговли, промыслов, защиты сословных прав [3, с. 87]. В целом же система местного самоуправления

развивалась на сословных началах и, несмотря на наличие некоторых выборных органов и должностей, включалась в достаточно сильно централизованный аппарат государственного управления.

Но даже при таких обстоятельствах, вполне объяснимых жестко-абсолютистской формой правления в Российской империи, местное самоуправление все же функционировало, в том числе формировались представительный органы – выше показано, что законодатель достаточно подробно отрегулировал вопрос о формировании этого органа. При этом, в отличие от сельской местности, где имело место крепостная зависимость крестьян, в городах статус человека в самоуправленческих отношениях во многом зависел от имущественного положения, а не от социального происхождения, и само появление «Городового положения» в этом смысле отражало потребность нарождающегося класса купцов и промышленников (буржуазии) в непосредственном участии в управлении общественными процессами. И не случайно в этом акте подробно идет речь о купцах разных гильдий [4, с. 58]. И в целом приведенные и другие нормы «Городового положения» свидетельствуют о серьезном продвижении вперед в развитии института местного самоуправления, являясь по сути истоком современного муниципального права России [5].

В последующем на короткое время, при Павле I, были малообъяснимые некоторые изменения в организации деятельности органов местного самоуправления – на фоне усиления военно-политического режима. Так, в 1800 г. городское самоуправление и заменяется бюрократическим управлением: управы и думы были ликвидированы, а в городах для управления городскими делами появились ратгаузы, которым подчинялись магистраты и ратуши [6].

Однако достаточно скоро – с приходом на престол Александра I были восстановлены почти все учреждения местного управления. Однако оно по-прежнему носило узкосословный характер и имело довольно ограниченную компетенцию. При этом кризис феодально-крепостнической системы, рост волнений среди крестьян вынуждали самодержавную власть принимать меры, позволявшие подданным иметь больше определенных свобод. Так, в 1837 г. состоялась реформа управления

государственными крестьянами, которые получили в некотором объеме возможность осуществления самоуправления. На волостное (сход, правление и староста) и сельское (сход и староста) самоуправление были возложены полицейские и судебные функции, а также вопросы благоустройства, обеспечения продовольствием, сбор податей и выполнение повинностей, прежде всего рекрутской. Однако вся деятельность крестьянского самоуправления проходила под усиленной опекой местных органов Министерства государственных имуществ [7, с. 48].

В дальнейшем важнейший этап в развитии местного самоуправления в России связан с известными земской и городской реформами – в рамках известных либеральных реформ 1860-х гг. 1 января 1864 г. было утверждено Положение о губернских и уездных земских учреждениях [8]. Данный нормативно-правовой акт также имеет сходные черты с рассмотренным выше «Городовым положением» 1785 г., однако в данном случае соответствующие общественные отношения отрегулированы, конечно, на более высоком уровне – это уже вполне системный акт, соразмерный с современными законами, если иметь в виду законодательную технику. В этом акте указывается, в частности, что на земские учреждения возлагались следующие задачи: заведование имуществами, капиталами и денежными суммами земства; устройство и содержание принадлежащих земству зданий, сооружений и путей сообщения, содержимых на счет земства; меры обеспечения народного продовольствия; заведование земскими благотворительными заведениями и прочими мерами призрения, способы прекращения нищенства, попечение о построении церквей; управление делами местного страхования имущества; попечение о развитии местной торговли и промышленности; участие преимущественно в хозяйственном отношении и в пределах, законом определенных в попечении о народном образовании, о народном здравии и о тюрьмах; содействие к предупреждению падежей скота, а также по охранению хлебных посевов и других растений от истребления саранчой, сусликами и другими вредными насекомыми и животными [8].

Представительными органами местного самоуправления становились земские собрания. Выборы их членов – гласных, основыва-

лись на имущественном, в значительной мере – сословном началах. Избиратели местных органов самоуправления (земств) делились на три курии (группы): уездных землевладельцев; городских избирателей и выборных от сельских обществ. Правом участия в выборах от первой курии обладали землевладельцы, имевшие не менее 200 десятин земли или другого имущества на сумму не менее 15 тысяч рублей, или лица, имевшие годовой доход не менее 6 тысяч рублей. Избирателями по городской курии становились обладатели купеческих свидетельств, владельцы предприятий или торговых учреждений с тем же годовым доходом, что и в первой курии, и владельцы недвижимой собственности на сумму от 500 до 3000 руб. Выборы по крестьянской курии были многоступенчатыми. От сельских обществ выбирались представители на волостные сходы, где избирались выборщики, а те выбирали гласных (депутатов) в уездное земское собрание. Земское собрание избиралось на три года, собиралось регулярно раз в год, но если возникали чрезвычайные обстоятельства, то и чаще.

Председателем земского собрания, как правило, становился предводитель местного дворянства. Исполнительным органом земского собрания была земская управа (уездная, губернская), председателя которой утверждал губернатор. В первые годы реализации земской реформы правительство относилось достаточно лояльно к деятельности земских собраний, несмотря на столкновения и шероховатости, которые существовали между отдельными земствами, с одной стороны, и местной администрацией – с другой. Однако с конца 1860-х гг. правительство шаг за шагом стало ограничивать земское самоуправление.

Применительно к городам соответствующий закон был принят позже – в июне 1870 г., когда было утверждено новое «Городовое положение» [9]. Как и Положение о губернских и уездных земских учреждениях, этот документ содержал примерно ту же структуру, куда входили блоки норм по основным направлениям деятельности городского самоуправления, и этот акт также отличался довольно высоким уровнем системности. Городовым положением предусматривалось создание необходимых органов городского самоуправления: городские избирательные собрания, городская дума, городская управа. Все избира-

тели делились на три разряда (курии) и вносились в общий список в порядке убывания уплачиваемых налогов и сборов. Затем список делился на три разряда избирателей, каждый из которых платил 1/3 общей суммы городских сборов. Все разряды избирали равное число гласных, что являлось социально неравным принципом и обеспечивало преимущество крупных налогоплательщиков. Так, в Москве одного гласного выбирали 8 избирателей первого разряда, 38 избирателей второго разряда и 298 избирателей третьего разряда.

Распорядительные функции предоставлялись Городской думе, Управа же являлась исполнительным органом, действующим в рамках, отведенных ей думой. Члены Управы избирались думой и не нуждались в утверждении администрацией, и могли быть отстранены от должности и переданы суду постановлением думы. Городской голова также избирался Думой, но утверждался в должности в зависимости от ранга города либо губернатором, либо министром внутренних дел. Городской голова не только возглавлял городскую Управу, но и являлся председателем городской думы.

При этом нужно иметь в виду, что земские и городские органы местного самоуправления не включались в систему государственных учреждений и формально не подчинялись местным правительственным чиновникам. Однако государственный аппарат в лице министра внутренних дел и губернаторов имел достаточно полномочий для контроля и определенного влияния на их деятельность, в частности, председателей городских и земских уездных управ, а председатели губернских земских управ утверждались лично министром внутренних дел, а члены управ считались находившимися на государственной службе.

Но и в таком ограниченном виде действовавшее тогда местное самоуправление для власти показалось излишне либеральным. Корректировка в сторону ужесточения государственного управления началось после убийства императора Александра II в 1881 г. и получила название «контрреформ». Тогда были утверждены новые редакции Положения о губернских и уездных земских учреждениях (в редакции 1890 г.) «Городового положения» от

11 июня 1892 г. В обновленных законах власть значительно урезало самостоятельность местного самоуправления. Тем не менее потребность в большей самостоятельности на фоне расширяющегося в стране революционного движения катализировала активность жителей в желании иметь более широкие полномочия по решению вопросов местного значения.

И, например, 6-9 ноября 1904 года в Петербурге проходил Земский съезд – первый легальный Земский съезд, проведению которого власть не решилась препятствовать. Но здесь уже включались сугубо политические мотивы. Как отмечается в литературе, ожидаемая встреча с властью на этом форуме не состоялась (представители власти отказались), и съезд принял максимально радикальный из обсуждаемых вариант резолюции – о необходимости создания законодательного народного представительства, способного контролировать исполнительную власть властной бюрократии [10; 11]. С того времени потребность в обсуждении и решении вопросов местного значения самими жителями все более расширялась, и в настоящее время это находит реализацию, в частности, в институте публичных слушаний в системе местного самоуправления [12].

В последующем, уже после Октябрьской революции 1917 г. был взят курс на огосударствление местного самоуправления, и довольно быстро сложилось положение, при котором формально органы местной власти (местные Советы) входили в систему государственной власти, составляя вертикаль снизу доверху. Советский законодатель отказался также от издания универсальных, комплексных нормативно-правовых актов наподобие рассмотренных выше Положения о губернских и уездных земских учреждениях и «Городового положения» – вместо этого был избран подход, когда на основе норм Конституции СССР (1924, 1936, 1977 гг.) и РСФСР (1918, 1925, 1937, 1978 гг.) издавались законы по отдельным, наиболее важным аспектам деятельности органов местной власти. И только после распада СССР в 1991 г. опыт имперского законодателя по регулированию местного самоуправления в определенной степени был востребован.

Библиографический список

1. Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи от 07.11.1775 г. // ПСЗ-1. № 14392.
2. Городовое положение (Жалованная грамота городам) от 21.04.1785 г. // Городовое положение (Жалованная грамота городам) от 21.04.1785 г. // Законодательство Екатерины II. В 2 т. Т. 2. – М.: Юридическая литература, 2000. – С. 77-177.
3. Сироткин А.С. «Городовое положение» 1785 г. И благоустройство Москвы в последней четверти XVIII в. (на примере дела о мельнице на речке Синичке) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 4. – С. 85-92.
4. Ульянова Г.Н. Законодательное регулирование торговли в Российской империи (от Городового положения 1785 г. до гильдейской реформы Е.Ф. Канкрин 1824 г.) // Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. – 2018. – № 5. – С. 50-75.
5. Город в теории и практике: правовые и урбанонологические аспекты / Астафичев П.А., Бялкина Т.М., Дусаев Р.Н., Зайцева-Савкович Е.В., Ирхин И.В., Карцев Б.В., Касаткина С.С., Кожеников О.А., Комарова В.В., Корабельникова Ю.Л., Костюков А.Н., Ларичев А.А., Ливеровский А.А., Мартынова С.Э., Мархгейм М.В., Питрюк А.В., Пешин Н.Л., Расихина Л.Ф., Соколова А.И., Сюнберг К.К. и др. – Москва, 2020.
6. Чашников М.А. Реорганизация системы управления в царство Павла I // Вестник науки. – 2021. – № 1. – С. 156-160.
7. Абазов А.Б. Представительные органы местного самоуправления в системе муниципально-правовых отношений: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013.
8. Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 01.01.1864 г. // ПСЗ-2. Т. 34. № 40457.
9. Городовое положение от 16.06.1870 г. // ПСЗ-2. Т. 15. № 48498.
10. Холяев С.В. Конфликт либералов с властью 1904 года как завязка русской революции // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 4. – С. 174-181.
11. Морозова Е.Н. «Не смуту мы создаем, а ищем счастливого выхода из тягостного состояния нашего Отечества»: земский либерализм в начале XX в. (на примере Саратовского земства) / Е.Н. Морозова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 511-525. – DOI 10.18500/1819-4907-2025-25-4-511-525. – EDN KXRWQM.
12. Звягольский А.Ю., Тамазов З.Г., Упоров И.В. Правовое регулирование института публичных слушаний и его реализация в муниципальных образованиях (проблемы теории и практики). – Москва, 2008.

**THE PERIOD OF SYSTEMIC LEGAL REGULATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT
IN THE RUSSIAN EMPIRE**

I.V. Uporov, *Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor*
Russian Academy of Natural Sciences
(Russia, Krasnodar)

Abstract. *The institution of local self-government began to be systemically regulated relatively late in Russian legal history, namely with the adoption of the "City Statute" in 1785, which occurred during the reign of Catherine II as part of a fundamental reform of public administration. At that time, city residents received certain powers to independently resolve a number of local issues, while also forming self-governing bodies on an elective basis, albeit, of course, in a limited form. This article provides an overview of this act, as well as other specialized systemic laws that refined the institution of local self-government (the "Regulations on Provincial and District Zemstvo Institutions" of 1864, the "City Statute" of 1870). The structure and features of these normative legal acts are described, as well as their significance in the development of local self-government in the Russian Empire in the late 18th and early 19th centuries.*

Keywords: *local self-government; City Statute; Duma; members; council; zemstvo institutions; power; state.*

ОСОБЕННОСТИ ОПЕРАТИВНО-СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ СССР В КОНЦЕ 1940-Х – НАЧАЛЕ 1950-Х ГОДОВ

И.В. Уповор, д-р ист. наук, канд. юрид. наук, профессор
Российская академия естествознания
(Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-201-206

***Аннотация.** В статье рассматривается некоторая трансформация оперативно-следственной деятельности органов государственной безопасности СССР в отношении преступлений против государства и других тяжких общественно опасных деяний в период после окончания войны и до смерти Сталина. Эта трансформация обуславливалась переходом с военного времени на мирные условия жизни в стране и находила отражение в ведомственных документах, в частности, в спецсообщении министра госбезопасности В.С. Абакумова, в партийных решениях, ряде законодательных актов. Общая направленность изменений связывалась с необходимостью в большей мере соблюдать законность при производстве оперативно-следственных действий, и в этом контексте показывается попытка уменьшить полномочия псевдо-судебного органа – Особого совещания (ОСО) при НКВД-МВД (НКГБ-МГБ) в 1951 г., причем инициатором был сам глава МГБ С.Д. Игнатъев, однако этот проект не состоялся, и ОСО было упразднено только в 1953 г.*

***Ключевые слова:** оперативно-следственная деятельность; госбезопасность; Сталин; законность; послевоенное время; Особое совещание.*

После окончания Великой Отечественной войны в СССР определенным образом стала меняться стратегия деятельности органов государственной безопасности, в том числе в сфере дознания и расследования преступлений против государства и других тяжких общественно-опасных деяний (шпионаж, диверсии, бандитизм и др.). Если в условиях военного времени сотрудники госбезопасности имели ряд чрезвычайных полномочий, то в послевоенные годы, в условиях мирного времени, все чаще стал подниматься вопрос о более строгом соблюдении действующего уголовно-процессуального законодательства. И это касалось прежде всего оперативных работников, дознавателей и следователей (начала органов внутренних дел НКВД-МВД, а позже, после структурных изменений в этих правоохранительных органах, – органов государственной безопасности НКГБ-МГБ) [1]. Именно оперативно-следственные сотрудники формировали доказательственную базу и формулировали обвинительные заключения, которые впоследствии как правило без изменений утверждались прокуратурой и затем включались и тексты обвинительных приговоров.

В этой связи нужно заметить, что следственной работе в структурах госбезопасности уделялось достаточно большое внимание. Более того, по рассматриваемому ниже документу можно судить, что ею интересовался и Сталин. Речь идет о спецсообщении министра государственной безопасности ГБ В.С. Абакумова Сталину «О следственной работе в МГБ», датированное 17 июля 1947 годом [2, с. 52-56]. В этом документе сообщалось о сложившейся в органах МГБ практике ведения следствия по делам о шпионах, диверсантах, террористах и участниках антисоветского подполья. В контексте рассматриваемой темы «антисоветское подполье» как раз и объединяло в себе бандформирования, которые совершали преступления на освобожденных от оккупации советских территориях. Абакумов, в частности, сообщал: «Перед арестом преступника предусматриваются мероприятия, обеспечивающие внезапность производства ареста – в целях: а) предупреждения побега или самоубийства; б) недопущения попытки поставить в известность сообщников; в) предотвращения уничтожения уликовых данных. При аресте важного государственного преступника, когда необходимо скрыть его

арест от окружающих или невозможно одновременно произвести арест его сообщников, чтобы не спугнуть их и не дать им возможности улизнуть от ответственности или уничтожить уликовые данные, – производится секретный арест на улице или при каких-либо других специально предусмотренных обстоятельствах ... Во всех случаях совершения террористических актов и диверсий, появления антисоветских листовок, хищения и пропажи особо важных государственных секретных документов – следователь и оперативные работники выезжают для личного осмотра и фотографирования места происшествия, обнаружения следов и доказательств преступления, выявляют всех очевидцев для их допроса и немедленно принимают меры к поимке преступников» [2, с. 53].

Из документа следует также, что в органах госбезопасности неплохо освоили криминалистические методы следственной деятельности. Заметно также стремление приводить следственные документы в соответствии с действовавшим тогда УПК РСФСР 1923 г. (с последующими изменениями). Указывалось, в частности, что «показания арестованных все-сторонне документируются и проверяются посредством сопоставления с остальными имеющимися в следственном деле документами и агентурными материалами, допросами других обвиняемых и свидетелей, получения в необходимых случаях заключения экспертизы, сбора новых письменных и иных доказательств, розыска и установки проходящих по показаниям лиц и других оперативно-следственных действий. В необходимых случаях следователь передает показания арестованных в оперативные отделы МГБ для проверки их через агентуру» [2, с. 55].

Важнейшее значение во время следствия имели допросы обвиняемых, поскольку от их показаний зависел в конечном итоге результат работы следователя. При этом, в частности, указывалось, что «когда арестованный не дает откровенных показаний и увертывается от прямых и правдивых ответов на поставленные вопросы, следователь, в целях нажима на арестованного, использует имеющиеся в распоряжении органов МГБ компрометирующие данные из прошлой жизни и деятельности арестованного, которые последний скрывает ... В некоторых случаях для внутрикамерной

разработки арестованных практикуется подсада в камеру под видом арестованных – сотрудников МГБ или агентов с воли» [2, с. 54].

В этом смысле была затронута особенность расследования некоторых преступлений, в том числе совершаемых бандформированиями на бывших в оккупации советских территориях. Так, при допросах обвиняемых по такого рода делам «прежде всего выявляется политическое направление, связи с иностранными разведками или с заграничными антисоветскими белогвардейскими центрами, средства и способы размножения и распространения вражеской литературы, места хранения оружия, взрывчатых веществ, сборищ, явки, пароли и т.п.» [2, с. 53, 55]. Судя по тому, что писал Абакумов, казалось бы, даже с учетом использования указанных выше методов, можно было бы говорить о том, что органы госбезопасности в целом проводили следствие в рамках допускаемой уголовно-процессуальным законом криминалистической тактики.

Однако содержащиеся в спецсообщении сведения о некоторых других методах добычи от обвиняемых «нужных» показаний некоторым образом противоречит такой оценке. Так, Абакумов сообщал: «В отношении арестованных, которые упорно сопротивляются требованиям следствия, ведут себя провокационно и всякими способами стараются затянуть следствие либо сбить его с правильного пути, применяются строгие меры режима содержания под стражей: К этим мерам относятся: а) перевод в тюрьму с более жестким режимом, где сокращены часы сна и ухудшено содержание арестованного в смысле питания и других бытовых нужд; б) помещение в одиночную камеру; в) лишение прогулок, продуктовых передач и права чтения книг; г) водворение в карцер сроком до 20 суток ...» [2, с. 55]. В литературе отмечается, что, «несмотря на эти и другие искажения уголовно-процессуального законодательства, на фоне периода «большого террора» (вторая половина 1930-х гг.) указанные нарушения во время следственных допросов имели все же меньший масштаб» [3, с. 84]. Соглашаясь с этим, уточним, что речь при этом может идти только о тенденции, но никак об оправдании нарушений уголовно-процессуального законодательства. Показательным, на наш взгляд,

является и затронутая Абакумовым кадровая проблема в органах государственной безопасности: «Необходимо отметить, что произведенной в соответствии с решением ЦК ВКП(б) повсеместной проверкой следственной работы в органах МГБ ... выявлено, что некоторые чекисты забыли и в ряде случаев извратили многие положения из указанной выше практики ведения следствия» [2, с. 55].

Исходя из того, что недостатки указывал сам руководитель ведомства, то можно предположить, что их было гораздо больше. В частности, о недостатках написал в своем заявлении, адресованному Сталину, старший следователь Рюмин: «В следственной части по особо важным делам систематически и грубо нарушается постановление ЦК ВКП(б) и Советского правительства о работе органов МГБ в отношении фиксирования вызовов на допрос арестованных протоколами допроса, которые, кстати сказать, почти по всем делам составляют нерегулярно и в ряде случаев необъективно .. особенно по делам, представлявшим интерес для правительства, показания арестованных под силой принуждений записывались с недопустимыми обобщениями, нередко искажающими действительность. Я не привожу конкретных фактов, хотя их очень много» [4, л. 10-11].

Это заявление, больше похожее на донос (подробно прокомментировано А.А. Медовник [4]), равно как репрессии руководителей органов госбезопасности (Ягоду, Ежова, Берия, Абакумова), свидетельствует, помимо прочего, о непростой моральной обстановке в центральном аппарате МГБ СССР. И в этом контексте нужно заметить, что структурно к НКВД-МВД (НКГБ-МГБ) относился и такой внесудебный орган, как Особое совещание (ОСО), где рассматривалась также немалая часть уголовных дел бандитов и их соучастников, совершавших преступления на бывших в оккупации советских территориях, и полномочия ОСО как псевдо-судебного органа после образования в 1934 г. неуклонно расширялись. Так, в решении Политбюро ЦК ВКП(б) от 8 апреля в 1937 г., указывалось: «Предоставлять Наркомвнуделу право в отношении лиц, подозреваемых в шпионаже, вредительстве, диверсиях и террористической деятельности, заключать в тюрьму на срок от

5 до 8 лет» [5] (в этом смысле ОСО заменяло «тройки» ОГПУ [6, с. 55]).

А после начала войны ОСО получило «расстрельные» полномочия – «предоставить Особому совещанию при НКВД СССР право с участием Прокурора Союза ССР по возникающим в органах НКВД делам о контрреволюционных преступлениях и особо опасных преступлениях против порядка управления СССР, предусмотренных статьями 58-1а, 58-1б, 58-1в, 58-1г, 58-2, 58-3, 58-4, 58-5, 58-6, 58-7, 58-8, 58-9, 58-10, 58-11, 58-12, 58-13, 58-14, 59-2, 59-3, 59-3а, 59-3б, 59-3в, 59-4, 59-7, 59-8, 59-9, 59-10, 59-12, 59-13 Уголовного кодекса РСФСР, выносить соответствующие меры наказания вплоть до расстрела. Решение Особого совещания считать окончательным» [7].

Как представляется, надделение ОСО (этот орган в разные годы был и при НКВД-МВД СССР, и при НКГБ-МГБ СССР в связи с указанными выше структурными изменениями) столь большими полномочиями при наличии достаточно широкой сети военных трибуналов и военно-полевых судов даже в военное время вряд ли могло быть достаточно обоснованно – видимо, причина была в другом, и она заключалась, как и ранее, во времена «большого террора» 1930-х гг., прежде всего в том, что законными методами власти не всегда удавалось доказать вину подозреваемых в совершении государственных и других тяжких преступлений. О соотношении объемов уголовных дел против советской власти, рассмотренных военными трибуналами и ОСО НКВД СССР, можно судить, например, из Отчета УНКВД по Московской области о результатах работы за период с начала войны от 3 мая 1942 г. [8]. Здесь указывается, в частности, что за указанный период было арестовано 10 281 человек – «антисоветского элемента». Из этого числа на 6 197 человек следствие было закончено полностью, и при этом дела на 5 046 человек были направлены в военные трибуналы, а на 1 151 человек – в ОСО при НКВД СССР, то есть во внесудебном порядке рассматривалась примерно пятая часть всех дел.

Заметим еще, что в начале 1950-х гг. была предпринята неожиданная попытка изменить полномочия ОСО с сохранением этого института. При этом важно заметить, что проект нового закона об ОСО был разработан мини-

стром ГБ С.Д. Игнатьевым и изложен в письме Сталину от 28 декабря 1951 г. Игнатьев, в частности, отмечал, что «существующая сейчас практика привела к тому, что за последние годы значительная часть дел, расследуемых органами государственной безопасности, в нарушение основного законодательства о подсудности направлялась органами МГБ не в судебные органы, а в Особое Совещание при МГБ СССР, где, при упрощенном рассмотрении дел, работники центрального аппарата и местных органов МГБ легко добивались вынесения приговоров даже по делам, до конца не дорасследованным. Такое положение породило у значительной части работников следственных аппаратов органов МГБ безответственное отношение к расследованию дел о государственных преступлениях» [9, л. 57]. И далее в связи с этим следовали предложения: а) впредь все следственные дела, расследуемые органами МГБ, как правило, направлять на рассмотрение в соответствующие суды по подсудности; б) на рассмотрение ОСО при МГБ СССР направлять дела только о таких преступлениях, доказательства по которым в силу их особого характера не могут быть оглашены в судебном заседании; в) предоставить право ОСО применять по рассмотренным делам предусмотренные законом меры наказания – до 10 лет лишения свободы.

Эти предложения были оформлены в виде проекта Указа ПВС СССР об утверждении нового Положения об Особом совещании при Министре государственной безопасности СССР, согласованного с министром юстиции и Генеральным прокурором от 30 декабря 1951 г. [10]. Сравнение документов (Положение об ОСО 1934 г. и проект Положения 1951 г.) показывает, что произошли заметные изменения, направленные в целом на снижение полномочий этого внесудебного органа, хотя они оставались значительными. В частности, в проекте Положения об ОСО этому внесудебному органу предоставлялось право рассматривать расследованные органами МГБ СССР дела: а) о лицах, признаваемых общественно опасными по связям с преступной средой или по своей прошлой деятельности; б) о преступлениях, доказательства по которым в силу их характера не могут быть оглашены в судебных заседаниях; в) другие дела –

по отдельным Указам Президиума Верховного Совета СССР или постановлениям Правительства СССР. Дела на рассмотрение ОСО должны были направляться с санкции прокурора. По рассматриваемым делам ОСО имело право применять: высылку с постоянного места жительства под надзор органов МГБ, с запрещением проживания в режимных местностях, на срок до 5 лет; ссылку в отдаленные местности под надзор органов МГБ на срок до 10 лет; лишение свободы (заключение в лагерь или тюрьму) сроком до 10 лет, а по особым составам преступлений – 20 лет каторжных работ; ссылку на поселение; выселение вместе с семьей на постоянное жительство в отдаленные местности на спецпоселение; высылку за пределы Советского Союза; принудительное лечение; конфискацию имущества. Заседания ОСО должны были проводиться в составе председателя, двух членов и прокурора. Генеральный прокурор СССР или его заместитель, участвовавший в заседаниях ОСО, в случае несогласия с решением ОСО, имел право внесения протеста в Президиум Верховного Совета СССР, в этом случае исполнение решения ОСО приостанавливалось до постановления по данному вопросу Президиума Верховного Совета СССР [10]. Здесь полномочия остаются значительными, но, например, полномочия выносить расстрельные приговоры уже нет.

Вероятно, такой документ был составлен ввиду того, что беззаконие при расследовании и рассмотрении уголовно-политических дел в ОСО достигло такой степени, которая стала казаться неприемлемой даже для руководителя государственной безопасности Игнатьева, который, очевидно, воспользовался возможностью, связанной с тем, что он мог, как новый министр, предложить свое видение по улучшению деятельности возглавляемого им ведомства. В сборнике, в котором был опубликован этот проект Положения об ОСО, нет сведений о том, был ли проект рассмотрен на Президиуме Верховного Совета СССР, равно как не удалось обнаружить данные, свидетельствующие о дальнейшем прохождении данного проекта. Можно предположить, что никакого движения в силу радикальности предложений не происходило.

Во всяком случае, уже после смерти Сталина был принят Указ ПВС СССР «Об

упразднении Особого совещания при министре внутренних дел СССР» от 1 сентября 1953 г. [11], согласно которому ОСО упразднялось. Из этого следует вывод о том, что предложения Игнатъева не нашли поддержки во властной тогда верхушке. Так закончилась деятельность ставшего печально известным ОСО при НКВД-МВД, а также при НКГБ-МГБ (в разные годы), которое в литературе определяется как «одним из самых зловещих инструментов террора» в период сталинского правления [12, с. 20]. И далее с каждым годом в СССР постепенно шел процесс восстанов-

ления законности в оперативно-следственной деятельности органов госбезопасности по преступлениям против государства [13]. Важнейшим этапом этого процесса стало принятие нового союзного уголовного, уголовно-процессуального и исправительно-трудового законодательства, где уже не предусматривались никакие особые совещания, и все без исключения уголовного дела после предъявления обвинения подозреваемым в совершении преступлений должны были рассматриваться в судебных заседаниях.

Библиографический список

1. Бугаев В.Н. Деятельность органов НКВД-НКГБ-МВД-МГБ СССР по обеспечению общественной безопасности на территории Западной Белоруссии в (1939-1953 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – № 6. – С. 1568-1578.
2. Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 – март 1953. Документы / Сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотников. – М.: МФД, 2007.
3. Медовник А.А. Уголовно-политическое судопроизводство в советском государстве послевоенного периода (1945-1953 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2008.
4. Заявление старшего следователя МГБ СССР М.Д. Рюмина И.В. Сталину от 02.07.1951 г. // АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 216. Л. 10-11.
5. Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 8 апреля 1937 г. «Об утверждении Положения об особом совещании при НКВД СССР» // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 986.
6. Романовская В.Б. Репрессивные органы в России XX века. Нижний Новгород, 1996.
7. Постановление Государственного Комитета Обороны № ГКО-903сс «О порядке приведения в исполнение приговоров в отношении лиц, осужденных к высшей мере наказания, и предоставлении Особому совещанию при НКВД СССР права выносить соответствующие меры наказания по делам о контрреволюционных и особо опасных преступлениях» от 17.11.1941 г. // Вопросы истории. – 1994. – № 2. – С. 55.
8. Отчет УНКВД по Московской области о результатах работы за период с начала войны от 3 мая 1942 г. // Лубянка в дни битвы за Москву. Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. – М.: Звонница-МГ, 2002. – С. 132-139.
9. Служебная записка С.Д. Игнатъева И.В. Сталину об Особом совещании при МГБ СССР от 28.12.1951 г. // Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. Документы / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М.: Росспэн, 2003. – С. 666.
10. Проект Указа ПВС СССР об утверждении Положения об Особом совещании при Министре государственной безопасности СССР от 30.12.1951 г. // Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. Документы / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М.: Росспэн, 2003. – С. 667-668.
11. Указ ПВС СССР «Об упразднении Особого совещания при министре внутренних дел СССР» от 01.09.1953 г. // Судебная власть в России. История. Документы. В 6 т. Т. 5. Советское государство / Сост. О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 2003. – С. 535.
12. Тязин Е.Н. Антиконтституционная и противоправная деятельность Особого совещания при НКВД-МГБ-МВД СССР и других несудебных органов // Вестник Мордовского университета. – 1996. – № 2. – С. 15-21.
13. Уголовно-исполнительное право России. Общая и особенная части / Орлов В.Н., Эминов В.Е., Антонян Е.А., Борсученко С.А., Бриллиантов А.В., Гришко А.Я., Журавлев М.П., Кашуба Ю.А., Лядов Э.В., Малинин В.Б., Милюков С.Ф., Орлова Ю.Р., Селиверстов В.И., Скиба А.П., Смирнов С.Н., Старков О.В. и др.: Учебник для бакалавров / Сер. 58 Бакалавр. Академический курс. (1-е изд.). – Москва, 2012.

**FEATURES OF THE OPERATIONAL-INVESTIGATIVE
ACTIVITIES OF THE USSR STATE SECURITY BODIES
IN THE LATE 1940S – EARLY 1950S**

I.V. Uporov, *Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor*
Russian Academy of Natural Sciences
(Russia, Krasnodar)

***Abstract.** This article examines the transformation of the operational-investigative activities of the USSR state security agencies in relation to crimes against the state and other serious socially dangerous acts in the period after the end of the war and until Stalin's death. This transformation was driven by the transition from wartime to peacetime conditions in the country and was reflected in departmental documents, in particular, in a special report by the Minister of State Security V.S. Abakumov, in party decisions, and a number of legislative acts. The general thrust of the changes was linked to the need to better adhere to the law in operational investigative activities. In this context, an attempt to reduce the powers of the pseudo-judicial body – the Special Conference (SC) under the NKVD-MVD (NKGB-MGB) – is demonstrated in 1951. The initiator was S.D. Ignatiev, head of the MGB himself. However, this project failed, and the SC was abolished only in 1953.*

***Keywords:** operational investigative activities; state security; Stalin; legality; post-war period; Special Conference.*

ПРАВОВЫЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ДОВЕРИТЕЛЯ АДВОКАТОМ ПРИ РАЗДЕЛЕ ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ

Д.А. Шайбакова, магистрант

Научный руководитель: Р.Р. Каримов, канд. юрид. наук, доцент

Уфимский университет науки и технологий
(Россия, г. Уфа)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-207-211

***Аннотация.** Раздел совместно нажитого имущества – одна из наиболее сложных и конфликтных категорий семейных споров. Для достижения успеха в них недостаточно лишь глубокого знания права – необходима тщательно проработанная адвокатская стратегия. В данной статье анализируются ключевые этапы работы адвоката с момента обращения доверителя до исполнения судебного акта, с акцентом на практические инструменты защиты. Актуальность темы проистекает из комплекса взаимосвязанных причин, которые можно структурировать по следующим направлениям: социально-экономические факторы, тактические задачи ведения спора, имущественные интересы доверителя, а также профессиональные стандарты адвокатской деятельности.*

***Ключевые слова:** раздел имущества супругов; совместная собственность; брачный договор; адвокатская тактика; правовая позиция; досудебное урегулирование; судебный процесс; оценка имущества.*

По официальным данным, число разводов в Российской Федерации продолжает расти: в 2023 году оно достигло 684 тысяч, что стало максимальным показателем за последние девять лет. При этом советник гендиректора Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) Елена Михайлова сделала спорное заявление, отметив, что в 2024 году распались в 2024 году до 80% браков (восемь из десяти браков) [1]. Расторжение брака представляет собой не просто тяжелое эмоциональное потрясение, но и сложную юридическую процедуру. Ее центральным элементом становится справедливый раздел совместно нажитого имущества. В этой ситуации профессионализм и юридическая компетентность адвоката играют ключевую роль в защите интересов сторон, особенно когда речь идет о таких активах, как бизнес, дорогостоящая недвижимость, крупные финансовые вклады и инвестиционные портфели.

Институт общей совместной собственности супругов, закрепленный в ст. 33-34 Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) [2], основан на презумпции равенства прав сторон. По общему правилу права супругов при разделе имущества равны, и имущество, нажитое в браке, должно разделяться поровну, однако в ряде случаев от равенства

долей можно отступить при определенных условиях. Реализация права на справедливый раздел часто сопряжена необходимостью доказывания состава имущества, его стоимости, а в некоторых случаях отступления от принципа равенства долей. Задача адвоката – превратить абстрактную норму закона в конкретный, максимально выгодный для доверителя результат, используя весь арсенал правовых и тактических средств.

Основная сложность при разделе имущества заключается в необходимости тщательного анализа всех обстоятельств: от состава и рыночной стоимости активов до обязательств и других вкладов каждого из супругов. Ключевая задача – доказать совместное владение имуществом, даже если оно зарегистрировано на одного из партнеров, а также подтвердить личную принадлежность имущества в случае претензий другой стороны [3, с. 95]. Отсутствие квалифицированной юридической поддержки на этом этапе часто приводит к затяжным судебным разбирательствам и значительным финансовым потерям.

Особый интерес для адвоката в делах данной категории заключается в том, что итоговое решение основывается на внутреннем убеждении судьи. В этой связи ключевая задача защиты сводится к организации всесто-

ронного и непосредственного исследования доказательств, а также к акцентированию внимания суда и сторон процесса на обстоятельствах, имеющих юридическое значение. Обилие оценочных категорий в СК РФ предоставляет адвокату значительное пространство для маневра, позволяя применять разнообразные тактические приемы, в том числе инструменты ораторского искусства. Следовательно, выстраивая линию защиты, адвокат получает возможность сформировать внутреннее убеждение судьи, которое ляжет в основу окончательного решения по делу, тем самым напрямую влияя на исход судебного разбирательства.

Тактически аспекты – это конкретные, практические шаги, методы, приемы и решения, которые используются для достижения целей в рамках общей стратегии. Тактические аспекты адвоката начинаются с правового анализа договора и иных документов.

Тщательный анализ правовой базы является основой для раздела имущества. Прежде чем выработать позицию, адвокату необходимо установить, подпадает ли ситуация под действие специального правового режима. Специальный правовой режим – это любой установленный законом или договором порядок, который отличается от стандартного режима совместной собственности супругов.

К примерам специального правового режима имущества супругов относятся:

1. Брачный договор (контракт).

Суть: супруги вправе самостоятельно установить режим совместной, долевой или разделенное имущество. Это главный и самый гибкий пример специального режима, который отменяет законный режим совместной собственности.

Адвокат обеспечивает правовую экспертизу документа на предмет его соответствия законодательным требованиям, оценивает возможные риски, а также разрабатывает оптимальные правовые условия. Это позволяет сторонам найти взаимовыгодное решение и избежать длительных судебных разбирательств.

2. Соглашение о разделе общего имущества (ч. 2 ст. 38 СК РФ).

Суть: этот документ определяет, какая конкретно вещь или объект недвижимости переходит к каждому из супругов. После за-

ключения соглашения режим общей собственности на разделенное имущество прекращается.

Адвокат может инициировать досудебное урегулирование путем подготовки такого соглашения, что является наиболее цивилизованным и экономичным способом.

3. Правовой режим имущества каждого из супругов (раздельная собственность).

Законодательно определено, что имущество, которое приобретено до начала заключения брака является его собственностью и не подлежит разделу. Аналогичное правило действует на имущество, полученное в дар одним из супругов, или полученное в результате наследственных отношений.

Основные правовые сложности сторон обычно связаны с обоснованием права одного из супругов на единоличную собственность. Это относится к ситуациям, когда объект был приобретен на средства, полученные от продажи добрачного имущества одного из супругов, либо на средства, безвозмездно переданные одним из родственников целенаправленно лишь одному из супругов.

Дополнительно к подлежащему разделу имуществу относятся:

1. Личное имущество каждого из супругов, за исключением предметов роскоши.

2. Интеллектуальная собственность (исключительные права) одного из супругов (при этом доходы, полученные от использования такого результата интеллектуальной деятельности, напротив, относятся к общим и подлежат разделу).

3. Имущественные права несовершеннолетних детей.

4. Имущество, приобретенное после фактического прекращения семейных отношений (для исключения такого имущества из раздела необходимо подтвердить, что супруги прекратили вести общее хозяйство, проживать вместе и приобретение было осуществлено на личные средства одного из них).

Успех в судебном разбирательстве во многом определяется качеством подготовки на досудебной стадии, поэтому ключевое внимание следует уделить тактике защиты на этом этапе.

На этапе досудебного урегулирования адвокат содействует достижению сторонами взаимоприемлемого решения путем организа-

ции переговоров или медиации. Грамотное юридическое сопровождение на данной стадии зачастую позволяет разрешить конфликт без обращения в суд, что экономит временные и финансовые ресурсы сторон. Такой подход особенно полезен, когда есть дети и супруги стремятся сохранить нормальные взаимоотношения [4].

Направление противоположной стороне проекта соглашения о разделе имущества или официального предложения о урегулировании спора является не только следствием принципа добросовестности, но и выполняет ряд практических задач:

- формализация позиции: позволяет четко зафиксировать и донести позицию доверителя.

- корректировка тактики: полученные от ответчика возражения дают возможность проанализировать его аргументы и скорректировать дальнейшую линию защиты в суде.

- демонстрация доброй воли: в случае отказа от предложения, истец получает возможность представить суду доказательства своего стремления к мирному урегулированию.

1. Первичная консультация и сбор информации.

На этапе первичной консультации адвокату надлежит провести детальный опрос доверителя с целью выявления всего спектра активов и обязательств. Особое внимание следует уделить активам, которые могут быть намеренно сокрыты второй стороной (например, счета в зарубежных странах).

Стоит учитывать, что одновременно с разделом имущества сторона вправе заявить требование о разделе долгов супругов, кредитов, суммы которых будут учитываться, в частности при назначении компенсации разницы стоимости вещей бывшей семьи.

Параллельно необходимо разъяснить клиенту его права, правовые риски и вероятные перспективы дела для формирования у него реалистичных ожиданий.

2. Сбор доказательственной базы.

Клиенту необходимо предоставить исчерпывающий пакет первичных документов, включающий:

- актуальные выписки из ЕГРН на все объекты недвижимости;
- договоры купли-продажи, дарения, мены;
- кредитные договоры и графики платежей;

- банковские выписки по счетам и вкладам и т.д.

3. Формирование правовой стратегии.

На основании полученных документов адвокат разрабатывает позицию защиты, которая включает:

- определение процессуального статуса (анализ, в качестве какой стороны – истца или ответчика выступает доверитель).

- формулировка предмета иска (определение конкретных исковых требований, таких как: раздел имущества в натуре. Взыскание денежной компенсации, признание права собственности на долю).

- оценка необходимости встречного иска (принятие решения о подаче встречного иска в случае, если этого требует полный объем защиты интересов доверителя).

4. Досудебная подготовка доказательств.

Данный этап является критически важным для формирования обоснованной позиции по делу. Его ключевыми элементами являются независимая оценка имущества и корректное определение состава общей совместной собственности.

а) независимая оценка имущества: для установления рыночной стоимости активов (недвижимости, транспортных средств, долей в бизнесе) необходимо провести их независимую экспертизу. Задача адвоката – выбрать надежную оценочную компанию и проконтролировать юридическую грамотность и обоснованность подготовленного заключения.

б) определение состава общего имущества: законодатель, определяя объем общего совместного имущества супругов, использует не исчерпывающий перечень, а систему критериев.

Согласно ст. 34 СК РФ имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью. Перечень, закрепленный в СК РФ не является исчерпывающим, что позволяет включать в состав делимого имущества и иные объекты, появившиеся в современной экономической реальности. Общество не стоит на месте, а постоянно развивается, в связи с чем усложняется и структура семейной собственности.

Если необходимые для дела документы находятся у противоположной стороны или третьих лиц, адвокат готовит и заявляет хода-

тайство об их принудительном истребовании через суд.

Для подтверждения фактов формируется пакет доказательств, в который входят:

- 1) вещественные и электронные доказательства;
- 2) аудиодоказательства;
- 3) свидетельские показания.

Если досудебное урегулирование не принесло результатов, следующим и наиболее важным становится судебное разбирательство. Адвокат берет на себя полное представительство интересов клиента в суде, обеспечивая корректность всех процессуальных действий и защищая его права вплоть до вынесения окончательного решения.

Тактика ведения дела в суде включает несколько ключевых стадий:

1. Подготовка и подача искового заявления.

Исковое заявление должно быть не только формально правильным, но и содержательно убедительным. На этом этапе уделяется внимание:

- цене иска: от нее точного расчета напрямую зависит размер государственной пошлины;

- предмету доказывания: формируется четкий перечень юридически значимых обстоятельств, которые необходимо доказать в суде.

- процессуальной экономии: требования формулируются таким образом, чтобы избежать множественности исков и комплексно разрешить спор.

2. Участие в предварительном судебном заседании.

Адвокат занимает активную позицию, чтобы заложить основу для успешного разрешения дела:

- заявляет необходимые ходатайства (об истребовании доказательств, назначении экспертиз, наложении ареста на имущество для обеспечения иска в соответствии со ст. 140 ГПК РФ) [5];

- при необходимости уточняет искомые требования и формулирует возражения на доводы противоположной стороны;

- определяет круг вопросов, которые должны быть поставлены перед судебными экспертами.

3. Тактика в основном судебном заседании.

Ключевая задача – эффективное представление и оспаривание доказательств.

- работа с доказательствами: адвокат представляет документы, организует опрос свидетелей, приобщает заключения специалистов и активно оспаривает доказательства, представленные оппонентом;

- судебные экспертизы: для опровержения невыгодных выводов адвокат может ходатайствовать о назначении повторно и/или дополнительной экспертизы, а также грамотно формулирует вопросы перед экспертом;

- заявление о пропуске срока исковой давности: если раздел имущества происходит после расторжения брака, адвокат использует этот инструмент (ст. 38 СК РФ, ст. 200 ГК РФ) для защиты, если другая сторона пропустила установленный трехлетний срок.

- обоснование отступления от принципа равенства долей при разделе имущества: адвокат ходатайствует перед судом об отступлении от начала равенства долей супругов в пользу доверителя, руководствуясь положениями п. 2 ст. 39 СК РФ).

Аргументы в пользу увеличения доли доверителя могут включать: наличие несовершеннолетних детей, которые остаются с одним из родителей; исполнение одним из супругов обязательств по общим долгам семьи; болезнь или нетрудоспособность супруга, возникшая в период брака.

Аргументы в пользу уменьшения доли другого супруга и взыскания компенсации могут основываться на его действиях, таких как: безответственное поведение, приведшее к возникновению общих долгов; иррациональное или халатное отношение к общему имуществу, повлекшее его повреждение или уменьшение стоимости.

4. Обжалование судебного акта.

После вынесения решения суда первой инстанции адвокат анализирует его на предмет нарушений норм материального или процессуального права, что является основанием для подготовки мотивированной апелляционной жалобы.

Успешная защита интересов клиента при разделе совместного имущества требует комплексного знания семейного, гражданского и процессуального права, а также значительного практического опыта. Результат зависит не только от грамотных действий в суде, но и от

тщательной досудебной подготовки. Задача адвоката в таком процессе – выступать в роли стратега, который прогнозирует шаги оппонента, снижает правовые риски и использует

все законные средства для достижения справедливого и выгодного для доверителя решения, что напрямую влияет на его финансовое будущее.

Библиографический список

1. Статья: 8 из 10 союзов распадаются: главное о браках и разводах в России // РБК. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/social/67eb9ba99a7947165b574ab9?from=copy>.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ (в актуальной редакции) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/>.
3. Фаст О.Ф. Отдельные аспекты защиты интересов супругов при разделе имущества // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – № 4 (147). – С. 94-98.
4. Нюансы рассмотрения семейных дел, правоприменение в спорах о детях и раздел имущества // Адвокатская газета. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/novosti/nyuansy-rassmotreniya-semeynykh-del-pravoprimerenie-v-sporakh-o-detyakh-i-razdel-imushchestva/>.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 № 138-ФЗ (в актуальной редакции) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/>.

LEGAL AND TACTICAL ASPECTS OF PROTECTING THE INTERESTS OF THE CLIENT BY A LAWYER WHEN DIVIDING THE PROPERTY OF THE SPOUSES

D.A. Shaibakova, *Graduate Student*

Supervisor: *R.R. Karimov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

**Ufa University of Science and Technology
(Russia, Ufa)**

Abstract. *The division of jointly acquired property is one of the most complex and contentious categories of family disputes. Success requires more than just a thorough knowledge of the law; a carefully crafted legal strategy is essential. This article analyzes the key stages of a lawyer's work, from the client's request to the enforcement of a court order, with an emphasis on practical defense tools. The relevance of the topic stems from a complex of interrelated factors that can be structured along the following lines: socio-economic factors, tactical objectives of dispute resolution, the client's property interests, and professional standards of advocacy.*

Keywords: *division of marital property; joint property; marriage contract; lawyer tactics; legal position; pre-trial settlement; trial; property valuation.*

МОТИВАЦИЯ ПЕРСОНАЛА В ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТАМИ

Н.С. Бабосов, аспирант
Университет «Синергия»
(Россия, г. Москва)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-212-218

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли мотивации в формировании и функционировании проектных команд в условиях проектно-ориентированного управления. Актуальность темы обусловлена возрастанием значения командной работы при реализации проектов, а также необходимостью повышения вовлеченности и ответственности участников проектной деятельности. Показано, что эффективность проектных команд определяется не только уровнем профессиональных компетенций персонала, но и характером используемых мотивационных механизмов, обеспечивающих согласование индивидуальных и проектных целей. В работе рассматриваются основные подходы к формированию и мотивации проектных команд, анализируются факторы, влияющие на вовлеченность участников, а также особенности применения материальных и нематериальных стимулов в проектной среде. На основе кейс-анализа практик российских и международных компаний выявлены устойчивые мотивационные решения, ориентированные на долгосрочное вовлечение персонала и повышение результативности проектной деятельности. Сформулированы практические рекомендации по совершенствованию систем мотивации участников проектных команд с учетом специфики проектной работы и целей реализуемых проектов.

Ключевые слова: проектная команда; мотивация персонала; управление проектами; проектная деятельность; стимулирование; командная эффективность.

Рост масштабов и сложности проектной деятельности в организациях различных отраслей обусловил повышение роли проектных команд как ключевого элемента системы управления проектами. В условиях ограниченных ресурсов, жестких сроков и высокой степени неопределенности именно согласованная работа команды во многом определяет достижение запланированных результатов. При этом практика показывает, что формальное распределение функций и регламентов не обеспечивает устойчивой эффективности проектной деятельности без учета мотивационных аспектов участия сотрудников в проектной работе, в связи с чем возникает проблема формирования и поддержания эффективной мотивации проектных команд приобретает особую актуальность и требует теоретического осмысления и практической проработки.

Целью выполненного исследования является анализ роли мотивации в формировании и функционировании проектных команд как фактора повышения эффективности управления проектами.

Для достижения поставленной цели в работе предполагается решение следующих **задач:**

- рассмотреть основные подходы к формированию проектных команд и выявить факторы, влияющие на мотивацию участников проектной деятельности;
- проанализировать особенности применения материальных и нематериальных мотивационных инструментов в системе проектного управления;
- обосновать направления адаптации мотивационных моделей к специфике проектной работы и целям конкретных проектов.

Проектная команда и мотивация как факторы эффективности проектной деятельности

Развитие проектно-ориентированных форм управления привело к существенному изменению роли человеческого фактора в реализации проектов. В отличие от функциональной деятельности, проектная работа характеризуется временным характером, высокой степенью неопределенности, жесткими ограничениями по срокам и ресурсам, а также необходимостью междисциплинарного взаимодей-

ствия. В этих условиях проектная команда выступает не просто совокупностью исполнителей, а ключевым субъектом проектного управления, от согласованности действий и уровня вовлеченности которого напрямую зависит достижение проектных целей.

Формирование проектной команды предполагает целенаправленный подбор участников с учетом их профессиональных компетенций, опыта, способности к взаимодействию и готовности работать в условиях повышенной ответственности. По мнению И.П. Бурякова и соавторов, эффективность проектной команды определяется не только структурой ролей и распределением функций, но и мотивационными основаниями участия сотрудников в проектной деятельности [2]. Отсутствие устойчивой мотивации приводит к формальному выполнению задач, снижению инициативности и росту рисков срыва сроков и ухудшения качества результатов.

Мотивация в проектной деятельности имеет ряд специфических особенностей, отличающих ее от мотивации в традиционных организационных структурах. Во-первых, проектная работа часто предполагает совмещение проектных и функциональных обязанностей, что усиливает нагрузку на сотрудников и требует дополнительных стимулов. Во-вторых, результаты проектной деятельности носят коллективный характер, что усложняет оценку индивидуального вклада и формирование справедливой системы поощрения. В-третьих, проектные команды, как правило, формируются на ограниченный период, что снижает эффективность долгосрочных мотивационных инструментов и усиливает значение краткосрочных и нематериальных стимулов.

Исследования показывают, что одним из ключевых факторов повышения результативности проектных команд является уровень вовлеченности участников в проектную работу. А.С. Пилецкая и А.П. Исаков подчеркивают, что вовлеченность формируется на основе осознания значимости проекта, понимания его целей и личной ответственности за конечный результат [7]. При этом мотивация выступает связующим элементом между индивидуальными интересами сотрудников и целями проекта, обеспечивая согласование личных и командных приоритетов.

Важное значение в системе мотивации проектных команд приобретает сочетание материальных и нематериальных стимулов. Материальная мотивация, как правило, включает премии за достижение проектных показателей, участие в распределении проектных результатов, а также дополнительные выплаты за выполнение сложных или нестандартных задач. Однако, как отмечает С.В. Белявская, в условиях проектной работы особую роль играет нематериальная мотивация, включающая признание вклада участников, расширение профессиональных возможностей, участие в принятии решений и повышение статуса внутри организации [1]. Именно нематериальные стимулы способствуют формированию устойчивой заинтересованности сотрудников в проектной деятельности и развитию командной идентичности.

Стратегический подход к мотивации проектного персонала предполагает учет как внутренних, так и внешних факторов. Ю.А. Гирш указывает, что внутренние факторы мотивации связаны с профессиональными ценностями сотрудников, их ориентацией на развитие и самореализацию, тогда как внешние факторы определяются условиями организационной среды, системой управления и корпоративной культурой [3]. Эффективная мотивационная модель должна обеспечивать баланс между этими группами факторов, создавая условия для устойчивой вовлеченности участников проектной команды.

Дополнительное измерение мотивации проектных команд связано с инновационным характером проектной деятельности. Проекты часто направлены на разработку и внедрение новых продуктов, технологий или управленческих решений, что повышает уровень неопределенности и психологической нагрузки на участников. В этой связи, как отмечает М.А. Коноплева, возрастает значение инновационных систем мотивации, ориентированных на поддержку инициативности, готовности к экспериментированию и принятию ответственности за результаты проектных решений [5]. Подобные системы выходят за рамки традиционного стимулирования и предполагают создание среды, способствующей развитию креативности и командного взаимодействия.

Таким образом, проектная команда и мотивация ее участников выступают взаимосвязанными факторами эффективности проектной деятельности. Формирование устойчивой мотивации требует учета специфики проектной работы, сочетания материальных и нематериальных стимулов, а также ориентации на вовлеченность и развитие участников. Недостаточное внимание к фактору мотивации приводит к снижению результативности проектов и росту управленческих рисков, тогда как системный подход к мотивации создает предпосылки для успешной реализации проектных инициатив.

Особенности применения мотивационных инструментов в проектном управлении

Практическая реализация мотивации в системе проектного управления требует использования специальных инструментов, адаптированных к временной, целевой и командной природе проектной деятельности. В отличие от традиционных иерархических структур, проектные команды функционируют в условиях ограниченного времени, высокой интенсивности взаимодействия и необходимости быстрого достижения измеримых результатов. Это обуславливает потребность в гибких мотивационных механизмах, способных оперативно реагировать на изменения хода проекта и уровня вовлеченности его участников.

Одним из ключевых направлений мотивации в проектном управлении является стимулирование командной результативности. С.О. Навценя и Г.Ю. Буторина подчеркивают, что эффективность мотивационных инструментов возрастает при их ориентации не только на индивидуальные достижения, но и на коллективные результаты проектной команды [6]. Командно-ориентированные стимулы способствуют формированию ответственности за общий итог работы, снижению внутренних конфликтов и укреплению взаимодействия между участниками проекта. При этом важную роль в системе мотивации проектных команд играет финансовое стимулирование, однако его применение требует особой осторожности. Как отмечают А.Д. Бобров, М.Р. Гурюнов и В.Г. Агибалова, финансовая мотивация в проектном менеджменте сталкивается с рядом ограничений, связанных со сложностью оценки индивидуального вклада,

риском краткосрочной ориентации сотрудников и возможным снижением внутренней мотивации [8]. Отсюда финансовые инструменты должны использоваться в сочетании с нематериальными формами поощрения и быть встроены в общую систему управления проектом.

Существенным элементом мотивации проектных команд является система оценки результатов проектной деятельности. Оценивание должно быть прозрачным, понятным и восприниматься участниками как справедливое. В исследованиях С.М. Щербакова, Т.Г. Синявской и К.Х. Калугяна подчеркивается, что четкая связь между поставленными задачами, критериями оценки и системой вознаграждения повышает уровень доверия к управленческим решениям и усиливает мотивацию участия в проектной работе [10]. Отсутствие такой связи, напротив, снижает вовлеченность и может привести к формальному отношению к проектным задачам.

Особое значение приобретает согласование мотивационных инструментов с общей стратегией управления персоналом организации. А.А. Савельев и Н.П. Тишкина указывают, что мотивация проектных команд должна рассматриваться как элемент стратегического управления человеческими ресурсами, обеспечивающий достижение долгосрочных целей организации [9]. В этом контексте проектная деятельность становится не только способом реализации конкретных задач, но и инструментом профессионального развития сотрудников, формирования кадрового резерва и накопления организационных компетенций.

Также важным аспектом мотивации в проектном управлении является учет источников формирования проектных команд. Д.А. Ибрагимов отмечает, что мотивационные установки сотрудников могут существенно различаться в зависимости от того, формируется ли команда за счет внутренних ресурсов организации или привлекаются внешние специалисты [10]. Внутренние участники, как правило, ориентированы на долгосрочные карьерные перспективы и развитие внутри организации, тогда как внешние специалисты чаще мотивированы краткосрочными финансовыми и статусными стимулами, что требует дифференцированного подхода к мотивации и гибкого

сочетания различных инструментов стимулирования.

Таким образом, применение мотивационных инструментов в проектном управлении представляет собой сложный и многомерный процесс, требующий учета командной специфики, характера проектных задач и стратегических целей организации. Эффективная мотивация проектных команд достигается за счет интеграции финансовых и нефинансовых стимулов, прозрачной системы оценки результатов и согласования мотивационных механизмов с общей системой управления персоналом, что позволяет повышать результативность проектной деятельности, снижать риски, связанные с человеческим фактором, и в целом – обеспечивает устойчивое развитие проектно-ориентированных организаций.

Практические аспекты повышения мотивации участников проектных команд

Практика управления проектными командами в крупных российских и международных компаниях демонстрирует устойчивую тенденцию к расширению инструментов долгосрочной мотивации персонала, выходящих за рамки традиционных материальных и нематериальных стимулов. Особое распространение получили мотивационные механизмы, основанные на вовлечении сотрудников в капитал компании, а также гибкие модели организации труда, ориентированные на повышение автономности и вовлеченности участников проектной деятельности.

В нефтегазовом секторе одним из показательных примеров является опыт ПАО «ЛУКОЙЛ», где еще в 2010-2012 гг. была реализована опционная программа для сотрудников группы. В рамках программы около 17,3 млн акций, что соответствовало примерно 2% уставного капитала компании, были направлены на мотивацию работников, не получивших бонусы в период кризиса 2008-2009 гг. Данный кейс иллюстрирует использование инструментов участия в капитале как средства восстановления мотивации и удержания персонала в условиях высокой рыночной волатильности. Аналогичные подходы позднее применялись и в других нефтегазовых компаниях, включая «Газпром нефть» и «Татнефть», где долгосрочные бонусные программы для управленческих команд были увязаны с показателями стоимости бизнеса, хотя

массовое распространение акций среди рядовых сотрудников в отрасли носит ограниченный характер.

В телекоммуникационном секторе интерес представляет практика ПАО «Ростелеком», где в 2016 году была запущена долгосрочная мотивационная программа на принципах соинвестирования. Сотрудникам было предложено направлять часть годового бонуса на приобретение акций компании с последующим начислением дополнительного вознаграждения в виде акций. Размер поощрения зависел от должности, объема инвестированных средств и результатов деятельности, что способствовало формированию у участников проектных команд долгосрочной заинтересованности в результатах работы компании.

Значительный интерес представляет кейс ПАО «Норильский никель», реализующий с 2022 года масштабную программу вовлечения сотрудников в капитал компании, предполагающую возможность получения до 25% акций в совокупности. Особенностью данной программы является использование цифровых финансовых активов, привязанных к акциям, что позволяет распределять доли менее одной акции и вовлекать широкий круг работников. Данный подход отражает переход к более партнерской модели корпоративных отношений, в рамках которой мотивация персонала в проектной деятельности напрямую связана с долгосрочной стратегией развития компании.

В телекоммуникационном и цифровом бизнесе ПАО «МТС» в 2022 году расширило программу долгосрочной мотивации сотрудников, задействованных в трансформационных проектах. Участникам были предоставлены трехлетние опционы на акции, объем которых зависел от достижения ключевых показателей развития продуктов и роста рыночной стоимости компании. Аналогичные подходы используются и в IT-секторе: в 2024 году компания Softline объявила о запуске программы долгосрочной мотивации для всех категорий персонала, предусматривающей поэтапный вестинг опционов до 2029 года. Такие практики ориентированы на формирование устойчивой вовлеченности сотрудников в реализацию проектных и стратегических задач.

Наряду с финансовыми инструментами мотивации в практике проектного управления получают распространение элементы так

называемой «корпоративной культуры 2.0», ориентированные на повышение автономности и удовлетворенности персонала. Так, международные компании активно внедряют гибкие модели организации труда. В Unilever реализована модель «Work from Anywhere», позволившая снизить текучесть персонала в IT-подразделениях, в Spotify применяется модель «My Work Mode», предполагающая индивидуальный выбор формата работы, а в Google используется платформа гибкой конфигурации бонусов, позволяющая сотрудникам самостоятельно формировать пакет льгот. В IKEA применяется система «зеленых бонусов», поощряющая экологически ответственное поведение сотрудников.

Анализ представленных кейсов позволяет сделать вывод о том, что наиболее эффективные мотивационные практики в проектной деятельности основаны на сочетании долгосрочных финансовых стимулов и гибких нематериальных инструментов, повышающих вовлеченность и идентификацию сотрудников с целями проекта и компании. Вовлечение персонала в капитал, расширение автономности и прозрачная связь результатов проектной деятельности с вознаграждением способствуют формированию устойчивых проектных команд и повышению эффективности управления проектами в целом.

На основе анализа практик мотивации участников проектных команд в российских и международных компаниях могут быть сформулированы следующие рекомендации, ориентированные на повышение эффективности управления проектной деятельностью. Во-первых, при построении системы мотивации целесообразно ориентироваться на долгосрочные стимулы, увязанные с результатами проектной и стратегической деятельности компании. Использование инструментов участия персонала в капитале (опционы, акции, цифровые финансовые активы) способствует формированию у участников проектных команд ориентации на создание долгосрочной стоимости и повышает их заинтересованность в достижении ключевых показателей проекта.

Во-вторых, системы мотивации в проектной деятельности должны учитывать отраслевую специфику и характер реализуемых проектов. В капиталоемких и высокорисковых отраслях целесообразно применять комбини-

рованные модели мотивации, сочетающие финансовые стимулы с элементами нематериального поощрения, направленными на удержание ключевых специалистов и снижение текучести кадров.

В-третьих, рекомендуется дифференцировать мотивационные механизмы в зависимости от ролей участников проектной команды и стадий жизненного цикла проекта. Такая дифференциация позволяет повысить адресность мотивационных воздействий и обеспечить более тесную связь между вкладом конкретного участника и получаемым вознаграждением.

В-четвертых, важным условием эффективности мотивации является прозрачность критериев оценки результатов проектной деятельности и доступность информации о принципах формирования вознаграждения. Четкая связь между достижением проектных показателей и мотивационными стимулами повышает доверие персонала к системе управления и уровень вовлеченности в проектную деятельность.

В-пятых, при развитии мотивации проектных команд целесообразно учитывать нематериальные факторы, связанные с организацией труда, автономностью принятия решений и корпоративной культурой. Гибкие форматы работы, возможности профессионального развития и участие сотрудников в обсуждении управленческих решений способствуют формированию устойчивых проектных команд и повышению эффективности управления проектами в целом.

Заключение

Проведенный анализ показал, что мотивация проектных команд является одним из ключевых факторов эффективности проектного управления в условиях усложнения организационных процессов и роста значимости проектной деятельности: проектная команда выступает не только исполнителем отдельных задач, но и самостоятельным субъектом управления, от уровня вовлеченности, ответственности и согласованности действий которого во многом зависит достижение целей проекта, в связи с чем мотивация приобретает системный характер и должна рассматриваться как неотъемлемый элемент управления проектами, а не как вспомогательный инструмент стимулирования персонала. В ходе ис-

следования установлено, что специфика проектной деятельности требует применения гибких и адаптивных мотивационных моделей, учитывающих временный характер проектов, коллективную ответственность за результаты и разнообразие профессиональных ролей участников. Эффективная мотивация проектных команд достигается за счет сочетания материальных и нематериальных стимулов, прозрачной системы оценки результатов и ориентации на командную результативность. При этом особое значение приобретает согласование мотивационных инструментов с

целями проекта и общей стратегией управления персоналом организации. Проведенный кейс-анализ практик мотивации проектных команд в российских и международных компаниях подтверждает значимость долгосрочных и гибких мотивационных механизмов для повышения вовлеченности персонала и эффективности управления проектами. Сформулированные на основе анализа рекомендации могут быть использованы при разработке и совершенствовании систем мотивации участников проектных команд с учетом отраслевой специфики и целей проектной деятельности.

Библиографический список

1. Белявская С.В. Нематериальная мотивация команды в проектной работе // Студенческий вестник. – 2025. – № 3-5 (336). – С. 34-35.
2. Буряков И.П., Зубик Д.А., Морозова А.И. Создание проектной команды: от набора до мотивации // Тенденции развития науки и образования. – 2025. – № 117-1. – С. 20-23.
3. Гирш Ю.А. Стратегии и методы мотивации проектного персонала в организации // Администрирование таможенного дела в условиях современных вызовов: материалы Всероссийского круглого стола в рамках I Региональной научно-практической конференции «Эффективное управление в цифровом мире: будущее бизнес-лидерства». – Новосибирск, 2024. – С. 24-30.
4. Ибрагимов Д.А. Внешние и внутренние источники формирования проектных команд: особенности мотивации персонала // Инновационные исследования: проблемы внедрения результатов и тенденции развития: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2024. – С. 66-70.
5. Коноплева М.А. Формирование инновационной системы мотивации персонала проектной организации // Проблемы современной экономики. – 2024. – № 2 (90). – С. 225-227.
6. Навценя С.О., Буторина Г.Ю. Мотивация и стимулирование проектной команды // Аграрная наука в контексте времени: сборник трудов LX международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Тюмень, 2025. – С. 59-62.
7. Пилецкая А.С., Исаков А.П. Мотивация и вовлеченность в проектной работе // Theory and practice of modern science: the view of youth: труды IV Всероссийской научно-практической конференции на английском языке: в 2 ч. Санкт-Петербург, 2025. – С. 202-207.
8. Савельев А.А., Тишкина Н.П. Влияние мотивации и развития персонала на достижение целей стратегии управления персоналом в проектной деятельности компании // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 8, № 6 (147). – С. 203-209.
9. Чуланова О.Л., Гатауллина А.И. Исследование и разработка инструментов мотивации проектных команд // Журнал исследований по управлению. – 2025. – Т. 11, № 2. – С. 39-52.
10. Щербаков С.М., Синявская Т.Г., Калугян К.Х. Системный анализ мотивации студентов бакалавриата к участию в проектной деятельности // Системный анализ в проектировании и управлении: сборник научных трудов XXVII Международной научно-практической конференции: в 2 ч. – Санкт-Петербург, 2024. – С. 283-289.

**MOTIVATION IN PROJECT TEAMS AS A FACTOR OF EFFECTIVE
PROJECT MANAGEMENT**

N.S. Babosov, *Postgraduate Student*
Synergy University
(Russia, Moscow)

Abstract. *The article examines the role of motivation in the formation and functioning of project teams within the framework of project-oriented management. The relevance of the topic is due to the increasing importance of teamwork in the implementation of projects, as well as the need to increase the involvement and responsibility of project participants. It is shown that the effectiveness of project teams depends not only on the level of professional competencies of personnel, but also on the nature of motivational mechanisms that ensure the alignment of individual and project goals. The study analyzes key approaches to the formation and motivation of project teams, identifies factors influencing employee engagement, and examines the specifics of applying material and non-material incentives in a project environment. Based on a case analysis of practices implemented by Russian and international companies, sustainable motivational solutions aimed at long-term employee involvement and improved project performance are identified. Practical recommendations are formulated to improve motivation systems for project team members, taking into account the specifics of project work and the objectives of implemented projects.*

Keywords: *project team; personnel motivation; project management; project activity; incentives; team effectiveness.*

УПРАВЛЕНИЕ ГОРОДСКОЙ НЕДВИЖИМОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ХАНОЯ И МОСКВЫ

Нгуен Чи Зунг, магистрант

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
(Россия, г. Москва)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-219-224

Аннотация. Городское управление недвижимостью является ключевой функцией административного аппарата в городах. Управление городской недвижимостью напрямую влияет на устойчивость, предоставление услуг и пространственное развитие. В условиях быстрого распространения цифровизации традиционные административные механизмы, основанные на регистрах, бумажных процедурах и ведомственных структурах, демонстрируют структурные неэффективности. В настоящем исследовании рассматривается влияние цифровизации на механизмы управления городской недвижимостью на примере Ханоя с привлечением практик Москвы. Сравниваются данные и документы, выявляются пробелы в системе Ханоя и анализируются инструменты управления, применяемые в Москве, включая регистры, цифровые земельные карты и обмен данными между ведомствами. Результаты показывают, что цифровизация повышает прозрачность процессов, ускоряет административные процедуры и способствует координации, но только при четкой системе управления. В статье утверждается, что цифровое управление должно стать частью стратегического плана для Ханоя. Также представлены рекомендации по совершенствованию управления недвижимостью в Ханое, которые акцентируют внимание на институциональных изменениях, а не только на внедрении технологий.

Ключевые слова: государственное управление; городское управление; управление недвижимостью; цифровизация; Ханой; Москва.

Крупные города сосредотачивают основную часть общественной инфраструктуры и объектов недвижимости, важных для развития. Управление городской недвижимостью не является рыночной деятельностью. Оно представляет собой задачу, демонстрирующую, как органы власти могут управлять пространством, активами и общественной ценностью. В таких городах, как Ханой, управление землей и недвижимостью распределено между многочисленными учреждениями, подчиняется сложным процедурам и лишь частично интегрировано с системами цифрового управления. Часто цифровизацию предлагают как универсальное решение государственных проблем. Однако данные показывают, что одних цифровых инструментов недостаточно для улучшения результатов управления. Без координации, распределения компетенций и стандартизации данных цифровизация может воспроизводить существующие проблемы в электронной форме. Особенно это проявляется в сфере управления недвижимостью, где пересекаются юридические, фискальные, планировочные и сервисные обязанности.

В настоящем исследовании ставится вопрос: каким образом цифровизация может улучшить механизмы управления недвижимостью в городах? Анализ проводится на примере Ханоя с учетом опыта Москвы. Сравнивается работа механизмов управления недвижимостью в Ханое и Москве после цифровизации, чтобы выявить уроки для Ханоя. Москва была выбрана из-за активного использования инструментов управления землей и недвижимостью в системе, сходной по ряду характеристик с вьетнамской. Исследование направлено на выявление сильных и слабых сторон административных механизмов Ханоя и Москвы и формирование идей для политических изменений и институциональной реформы.

В рамках исследования выдвигается следующая гипотеза: результативность цифровизации управления городской недвижимостью определяется не уровнем внедрения цифровых сервисов, а степенью институциональной интеграции цифровых решений в систему государственного управления.

Обзор литературы

Цифровое управление стало инструментом организации публичной администрации. Оно рассматривается как интеграция технологий в работу городских органов, направленная на повышение эффективности, прозрачности, подотчетности и вовлеченности граждан [2]. Исследователи различают фронт-офисные услуги и бэк-офисное управление. Фронт-офисные цифровые сервисы взаимодействуют напрямую с гражданами, тогда как бэк-офисное управление занимается координацией, управлением данными и поддержкой принятия решений [11].

В городах концепция цифрового управления пересекается с идеей «умных городов», использующих технологии для мониторинга инфраструктуры, улучшения муниципального управления и предоставления услуг [5]. Согласно отчетам ОЭСР, интегрированные платформы данных обеспечивают мониторинг в реальном времени, предиктивную аналитику и моделирование политики, однако однолинейное внедрение технологий не обеспечивает эффективного управления [7]. Существенное значение имеют институциональные возможности, межведомственная координация, правовые рамки и стандартизация данных [3]. Управление городской недвижимостью объединяет регулирование, управление активами, налогообложение, планирование и предоставление общественных услуг. На практике возникают сложности из-за раздробленности институтов, перекрытия обязанностей и сложных процедур [9, 10]. Фрагментированные структуры управления часто приводят к несоответствиям в учете недвижимости, задержкам при выдаче разрешений и слабому соблюдению правил планирования, особенно в развивающихся и переходных экономиках.

Во Вьетнаме множество агентств занимаются регистрацией земли, кадастровым учетом и градостроительным планированием, при этом интеграция систем данных между ними ограничена [9]. До цифровизации ЕГРН российские города сталкивались с аналогичными проблемами [1]. Данные свидетельствуют, что цифровые кадастровые и регистрационные системы объединяют информацию об объектах недвижимости и могут ускорять административные процессы, повышать достоверность данных и облегчать согласо-

вание политики. Применение Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН) в Москве демонстрирует снижение транзакционных издержек, улучшение межведомственного взаимодействия и повышение прозрачности [1, 4, 8].

Международные исследования подтверждают, что централизованные цифровые регистры улучшают планирование, сокращают ошибки и обеспечивают соблюдение стандартных процедур и правовых реформ [3, 7]. Эффективность зависит от наличия кадров, межведомственной координации и согласованных правил работы с данными [6].

Выводы показывают, что успех изменений в управлении городской недвижимостью зависит от правил, структур, кооперации различных агентств и постоянного мониторинга. Сравнение Ханоя и Москвы оправдано, поскольку позволяет выделить уроки по ведению документации, автоматизации рабочих процессов и интегрированному управлению, которые являются институциональными, а не только техническими.

Методология исследования

В исследовании изучались нормативные документы, законодательные акты и аналитические отчеты по управлению недвижимостью в Ханое и Москве. Акцент делался на механизмах управления, а не на архитектуре технических систем. Источники включали государственные регламенты, стратегические программы цифровизации и отчеты властей и международных организаций.

Методологической основой исследования является институциональный подход к цифровому управлению, в рамках которого цифровизация рассматривается не как технологический процесс, а как элемент трансформации управленческих механизмов. Авторский подход заключается в анализе цифровых решений через призму институциональной интеграции, межведомственного взаимодействия и распределения управленческих функций.

Анализ позволил выявить сходства и различия в организациях управления, уделяя внимание регистраторам, межведомственной координации и операционным результатам. Были собраны данные о времени обработки документов, охвате регистров и частоте использования услуг. Ограничением исследования является качественный характер анализа,

что обусловлено различиями в доступности сопоставимых статистических данных по управлению городской недвижимостью в Ханое и Москве.

Результаты исследования

В Ханое управление городской недвижимостью осуществляется через ряд агентств: Департамент природных ресурсов и окружающей среды, Департамент строительства, муниципальные планировочные офисы и налоговые органы [9]. Каждое агентство ведет собственную базу данных и процедуры, что ограничивает совместную работу. Регистрация земельных участков ведется отдельно от баз данных налога на недвижимость, что требует сверки при принятии решений. Ханой внедрил цифровые платформы для подачи разрешений на строительство, сертификатов использования земли и налоговых платежей. Однако платформы функционируют автономно и не способствуют межведомственной координации. Среднее время обработки разрешений остается высоким, а проверки данных регистров требуют множества этапов.

В Москве используется единый регистр ЕГРН, объединяющий данные о недвижимости и землях всех ведомств. Обновление и корректность данных возложены на ответственных сотрудников, что повышает подотчетность. Межведомственная координация осуществляется через автоматизированные рабочие процессы, которые сокращают объем работы и повышают надежность данных. Цифровое управление включает электронные сервисы для сделок с недвижимостью и автоматизированный обмен данными между ведомствами, обеспечивая доступ к информации в реальном времени, ускоряя обработку и повышая прозрачность. После интеграции ЕГРН среднее время одобрения сделок с недвижимостью снизилось более чем на 30% [1].

Таблица 1 представляет авторскую систематизацию институциональных характеристик цифрового управления городской недвижимостью, полученную в результате сравнительного анализа практик г. Ханоя и г. Москвы.

Таблица. Институциональные различия цифрового управления городской недвижимостью

Критерий	Ханой	Москва
Структура регистров	Фрагментированные ведомственные базы данных	Единый цифровой регистр
Межведомственная координация	Ограниченная, процедурная	Институционализированная, основана на данных
Цифровые сервисы	В основном фронт-офис	Интегрированные инструменты управления
Прозрачность	Средняя	Высокая
Принятие решений	Ручное, иерархическое	Поддерживаемое данными, автоматизированное

Различия в управлении недвижимостью между Ханоем и Москвой демонстрируют роль институционального дизайна в успешности цифровизации. Во Ханое структура регистров фрагментирована. Каждое агентство ведет собственную базу данных. Как показано в Таблице 1, такая фрагментация создает дополнительную работу, приводит к несоответствиям в учетных данных и вызывает задержки в процессах. Наблюдается, что эта фрагментация препятствует принятию точных решений. Межведомственная координация в Ханое осуществляется поэтапно и по мере необходимости. Часто требуется многократная проверка и обмен сообщениями между департаментами. Ручное повторение процессов и межведомственная переписка замедляют

утверждения и увеличивают вероятность ошибок. В отличие от этого, в Москве создан единый регистр, как показано в таблице. Цифровой регистр объединяет данные о недвижимости и землях всех ведомств, обеспечивая единый источник для планировочных функций. Межведомственная координация в Москве формализована и основана на данных. Она осуществляется через автоматизированные рабочие процессы, которые позволяют выполнять утверждения и постоянно контролировать текущие дела.

Сравнение также демонстрирует различия в объеме и интеграции услуг. Во Ханое цифровые инструменты в основном ориентированы на конечного пользователя. Они функционируют как порталы для подачи заявлений и

уплаты налогов, но не интегрированы с внутренними процессами ведомств. В Москве государственная система интегрирует платформы с административными процессами. Цифровые платформы поддерживают предоставление услуг, планирование, управление рисками и оценку политики. Различия в подходах к оказанию услуг отражаются на прозрачности и подотчетности: в Москве интегрированная система позволяет отслеживать и проверять процесс принятия решений. Эффективность принятия решений также демонстрирует контраст: автоматизированные процессы, основанные на данных, ускоряют утверждения и повышают оперативность, тогда как ручные иерархические процедуры Ханоя замедляют обработку.

В целом, приведенные модели показывают, что влияние цифровизации определяется не столько технологией, сколько рамками и механизмами управления, поддерживающими цифровизацию. Они также подчеркивают важность структурной интеграции для совершенствования управления недвижимостью. Таким образом, результаты сравнительного анализа, обобщенные в таблице 1, подтверждают выдвинутую гипотезу исследования. Полученные данные показывают, что при фрагментированной институциональной структуре цифровые решения выполняют преимущественно сервисную функцию и не приводят к трансформации управленческих механизмов. Напротив, в условиях институциональной интеграции цифровые регистры и межведомственные цифровые процессы становятся основой для изменения логики принятия управленческих решений, повышения прозрачности и административной эффективности управления городской недвижимостью. Тем самым выявляется устойчивая институциональная зависимость между архитектурой управления городской недвижимостью и результативностью цифровизации административных процессов.

В результате исследования выявлена устойчивая институциональная закономерность: эффективность цифровизации управления городской недвижимостью возрастает по мере увеличения степени институциональной интеграции цифровых решений. При отсутствии единого центра координации и распределения ответственности цифровые ин-

струменты не приводят к изменению управленческой логики, тогда как в институционально интегрированных системах цифровизация становится фактором структурной трансформации управления. Полученная закономерность может быть использована в качестве аналитической основы для оценки цифровых реформ в управлении недвижимостью других крупных городов.

Обсуждение

Проблемы Ханоя носят преимущественно институциональный, а не технологический характер. Фрагментированные цифровые платформы и ручные процессы ограничивают межведомственную координацию, замедляют принятие решений и снижают уровень прозрачности. Цифровые инструменты функционируют главным образом как сервисные интерфейсы, а не как полноценные инструменты управления.

Опыт Москвы демонстрирует, что организованная цифровизация способна приносить значительные эффекты. Единые регистры, автоматизированные рабочие процессы и доступ к данным в реальном времени повышают прозрачность, сокращают задержки и увеличивают удовлетворенность граждан. Достижимые результаты зависят от четкого распределения ответственности, наличия согласованных рамок работы с данными и подготовленного персонала, способного интерпретировать информацию для целей планирования и оценки политики.

При переносе данных подходов на условия Ханоя цифровые системы должны соответствовать распределению полномочий. В противном случае цифровые преобразования могут закреплять существующие процессные неэффективности. Административная компетентность приобретает ключевое значение: требуется обучение сотрудников эффективно использовать цифровые инструменты и анализу интегрированных наборов данных. Стандартизация данных между ведомствами является необходимым условием совместимости систем.

Цифровизация рассматривается как вспомогательный инструмент, а не универсальное решение. Она наиболее эффективна при наличии хорошо выстроенных институтов, четких процедур и устойчивой межведомственной координации. Практики, основанные на мос-

ковском опыте, включая единые регистры, автоматизированные рабочие процессы и механизмы прозрачности, требуют адаптации к условиям Ханоя и должны внедряться в сочетании с административными реформами. Совмещение цифровизации и институциональных преобразований представляет собой наиболее перспективный путь развития.

Заключение

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- Во-первых, впервые цифровизация управления городской недвижимостью проанализирована не как совокупность электронных сервисов, а как институциональный механизм трансформации управленческих процессов.

- Во-вторых, обосновано, что цифровые регистры и межведомственные цифровые процессы выступают инструментом перераспределения управленческих функций и координации в системе городского управления.

- Предложенная авторская систематизация расширяет представления о факторах результативности цифровых реформ в сфере управления городской недвижимостью.

Совершенствование управления недвижимостью в условиях цифровизации требует больше, чем просто внедрения сервисов. Сравнительный анализ показывает, что цифровое управление приносит пользу при интегрированной институциональной структуре. Для Ханоя приоритетами должны стать: консолидация регистров, уточнение компетенций, разработка механизмов межведомственного обмена данными и систематическое обучение персонала. Последовательность шагов может быть следующей: сначала стандартизация данных и соблюдение правил, затем определение обязанностей и процедур принятия решений, далее интеграция рабочих процессов между ведомствами и, наконец, контроль результатов для обеспечения прозрачности и подотчетности. Опыт Москвы дает идеи, которые необходимо адаптировать к местным правовым и административным условиям. Фокус должен быть как на институциональных реформах, так и на внедрении технологий, что делает цифровизацию мощным инструментом для города. Цифровизация улучшает управление, повышает качество услуг и поддерживает развитие городской среды.

Библиографический список

1. Федеральная служба государственной регистрации кадастра и картографии (Росреестр). Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН) [Официальный сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosreestr.gov.ru>.
2. Dunleavy P., Margetts H., Bastow S., Tinkler J. (2006). New public management is dead. Long live digital-era governance // *Journal of Public Administration Research and Theory*, 16(3), 467-494. <https://doi.org/10.1093/jopart/mui057>.
3. FIG. Digital Transformation and Land Administration. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/1106a91d-6d67-416b-b659-e8c6660a6c43/content>.
4. International Telecommunication Union. The Digital Ecosystem of Moscow – WSIS Stocktaking Report 2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.itu.int/net4/wsis/stocktaking/ru/Content/doc/reports/2022/WSISStocktaking2022_Region_CIS.pdf.
5. Kitchin R. The real-time city? Big data and smart urbanism / R. Kitchin // *GeoJournal*. – 2014. – Vol. 79, № 1. – P. 1-14. – DOI 10.1007/s10708-013-9516-8. – EDN NJCSLW.
6. OECD. Innovative Government – Digital Government and Innovation. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oecd.org/gov/innovative-government/>.
7. OECD. The OECD Digital Government Policy Framework: Six dimensions of a Digital Government. OECD Public Governance Policy Papers, № 02. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2020/10/the-oecd-digital-government-policy-framework_f64fed2a-en.pdf.
8. Tadviser. Digitalization of Moscow: city digital environment and innovation program. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tadviser.com/index.php/Article%3ADigitalization_of_Moscow.

9. Tuan N.T. Urbanization and land use change: A study in Vietnam / N.T. Tuan // Environmental and Socio-Economic Studies. – 2022. – Vol. 10, № 2. – P. 19-29. – DOI 10.2478/enviro-2022-0008. – EDN AJUEFO.

10. United Nations Economic Commission for Europe. Guidelines on Real Property Units and Identifiers. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://unece.org/DAM/hlm/documents/Publications/guidelines.real.property.e.pdf>.

11. Bovaird T., & Loeffler, E. (Eds.). (2023). Public Management and Governance (4th ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003282839>.

URBAN REAL ESTATE MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION: A COMPARATIVE ANALYSIS OF HANOI AND MOSCOW

Nguyen Tri Dung, *Graduate Student*
Plekhanov Russian University of Economics
(Russia, Moscow)

Abstract. *Urban real estate management is a key function of the administrative apparatus in cities. Management of urban real estate directly affects sustainability, service delivery, and spatial development. In the context of the rapid spread of digitalization, traditional administrative mechanisms, based on registries, paper-based procedures, and departmental structures, demonstrate structural inefficiencies. This study examines the impact of digitalization on urban real estate management mechanisms using Hanoi as a case study, with consideration of practices from Moscow. Data and documents are compared, gaps in Hanoi's system are identified, and management tools applied in Moscow are analyzed, including registries, digital land maps, and inter-agency data exchange. The findings indicate that digitalization increases process transparency, accelerates administrative procedures, and supports coordination, but only when a clear governance system is in place. The article argues that digital governance should be incorporated into Hanoi's strategic plan. Recommendations for improving real estate management in Hanoi are also presented, emphasizing institutional changes rather than the mere adoption of technology.*

Keywords: *public administration; urban governance; real estate management; digitalization; Hanoi; Moscow.*

СПОСОБЫ ПРЕПОДАВАНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В НАЧАЛЬНЫХ КЛАССАХ

Б.И. Атыгаев¹, канд. филол. наук, доцент

Ж.Б. Аширбекова¹, магистрант

А.Б. Исаева², студент

¹Ыссык-Кульский государственный университет имени К. Тыныстанова

²Кыргызский государственный университет имени И. Арабаева

¹(Кыргызстан, г. Каракол)

²(Кыргызстан, г. Бишкек)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-225-232

Аннотация. В данной статье рассматриваются способы преподавания синтаксического материала в начальных классах, а также какие термины и правила входят в синтаксические темы. В соответствии с требованиями современного времени, качественное освоение родного языка в начальной школе способствует развитию мышления молодого поколения, обогащению их словарного запаса и активизации творческих способностей. Это также помогает более глубоко усваивать другие предметы, расширяет знания о окружающем мире и формирует широкое мировоззрение. Также в статье представлена информация о целях и задачах, которые ставятся при обучении родному языку учащихся начальных классов. Кроме того, рассматривается необходимость применения различных методов и приёмов обучения в определённой последовательности для реализации этих целей и задач и для обеспечения глубоких знаний по синтаксису.

Ключевые слова: синтаксис; иллюстрация; логическое мышление; лексика; стилистика; фонетика; морфология; орфография; орфоэпия; коммуникативный; идеологический.

В общеобразовательных школах родной язык занимает особое, заметное место по сравнению с другими учебными предметами, поскольку его воспитательное и образовательное значение чрезвычайно велико. Уроки родного языка раскрывают перед учащимися богатство родного языка, веками создававшееся духовное наследие кыргызского народа, воспитывают у подрастающего поколения чувство национальной гордости, любовь к своему народу и Отечеству. На основе глубокого усвоения родного языка развиваются умственные способности молодого поколения, обогащается словарный запас, формируются творческие умения; учащиеся глубже осваивают и другие учебные предметы, расширяются и углубляются их знания об окружающем мире, формируется мировоззрение.

В начальных классах синтаксический материал начинает изучаться уже с 1-го класса. Известный русский учёный А.Н. Гвоздев подчёркивал: «В развитии детской речи предложение играет исключительно важную роль. Усвоение родного языка в основном сводится к овладению строением различных типов предложений, поскольку и отдельные слово-

сочетания, и их внешняя морфологическая форма, а также некоторые грамматические категории формируются именно в составе предложения» [1, с. 336]. Тем самым учёный особо отметил значимость предложения в развитии речи. Уже в период обучения по «Алиппе» учащиеся учатся выделять предложения в устной и письменной речи, определять количество слов в предложении. Они также усваивают, что предложение начинается с заглавной буквы и в конце его ставится точка. В период обучения грамоте на каждом уроке выполняются упражнения по составлению предложений.

Одной из ключевых задач при работе над предложением является формирование у учащихся умений составлять простые предложения.

При обучении родному языку учащихся начальных классов ставятся следующие задачи:

1) обучать учащихся умению последовательно и содержательно выражать свои мысли или мысли других как в устной, так и в письменной форме;

2) для этого необходимо дать им глубокие знания о роли языка в общественной жизни, его лексике и стилистике, фонетических особенностях и грамматическом строе;

3) необходимо больше упражнять учащихся в орфографической и пунктуационной грамотности;

4) необходимо развивать логическое мышление детей;

5) следует формировать интерес к любви и уважению к родному языку, а также обучать умению применять усвоенные знания в общественной жизни;

6) посредством обучения родному языку необходимо воспитывать у учащихся высокие нравственные качества, устойчивость, трудолюбие, настойчивость, стремление к будущему, любовь к труду и умение совершенствовать полученные знания.

Реализация вышеуказанных задач на практике и обеспечение глубоких знаний учащихся по синтаксису осуществляются с использованием различных методов и приёмов обучения. Метод – это творческий способ и приём работы, применяемый учителем в процессе обучения. Чем разнообразнее методы, используемые учителем на уроке, тем более интересным и живым становится занятие, создаются условия для самостоятельной и творческой деятельности учащихся. В настоящее время существует множество интерактивных методов обучения, однако необходимо подбирать их с учётом психологии детей, их возрастных особенностей и уровня восприятия. Многообразие методов не всегда бывает эффективным, поэтому учителю следует выбирать и применять те или иные методы в зависимости от конкретных условий и характера работы.

Для реализации вышеуказанных задач на практике и для обеспечения глубоких знаний учащихся по синтаксису применяются различные методы и приёмы обучения.

Метод – это творческий путь и способ деятельности, используемый учителем в процессе обучения. Чем разнообразнее методы, применяемые учителем на уроке, тем более интересным и живым становится занятие, создаются условия для творческой и самостоятельной работы учащихся [2, с. 103].

В настоящее время существует множество интерактивных методов обучения, однако

необходимо подбирать и применять их с учётом психологии детей, их особенностей и возможностей восприятия. Многообразие методов не всегда бывает эффективным, поэтому учителю следует выбирать и использовать тот или иной метод в зависимости от конкретных условий и характера работы. Обучение работе со предложением в 1-м классе начинается уже в добукварный период. Иными словами, по изображениям, представленным в основном разделе учебника «Алиппе», проводится работа по формированию умения высказывать собственное мнение, а также по обучению составлению устных предложений по картинкам.

В целом в начальных классах синтаксический материал объясняется в очень доступной и простой форме. При обучении составлению предложений можно использовать следующие методические приёмы:

1. Составление предложений с использованием «живой иллюстрации». Учитель выводит к доске двух-трёх учащихся и поручает каждому из них выполнить какое-либо действие. Затем по выполненным действиям учитель задаёт вопросы классу: Что сделал Алинуур? Алинуур написал. Что сделала Айчолпон? Айчолпон полила цветы. Что сделала Мээрим? Мээрим заточила карандаш и т. д.

2. Составление предложений по картинке. Учитель демонстрирует различные картинки и задаёт учащимся вопросы. Например: Что сделал самолёт? Самолёт взлетел. Дети пришли в школу. Таким образом, последовательно показывая картинки и получая ответы от учащихся, учитель уточняет, о ком и о чём говорится в предложениях (кто? что?).

3. Преобразование нераспространённых предложений в распространённые с помощью вопросов: Актан читал. Актан читал книгу. Сказки очень интересные.

4. Выделение предложений из связного текста, состоящего из трёх-четырёх предложений: Выполняй домашнее задание самостоятельно помогай товарищам хорошо учиться больше читай посещай кружки всегда уступай место старшим. (Выполняй домашнее задание самостоятельно. Помогай товарищам хорошо учиться. Больше читай. Посещай кружки. Всегда уступай место старшим.)

5. Упражнения на полные ответы на вопросы учителя при работе над предложением и

связной речью в начальных классах. Составление предложений путём полного ответа на вопрос учителя. Учащиеся повторяют все слова предложения, заменяя лишь вопросительные местоимения соответствующими словами и паполняя их места. Например: Какое мероприятие сегодня прошло в школе? Сегодня в школе прошёл новогодний концерт. Ответы учащихся на заранее подготовленные учителем вопросы по образцу построенного предложения, а также самостоятельное составление предложений оказывают большую помощь в развитии их устной речи.

6. Метод формирования логического мышления. Путём предъявления слов, выполняющих функцию подлежащего, учащимся предлагается самостоятельно подобрать сказуемые и составить предложения: ученик, учитель, школа, самолёт, поезд, автобус, велосипед и др.

Анализируя самостоятельно составленные предложения, учащиеся логически рассуждают о том, кто и о чём говорится в предложении.

Например, рассмотрим первое предложение: Ученик должен всегда приходить в школу опрятным. Первое логическое рассуждение – о ком говорится в предложении (об ученике); второе логическое рассуждение – что говорится об ученике (о том, что он должен приходить опрятным); третье рассуждение – где учится ученик (в школе).

Таким образом, в начальных классах при изучении первоначальных элементов синтаксического материала на уроках обучения грамоте работа над предложением и связной речью, творчески организованная учителем, создаёт условия для получения учащимися глубоких знаний. Основными компонентами связной речи являются предложения, а предложение выражает завершённую, отдельную мысль. Поэтому прежде всего усваиваются сведения о предложении. При обучении значению и строению предложения образцом должны служить тексты художественной литературы и предложения, произносимые учителем. Иными словами, дети учатся способам построения предложений на примере предложений из художественных текстов и речи учителя. Правильное построение предложения учащиеся усваивают на практике путём систематической работы над соответствующими

упражнениями, опираясь на грамматическую основу предложения.

Работа по обучению предложению начинается уже в 1-м классе, в добукварный период. Иначе говоря, по сюжетам картинок, помещённых в основной части учебника «Алиппе», проводится обучение умению выражать свои мысли, составлять устные предложения по картинкам.

«В период обучения по «Алиппе» учащиеся осваивают произношение и написание букв на основе слов, обозначающих названия изображённых на рисунках предметов и явлений. Одновременно закрепляется работа по нахождению и различению в тексте слов и предложений с данной буквой, а также по составлению предложений с использованием слов, содержащих эту букву» [3, с. 64].

В программе по кыргызскому языку для начальных классов обучение грамматике и развитию речи осуществляется с 1 по 4 классы и продолжается до окончания 5 класса, формируя у учащихся умения составлять предложения и на этой основе – навыки построения связной речи. В соответствии с этими требованиями уже с 1-го класса учащимся в процессе практических упражнений даются элементарные сведения о предложении: они учатся понимать, о ком или о чём говорится в предложении (кто? что?), различать предложения в устной речи и в тексте, самостоятельно составлять предложения и строить связную речь. Работа по обучению составлению предложений, упомянутая выше (составление предложений и построение связной речи), в последующих классах может осуществляться по принципу от простого к сложному, с выполнением целого ряда упражнений.

1. Давать полные развернутые ответы на заданные вопросы.

В этом задании учащиеся должны отвечать на вопросы не просто «да» или «нет», а развернуто, в форме повествования.

Пример:

- Вопрос: Ты ходил в школу?

- Ответ: Да, я сегодня утром ходил в школу. Я посещал уроки и просматривал книги.

2. Восстановление нарушенного порядка слов в предложении.

В этом задании, если порядок слов в предложении нарушен, нужно переставить слова

так, чтобы предложение стало логически и грамматически правильным.

Пример:

- Нарушено: «Аделина в горы пошла» (порядок слов нарушен).

- Правильный вариант: «Аделина пошла в горы».

3. Превращение простых предложений в распространённые через постановку вопросов.

В этом задании простые предложения нужно расширять, делая их более информативными, добавляя новые детали.

Пример:

- Простое: Я пошёл.

- Расширенное: Я пошёл в город. Я пошёл на работу в город. После работы я пошёл в магазин.

4. Изменение грамматической формы слов в предложении.

В этом задании необходимо изменить время, лицо или число слов, чтобы предложение приобрело новую форму.

Пример:

- Исходное: Я сегодня пришёл.

- Прошедшее время: Я вчера пришёл.

- Первое лицо → третье лицо: Он/она вчера пришёл/пришла.

- Единственное число → множественное: Мы вчера пошли.

Учителя могут самостоятельно определить, какой вид вышеуказанных упражнений и для какого класса подходит, в соответствии с учебной программой.

Работа по обучению составлению предложений встречается в школьной практике ежедневно на всех предметах. Независимо от того, какой это предмет – литературное чтение, математика, музыка, окружающий мир – учитель может задавать учащимся вопросы различного содержания. При использовании таких методов преподавателю особенно важно формулировать вопрос точно, ясно и правильно, чтобы он был понятен ученикам. Правильные и точные ответы учащихся зависят от того, насколько понятно и корректно задан вопрос. В обучении составлению предложений, построению связной речи и расширению словарного запаса в основном в 1-м классе часто используются упражнения на ответы на вопросы. При этом учитель должен тщательно контролировать краткость ответов

учеников. Дело в том, что ученики стремятся давать короткий ответ на заданный вопрос. Например, на вопрос учителя: «Что показывали вчера в актовом зале нашей школы?» ученики могут ответить просто «кино» или «показывали кино». В такой ситуации учитель должен требовать от учеников полного ответа: «Вчера в актовом зале нашей школы показывали интересный фильм». Постепенно дети привыкают к такому способу. Иными словами, при повторении вопросительного предложения ученики должны повторять все слова вопроса, заменяя только необходимые имена существительные соответствующими словами. Ответ в виде повторения вопросительного предложения применяется только в 1-2 классах. Ученики 3-го класса уже получают вопросы так, чтобы они могли сразу дать соответствующий ответ, не повторяя вопросительное предложение. Например, на вопрос «Почему ты вчера не пришёл на урок?» учащийся отвечает: «Вчера была моя очередь по уходу за животными, поэтому я не смог прийти на урок», не повторяя вопросительное предложение, а сразу формулируя соответствующий ответ.

Иногда учитель, в соответствии с заданием или требованиями, должен постоянно контролировать, исправлять и обучать учащихся правильному построению предложений и связной речи в их изложениях по содержанию изображённых на рисунках сцен или прочитанных текстов.

Ученики начальной школы должны быть далеки от научного сложного термина «синтаксис», от понимания того, что это за наука и что она изучает. В соответствии с уровнем развития детей они знакомятся только с простыми элементами синтаксиса, а в старших классах по предмету «Кыргызский язык» смогут изучать грамматический материал. До этого момента дети формируют понятия о слове, словосочетании, предложении, простом и сложном предложении, распространённом и нераспространённом предложении, назывном предложении, а на последующих этапах получают более широкие сведения о том, что такое синтаксис как наука.

Я уверен, что обучение языку учащихся начальной школы даёт наилучшие результаты, если оно проводится на трёх уровнях:

1. Развитие словарного запаса.

2. Овладение речевой деятельностью и построением связной речи.

3. Формирование речевой культуры.

Язык – это не только средство общения человека, но и инструмент понимания человеческого духа, познания мира.

Итак, каким должен быть содержание обучения родному языку? Какими путями мы должны передавать дух родного языка в душу ребёнка? С каким объёмом знаний мы можем привести наших детей к грамотности на родном языке? Подобные непростые вопросы неизбежно заставляют задуматься каждого учителя кыргызского языка.

Как уже было отмечено, язык – это не только коммуникативное средство, но и инструмент духовного мира человека. Поэтому в 1-м классе содержание обучения родному языку не строится на изучении научной системы языка. Наши учащиеся на уроках родного языка должны изучать богатое языковое наследие нашего народа, приобщаться к красоте слова, тренироваться в красноречии, учиться ясно, логично и выразительно излагать свои мысли; понимать не только смысл каждого слова, но и его внутреннюю природу, ощущать, что слово связано с историей народа и земли, и уметь использовать его в речи уместно, точно, чисто и эмоционально; а также освоить грамматико-фонетическую систему языка как «строительный материал» слова. Без этого кыргызский ребёнок никогда не сможет стать грамотным на родном языке.

Поэтому с 1-го класса уроки родного языка должны превращаться в уроки, раскрывающие душу и мировоззрение нашего народа. Через родной язык мы должны передавать представителям младшего поколения идеологию старшего поколения, морально-этические нормы, опыт познания мира. Для этого важно выбрать принципиальные направления и работать на их основе, что принесёт более эффективные результаты. Например, материалы могут быть организованы по таким направлениям, как «Мой учитель - моя вторая семья», «Начало воспитания - семья», «Слово отца - глаз разума», «Моя великая бабушка», «Золотая бабушка». При этом полезно включать лучшие образцы детской литературы в этнопсихологическом содержании - рассказы и стихи.

Главная цель системы образования, формирование у учащихся способности чётко, понятно и правильно выражать свои мысли. В достижении этой цели особую роль играет обучение языковедению. Особенно важно синтаксическое знание, которое создаёт основу для правильного написания предложений и развития навыков чтения.

Систематическое и правильное преподавание синтаксического материала в начальных классах закладывает основу будущей языковой и коммуникативной компетенции.

Синтаксис – это раздел языкознания, изучающий строение предложения. Он объясняет взаимосвязь слов, порядок слов в предложении и построение самого предложения. В начальных классах синтаксические понятия способствуют правильному пониманию языка учащимися, формированию навыков письма и речи. Например, обучение таким основным понятиям, как «словосочетание», «начальная структура предложения», «главные и второстепенные члены предложения», помогает ученику логично излагать свои мысли.

Содержание синтаксических материалов в начальных классах включает следующие основные разделы:

- понятие предложения и словосочетания;
- виды предложений (простое, вопросительное, восклицательное, повелительное и др.);
- главные члены предложения и их функции;
- значение порядка слов в системе предложения;
- навыки построения предложений в устной и письменной форме.

Этот материал способствует развитию языкового чутья ученика и формированию уровня его мышления. Дети начальной школы больше опираются на конкретное мышление. Поскольку синтаксические понятия довольно абстрактны, рекомендуется преподавать их с использованием наглядных пособий, живых примеров, игр и практических заданий. Например, упражнения «Кто что делает?» для выявления главных членов предложения, составление предложений по картинкам, установление логических связей - эти задания повышают активность учеников, развивают коммуникативную компетенцию, улучшают грамотность, повышают качество письменных

работ и углубляют способность понимать художественные тексты.

Основные методологические приёмы, применяемые при обучении синтаксическому материалу учащихся начальных классов, следующие:

- самостоятельные и направляемые практические работы;
- интерактивные методы (работа в парах, групповые задания);
- конструктивные задания (составление и исправление предложений);
- использование наглядных материалов (схемы, рисунки, таблицы).

Также элементы игры (например, составление «словесных цепочек», игра «Найди предложение») повышают интерес учеников.

Учителю необходимо давать задания в соответствии с уровнем каждого ученика, используя дифференцированный подход. Это даёт лучшие результаты, так как не все дети усваивают материал в одном темпе. Например:

- для учеников, испытывающих трудности: предоставление готовых слов для составления предложений;
- для учеников среднего уровня: составление предложений по картинкам;
- для учеников высокого уровня: синтаксический анализ текста и др.

При обучении синтаксическим навыкам учебники в сочетании с вспомогательными дидактическими материалами, схемами, карточками и электронными ресурсами играют большую роль. Особенно в современную цифровую эпоху мультимедийные задания повышают интерес учеников и удерживают внимание.

Обучение синтаксическому материалу в начальных классах является основным фактором, закладывающим фундамент языковой грамотности учащихся. Посредством этих знаний ученик учится мыслить, ясно выражать свои мысли, создавать текст и анализировать его. Правильная стратегия учителя, дифференцированный подход и использование современных методов способствуют эффективному усвоению синтаксических знаний.

Обучение синтаксическому материалу в начальных классах является одним из основных направлений в обучении языку. Эти зна-

ния обеспечивают развитие мышления учащегося, понимание логических связей, умение точно и свободно выражать свои мысли [4, с. 117]. Поэтому в ходе исследования были рассмотрены содержание синтаксических материалов, теоретические и практические основы их преподавания, и установлено, что применение дифференцированных методов обучения имеет особое значение. Осваивая синтаксические знания, учащиеся формируют навыки построения предложений, анализа предложений и работы с текстом. В этом процессе методическое мастерство учителя, организация заданий в соответствии с уровнем учащихся, использование наглядных пособий и игровых элементов повышают эффективность обучения.

Преподавание синтаксического материала в начальных классах является одним из ключевых направлений обучения языку. Эти знания обеспечивают развитие мышления, понимание логических связей и возможность чётко и свободно выражать свои мысли. В ходе исследования было установлено, что содержание синтаксических материалов, теоретические и практические основы их преподавания, а также использование дифференцированного подхода имеют особое значение. Освоение синтаксических знаний позволяет учащимся формировать навыки составления предложений, анализа предложений и работы с текстом.

В этом процессе методическое мастерство учителя, организация заданий в соответствии с уровнем учеников, использование наглядных пособий и игровых элементов повышают эффективность обучения.

Преподавание синтаксического материала в начальной школе:

- развивает языковую грамотность;
- способствует развитию логического мышления.

Процесс освоения языка школьником является основным условием его интеллектуального, культурного и социального развития. В этом направлении синтаксические знания имеют особое значение, так как глубокое усвоение языковых понятий и их практическое применение реализуются именно через составление предложений.

Как показывает исследование, при обучении синтаксическим темам в начальных клас-

сах выбор учителем методов в соответствии с возможностями ученика, широкое использование практических и игровых элементов, а также разработка дифференцированных заданий повышают качество обучения.

Работа с синтаксическим материалом на уроке приводит к следующим результатам:

- ученики учатся не только составлять предложения, но и логично организовывать свои мысли;

- развиваются навыки письма и устного общения;

- повышается словарный запас и грамматическая грамотность;

- достигаются успехи с учётом индивидуального темпа освоения материала.

Кроме того, дифференцированное обучение способствует развитию у каждого ребёнка самостоятельного мышления, умения выбирать и проявлять творческие способности, а также повышает мотивацию к учёбе.

В итоге для улучшения преподавания синтаксических материалов предлагаются следующие рекомендации:

- 1) закреплять синтаксические понятия с помощью практико-ориентированных заданий на уроках языка;

- 2) готовить задания в соответствии с уровнем каждого ученика;

- 3) развивать навыки живого общения, работы с текстом и анализа с разных сторон;

Библиографический список

1. Гвоздев А.Н. Вопросы изучения детской речи. – М.: Изд. АПН РСФСР, 1961.
2. Сыдыкова З. Теория и практика преподавания кыргызского языка в начальных классах. – Ош, 2016.
3. Джолдошев А., Токтосунова Г. Кыргызский язык: методическое пособие для 1-4 классов. – Бишкек, 2018.
4. Кыдыралиев Т. Инновационные методы обучения кыргызскому языку. – Бишкек: Авангард, 2020.

- 4) использовать научные и методические ресурсы для разнообразия урока.

Такой подход делает процесс изучения языка в начальных классах эффективным и положительно влияет на интеллектуальное и коммуникативное развитие учащихся. Требуется дифференцированного подхода с учётом индивидуальных особенностей каждого ученика.

Таким образом, целенаправленное обучение синтаксическому материалу в начальных классах играет важную роль в формировании языковой компетенции учащихся. Использование разнообразных методов обучения способствует повышению интереса школьников к языку, развитию их мыслительной активности и формированию навыков осознанного построения речи. Рассмотренные в работе методы являются лишь частью возможных подходов к преподаванию синтаксиса и демонстрируют эффективность системной и продуманной организации учебного процесса. В перспективе дальнейшее изучение и внедрение современных методик преподавания грамматического материала позволит создать более благоприятные условия для полноценного коммуникативного развития учащихся и повышения качества языкового образования в целом.

METHODS OF TEACHING SYNTACTIC MATERIAL IN PRIMARY SCHOOL

B.I. Atygaev¹, *Candidate of Philological Sciences, Associate Professor*

Zh.B. Ashirbekova¹, *Graduate Student*

A.B. Isaeva², *Student*

¹**Issyk-Kul State University named after K. Tynystanov**

²**Kyrgyz State University named after I. Arabaev**

¹**(Kyrgyzstan, Karakol)**

²**(Kyrgyzstan, Bishkek)**

***Abstract.** This article examines the methods of teaching syntactic material in primary school, as well as the terms and rules included in syntactic topics. In accordance with the demands of modern education, a high-quality mastery of the native language in primary school contributes to the development of young students' thinking, enriches their vocabulary, and stimulates their creative abilities. It also facilitates a deeper understanding of other subjects, broadens knowledge about the surrounding world, and helps form a comprehensive worldview. The article presents information on the goals and objectives set in teaching the native language to primary school students. In addition, it discusses the necessity of applying various teaching methods and techniques in a certain sequence to achieve these goals and objectives and to ensure a deep understanding of syntax.*

***Keywords:** syntax; illustration; logical thinking; vocabulary; stylistics; phonetics; morphology; orthography; orthoepy; communicative; ideological.*

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ТВОРЧЕСКОМ ВУЗЕ

А.Т. Есетова¹, канд. пед. наук, доцент

Г.С. Аркабаева², докторант

С.С. Джансеитова¹, д-р филол. наук, профессор

Г.Б. Абсатарова¹, магистр пед. наук, доцент

А.Ж. Жаулыбай¹, магистр пед. наук, преподаватель

¹Казахская национальная консерватория имени Курмангазы

²Казахский национальный женский педагогический университет

^{1,2}(Казахстан, г. Алматы)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-233-238

Аннотация. В статье рассматривается роль музыкального искусства как средства формирования лингвокультурной компетенции при обучении русскому языку в творческом вузе. Особое внимание уделяется взаимосвязи языка и культуры, а также потенциалу казахской музыкальной традиции в развитии межкультурного взаимодействия и мотивации студентов. Приводятся примеры методических приемов и заданий на музыкальном материале: анализ текстов песен, изучение музыкальной терминологии, проектная и творческая работа, игровые технологии. Установлено, что интеграция музыкального искусства в процесс обучения способствует более глубокому усвоению культурных смыслов, развитию межкультурной восприимчивости и формированию личности, ориентированной на диалог культур.

Ключевые слова: лингвокультурология; музыкальное искусство; межкультурная компетенция; мотивация; казахская культура; коммуникация; преподавание русского языка; поликультурная среда; процесс обучения.

Язык функционирует не только как инструмент репрезентации культуры, но и как ее системообразующий компонент, выполняющий роль своеобразного «генетического кода» этноса. Будучи порожденным культурной средой и отражающим ее уникальные характеристики, язык одновременно выступает активным механизмом формирования и трансляции культурных смыслов. В его структуре, лексическом составе и аутентичных дискурсивных практиках кристаллизуются ценностные ориентиры, нормативные установки, традиции и коллективный опыт, образующие концептосферу и ментальное пространство народа.

На рубеже тысячелетий осознание органической взаимосвязи языка и культуры обусловило формирование новой междисциплинарной области знания – лингвокультурологии. Данная научная дисциплина не сводится к механическому синтезу лингвистики и культурологии, а возникла как ответ на необходимость преодоления методологических ограничений, присущих каждой из них по отдель-

ности. Лингвокультурология предлагает целостную парадигму анализа языка, интерпретируя его в системе культурных феноменов и дискурсивных практик. Ее исследовательская цель заключается в выявлении и систематизации культурных констант, репрезентированных в языке, а также в изучении механизмов, посредством которых язык не только фиксирует, но и формирует культурные стереотипы, ментальные установки и ценностно-мировоззренческие ориентиры этноса.

Как самостоятельная научная дисциплина лингвокультурология оформилась в 1990-е годы XX века, однако ее теоретико-методологические предпосылки уходят своими корнями в более ранние этапы развития гуманитарного знания. В становлении лингвокультурологии условно можно выделить два ключевых периода. Первый этап – прото-период (этап предпосылок) – характеризуется формированием идейно-теоретической базы, определившей последующее развитие направления. Идеи о взаимосвязи языка, мышления и культуры получили теоретиче-

ское обоснование в трудах В. фон Гумбольдта и Э. Сепира. В своих исследованиях Гумбольдт рассматривал язык как «деятельность духа» (*energeia*), посредством которой человек формирует и осмысливает реальность, подчеркивая, что структура языка определяет специфику мировосприятия и отражает духовную культуру народа [1]. Развивая эти идеи, Сепир утверждал, что язык не только выражает, но и формирует мышление, задавая рамки восприятия мира и культурных категорий. Его концепция легла в основу гипотезы лингвистической относительности, объясняющей зависимость когнитивных процессов от языковой системы [2]. Таким образом, труды вышеназванных ученых заложили фундамент для развития лингвокультурологического подхода, в рамках которого язык рассматривается как средство концептуализации национальной картины мира. Второй этап – институционализация (этап становления) – связан с окончательным утверждением лингвокультурологии как самостоятельной междисциплинарной области научного знания. В этот период были четко определены предмет, цели, задачи и методологический инструментарий дисциплины, что обеспечило ей устойчивое место в системе гуманитарных наук.

Маслова считает, что «лингвокультурология – это отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологи и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [3]. Подгорбунских рассматривает лингвокультурологию как научную дисциплину, «которая изучает определенным образом отобранную и организованную совокупность культурных ценностей, исследует живые коммуникативные процессы порождения и восприятия речи, опыт языковой личности и национальный менталитет, дает системное описание языковой «картины мира» и обеспечивает выполнение образовательных, воспитательных и интеллектуальных задач обучения» [4].

В рамках современной лингводидактики, ориентированной на диалог культур и межкультурную коммуникацию, преподавание русского языка в поликультурной среде Казахстана требует выхода за рамки традиционных методов преподавания. Особую актуальность приобретает лингвокультурологический подход, который предполагает неразрывную

связь языка с культурой, где изучение языка должно сопровождаться постижением национального менталитета, традиций и ценностей. Тер-Минасова в своем научном труде «Язык и межкультурная коммуникация» пишет: «Язык – сокровищница, кладовая, копилка культуры. Он хранит культурные ценности – в лексике, в грамматике, в идиоматике, в пословицах, поговорках, в фольклоре, в художественной и научной литературе, в формах письменной и устной речи. Язык – передатчик, носитель культуры, он передает сокровища национальной культуры, хранящейся в нем, из поколения в поколение» [5]. В этом контексте музыкальное искусство Казахстана выступает не просто как фон, а как первичный текст культуры, обладающий колоссальным лингвокультурным ресурсом. Следовательно, взаимосвязь языка и музыки проявляется не только на уровне структурной организации, но и в их общекультурной и когнитивной функции. Оба феномена опираются на символическую систему, посредством которой человек осмысливает и выражает действительность. Музыка, подобно языку, способна транслировать смыслы, ценности и эмоции, формируя целостное восприятие мира. В образовательном контексте интеграция музыкального искусства в процесс обучения языкам способствует более глубокому усвоению культурных и эмоциональных аспектов речи, стимулируя развитие лингвокультурной компетенции и творческого мышления обучающихся. Как отмечает в своей работе Перчаткина: «Язык, как и музыка, имеют определенную структуру и правила. Фразы и предложения выстраиваются из слов и нот; в них есть ритм, размер, рифма. Язык, как и музыка, выполняет четыре функции: служит средством познания, общения и выражения отношения к миру, является хранителем национальной культуры, выступает в качестве инструмента образования, развития и воспитания» [6].

Музыка, подобно языку, представляет собой знаковую систему, отражающую национальную ментальность, ценностные ориентиры и особенности мировосприятия народа. Включение музыкального материала в процесс изучения языка способствует «осмыслению культурных кодов» и развитию способности воспринимать и интерпретировать культурно-маркированную лексику. Современ-

менное языковое образование в условиях глобализации требует формирования у обучающихся не только коммуникативной, но и «лингвокультурной компетенции», предполагающей осознанное восприятие языка как носителя культуры. В творческом вузе особое значение приобретает использование возможностей музыкального искусства как средства интеграции когнитивных, эмоционально-эстетических и культурных компонентов обучения.

Авторы работы «Музыка как средство изучения языков в межкультурной перспективе» рассматривают музыку как важнейшее средство выражения культурных смыслов, репрезентации ценностных ориентиров и установления межличностных и межкультурных связей. Их исследования показали, что с педагогической точки зрения музыкальное искусство обладает потенциалом служить инструментом формирования взаимопонимания и построения «мостов» между различными культурными системами и мировоззренческими позициями [7].

Целенаправленное использование этого потенциала в творческом вузе, где студенты имеют непосредственное отношение к искусству, становится мощным инструментом для оптимизации учебного процесса. Использование музыкальных произведений на занятиях по языку способствует активизации эмоциональной сферы обучающихся, формирует интерес к изучаемой культуре и повышает мотивацию к обучению. Музыкальные тексты могут служить основой для лингвокультурологического анализа, направленного на выявление взаимосвязи языка, культуры и художественного мышления. Например:

1. Анализ текстов песен. Изучение лексики, грамматических конструкций и культурных отсылок в текстах народных и современных казахских песен.

2. Изучение музыкальной терминологии. Освоение названий музыкальных инструментов (домбра, кобыз), жанров (кюй, терме) и понятий, связанных с музыкальной теорией.

3. Сюжетно-ролевые игры и творческие проекты. Организация сценок, диалогов или презентаций, основанных на сюжетах казахских легенд, кюев или жизни известных музыкантов.

Музыка выступает как семиотическая система, где звуки и их структуры (мелодия, ритм, гармония) являются знаками, передающими смыслы и эмоции. Как когнитивный ресурс, она улучшает память, внимание, обучение и творческие способности, а также влияет на мотивацию и эмоциональное состояние. Музыка, являясь сложной семиотической системой, подобно языку обладает собственным синтаксисом (мелодические и ритмические структуры) и семантикой (эмоциональные, образные и культурные значения). В казахской музыкальной культуре этот семиотический потенциал выражен особенно заметно. Жанр кюй (инструментальная пьеса для домбры, кобыза) – это не просто набор звуков, а своеобразный звуковой нарратив, передающий истории, легенды и философские размышления. Каждый кюй имеет свое название, отражающее его содержание ("Науыскы", "Сарыарка", "Көңіл ашар"), и эти названия, а также связанные с ними легенды и образы, служат богатейшим источником для формирования лингвокультурологической компетенции студентов.

Использование музыки как когнитивного ресурса позволяет активировать у студентов образное и ассоциативное мышление. В отличие от абстрактного изучения грамматических правил, работа с музыкальным материалом вовлекает эмоциональную сферу, способствующую более глубокому и прочному усвоению лексики и грамматических конструкций. Погружение в культурный контекст через музыку позволяет студентам воспринимать русский язык не как чужеродную систему, а как средство для выражения своих мыслей и чувств, обогащенных родной культурой. Это не только повышает мотивацию к обучению, но и формирует у студентов устойчивую внутреннюю мотивацию к межкультурному диалогу.

Интеграция казахского музыкального искусства в практику преподавания русского языка может осуществляться через различные методические приемы, которые охватывают все аспекты языковой компетенции: аудирование, говорение, чтение и письмо.

Для развития навыков аудирования и говорения подходят задания на ассоциации (Арт-ассоциации; Истории на ассоциациях; Ассоциативный куст; Общие черты и др.): Про-

слушивание кюев или народных песен (например, кюи "Адай" Курмангазы или "Көроғлы" Даулеткерей, народные песни "Сәулем-ай", "Япурай") и последующее обсуждение на русском языке своих ассоциаций, чувств и образов, которые они вызывают. Это способствует активизации лексики, связанной с эмоциями (*восторг, грусть, печаль*), природными явлениями (*степь, рассвет, выюга*) и народным бытом (*кочевье, юрта, домбра*).

Для развития речевой компетенции можно провести дискуссию по тематике песен: Обсуждение текстов современных казахстанских исполнителей (группы "Музарт", "Қоңыр", "Улытау", "Turan" и др.) помогает не только развить навыки говорения, но и обсудить актуальные темы, близкие студентам: молодежная культура, отношение к традициям, патриотизм.

Развитию навыков чтения и письма способствует лексико-грамматический анализ текстов песен: разбор текстов казахских песен, переведенных на русский язык, позволяет студентам увидеть, как культурные концепты передаются на другом языке. Это помогает осмыслить различия и сходства в языковых картинах мира и выявить грамматические особенности.

Творческая письменная работа, где студентам предлагается написать эссе, сочинение или стихотворение, вдохновленное прослушанным музыкальным произведением, улучшает языковые навыки, формирует умение выражать свои мысли в письменной форме и побуждает к глубокому исследованию языка и культуры. Например, задания "Опишите, каким вы представляете себе образ кюйши, исполняющего кюй "Балбырауын", "Напишите сочинение-миниатюру о народных песнях разных жанров", а также редактирование написанного текста, дополнение новой информацией или работа по составлению «Музыкального словаря» с использованием синонимов и эпитетов стимулируют творческое мышление и позволяют применять усвоенную лексику в контексте.

Формированию межкультурной компетенции содействуют задания на сопоставительный анализ: сравнение тематики, образов и музыкальных инструментов в казахских и русских народных песнях (например, домбра и балалайка). Такой анализ не только способ-

ствует изучению новой лексики, но и развивает критическое мышление и дают комплекс знаний, навыков и установок, позволяющих эффективно и адекватно взаимодействовать с представителями разных культур. Проектная деятельность: например, создание мультимедийных проектов, посвященных казахской музыкальной культуре («Музыкальный калейдоскоп Казахстана» или «Казахский кюй в диалоге культур»), развивает у студентов коммуникативные навыки, способность к самостоятельному поиску и анализу информации, а также навыки работы в команде. Она повышает мотивацию к учебе, углубляет знания по предмету и позволяет применять полученные умения на практике. Викторины, квиз-турниры, к примеру, по теме «Музыка Великой степи», разработанные по знаменитым произведениям казахских композиторов или «Эволюция звука: от древних инструментов до современных» – по истории происхождения и трансформации народных инструментов, представляют собой эффективный способ формирования коммуникативных и профессионально-языковых компетенций студентов. Использование лингвистических эстафет, интеллектуальных и ролевых игр, построенных на музыкальной тематике, способствует созданию эмоционально насыщенной образовательной среды, усиливающей мотивацию к изучению русского языка. Элементы состязания и сюжетного взаимодействия активизируют познавательную деятельность обучающихся, способствуют усвоению специализированной лексики, совершенствованию произносительных навыков. В контексте обучения студентов-музыкантов такие формы деятельности обеспечивают гармоничное сочетание эмоционального и рационального восприятия, формируют внутреннюю мотивацию и способствуют развитию творческого мышления.

По мнению Серебренниковой, немаловажен эмоциональный аспект обучения языку на материалах музыкальных произведений, где проявляются «позитивный настрой и благоприятное отношение к предмету и обучению в целом». Автор считает, что «эмоционально-оценочный компонент важен для формирования всех других компонентов содержания. Позитивное отношение и развитие положительных ценностных ориентаций по-

могут, кроме общеучебных и специальных умений, в решении следующих задач: формирование положительного отношения к учебе, саморазвитию и самообразованию, воспитание уважения к другим культурам, другому мнению, способности сомневаться в суждениях в хорошем смысле слова и отстаивать свою точку зрения, искать новые пути и приемы, быть креативным, творческим, интересным человеком, создавать свой продукт на известной основе» [8].

Музыка, как универсальный язык, вызывает эмоциональный отклик, делая процесс обучения более увлекательным и запоминающимся. В результате, студенты погружаются в богатый мир казахских традиций, обычаев и ценностей, что способствует формированию более целостной картины мира, расширению кругозора. Изучение песен, кюев (традиционных инструментальных пьес) и терминологии, связанной с музыкальным искусством, помогает закрепить лексический и грамматический материал. Использование знакомых или интересных студентам элементов (музыка, народные инструменты, творческие личности) повышает их мотивацию к изучению языка. Данный подход готовит будущих специалистов к эффективному взаимодействию в мультикультурной среде, что особенно важно для творческих профессий. Это позволит «воспитывать музыкантов, обладающих такими качествами как терпимость, открытость, уважающих культуру и духовные ценности своего и других народов, способных и готовых участвовать в диалоге культур» [9].

Итак, музыкальное искусство Казахстана, являясь неотъемлемой частью национального

культурного кода, обладает колоссальным лингвокультурологическим потенциалом. Его целенаправленное и методически обоснованное использование в практике преподавания русского языка в творческом вузе позволяет:

1) оптимизировать процесс обучения, делая его более эффективным, осмысленным и личностно-ориентированным;

2) формировать межкультурную компетенцию студентов, способствуя их успешной интеграции в мировое культурное пространство;

3) повышать мотивацию к изучению русского языка, так как он перестает быть абстрактным предметом и становится живым инструментом познания собственной национальной культуры.

Таким образом, лингвокультурологический подход в преподавании языков в творческом вузе означает использование элементов казахского музыкального искусства как инструмента для обучения. Этот метод помогает студентам не только осваивать язык, но и глубже понимать культуру, историю и менталитет казахского народа. Применение такого подхода в конечном итоге способствует не только овладению языком, но и формированию гармоничной личности, обладающей способностью воспринимать и уважать культурное многообразие, понимать ценностные ориентиры других народов. Такое взаимодействие не только развивает межкультурную толерантность и эмпатию, но и формирует у обучающихся готовность к конструктивному взаимопониманию, что является важнейшей составляющей современного гуманистически ориентированного образования.

Библиографический список

1. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
2. Sapir E. Language. An introduction to the study of speech. – New York. Harcourt, Brace, 1921.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
4. Подгорбунских А.А. Содержание понятия «лингвокультурная компетентность студентов вуза» / А.А. Подгорбунских // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. – 2011. – № 38(255). – С. 100-103. – EDN OJBVZ.
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 264 с.
6. Перчаткина В.Г. Роль музыкального компонента в процессе обучения иностранному языку / В.Г. Перчаткина // Казанский педагогический журнал. – 2016. – № 4(117). – С. 130-134. – EDN WGFEIJ.
7. Fernández-Benavides A., Castillo-Palacios S. Explorando la música para aprender lenguas desde una perspectiva intercultural // Folios. – 2023. – № 58. – P. 188-204. – DOI:10.17227/folios.58-16178.

8. Серебренникова О.Л. Методические принципы отбора содержания обучения иностранному языку на примере аутентичной англоязычной песенной музыки / О.Л. Серебренникова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2018. – № 1. – С. 57-70. – DOI 10.18101/1994-0866-2018-1-1-57-70. – EDN XNBZCH.

9. Зарипова С.З. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов музыкантов в процессе обучения иностранным языкам в вузах искусств / С.З. Зарипова, И.И. Галимзянова // Вестник Казанского технологического университета. – 2013. – Т. 16, № 22. – С. 387-390. – EDN ROMQWD.

MUSICAL ART AS A MEANS OF FORMING LINGUISTIC AND CULTURAL COMPETENCE IN TEACHING RUSSIAN AT A CREATIVE UNIVERSITY

A.T. Yessetova¹, *Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor*

G.S. Arkabayeva², *Doctoral Student*

S.S. Dzhanseitova¹, *Doctor of Philological Sciences, Professor*

G.B. Absatarova¹, *Master of Pedagogical Sciences, Associate Professor*

A.J. Zhautybai¹, *Master of Pedagogical Sciences, Lecturer*

¹Kurmangazy Kazakh National Conservatory

²Kazakh National Women's Pedagogical University

^{1,2}(Kazakhstan, Almaty)

Abstract. *The article examines the role of musical art as a means of forming linguistic and cultural competence in teaching Russian at a creative university. Special attention is paid to the relationship between language and culture, as well as the potential of the Kazakh musical tradition in the development of intercultural interaction and motivation of students. Examples of methodological techniques and tasks based on musical material are given: analysis of song lyrics, study of musical terminology, project and creative work, game technologies. It has been established that the integration of musical art into the learning process contributes to a deeper assimilation of cultural meanings, the development of intercultural sensitivity and the formation of a personality focused on the dialogue of cultures.*

Keywords: *linguoculturology; musical art; intercultural competence; motivation; Kazakh culture; communication; teaching Russian; multicultural environment; learning process.*

THE EFFECTIVENESS OF THE 5E LESSON PLAN MODEL IN TEACHING ENGLISH AS A FOREIGN LANGUAGE

A.Zh. Kachkynchieva¹, *Lecturer*

E.Zh. Zhumagulova², *Associate Professor*

¹Osh State Pedagogical University

²International University of the Kyrgyz Republic

¹(Kyrgyzstan, Osh)

²(Kyrgyzstan, Bishkek)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-239-244

Abstract. *This study examines the effectiveness of the 5E Lesson Plan Model (Engage, Explore, Explain, Elaborate, Evaluate) in teaching English as a foreign language. Based on theoretical analysis and practical examples, the study demonstrates how each stage of the model contributes to active learner engagement, the development of communicative competence, and learner autonomy. The 5E framework is shown to combine structure with flexibility, making it applicable to modern EFL classrooms. The study also discusses the integration of the model with constructivist principles and outlines directions for future empirical research.*

Keywords: *5E Lesson Plan Model; EFL (English as a Foreign Language); constructivist learning; communicative competence; learner-centered instruction; motivation; active learning.*

In today's globalized world, English has become a dominant international language in education, business, science, and intercultural communication. Proficiency in English is no longer an optional skill but a necessary competence for academic and professional success. This increases the importance of effective methods for teaching English as a foreign language (EFL) that meet diverse learners' needs.

Educational institutions face the challenge of developing learners' communicative competence while maintaining motivation and active engagement. Students are expected not only to learn grammar and vocabulary but also to use the language meaningfully in real-life situations. However, many EFL classrooms still rely on traditional teacher-centered methods, which emphasize explanation, memorization, and controlled practice, limiting opportunities for interaction and exploration. Consequently, learners may become passive, with reduced motivation and superficial understanding.

To address these challenges, learner-centered and constructivist approaches have gained attention. These models promote active participation, collaboration, and knowledge construction through meaningful experiences. Among them, the 5E Lesson Plan Model – Engage, Explore, Explain, Elaborate, Evaluate – offers a structured yet flexible framework for guiding learners

through active and reflective learning [1]. Originally developed for science education, the model has been adapted for EFL due to its alignment with constructivist principles, emphasizing prior knowledge, inquiry, application, and reflection. By fostering meaningful learning and learner autonomy, the 5E model provides a promising solution to the limitations of traditional instruction and supports the development of communicative competence in English learners.

Over the past decades, the field of teaching English as a foreign language has undergone significant methodological changes. Traditional approaches such as the grammar-translation method and the audio-lingual method, which primarily focused on memorization, repetition, and teacher-led instruction, have gradually given way to more communicative and learner-centered approaches. These changes reflect a broader shift in educational philosophy toward prioritizing learners' communicative needs and real-world language use.

In this context, approaches such as Communicative Language Teaching (CLT), task-based learning, and content-based instruction have become increasingly influential. These methodologies emphasize meaningful interaction, authentic communication, and the use of language as a tool for expressing ideas rather than merely as an object of study [2]. Learners are encouraged to par-

ticipate in discussions, problem-solving activities, and collaborative tasks that mirror real-life communicative situations. As a result, the primary goal of EFL instruction has expanded from mastering grammatical structures to developing overall communicative competence, including speaking, listening, and pragmatic skills.

A key characteristic of these approaches is their emphasis on the active role of learners in the learning process. Rather than functioning as passive recipients of knowledge transmitted by the teacher, students are viewed as active participants who construct understanding through interaction, experimentation, and reflection. This shift not only enhances language proficiency but also contributes to increased motivation, learner autonomy, and confidence in language use.

Despite their well-documented advantages, communicative and learner-centered approaches present certain challenges in classroom implementation. In particular, they require carefully structured lessons that balance freedom and guidance while promoting meaningful interaction and critical thinking. Without a clear instructional framework, such approaches may lead to unstructured activities and reduced learning effectiveness. Consequently, teachers increasingly seek pedagogical models that offer systematic lesson organization while still supporting active, inquiry-based language learning. This need has led to growing interest in instructional frameworks, such as the 5E Lesson Plan Model, which combine structure with flexibility and align closely with the principles of communicative language teaching.

Constructivist learning theory is based on the assumption that knowledge is not passively received but actively constructed by learners through their experiences, interactions, and reflections. From this perspective, learning is viewed as a dynamic process in which students make sense of new information by relating it to their existing cognitive structures. Consequently, the role of the teacher shifts from that of a knowledge transmitter to a facilitator who creates meaningful learning environments and guides learners in their cognitive development.

According to constructivist theorists, learning becomes more effective when students are engaged in problem-solving tasks, inquiry-based activities, and social interaction. Such activities encourage learners to explore concepts inde-

pendently, formulate hypotheses, and reflect on their learning outcomes. In addition, constructivism emphasizes the importance of prior knowledge, suggesting that new learning is most successful when it builds upon learners' existing linguistic and experiential background [3].

In the context of language teaching, constructivist principles strongly support collaborative learning, discovery-based instruction, and contextualized language use. Learners are encouraged to negotiate meaning, interact with peers, and use language in authentic communicative situations. Rather than memorizing isolated grammatical rules, students construct an understanding of language structures and functions through meaningful use. This approach aligns closely with communicative language teaching and task-based learning, both of which emphasize interaction and learner engagement.

As a result, constructivist approaches have been widely adopted in EFL classrooms to foster learner autonomy, intrinsic motivation, and deeper understanding of language. By actively involving learners in the learning process, constructivist instruction helps develop not only linguistic competence but also critical thinking and problem-solving skills, which are essential for effective communication in a foreign language.

The 5E Lesson Plan Model is firmly grounded in constructivist learning theory and provides a systematic framework for implementing learner-centered instruction. The model consists of five sequential and interconnected stages – Engage, Explore, Explain, Elaborate, and Evaluate – each of which serves a specific pedagogical purpose in supporting knowledge construction.

The Engage phase is designed to capture learners' attention and activate their prior knowledge. At this stage, teachers may use questions, visual stimuli, real-life situations, or short communicative tasks to stimulate curiosity and motivate learners. By connecting new content to learners' existing experiences, this phase establishes a meaningful context for learning.

During the Explore phase, learners are actively involved in hands-on and interactive activities that allow them to investigate language forms and meanings independently or collaboratively. In EFL classrooms, this may include group discussions, role-plays, or problem-solving tasks through which students encounter new vocabulary or grammatical structures in context. Im-

portantly, the teacher acts as a facilitator, providing guidance while allowing learners to discover patterns and relationships on their own.

The Explain phase focuses on clarification and conceptualization. At this stage, learners articulate their understanding, and the teacher provides formal explanations, feedback, and additional input to ensure accuracy. This phase helps consolidate learners' discoveries and connect them to explicit language rules or concepts.

Following this, the Elaborate phase offers learners opportunities to apply their newly acquired knowledge in different and more complex contexts. Through extended communicative activities, projects, or real-life simulations, students deepen their understanding and develop the ability to transfer language skills to new situations. This stage is particularly important for reinforcing communicative competence and fluency.

Finally, the Evaluate phase involves assessing learners' progress and understanding. Evaluation may be both formative and summative and can include self-assessment, peer assessment, and teacher assessment. This stage not only measures learning outcomes but also encourages reflection, which is a key component of constructivist learning [4].

The structured yet flexible nature of the 5E Lesson Plan Model makes it especially suitable for language instruction. By integrating active exploration, communicative practice, reflection, and assessment, the model effectively supports meaningful language learning and learner engagement in EFL classrooms.

A growing body of research has demonstrated the effectiveness of the 5E Lesson Plan Model across various educational disciplines. Numerous studies have reported that learners taught using the 5E framework achieve higher academic performance, demonstrate increased motivation, and develop stronger critical thinking skills compared to those taught through traditional methods. These outcomes are largely attributed to the model's emphasis on active learning and learner involvement.

In EFL contexts, existing studies suggest that the 5E model positively influences language learning outcomes. Researchers have found that the use of the 5E framework leads to improved vocabulary acquisition, enhanced speaking and listening skills, and greater learner confidence in using English. Additionally, learners exposed to

5E-based instruction often display higher levels of classroom participation and engagement, as the model encourages interaction and meaningful communication.

Despite these promising findings, empirical research on the application of the 5E Lesson Plan Model in EFL settings remains relatively limited. In particular, there is a lack of studies focusing on secondary and higher education contexts, as well as research examining the long-term effects of the model on language proficiency. This gap in the literature highlights the need for further investigation into the effectiveness of the 5E model in diverse EFL learning environments, thereby providing a strong rationale for the present study [5].

The present study is based on a qualitative descriptive research design and does not involve an experimental intervention. Instead, it aims to examine the effectiveness of the 5E Lesson Plan Model in teaching English as a foreign language through a systematic theoretical analysis and synthesis of existing academic literature. This methodological approach was chosen in order to explore the pedagogical value of the 5E model in EFL instruction by analyzing its theoretical foundations, instructional structure, and reported outcomes in previous studies, rather than by collecting primary empirical data.

The research is situated within the context of English as a foreign language teaching at the secondary and tertiary education levels, with a particular focus on learners at an intermediate level of language proficiency. This learner profile is considered especially suitable for the application of the 5E model, as intermediate learners typically possess sufficient linguistic resources to participate in communicative and exploratory activities while still benefiting from structured instructional guidance. For example, such learners are able to engage in pair and group discussions, role-plays, and problem-solving tasks, which are central to constructivist and learner-centered instruction.

The data for the study were obtained from multiple secondary sources, including peer-reviewed journal articles, academic monographs, conference proceedings, and methodological publications related to constructivist learning theory, the 5E Lesson Plan Model, and contemporary approaches to EFL teaching. In addition, published sample lesson plans and classroom

scenarios based on the 5E framework were analyzed to illustrate how the model can be practically implemented in English language classrooms. These materials provided concrete examples of how abstract theoretical principles are translated into instructional practice.

The analytical process involved several stages. First, key principles of constructivist learning theory – such as active knowledge construction, social interaction, learner autonomy, and reflection – were identified and examined in relation to language teaching. This analysis highlighted how constructivism supports communicative and contextualized language learning, emphasizing meaning-making over rote memorization. For instance, instead of explicitly teaching grammatical rules at the beginning of a lesson, constructivist instruction encourages learners to encounter language forms through use and interaction, allowing them to infer patterns independently.

Second, the five stages of the 5E Lesson Plan Model were analyzed in detail with reference to their pedagogical functions in EFL instruction.

The Engage stage was examined as a means of activating learners' prior knowledge and increasing motivation. In an EFL classroom, this stage may involve discussing a familiar topic, analyzing a picture, or responding to a short video clip related to the lesson theme. For example, when teaching vocabulary related to travel, learners may be asked to share personal travel experiences or predict the content of a dialogue [6].

The Explore stage was analyzed in terms of its role in promoting discovery-based learning. During this phase, learners might work in groups to complete communicative tasks such as match-

ing activities, information-gap exercises, or role-plays, through which they encounter new language in context. For instance, students may analyze a short text or dialogue to identify how certain grammatical structures are used, without receiving explicit explanations at this stage.

The Explain stage allows both learners and teachers to clarify understanding and formalize language knowledge. Learners are encouraged to articulate what they have discovered, while the teacher provides feedback, explanations, and correct terminology. In EFL instruction, this may include explicit clarification of grammar rules, pronunciation features, or vocabulary usage, building on learners' exploratory experiences.

The Elaborate stage was examined as an opportunity for deeper learning and skill transfer. At this stage, learners apply newly acquired language knowledge in new and more complex contexts. Examples include writing short texts, participating in debates, or completing project-based tasks. This stage is particularly important for developing communicative competence, as it encourages learners to use language creatively and meaningfully.

Finally, **the Evaluate** stage focuses on assessing learners' understanding and progress. In EFL classrooms, evaluation may take various forms, such as quizzes, oral presentations, self-assessment checklists, or peer feedback. This stage not only measures learning outcomes but also promotes reflection, which is a key component of constructivist learning.

To summarize the relationship between the stages of the 5E model and their application in EFL instruction, table 1 presents an overview with illustrative examples.

Table 1. Application of the 5E Lesson Plan Model in EFL Instruction

5E Stage	Pedagogical Purpose	Example in EFL Classroom
Engage	Activate prior knowledge, motivate learners	Discussing personal experiences related to the topic
Explore	Encourage discovery and interaction	Group work analyzing a dialogue or role-play
Explain	Clarify concepts and formalize knowledge	Teacher explanation of grammar or vocabulary
Elaborate	Apply knowledge in new contexts	Writing tasks, discussions, project work
Evaluate	Assess understanding and reflect	Quizzes, presentations, self- or peer assessment

The analysis of theoretical sources and previous studies indicates that the 5E Lesson Plan Model has considerable pedagogical potential in teaching English as a foreign language. Its alignment with constructivist learning theory allows learners to actively engage in the learning process, construct knowledge through interaction,

and apply language in meaningful contexts. The structured sequence of stages provides a clear instructional framework while maintaining flexibility, which addresses common challenges associated with communicative and learner-centered approaches.

Furthermore, the reviewed literature suggests that the 5E model supports the development of communicative competence by encouraging exploration, collaboration, and reflection. By integrating motivation, discovery, and assessment within a single framework, the model appears to create a more engaging and effective learning environment compared to traditional teacher-centered instruction. However, the absence of primary empirical data highlights the need for future experimental studies to validate these findings in specific EFL contexts.

In conclusion, the present study demonstrates that the 5E Lesson Plan Model represents a theo-

retically sound and pedagogically effective approach to teaching English as a foreign language. Through its constructivist foundation and learner-centered structure, the model addresses key challenges of EFL instruction, including learner motivation and meaningful language use. Although the study is limited to theoretical analysis, it provides valuable insights into the applicability of the 5E model and lays the groundwork for future empirical research aimed at examining its impact on specific language skills and learning outcomes.

References

1. Rochman M. The Implementation of the 5E Model Stages to Build Students' Vocabulary // *Journal on English as a Foreign Language*. – 2012. – Vol. 2, № 1. – P. 1-10. – DOI: 10.23971/jevl.v2i1.48.
2. Fanar D.A. The Effect of 5ES Model in Developing Fifth Graders' English Vocabulary Learning and Their Motivation // *Alustath Journal for Human and Social Sciences*. – 2023. – P. 145-160. DOI: 10.36473/9pdbze23.
3. Jumaa M.S., Ismail N.Y. Using of 5E Model in Teaching Reading Comprehension for Preparatory School Students // *Journal of Tikrit University for Humanities*. – 2023. – Vol. 30. № 7. Issue 2. – P. 51-70. – DOI: 10.25130/jtuh.30.7.2.2023.24.
4. Zhang Y. The Application of 5E Instructional Model to English Reading Teaching in Senior High School // *Academic Journal of Science and Technology*. – 2024. – Vol. 11, № 3. – P. 88-96.
5. Gao H. Research on Innovative Teaching Strategies in College English Reading and Writing Classroom Based on PBL and the 5E Teaching Model // *Proceedings of the 2024 International Conference on Education, Science, Technology, Innovation and Life (ESTIL 2024)*. – 2024. – P. 208-216. – DOI: 10.23977/curtm.2024.070908.
6. *5E Instructional Model: A Constructivist Approach to Teaching & Learning* / ed. by Aga Khan University. – Karachi: Aga Khan University Press, 2024. – 176 p.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МОДЕЛИ 5Е ПЛАНА УРОКА В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

А.Ж. Качкынчиева¹, преподаватель

Э.Ж. Жумагулова², доцент

¹Ошский государственный педагогический университет

²Международный университет Кыргызстана

¹(Кыргызстан, г. Ош)

²(Кыргызстан, г. Бишкек)

***Аннотация.** В данном исследовании изучается эффективность модели плана урока 5Е (Вовлечение, Исследование, Объяснение, Разработка, Оценка) в преподавании английского языка как иностранного. На основе теоретического анализа и практических примеров исследование демонстрирует, как каждый этап модели способствует активному вовлечению учащихся, развитию коммуникативной компетенции и автономии учащихся. Показано, что структура 5Е сочетает в себе структурированность и гибкость, что делает ее применимой к современным классам английского языка как иностранного. В исследовании также обсуждается интеграция модели с конструктивистскими принципами и намечаются направления для будущих эмпирических исследований.*

***Ключевые слова:** модель плана урока 5Е; английский язык как иностранный; конструктивистское обучение; коммуникативная компетенция; обучение; ориентированное на учащегося; мотивация; активное обучение.*

ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПСИХОМОТОРИКИ КОМАНД «ЕРОФЕЙ» 2007 И 2008 ГОДА РОЖДЕНИЯ В ХОДЕ СОРЕВНОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮНЫХ ХОККЕИСТОВ С МЯЧОМ

В.В. Мезенцев, канд. пед. наук, доцент

О.З. Зиганшин, доцент, заслуженный тренер России, председатель Федерации хоккея с мячом Хабаровска

П.Д. Попов, старший преподаватель

Дальневосточная государственная академия физической культуры
(Россия, г. Хабаровск)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-245-250

Аннотация. В данном исследовании проводился анализ динамики изменения показателей психомоторики команд «Ерофей» 2007 и 2008 года рождения в ходе соревновательной деятельности и после ее завершения. Анализ динамики изменения показателей психомоторики у юных игроков команды «Ерофей» 2007 года рождения в ходе трехмесячного периода исследования показал, что большинство показателей соответствуют среднему и вышесреднему уровню развития психомоторных способностей, что позволило команде на финальном этапе Всероссийских соревнований по хоккею с мячом в г. Ульяновске занять 2 место. Проведенное исследование динамики изменения показателей психомоторики у юных игроков команды «Ерофей» 2008 года рождения в ходе трехмесячного периода исследования показало, что большинство показателей соответствуют среднему уровню развития психомоторных способностей, но не позволило команде успешно выступить в финальном этапе Всероссийских соревнований среди юношей 15-16 лет. Сравнительный анализ показателей психомоторики, зафиксированных после окончания хоккейного сезона в обеих группах юных хоккеистов с мячом показал, что по таким показателям психомоторики, как время ориентировочно зрительно-поисковой реакции (ОЗПР), объемное внимание, количество точных реакций (раз) в РДО, показателе количества ошибок на зеленый цвет (раз) в реакции выбора (мс) и количества ошибок (раз) в реакции различения и объемном внимании (мс) наблюдается достоверное снижение у юных хоккеистов с мячом команды «Ерофей» 2008 года рождения по сравнению с хоккеистами команды «Ерофей» 2007 года рождения.

Ключевые слова: психомоторика; юные хоккеисты с мячом; аппаратно-программный комплекс (АПК) «НС-Психотест»; Всероссийские соревнования по хоккею с мячом; функциональное состояние; центральная нервная система.

Исходя из прошлого исследования [2], данная работа была направлена на изучение динамики изменения показателей психомоторики юных хоккеистов с мячом команд «Ерофей» 2007 и 2008 годов рождения в ходе соревновательной деятельности и после ее завершения, а также анализа выступления команд на финальном этапе Всероссийских соревнований по хоккею с мячом.

Количество спортсменов команды «Ерофей» 2007, принявших участие в тестировании с февраля 2024 года по апрель 2024 года составило 16 человек.

Тестирование психомоторных показателей осуществлялось посредством аппаратно-программного комплекса «НС-Психотест» в

утреннее время суток в Краевом дворце хоккея с мячом «Арена – Ерофей».

Сравнение показателей психомоторики команды «Ерофей» 2007 года рождения на протяжении трех месячного периода исследования с февраля 2024 года по апрель 2024 года показало, что по таким показателям как простая зрительно-моторная реакция (мс) – средняя скорость сенсомоторной реакции, время ориентировочно зрительно-поисковой реакции (ОЗПР) (сек) – выше среднего показатель, реакция выбора (мс) – высокая скорость сенсомоторной реакции), концентрация внимания (мс) – промежуточный тип между инертным и подвижным типом высшей нервной деятельности), объемное внимание (мс) – инертный тип высшей нервной деятельности

и реакция различения (мс) – промежуточный тип между инертным и подвижным типом высшей нервной деятельности достоверных

различий не было в обеих группах юных хоккеистов с мячом в ходе исследования ($p > 0,05$) (табл. 1).

Таблица 1. Изменение показателей психомоторики у хоккеистов команды «Ерофей» 2007 года рождения

Показатели психомоторики	Февраль 2024	Март 2024	Апрель 2024
	X±m	X±m	X±m
ПЗМР (мс)	227±5,1	229±5,7	214±4,4
ОЗПР(с)	31±1,3	32±1,6	32±1,5
Реакция выбора (мс)	335,5±10,7	338,5±6,8	325±8,6
Количество ошибок на красный цвет (раз)	0,2±0,08	0,3±0,1	0,55±0,08
Количество ошибок на зеленый цвет (раз)	0,15±0,08	0,3±0,1	0,4±0,08
Концентрация внимания (мс)	292±5,2	299±3,1	284±6,6
Объемное внимание (мс)	425±9,1	415±13,9	415±9,3
Количество ошибок на цвет (раз)	1,2±0,2	0,3±0,1	0,8±0,2
Реакция различения (мс)	318±8,3	329±8,6	315±8,9
Количество ошибок на цвет (раз)	0,8±0,07	0,2±0,07	0,5±0,2
Количество точных реакций (раз) в РДО	14±0,8	14±0,35	14,5±0,6
КЧСМ (Гц)	40±0,6	40±0,7	41±0,7

Количество ошибок (раз) в реакции различения (мс) также достоверно изменялось на протяжении всего периода исследования и к концу апреля 2024 года показатель достоверно ухудшился по сравнению с показателем начала апреля на 0,3 раза (на 150%), но по сравнению с показателем февраля 2024 года достоверно снизился на 0,3 раза (на 37,5%), а показатель начала апреля 2024 года достоверно снизился на 0,6 раза (на 300%) по сравнению с показателем февраля 2024 года ($p < 0,05$).

Анализ динамики изменения показателей психомоторики у юных игроков команды «Ерофей» 2007 года рождения в ходе трех месячного периода исследования показал, что большинство показателей соответствуют среднему и вышесреднему уровню развития психомоторных способностей, а такие показатели как реакция выбора, КЧСМ соответствуют высокому уровню, что говорит о достаточно хороших показателях функционального состояния центральной нервной системы и только лишь показатель объемного внимания у юных хоккеистов с мячом соответствует уровню ниже среднего.

Все выше сказанное позволило достойно выступить команде на финальном этапе Всероссийских соревнований по хоккею с мячом в г. Ульяновске среди хоккеистов 2007-2008 годов рождения. Команда «Ерофей-2007» (экспериментальная группа) в семи матчах

финального турнира в Ульяновске одержала шесть побед и уступила лишь в последнем матче «Волге» со счетом 2:4 и завоевала серебряные медали [1].

Исследование показателей психомоторики у юных хоккеистов с мячом команды «Ерофей» 2008 года рождения проводилось в середине февраля 2024 года, в середине марта 2024 года после завершения этапа Всероссийских соревнований по хоккею с мячом в г. Новосибирске и в конце апреля 2024 года после завершения хоккейного сезона. Количество спортсменов, принявших участие в тестировании с февраля 2024 года по апрель 2024 года, составило 16 человек. Тестирование психомоторных показателей осуществлялось посредством аппаратно-программного комплекса «НС-Психотест» в утреннее время суток в Краевом дворце хоккея с мячом «Арена – Ерофей».

Сравнение показателей психомоторики в команде «Ерофей» 2008 года рождения на протяжении трех месячного периода исследования с февраля 2024 года по апрель 2024 года показало, что по таким показателям как простая зрительно-моторная реакция (мс) – средняя скорость сенсомоторной реакции, время ориентировочно зрительно-поисковой реакции (ОЗПР) (сек) – средний показатель, реакция выбора (мс) – высокая скорость сенсомоторной реакции, концентрация внимания (мс) – промежуточный тип между инерт-

ным и подвижным типом высшей нервной деятельности), объемное внимание (мс) – инертный тип высшей нервной деятельности и реакция различения (мс) – промежуточный тип между инертным и подвижным типом

высшей нервной деятельности достоверных различий не было выявлено в обеих группах юных хоккеистов с мячом в ходе исследования ($p > 0,05$) (табл. 2).

Таблица 2. Изменение показателей психомоторики у хоккеистов команды «Ерофей» 2008 года рождения

Показатели психомоторики	Февраль 2024	Март 2024	Апрель 2024
	X±m	X±m	X±m
ПЗМР (мс)	218±4,3	227,5±4,9	224±5,0
ОЗПР(с)	40±2,8	40±2,8	42,5±2,5
Реакция выбора (мс)	322±10,7	328±49,4	336±6,9
Количество ошибок на красный цвет (раз)	0,6±0,2	0,5±0,15	0,4±0,1
Количество ошибок на зеленый цвет (раз)	0,7±0,2	0,7±0,15	0,7±0,1
Концентрация внимания (мс)	298±6,7	302±5,5	304±5,4
Объемное внимание (мс)	435±12,3	416±12,2	460±8,6
Количество ошиб. на цвет (раз)	0,9±0,2	0,3±0,07	0,3±0,1
Реакция различения (мс)	326±11	319±8,1	316±5,0
Количество ошиб. на цвет (раз)	0,5±0,2	0,7±0,2	0,75±0,1
Количество точных реакций (раз) в РДО	14±0,6	13±0,4	13±0,35
КЧСМ (Гц)	39±1,4	38±0,7	40±0,7

Также такие показатели как критическая частота световых мельканий (КЧСМ) (38-40Гц-высокая подвижность нервных процессов в корковом отделе зрительного анализатора) и количество точных реакций на движущийся объект (раз) (13-14раз – средний уровень точности реакций) достоверных различий не имели из-за практически идентичности данных показателей у юных хоккеистов с мячом в ходе исследования, а показатель количества ошибок на зеленый цвет (0,7 раза) в реакции выбора не изменился за период исследования ($p > 0,05$).

Количество ошибок на красный цвет (раз) в реакции выбора (мс) у хоккеистов контрольной группы достоверно снижалось на всем протяжении периода исследования и к концу апреля 2024 года по сравнению с февралем 2024 года показатель снизился на 0,2 раза (на 33,3%) ($p < 0,05$).

Количество ошибок (раз) в объемном внимании (мс) достоверно снизилось уже к началу апреля 2024 года по сравнению с показателем февраля на 0,6 раза (на 200%) и не изменилось к концу апреля 2024 года ($p < 0,05$).

Количество ошибок (раз) в реакции различения (мс) достоверно ухудшилось к началу апреля 2024 года по сравнению с показателем февраля 2024 года на 0,2 раза (на 40%) и к концу апреля 2024 года этот показатель ухудшился по сравнению с показателем фев-

раля 2024 года на 0,25 раза (на 50%) ($p < 0,05$).

Проведенное исследование динамики изменения показателей психомоторики у юных игроков команды «Ерофей» 2008 года рождения с марта по апрель 2024 года показало, что большинство показателей соответствуют среднему уровню развития психомоторных способностей, а такие показатели как реакция выбора, КЧСМ соответствуют высокому уровню и лишь только показатель объемного внимания у юных хоккеистов с мячом соответствует уровню ниже среднего, но это не позволило команде успешно выступить в финальном этапе Всероссийских соревнований среди юношей 15-16 лет.

Сравнительный межгрупповой анализ показателей психомоторики у юных хоккеистов с мячом команд «Ерофей» 2007 и 2008 года рождения, после выступления в финальном этапе Всероссийских соревнований, показал, что по таким показателям психомоторики как простая зрительно-моторная реакция (мс) – средняя скорость сенсомоторной реакции, реакция выбора (мс) – высокая скорость сенсомоторной реакции), концентрация внимания (мс) – промежуточный тип между инертным и подвижным типом высшей нервной деятельности), объемное внимание (мс) – инертный тип высшей нервной деятельности и количество ошибок (раз) в объемном внимании (мс)

и реакция различения (мс) – промежуточный тип между инертным и подвижным типом высшей нервной деятельности достоверных различий не было выявлено в обеих группах юных хоккеистов с мячом в ходе исследования ($p > 0,05$).

Показатель критической частоты световых мельканий (КЧСМ) (40Гц-высокая подвижность нервных процессов в корковом отделе зрительного анализатора) у юношей был лучше у большинства хоккеистов команды «Ерофей» 2007 года рождения.

А показатель количества точных реакций на движущийся объект (раз) (14 раз – средний уровень точности реакций) у юношей команды «Ерофей» 2007 года рождения по сравнению с показателем юношей команды «Ерофей» 2008 года рождения (13 раз – средний уровень точности реакций) достоверных различий практически не имел ($p > 0,05$).

Можно отметить, что проведенный межгрупповой анализ показателей психомоторики после выступления хоккеистов команд «Ерофей» 2007 и 2008 года рождения в финальном этапе Всероссийских соревнований показал, что многие показатели психомоторики юных хоккеистов с мячом соответствуют среднему уровню развития психомоторных способностей, а показатель реакции выбора соответствуют высокому уровню и лишь только по-

казатель объемного внимания в обеих группах юных спортсменов соответствует уровню ниже среднего. По таким показателям как время ориентировочно зрительно-поисковой реакции (ОЗПР) и показателя критической частоты световых мельканий (КЧСМ) наблюдается ухудшение. Количество ошибок на красный и зеленый цвет (раз) в реакции выбора (мс) и количество ошибок (раз) в реакции различения (мс) наблюдается существенное ухудшение этих показателей у юношей контрольной группы, что говорит о снижении подвижности нервных процессов и утомлении в корковом отделе зрительного анализатора.

Сравнительный межгрупповой анализ показателей психомоторики у юных хоккеистов с мячом после окончания соревновательного периода, по таким показателям психомоторики как простая зрительно-моторная реакция (мс) – средняя скорость сенсомоторной реакции, реакция выбора (мс) – высокая скорость сенсомоторной реакции), концентрация внимания (мс) – промежуточный тип между инертным и подвижным типом высшей нервной деятельности), и реакция различения (мс) – промежуточный тип между инертным и подвижным типом высшей нервной деятельности достоверных различий не было выявлено в обеих группах юных хоккеистов с мячом в ходе исследования ($p > 0,05$) (табл. 3).

Таблица 3. Показатели психомоторики команд «Ерофей» 2007 и 2008 года рождения после окончания соревнований

Показатели психомоторики	Ерофей 2007	Ерофей 2008	Разница		P
	$X_1 \pm m$	$X_2 \pm m$	абс.	%	
ПЗМР (мс)	214±4,4	224±5,0	10	4,7	$p > 0,05$
ОЗПР(с)	32±1,5	42,5±2,5	10,5	32,8	$p < 0,05$
Реакция выбора (мс)	325±8,6	336±6,9	11	3,4	$p > 0,05$
Количество ошибок на красный цвет (раз)	0,55±0,08	0,4±0,1	0,15	27,3	$p < 0,05$
Количество ошибок назеленый цвет (раз)	0,4±0,08	0,7±0,1	0,3	75	$p < 0,05$
Концентрация внимания (мс)	284±6,6	304±5,4	20	7	$p > 0,05$
Объемное внимание (мс)	415±9,3	460±8,6	45	10,8	$p < 0,05$
Количество ошибок на цвет (раз)	0,8±0,2	0,3±0,1	0,5	166,7	$p < 0,05$
Реакция различения (мс)	315±8,9	316±5,0	1	0,3	$p > 0,05$
Количество ошибок на цвет (раз)	0,5±0,2	0,75±0,1	0,25	50	$p < 0,05$
Количество точных реакций (раз) в РДО	14,5±0,6	13±0,35	1,5	10,4	$p < ,05$
КЧСМ (Гц)	41±0,7	40±0,7	1	2,4	$p > 0,05$

Проанализировав показатели психомоторики после завершения хоккейного сезона у обеих команд, мы установили, что достоверное улучшение показателей у юных хоккеистов команды «Ерофей» 2007 года рождения, по сравнению с хоккеистами команды «Еро-

фей» 2008 года рождения наблюдается по таким характеристикам как время ориентировочно зрительно-поисковой реакции (ОЗПР) на 32,8%, объемное внимание на 10,8%, количество точных реакций (раз) в РДО на 10,4%.

Достоверное снижение количества ошибок на зеленый цвет (раз) в реакции выбора (мс) на 75%, количества ошибок (раз) в объемном внимании (мс) и количества ошибок (раз) в реакции различения (мс) на 166,7 и 50% соответственно наблюдается также у юных хоккеистов команды «Ерофей» 2007 года рождения по сравнению с хоккеистами команды «Ерофей» 2008 года рождения.

И, лишь количество ошибок на красный цвет (раз) в реакции выбора (мс) в ходе исследования достоверно было лучше на 27,3%.

Таким образом анализ конечных результатов психомоторики, зафиксированных после окончания хоккейного сезона в обеих группах юных хоккеистов с мячом показал, что по таким показателям психомоторики, как время ориентировочно зрительно-поисковой реакции (ОЗПР), объемное внимание и количество точных реакций (раз) в РДО наблюдается их достоверное снижение у юных хоккеистов с мячом команды «Ерофей» 2008 года рождения по сравнению с хоккеистами команды «Ерофей» 2007 года рождения и также по показателям количества ошибок на зеленый цвет (раз) в реакции выбора (мс) и количества ошибок (раз) в реакции различения и объем-

ном внимании (мс) наблюдается существенное ухудшение этих показателей у юношей команды «Ерофей» 2008 года рождения по сравнению с юношами команды «Ерофей» 2007 года рождения, что говорит об снижении подвижности нервных процессов и утомлении в корковом отделе зрительного анализатора.

Подводя итог выше сказанному, у хоккеистов с мячом команды «Ерофей» 2007 года рождения показатели психомоторики к окончанию хоккейного сезона не ухудшились по сравнению с лучшими показателями (февраля 2024 года). Все это подтверждается результатами выступления команд «Ерофей 2007» и «Ерофей 2008» в открытом турнире по хоккею с мячом «Дальневосточная хоккейная лига» среди юношей 15 лет и старше с ноября 2023 года по апрель 2024 года. Из 5 команд, участвующих в данном соревновании, команда «Ерофей 2007» заняла 2 место, уступив лишь одно очко команде, занявшей первое место, а команда «Ерофей 2008» заняла 4 место, причем команды встречались два раза и оба раза команда «Ерофей 2007» выигрывала команду «Ерофей 2008» со счетом 4:0 и 9:1 [3].

Библиографический список

1. Лучшие игроки юношеского финала в Ульяновске. – 30 марта 2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusbandy.ru/news/17481/>.
2. Мезенцев В.В., Зиганшин О.З., Крамаренко А.Л., Попов П.Д. Сравнительный анализ показателей психомоторики юных спортсменов по хоккею с мячом команд «Ерофей» 2007 и 2008 годов рождения // Международный журнал Гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 6-2 (93). – С. 85-88.
3. Открытый турнир по хоккею с мячом «Дальневосточная хоккейная лига» среди юношей 15 лет и старше. – 14 апреля 2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusbandy.ru/index.php?id=15&r=protocol%2F9da870ec-df6e-5ae7-a08d-a3681ab1ae74>.

**DYNAMICS OF CHANGES IN PSYCHOMOTOR INDICATORS OF THE "EROFEY"
TEAMS BORN IN 2007 AND 2008 DURING THE COMPETITIVE ACTIVITIES OF YOUNG
BANDY HOCKEY PLAYERS**

V.V. Mezentsev, *Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor*

O.Z. Ziganshin, *Associate Professor, Honored Coach of the Russian Federation, Chairman of the Khabarovsk Bandy Federation*

P.D. Popov, *Senior Lecturer*

**Far Eastern State Academy of Physical Culture
(Russia, Khabarovsk)**

Abstract. *This study analyzed the dynamics of changes in psychomotor indicators of the Erofeiy teams born in 2007 and 2008 during and after competitive activity. An analysis of the dynamics of changes in psychomotor indicators in young players of the Erofeiy team born in 2007 over a three-month study period showed that most indicators correspond to the average and above-average level of psychomotor development, which allowed the team to take 2nd place at the final stage of the All-Russian Bandy Competition in Ulyanovsk. The conducted study of the dynamics of changes in psychomotor indicators in young players of the Erofeiy team born in 2008 over a three-month study period showed that most indicators correspond to the average level of psychomotor development, but did not allow the team to successfully perform in the final stage of the All-Russian Competition among boys aged 15-16. A comparative analysis of the psychomotor performance indicators recorded after the end of the hockey season in both groups of young bandy players showed that in terms of such psychomotor performance indicators as the time of the orienting visual-search reaction (OVSR), spatial attention, the number of accurate reactions (times) in the RDO, the number of errors on the color green (times) in the choice reaction (ms) and the number of errors (times) in the discrimination reaction and spatial attention (ms), a reliable decrease was observed in the young bandy players of the Erofeiy team born in 2008 compared to the hockey players of the Erofeiy team born in 2007.*

Keywords: *psychomotor skills; young bandy players; hardware and software complex (HSC) «NS-Psychotest»; All-Russian bandy competitions; functional state; central nervous system.*

СТРУКТУРИЗАЦИЯ ОТКРЫТЫХ ФОРМ – ИННОВАЦИОННЫЙ КОМПОНЕНТ ДЛЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО И КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

Е.А. Скорик¹, художник-педагог высшей квалификационной категории

А.А. Скорик, художник-постановщик², генеральный директор³

¹ГБОУ Школа №109

²Гуманитарный институт телевидения и радиовещания им. М. Литовчина

³Компания по производству кинофильмов, видеофильмов и телевизионных программ
(Россия, г. Москва)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-251-264

***Аннотация.** Актуальность исследования определяется необходимостью структуризации открытых форм в изобразительном искусстве и кинематографе для обогащения языкового ресурса, а также более глубокого понимания и интерпретации художественных произведений этих сфер. Цель исследования – определение видов и категорий открытых форм, их структуризация. В качестве ведущего подхода к изучению данной проблематики выступают взаимосвязи нон-финито в изобразительном искусстве и кино, обеспечивающие более глубокое осмысление этого феномена. Статья посвящена разработке видов и категорий открытых форм, анализу их функционального назначения и применения для формирования художественного образа и его эстетического восприятия. Материалы исследования – это необходимый инновационный компонент образовательных программ, ориентированный на развитие профессиональных компетенций и креативного потенциала будущих специалистов в области изобразительного искусства и кинематографа.*

***Ключевые слова:** открытая форма; нон-финито; незавершенность; виды и категории незавершенности; внутренняя и внешняя открытость; структуризация; взаимосвязь изобразительного искусства и кино.*

В рамках развития современной системы художественного и кинематографического образования в данном исследовании разрабатывается инновационный компонент для учебного процесса – «структуризация открытой форм», который позволит студентам не только углубить свои знания в области искусства и кино, но и развить навыки критического мышления, креативности и профессиональной компетентности. Интерес к феномену открытой формы в искусстве достаточно значительный. Нон-финито, открытая форма, входящая в арсенал языкового ресурса, способствует оригинальной подаче материала и возникновению полифонической интерпретации замысла. В процессе развития изобразительного и кинематографического искусства возникает потребность в синтезировании новаторских формообразующих моделей. В этом помогает взаимосвязь этих видов искусства и взаимообогащение их языка. Для пополнения своего творческого актива художники зачастую обращаются к кинематографу,

а деятели кино множат свой созидательный банк изобразительными рецептами. Открытая форма особенно актуальна при опосредованной связи произведений изобразительного искусства и кино и выявлении в них тождественных кодов. В данной статье акцентируется внимание на определении видов и категорий нон-финито для создания структуризации преднамеренных открытых форм (в дальнейшем – открытых форм), для понимания их назначения в образной выразительности языка изобразительной и кинематографической систем запечатления.

Объект исследования – открытые формы, как средства выразительности.

Предмет исследования – виды и категории структуризации открытых форм.

Цель исследования – создание структуризации и нахождение взаимосвязи открытых форм в изобразительном искусстве и кино.

Для достижения цели исследования ставятся следующие задачи: познание феномена осознанной открытости как выразительно-

го средства; определение видов и категорий структуризации открытых форм; изучение и распределение произведений по структурам открытости в изобразительной и кинематографической сфере; выявление взаимосвязи и назначения открытых форм в изобразительных картинах и фильмах.

Эмпирической базой являются соотнесенные с научным интересом авторов работы художников и режиссеров, в чьих произведениях ярко выражены черты *non-finito*. Из многочисленных примеров в данном исследовании при отборе материала предпочтение отдается наиболее согласующимся по нахождению аналогий для обеспечения качества анализа и достоверности формулируемых выводов.

Для разработки системы структуризации, по которой возможно сравнение открытых форм, установление их взаимосвязей и назначений, применяются следующие **методы исследования**:

- определение видов и категорий открытых форм для их структуризации;

- искусствоведческий и киноведческий анализ произведений с открытыми формами в изобразительной и кинематографической сфере;

- нахождение аналогий открытых принципов в изобразительном и экранном изображении и распределение их по видам и категориям структуризации;

- определение взаимосвязи и назначения открытых форм в исследовательском изобразительном и кинематографическом материале.

Практическая значимость исследования состоит в реализации его результатов в дальнейшее изучение феномена незавершенности, в расширении границ использования открытых форм для формирования новых выразительных приемов и методов. Кроме того, представленная структуризация актуальна в качестве специального учебного материала для художественного и кинематографического образования. Внедрение данного компонента в учебный процесс позволит создать более гибкую и адаптивную систему подготовки специалистов, способных эффективно работать в условиях быстро меняющегося мира и вносить значительный вклад в развитие изобразительного искусства и кино.

Виды и категории открытых форм

В XV столетии термин *non-finito* (незавершенность) впервые вводит в контекст художественного явления в искусстве Донателло, что знаменует собой важный этап в эволюции эстетических принципов творческого процесса. Осознание незавершенности как средства выразительности развивается, набирает силу, сначала «в работах Леонардо и Микеланджело, продолжившись в искусстве барокко, романтизма, импрессионизма и нашедшее наглядное и наиболее полное воплощение в беспредметных экспериментах модернизма» [1, с. 8]. В начале XX века Г. Вельфлин трактует открытость как «Ослабление суровых правил, смягчение тектонической строгости» и относит «к основным формам изображения» [2, с. 17]. Ученый отмечает, что открытая схема «обращает насыщенную пропорцию в менее насыщенную, отделанный образ заменяется мнимо недоделанным, ограниченный – неограниченным. Вместо впечатления спокойствия возникает впечатление напряжения и движения» [2, с. 151]. Во второй половине XX века У. Эко в своих теоретических изысканиях определяет суть и значение открытой формы «Речь идет об открытом произведении, как произведении, которое определяется полем различных интерпретационных возможностей, о произведении, которое предстает как некая конфигурация стимулов, наделенных принципиальной неопределенностью, так что человек, его воспринимающий, вовлекается в целый ряд прочтений» [3, с. 56]. У. Эко также считает возможным сравнивать произведения из разных культурных областей по структуре их открытости, «что мы имеем в виду, когда говорим о структуре открытого произведения и сравниваем эту структуру со структурой других культурных феноменов [3, с. 4]. Мы воспринимаем открытое произведение как модель, и это означает, что, с нашей точки зрения, в различных способах оперирования можно выявить некую единую оперативную тенденцию, тенденцию создавать произведения, которые, с точки зрения их потребления, представляют некоторые структурные сходства [3, с. 5].

На основе этих умозаключений можно признать, что при разработке структуризации, то есть при установлении видов и категорий открытости, появляется возможность опреде-

лять и сопоставлять общие формы незавершенности в произведениях из разных культурных пространств. В научной сфере при широкой степени изученности открытых форм в качестве осознанного средства выразительности аспект их систематизации лишь выборочен и полностью не рассматривается. В данной статье определяются ключевые виды и категории открытости, формирующие ее структуризацию. Такая система позволяет осуществлять анализ, проводить сравнение, находить тождества, обнаруживать примеры взаимовлияния и взаимообогащения в изобразительных и кинематографических произведениях. В связи с этим разработка базовой структуризации феномена *non-finito* эксклюзивна.

Открытость, как средство выразительности, популярна в искусстве, однако до настоящего времени унифицированного подхода к анализу и толкованию ее версий не существует. И только структуризация *non-finito* даст возможность понять принципы и цели незавершенностей, присутствующих в творчестве мастеров. Обобщение и упорядоченность многообразия открытых форм по общим признакам расширит знания о них, определит назначение их видов и категорий, установит их взаимосвязь и взаимовлияние. Но сколько разновидностей этих форм, если каждое явление можно рассматривать «как бесконечный поток. Но наше интеллектуальное самосохранение требует, чтобы мы упорядочивали безграничность происходящего согласно небольшому числу руководящих категорий» [2, с. 226].

Для начала необходимо определить, «на каких структурных особенностях эта открытость основывается, каким структурным различиям соответствуют различные уровни открытости» [3, с. 24]. У. Эко выделяет внешнюю и внутреннюю открытость. Мы также видели, что никакое произведение искусства в действительности не является закрытым, что каждое в своей *внешней* завершенности содержит бесконечное множество возможных прочтений [3, с. 24]. Существуют произведения, которые «будучи законченными в физическом смысле, тем не менее, остаются открытыми для постоянного возникновения внутренних отношений, которые зритель, слушатель или читатель должен выявить и

выбрать в акте восприятия всей совокупности имеющихся стимулов» [3, с. 22]. Таким образом, основными видами незавершенной формы становятся **внутренняя и внешняя открытость**. В представленном исследовании незавершенности, специально созданные авторами в произведениях в качестве средства выразительности, также разделяются на **внутреннюю (фрагментарную) или внешнюю (полную) открытость**. Любые варианты *non-finito* относятся к одному из этих видов. В связи с этим вполне допустимо группировать открытые формы по указанным видам структурирования для сравнения и сопоставления их в изобразительном искусстве и кино. Более того У. Эко констатирует, что «искусство представляет собой способ структурирования определенного материала (понимая под материалом саму личность художника, историю, язык, традицию, конкретную тему, представление о форме, мир идеологии)» [3, с. 9]. Принимая все это во внимание, в каждом основном виде структурирования (**внутренняя и внешняя открытость**) зададим подразделы – **категории: изобразительная, композиционная, концептуальная и повествовательная открытость**. Такая структуризация становится инструментом определения открытых форм, сопоставления и познания их предназначения в творческой деятельности представителей *изо-и-кино* областей.

1. Внутренняя (фрагментарная) открытость

1.1. Изобразительная открытость

Согласно Ж.Базену для анализа изобразительного творчества «уместными были в свое время бинарные оппозиции Вельфлина, ибо они основывались на анализе зрительных закономерностей произведений искусства» [4, с. 272].

Бинарные изобразительные пары в теории Вельфлина – «азбука, без знания которой оценка произведения лишена всякого смысла» [5, с. 154-157].

Диалектические пары развития изобразительных форм по Г. Вельфлину, такие как *линейность и живопись, замкнутость и открытость, плоскость и глубина, ясность и неясность, множественность и единство* служат для понимания изменения стилей и манер изображения при переходе от одной

эпохи к другой, на примере Ренессанса и Барокко. Но эти пары настолько универсальны, что их можно опознавать и в становлении творчества отдельно взятого художника. Например, *линейность-живопись* – «при изолированном рассматривании отдельного художника и желании характеризовать все его развитие с начала до конца, невозможно обойтись без применения все тех же различий стиля. Портреты молодого Рембрандта выглядят (относительно) пластически и линейно по сравнению с портретами зрелого мастера» [2, с. 50]. Кроме того, из модулей основных бинарных оппозиций выполняема генерация новых изобразительных диад. Г. Вёльфлин признает, что сформулированные им пары не являются четкими константами, не допускающими новых сочетаний. «Допускаю, что можно было бы выдвинуть еще и другие категории – мне самому они не видны, да и приведенные здесь не настолько родственны между собою, чтобы их нельзя было мыслить в несколько иной комбинации» [2, с. 226]. Ученый рассматривает возможность согласования частей одних изобразительных пар со звеньями других изобразительных дуэтов в формате одного произведения – «Такая простота присутствует *Снятию с креста*. Мы уже разбирали этот замечательный лист в главе о единстве; теперь мы можем добавить, что *единство* понятно достигнуто здесь только ценой отказа от равномерной ясности» [2, с. 209]. То есть, в данном случае, в отдельном живописном сочинении *неясность* порождает *единство*, и в рамках одной картины Рембрандта определяется пара *неясность-единство* из частей таких альянсов как *ясность-неясность* и *множественность-единство*. Еще раз отметим, что согласно Г. Вельфлину, введенные им в искусствоведение диалектические парные категории вполне допустимо разделять и из их элементов образовывать новые.

В настоящей статье анализируются тандемы, составленные из компонентов вельфлинских дихотомий с *открытостью* – феноменом частичной или полной незавершенности.

Линейность-открытость

Линейная открытость в виде разорванного абриса силуэта появляется с XVII века «Вместо непрерывной равномерно бегущей контурной линии XVI века появляется разорванная линия» [2, с. 42]. С целью придания сво-

боды и пластичности изображению художники дополняют красочные образы тонкими очертаниями, местами прерывистыми, кое-где с растворяющейся видимостью в виде валерно-линейного контура, (Т. Лотрек «Жанна Авриль», 1893; Л. Бакст «Автопортрет», 1906; Г. Бенфилд «Преданность», 2008). В экранной культуре решение внутренней открытости с помощью сопряжения недосказанной графичности и живописи таким же образом способствует появлению ощущения динамичной легкости. Кинодрама «Ван Гог. С любовью, Винсент» (реж. Х. Уэлшман, Д. Кобела, 2017) соединяет в себе кинематографию и живопись, в канву которой порой включаются незавершенные линейные детали.

Синтез *линейность-открытость* имеет и другое назначение, например, формирование эффекта фокусировки. Для выделения основы сюжета в своих изобразительных историях художники порой вокруг кульминационного, живописного центра оставляют линейные эпизоды, чаще всего сохраняющиеся незавершенными (Тьеполо «Диана, Аполлон и нимфы», 1750; З. Серебрякова «Портрет О.К. Лансере», 1910). Подобный прием открытости представляет интерес и для кинематографа. В киноленте «Табачный капитан» (реж. И. Усов, 1972) для выделения действующих лиц вместо цветных декораций отрисовывается легкий графический антураж.

Живопись-открытость

Г. Вёльфлин квалифицирует живописность как «функционирующая форма» [2, с. 34], меняющееся явление, которое содержит для зрителя нечто бесконечное. Вольные по структуре и характеру живописные участки присутствуют в работах В. Серова («Портрет Н. Дервиз с ребенком» 1889), Н. Фешина («Дама в голубом» 1908), К. Бейлфаса («Дневник Сары» 2024). Используя лессировки при написании самих портретов и размашистые красочные мазки вокруг них, художники, таким образом, направляют и концентрируют внимание на тщательно прописанные лица персонажей. И здесь становится очевидным эффект фокусировки. Другое предназначение *живописи и открытости* состоит в моделировании эффектных зон близ персонажей с целью выявления их характеристик. Резкие, стремительные слои цветовой палитры в работе Д. Больдини «Испанская

танцовщица в Мулен Руж» (1905), А. Разумовской «Она танцует в красоте» (2022) отражают страстную, чувственную экспрессию танцевального искусства, к которому сопричастны позирующие солистки. Стилистика *живопись-открытость*, включенная в художественный киноязык фильма «Крестьяне» (реж. Д. Кобела, Х. Уэлчман, 2023), подобно изобразительным аналогам порождает драматические взрывы в эстетике танцевальных и музыкальных ритмов. Особым звучанием, импульсивным вайбом обладают сочетания изображения реального мира с абстрактными перебивками в виде сочных, рельефных мазков между определенными сценами и объектами в работах fine art and cinema art, (худ. Н. Ямпольская «Осень», 2021; реж. Р. Давлетьяров «Чистое искусство», 2016).

Неясность-открытость

В очередной раз обратимся к Г. Вёльфлину – «ясность мотива перестала быть самоцелью изображения; больше не требуют, чтобы глазу открывалась доведенная до совершенства форма – достаточно, если дан опорный пункт» [2, с. 18]. Художники давно определили, что направленный свет осуществляет моделирование форм и их акцентирование. Глубину создает затемненный фон, теневризм, образующий на полотне неясную зону, и заключающий в себе целый ряд значений, множественность толкований. Так связь *неясность-открытость*, сложившаяся благодаря эффектной вставке частичного *tenebroso* в работе П.П. Рубенса «Джованни Карло Дориа» (1606), иллюстрирует художественный пространственно-временной континуум. Таинственный неосвещенный участок, обволакивающий спереди мчащегося на коне всадника, усиливает ощущение непрерывного хроноса, формирует динамику перемещения из уже более ясного прошлого, оставленного позади, в неизведанное, призрачное будущее. Фрагменты теневризма на полотнах современной художницы Д. Хиггинс вызывают неоднозначность и недосказанность. Одна из ее работ «За секунду до танца» имеет два цветовых акцента – черный и красный. Эти колеры играют фундаментальную роль, формируя эмотивную связь между партнерами в континуальной пространственно-временной среде. Все, что связано с алым пятном характеризует

яркое эмоционально-чувственное состояние девушки, а все, что сопряжено с густой темной субстанцией, окутывающей мужчину, символизирует неясное настоящее и неизвестное будущее в их отношениях. «Несмотря на то, что образы пластических искусств неподвижны и неизменны, они стремятся и способны воплощать совершенно определенные представления времени, указывать направление и последовательность движений, внушать переживания темпа и динамики временного потока» [6, с. 18]. В кинопроцесс перехода из одного пространственно-временного состояния в другое реализуется посредством создания «черных лакун» в виде не отражающих свет зеркальных поверхностей («Безымянная звезда» реж. М. Казаков, 1978), либо через затемнения, затухания кадров вплоть до черного экрана с последующим выходом в новый, светлый видеоряд («Онегин» реж. М. Файнс, 1999; «Болеро» реж. А. Фонтен, 2024).

Другой аспект пары *неясность-открытость* проявляется в растворении второстепенных частей картины. Главный объект детализируется, делается выразительным, а окружение обобщается и расплывается. Пространство, расположенное вокруг основного образа, становится для зрителя открытой зоной предположений и догадок (Н. Лопес «Под солнечным светом», 2023; С. Бауэр «Драгоценный друг», 2024). В экранном искусстве размытие на кинополотне изображений одного плана и при этом конкретизация, нюансировка, другого, также сосредотачивает и удерживает внимание на генеральных очертаниях. Фоновый режим для некоторых эпизодов мелодрамы «Барышня-крестьянка» (реж. А. Сахаров, 1995), приключенческой драмы «В плену стихии» (реж. Э. Кайтлингер, 2024) технически реализуется все тем же растворяющимся антуражем.

Переход в неясность, расплывчатость до полного исчезновения одной сцены и проявления другой способствует обозначению между ними пространственно-временных трансформаций («Иван Васильевич меняет профессию» реж. Л. Гайдай, 1973). В живописи такой вид монтажа на сегодняшний день отсутствует. Возможно, в прогрессе он будет перспективным градиентом развития.

Множественность-открытость

Абстракционизм, кубизм, экспрессионизм и некоторые другие ветви авангардизма являются основой многообразия открытой формы в искусстве. Представители этих направлений считают время революционного творчества временем фрагментов, сам феномен которого основан на концепции незавершенности (П. Мондриан «Натюрморт с имбирным горшком», 1912; М. Уотсон. «Фигура в окне», 2004). В фильме «Война и мир Пьер Бузухов» (реж. С. Бондарчук, 1967) на фоне исторических событий, связанных с войной 1812 года, очень выразительно в абстрактный видеоряд оформлены психологические рассуждения и душевные метания главного героя. В кинокартине «Оппенгеймер» (реж. К. Нолан, 2023) энергетические эффекты, коллапсы и взрывы в виде цифрового авангарда логически соотносятся с разработками ученого в области квантовой физики.

Пара *множественность-открытость* реализуется и другими оригинальными проявлениями незавершенности. Частичное дробление фигур, разложение объектов на разнovidные элементы насыщают произведения внутренней хаотичностью и измененной реальностью (Д. Буллоу «Спутник», 2022). В современном кино частичная дезинтеграция строний и персонажей на элементы гетерогенной конфигурации производятся с помощью современных компьютерных технологий («Матрица: Воскрешение» реж. Л. Вачовски, Д. Митчелл, А. Хемон, 2021).

Наличием признаков нон-финито характеризуется фрактальное искусство (Л. Уэйн «Они сладко пели», 1932; Р. Гонсалвес «Осенняя велопогулка», 2004). «Одно из важнейших свойств фракталов – их принципиальная незавершенность: фрактал – не застывшая форма, но становление формы» [7, с. 1]. Феномен бесконечного самоподобного формообразования успешно осваивается кинематографической отраслью. Фрактальная digital графика помогает кинодеятелям неординарно реализовывать свои творческие идеи в представлении устройства мира («Матрица» реж. Братья Вачовски, 1999; «Стражи Галактики 2» реж. Д. Ганн, 2017).

Плоскость-открытость

Бинарная пара *плоскость-открытость*, еще одно действенное средство, способству-

ющее обострить драматизм в прочтении образов. В произведениях Г. Климта плоское окружение и одяние с декоративной росписью сочетаются с объемными изображениями частей тел моделей («Портрет Адели Блох-Бауэр I» 1907, «Поцелуй» 1909). В некоторых женских портретах художник подчеркивает контраст между внешней напускной добротелью в ослепительных, уплощенных покровах и реальностью с глубинными пороками, коварностью, скрываемой за красивой внешностью («Водяные змеи I» 1904, «Водяные змеи II» 1907). В фильмах «Догвилль» (реж. Ларс фон Триер, 2003), «Мандерлей» (реж. Ларс фон Триер, 2005) особенности данной открытой формы аналогичны выше представленным изобразительным примерам. Плоский сеттинг, где происходят действия, открыт для зрительского измышления. Почти все декорации заменяются рисованными настильными планами. Среда выявляет моральные принципы людей. Лицемерие, зависть, ограниченность нравственно неразвитого общества обостряются в условиях пустой неопределенной обстановки.

Познакомимся с дополнительным аспектом исследуемого союза плоскости и открытости. Плоские формы, выстроенные как с внешней стороны модели (Н. Фешин «Портрет Александры», 1927-1933; А. Яковлев «Вход в прошлое», 2024), так и во внутренней ее основе (Э. Шиле «Автопортрет», 1910; К. Бейлфасс «Еще одна фигура», 2024), концентрируют внимание на объемные, значимые участки изображения. В экранной сфере плоские зоны в кадре соответственно обеспечивают фокусирующий эффект. Целью стратегии титровой заставки драмеди «Первый номер» (реж. К. Козинский, 2024) в виде издательской эстетики с плоским рисованным и коллажным фоном вокруг центрального film character является акцентировка этого действующего лица с подчеркиванием его предстоящей сферы деятельности.

1.2. Композиционная открытость

У Вельфлина композиция, концепция, повествование, относящиеся к важным составляющим изобразительного языка, не выделяются самостоятельными звеньями в понятийных парах развития художественных форм, но неизменно рассматриваются как их обусловленный остов. В разрабатываемой структури-

зации незавершенности целесообразно открытость в композиции, концептуальности, повествовательности выделить в отдельные категории.

Композиционные приемы изобразительно-го искусства, такие как золотое сечение, перспективное разнообразие, диагональные линии движения и др., работают и в кино. В свою очередь, и открытые композиционные формы вполне сопоставляются в этих двух сферах творчества.

Композиционная динамика, представляющая собой перманентный процесс, не имеющий фиксированных границ, всегда открыта. Динамические установки успешно реализуются асимметрией композиции, насыщающей изображение незавершенностью и устремленностью к развитию. В изобразительном мире немало художественных произведений с композиционной динамикой, но если движение в них противопоставляется различными статичными объектами, то элемент открытого композиционного динамизма в картине становится внутренним, фрагментарным (А. Дейнека «Бег», 1934; Д. Лоренсу «Поездка», 2021), в отличие от полного, внешнего композиционного нон-финито без антитезы движения. Кинематограф для реализации ощущения ритма и скорости широко включает в фильмы динамичные схемы с комбинацией противопоставления, опираясь на композиционные варианты художественных полотен. Например, в военно-приключенческой истории «Государственная граница. Фильм 2. Мирное лето 21-го года» (реж. Б. Степанов, 1980) строй солдат проходит мимо одиноко стоящей, провожающей их женщины.

Еще один способ генерации частично открытой композиционной конструкции – это метод симультанности, отражение на полотне в одной визуализации объекта последовательных стадий его транспозиции. Художник Э. Дега в «Танцовщице у перил» (1875) выразительность движений девочки-балерины передает фиксированием в одном изображении сразу несколько позиций тренировочного экзерсиса. Выразитель идей «contemporary art» Д. Буа раскрывает характер своих персонажей симультанностью определенных частей их тела. Руки его нарисованных диджеев будто вибрируют в такт музыки (Д. Буа «Диджей с шестью руками», 2020). В этом разделе рас-

сматривается только частичная изобразительная симультанность, влияющая на создание подобного эффекта в кинематографе («Области тьмы» реж. Н. Бёргер, 2011; «Движение вверх» реж. А. Мегердичев, 2017). Примеров производства полной симультанности в кино, в отличие от изобразительного искусства (Н. Рунге «Момент», 2024), пока еще нет, но возможно это будет очередным направлением поиска новых форм выразительности в экранном творчестве.

1.3. Концептуальная открытость

Концептуальный художественный прием с внутренней незавершенностью в цельной структуре произведения представляется как один из случаев нарратологии «Image dans l'image» (картина в картине). Силуэты зарождающихся на холсте образов под кистью изображенного художника можно увидеть в творчестве Я. Вермеера («Аллегория живописи» 1668), И. Фирсова («Юный живописец» 1760), В. Волегова («Брат и сестра» 2014). В кинематографе незаконченный замысел написания живописного портрета демонстрируется в фильме «Инкогнито» (реж. Д. Бэдэм, 1997).

В арсенале мирового искусства встречается предельная форма концептуальной внутренней открытости по схеме «Image dans l'image». «Однако, исследуя открытые произведения, мы увидели, что в определенных видах поэтики наблюдается стремление к явной открытости, доводимой до крайних пределов той открытости, которая основывается не только на характерном эстетическом результате, но и на самих его слагаемых» [3, с. 32]. В живописи образцом служит работа Д. Веласкеса «Менины» (1656). Неизвестно, что или кого пишет запечатленный на картине художник, зритель лишь обозревает selfie автора и присутствующих персонажей, интересующихся происходящим в художественной мастерской. Вид рабочего пространства – достаточно популярная тема в живописи разных эпох. Студия – место вдохновенных исканий творца, где проводится основная часть его жизни, а на мольберте с помощью кистей и красок воплощаются его замыслы. Студия в Королевском Алькасапе Мадрида для Веласкеса – это дополнительная награда при получении новой должности в качестве придворного живописца, это триумф достижений че-

ловека, происходящего из низшего дворянского сословия. Поэтому главной темой в «Менинах» является мастерская художника с посетившими ее знатными гостями, по рангу должным образом выделенными на полотне светом. По той же причине, соответственно титулу, высветляется и парный живописный портрет королевской четы. Сомнительно, что это, как принято считать, зеркало с отражением венценосных особ, прибывших в мастерскую на сеанс позирования, – зеркало не будут размещать на стене среди коллекции европейской живописи. Да и маловероятно, что зеркальное отражение имеет такую выверенную конструкцию расположения незримо присутствующих короля и королевы. Да и обрамление лжезеркала вполне идентично рамкам других полотен на стене. Свой мольберт и автопортрет Веласкес уводит в тень, но по размерам – это самые крупные объекты, а, следовательно, и самые значимые, возвышающиеся над всеми остальными героями картины. Скрытое на мольберте изображение не конкурирует с главным замыслом, а именно с представлением места творческой деятельности художника. Холст на мольберте находится вне обозрения и, что написано на нем (при всеобщем мнении, что должен быть портрет монархов), остается тайной, внутренней предельно открытой концепцией.

У импрессионистов мастерскую замещает природа. Пейзаж и пишущий его художник становятся основными объектами изображения, а рисунок на мольберте, как уже второстепенный элемент, незрим (К. Моне «В лесу Жеве́рни», 1887; Х. Соролья «Портрет Тиффани», 1911). В экранном искусстве данная разновидность открытой концепции (представление героя и локации его творческой деятельности без финального результата) востребована для обогащения образной палитры кинодраматургии («Номинация» реж. Н. Михалкова, 2022).

1.4. Повествовательная открытость

Внутренняя повествовательная незавершенность может осуществляться такими приемами как флешбэки (демонстрация прошлого) и флешфорварды (представление будущего). Каких бы разновидностей «флешки» не были, все они незавершенные повествовательные эпизоды сюжета, выполняющие определенные назначения в организации по-

лифонической структуры произведения. Режиссер Ф. Хенкель фон Доннерсмарк в военном фильме «Работа без авторства» (2018) показывает с помощью флешбэков значимость для героя пережитых событий, способствующих формированию его собственного стиля свободного художника. В изобразительном искусстве «флешбэки», как переходы по пространственно-временному континууму, придают глубину и емкость замыслу автора. В работе Д. Баутса «Моисей и неопалимая купина» (1465-1470) на единой живописной плоскости наблюдается тематическая интеграция двух событий, разделенных во времени. В одном измерении картины Моисей предстает перед Всевышним, призывающим его вывести народ Израиля из Египта в Обетованную землю. В другом минувшем измерении пастух снимает обувь перед тем, как ступить на святую землю и говорить с Богом.

Экскурсы в прошлое осуществляются с помощью вставок поверх основного сюжета. Например, развивая историю на основе образов из былого, возникающих в памяти пожилой женщины при просмотре семейных фотографий, художник Т. Назаренко в картине «Воспоминания» (1982) запечатлевает моменты ушедших дней, похожих на распахнутые окна в ретроспективе всей жизни героини.

Флешфорварды – сцены грядущего в контексте настоящего равно интригуют и усиливают драматургическую составляющую истории. В центральной части алтарного триптиха Рогира ван дер Вейдена «Поклонение волхвов» (1450-1464) транслируются монтажные совмещения разных по временной шкале событий (рождение Христа и его распятие на фоне растущего города с христианскими соборами), представленных в виде открытых фрагментарных контентов в едином пространстве. В библейском пеплуме «Ной» (2014) режиссер Д. Аронофски искусно сочетает флешбэки о сотворении мира с флешфорвардами – видениями будущего, для осмысления мотивационных аспектов поведения героя фильма и раскрытия его божественной миссии.

Основой повествовательной внутренней незавершенности служит феномен отсутствия объекта, при этом только падающая тень свидетельствует о его призрачном существовании (У. Коллинз «Надвигающиеся события»,

1833; Д.Э. Милле «Принцы в Тауэре», 1878). В кинолентах, как и в изобразительном искусстве, эпизоды с темными невнятными силуэтами, подобными теням, пробуждают в зрителе чувство тревожности и ощущение опасности («Идентификация» реж. Д. Мэнголд, 2003; «Взлом» реж. Ш. Картер, 2017). Тайны, теневые подтексты в произведениях являются не только повествовательными, но и одновременно концептуальными образцами неопределенности. Они, как пересекающиеся множества с общими составляющими. У. Эко обосновал, что «методологические приемы, используемые в одной области, можно использовать в другой» [3, с. 34]. В нашем случае это математическая теория множеств. Математика с давних времен демонстрирует тесную взаимосвязь с различными областями искусства, и открытые формы также переплетаются с ней.

2. Внешняя (полная) открытость

Категории структуризации открытых форм равнозначны как для внутренней фрагментарной, так и для внешней, полной открытости.

2.1. Изобразительная открытость

Вновь обратимся к изобразительным диадмам для характеристики полной изобразительной открытости.

Линейность – открытость

Экспрессивность графических элементов, таких как линии и штрихи, позволяет передавать не только физическое движение, но и психологическое состояние модели (Рембрандт «Автопортрет с кустистыми волосами», 1631). «Линия эмансипировалась и зажила совершенно самостоятельной жизнью» [2, с. 197]. Линии и штрихи в работах П. Митурича («Портрет Мая» 1943), А. Зверева («Автопортрет» 1956) или современных мастеров (Д. Дауни «Формула», 2022; Д. Эрнандес «Танец», 2023) настолько эксцентричны и самобытны, что наполняют все их творчество выплескивающейся энергией и бескрайней открытостью. Но в кино полная линейная незавершенность с данной эстетикой художественного решения – это еще только кинематографическое будущее.

Живопись – открытость

Самобытная экспрессия цветовых пятен на полотнах художника У. Тернера, («Утро после потопа» 1843; «Дацио Гранде» 1843) воспринимается искусствоведами как живопис-

ная незавершенность. «Его туманно-влажные композиции открыли эпоху незавершенности и этюдности» [8, с. 50]. Открытые живописные мотивы получают широкое распространение у импрессионистов в жанре выразительно-эмоциональных пейзажей, отражающих нестабильность и изменчивость окружающей среды (К. Моне «Маннпорт, Этретта. Дождь», 1886; Р. Барретт «Взрыв света», 2023). В кинематографе режиссеры часто обращаются к изображению природных явлений, позволяющим им генерировать богатые символикой и насыщенные высокой эстетической ценностью произведения. Такие элементы, как мгла, водные потоки, сумрак, ливни, функционируют в качестве катализаторов тревожности и ощущения повышенного риска в фильме с экспериментальной импрессионистской техникой живописи «Старик и море» (режиссер – художник А. Петров, 1999).

Киноистории с дождевыми струями, стекающими по окнам, витринам, по лобовым стеклам автомобилей, вдохновляют современное художественное сообщество выделять изображения капель дождя в самостоятельную творческую тему абстрактной реальности (Ф. МакКрори «Дождливое лобовое стекло», 2017; Г. Тилкер «Прорыв», 2022).

Невероятно энергичная живопись яркими размашистыми мазками К. Коровина («Маскарад», 1913), Х. Родригеса («Дракон. Энергия процветания» 2025) порождает ощущение нестабильности контура, его вибрато. «Контур в качестве зрительного пути стал более или менее безразличен глазу, и основным элементом впечатления являются предметы как видимые пятна» [2, с. 21]. В романтическом фильме режиссера-художника А. Петрова «Моя любовь» (2006) экспрессивная живопись, не скованная жесткими контурами, свободно струится от одного образа к другому, обеспечивая динамичный narrative flow. Каждый кадр, представленный отдельной картинкой, написанной масляными пигментами на прозрачной основе, являет собой открытую живописную форму.

Неясность-открытость

Произведения, выполненные в технике кьяроскуро или тенебризма, характерной для творчества Караваджо и его последователей, иллюстрируют полную изобразительную пару *неясность-открытость*, привносящую в эти

работы неопределенность и драматический накал (Караваджо «Бичевание Христа», 1607; Ф. Гойя «Махи на балконе», 1808; Р. Ферри «Хранитель», 2019). Черные зоны теневризма с плотной непроглядной пеленой и темные фоны кьяроскуро с нечеткими глубинными очертаниями вызывают различные трактовки данной изобразительной неясности. Основные же мотивы, размещенные в зоне направленного светового потока, находятся в эпицентре ясного визуального восприятия. Изобразительные эффекты *chiaroscuro* и *tenebroso*, оказывают огромное влияние на кинематограф, на формирование и развитие такого стиля, как нуар («Мальтийский сокол» реж. Д. Хьюстон, 1941; «Разговор» реж. Ф.Ф. Коппола, 1974; «Сиротский Бруклин» реж. Э. Нортон, 2019).

Следующий вариант диады *неясность-открытость* – это полное растворение всех объектов в светящейся серебристой дымке. В живописи этот прием становится апофеозом тональных нюансов при переходе от цветового решения к свету (В. Вейсберг «Лежащая обнаженная», 1973). В кинематографе полная световоздушная валёрность, вероятно, только в дальнейшем станет ключом развития исключительной образности.

Множественность-открытость

В рамках художественного течения кубизма основополагающим принципом выступает деконструкция форм на множество дискретных элементов, отображающих на полотне стороны объектов с разных ракурсов и точек зрения. Калейдоскоп раздробленных частей изменяет пространство картинной плоскости до временных открытых трансформаций (П. Пикассо «Портрет Амбуаза Воллара», 1910; Г. Курасов «Похищение Европы», 2015). Кубическому слогу в киноискусстве соответствуют разнообразные сценические проекции, демонстрируемые в одной плоскости экрана с помощью специализированной поликадровой технологии («Тайм-код» реж. М. Фиггис, 2000).

Полная *множественность-открытость* реализуется во фрактальном искусстве. «Фрактальные картины, завораживающие бесконечными рекурсивными повторениями и самоподобием образов, обладают необыкновенной эстетической привлекательностью» [7, с. 2]. Фрактальное искусство классифицируется на традиционное (Л. Уэйн «Кот-

калейдоскоп VII», 1930; М. Эшер «Круг с бабочками», 1950; Г. Данн «Колонки кортекса», 2014) и цифровое (Ж.К. Мейнард «Волны II», 2014; К. Митчелл «Комплекс I», 2018). Digital фрактальные формообразования в видеопроектах «Возникновение» (реж. Д. Хорстхейс, 2016), «Fraktaal» (реж. Д. Хорстхейс, 2017) способны вдохновить кинодеятелей на внедрение подобных технологически креативных решений в фильмы с уже действующими персонажами.

Плоскость-открытость

В изобразительном искусстве блок *плоскость-открытость* может не только частично, но и полностью насыщать своеобразием авторские произведения. В рамках настоящего исследования представляется актуальным рассмотреть:

- открытое плоскостное решение трехмерной реальности (А. Ланцев «Регата в Перрос-Гирек», 2019);

- размытие объемов до открытых плоскостей (С. Jodin «Landscape», 2024);

- открытый плоскостной феномен абстрактного искусства (М. Ротко «№ 7», 1960).

В кинематографе начальный пункт реализуется дизайном вводной титровой заставки в драме «Поймай меня, если сможешь» (реж. С. Спилберг, 2002). Данная заставка в виде плоских рисунков и силуэтов, являясь самостоятельной частью фильма, но при этом комплементарной с его содержанием, идентифицируется как полная открытая форма в составе основного кинопроизведения. Ко второму параграфу относятся растекающиеся формы с титрами, предваряющие киноисторию «Боль и слава» (реж. П. Альмодовар, 2019). Интро (вступительная видеозаставка) презентует не только титры, но и логотипы киностудий. Примером третьей позиции служит интро логотипа голливудской кинокомпании StudioCanal, исполненное из прямоугольных светящихся плоскостей на темном фоне, и представленное как самостоятельный художественный объект в фильмах «Макбет» (реж. Д. Курзель, 2015) и «Разбитые сердца» (реж. Ж. Леллуш, 2024).

2.2. Композиционная открытость

Наибольшей кумуляции данная категория незавершенности в произведениях достигается динамическими приемами исполнения. В изобразительной сфере много примеров

асимметричных, неравновесных, диагональных схем – «диагональное направление расшатывает тектонику картины» [2, с. 128]. Стилистические модели динамики, вызывающие ощущение напряжения, ожидания трансформации, продолжения событий, перемен, создают полную композиционную открытость (М. Греков «Тачанка», 1925; М. Де Гудабум «Желтый вызов», 2021). В изобразительные композиции для увеличения темпа внедряются траектории обратного движения (противодвижения) – расходящиеся векторы создают эффект стремительности (А. Дейнека «Оборона Севастополя», 1942). Но в киноисториях эта композиционная открытость присутствует лишь в нескольких кадрах («Чего хотят женщины» реж. Н. Мейерс, 2000; «Проблеск гениальности» реж. М. Абрахам 2008), а всецело в покaдровом ряде еще не реализована. Для передачи нестабильности, конфликтности, диссонанса практикуется прием, известный как голландский угол – наклон линии горизонта. Полная композиционная открытость наклонного ракурса характерна только для изобразительного искусства (С. Стукалин «Теннисистка», 1981; Л. Бальцер «Горизонты», 2014). В кино голландский угол на протяжении всего фильма возможен, разве что в перспективе, а в изобразительном искусстве в перспективе внутренний, частичный наклон линии горизонта.

Подвижность композиции придает совокупность разных пространственно-временных моментов движения в одном изображении в виде полной simultанности объекта, а не только отдельных его частей (Д. Баллы «Динамизм собаки на поводке», 1912; Л. Форест «Кот», 2024). Фазы безудержного движения с очень короткими временными интервалами превращаются в смазанную пластику, потерю резкости и полную композиционную открытость в изобразительной версии (М. Де Гудабум «Отрыв», 2011), но только частичную, в пределах нескольких кадров в кинематографическом варианте («Апокалипсис», реж. М. Гибсон, 2006; «F1» реж. Д. Косински, 2025). Уникальность смазанности быстродвижущихся объектов состоит в образовании пересекающихся множеств открытых форм – неясности и композиционной динамики.

2.3. Концептуальная открытость

Полная концептуальная неопределенность в искусстве реализуется посредством создания пространств, обладающих множественностью интерпретационных векторов и многозначностью восприятия. В качестве репрезентативного примера предстает серия безлюдных интерьерных работ с развернутыми от зрителя мольбертами В. Хаммерсхёя («Интерьер с мольбертом» 1910; «Мольберт художника» 1910). Данные изобразительные контексты, как предтеча современной эстетики лиминальных пространств, вызывают амбивалентное восприятие такого творчества. В кинематографе лиминальность становится современным трендом показа иного измерения, тревожности и страха («Дом» реж. Б. Риверс, 2005; «Закулисье» реж. К. Парсонс, 2022).

Представляет интерес область полной концептуальной неопределенности, возникающая при изображении явлений парадоксальных, выходящих за рамки устоявшихся стереотипов. «Художник-сюрреалист Рене Магритт очень часто загадывает загадки в своих работах. Не исключение и картина «Влюбленные», созданная им в 1928 году в Париже. На ней изображена целующаяся влюбленная пара. Но головы обоих персонажей обернуты тканью, мы не видим их лиц, их эмоций. Есть разные интерпретации этой картины. По одной из них, художник намекает на то, что любовь слепа. Влюбленные не видят никого вокруг, и мы не видим их истинных лиц. И даже друг для друга они, в общем-то, загадка, так как сильные чувства мешают трезво смотреть на вещи и видеть истину» [9]. Предположение о том, что отдельные необычные образы в творчестве художника инспирированы несчастным случаем с его матерью, отвергается самим мастером.

С учетом исторического времени прочтение картины «Влюбленные» допускается и такого порядка: закрытие тканью лиц персонажей является актом предостережения от возможных заражений или их утаивания. В 1918-1920-е годы в Европе свирепствует испанский грипп, распространяется сифилис, наблюдаются вспышки сонной болезни. Во многих странах вводится масочный режим. Среди санитарно-гигиенических требований в то время становится запрет на рукопожатия и поцелуи.

Обозначим еще условные варианты толкования необычного изображения первичного акта чувственности:

- защита от поцелуя, физического контакта – это способ недопущения привязанности партнеров друг к другу;

- покрывала маскируют ложь, позволяют ввести в заблуждение. «Легко лгать, когда не видишь лица другого» («Сага о Форсайтах Часть II» реж. Э. Уилсон, 2003);

Но, как говорил сам Р. Магритт: «Не ищите правильного ответа – его нет» [10].

В триллере «Ворон» (реж. Р. Сандерс, 2024) поцелуй героев через тонкую белую занавесь, становится символом неопределенности во взаимоотношениях, утаиваемой истины, скрываемой лжи. Но все же такие кадры демонстрируют на экране лишь частичную концептуальную открытость.

2.4. Повествовательная открытость

В процессе анализа феномена незавершенности необходимо выделять открытые формы с повествовательными характеристиками, оказывающими значительное влияние на формирование изобразительных и кинематографических произведений. Повествовательная открытость в творчестве художников проявляется в полиптихах (диптихах или триптихах), состоящих из нескольких, связанных общим замыслом, визуальных фраз с пространственно-временными скачками между ними (И. Босх «Сад земных наслаждений», 1500-1510); Ю. Ракша «Куликово поле», 1980). Каждая часть полиптиха, способствующая постижению глубинного смысла единого сюжета, может рассматриваться как отдельный эпизод с открытым финалом. В кинематографе режиссеры, экспериментируя с открытым повествованием, самостоятельные отрезки единой истории объединяют в сиквелы или триквелы. В драме «Мужчина и женщина» (реж. К. Лелуш, 1966) имеется *повествовательная незавершенность*, но в продолжении этой версии «Мужчина и женщина: 20 лет спустя» (1986) ставится точка в эмоциональной интриге первого действия любовного киноромана. Объяснение поступков главных героев и причины их расставания закрывает тему начальной главы «love story». Но director, завершив повествование первой главы в начале второй, в финале сиквела вновь разыгрывает открытый нарратив, оставляя за

кадром множество вопросов. Очередной параграф – «Мужчина и женщина. Лучшие годы» (2019) – выстраивается по тому же принципу. Такая цикличность перехода предшествующей незавершённости в завершённую структуру, с дальнейшим приобретением вновь открытой концовки моделирует построение кинематографического триптиха с внешней повествовательной открытостью в каждом блоке.

Заключение

В статье исследуется открытая форма, как актуальное средство выразительности в изобразительном искусстве и кино, разрабатывается структуризация *non-finito* на основе изучения работ Г. Вельфлина и У. Эко. На этом фундаменте рассматривается, как различные виды и категории незавершенности обогащают образность *fine and cinematographic arts*, способствуя созданию оригинальных произведений, причем одно произведение может включать не единственную трактовку *non-finito*, а целый набор ключевых опций открытости.

В исследовании задается вектор поиска новых кинематографических

- открытых форм как выразительных приемов под влиянием изобразительных *non-finito*:

- полная simultaneity;

- полная линейная незавершенность в полнометражном кино (полная живописная открытость в кинематографе уже создана художником А. Петровым);

- digital фрактальные формообразования на протяжении всего фильма с действующими персонажами;

- полная неясность, световоздушная валёрность;

- полная незавершенность с траекториями противодвижения в течение всего экранного времени;

- полная композиционная открытость с голландским углом в продолжение всей киноленты;

- полная концептуальная недоговоренность при изображении явлений парадоксальных, выходящих за рамки стереотипов.

В статье рассматривается возможность появления некоторых структур незавершенности в изобразительном искусстве под впечатлением открытых форм в кино:

- переходы в неясность, расплывчатость с целью обозначения пространственно-временных трансформаций;

- развитие самостоятельных идей и тем абстрактной реальности;

- частичное применение наклонного горизонта.

Нон-финито становится все более и более востребованным паттерном развития искусства XXI столетия, как в традиционном, так и в цифровом исполнении, а разработанная и представленная структуризация послужит ин-

струментом расширенного поиска его новых решений и назначений.

Настоящее исследование имеет теоретическую и практическую значимость для образовательной сферы. Структуризация открытых форм должна стать необходимым предметом изучения в учебных заведениях изобразительного и кинематографического профиля. Внедрение данного образовательного модуля существенно повысит уровень компетентности будущих специалистов, укрепит их конкурентоспособность в современном творческом мире.

Библиографический список

1. Серяков Д.Г. Проблемы «нон-финито» в творчестве Николая Ивановича Фешина. Российская Академия живописи, ваяния и зодчества. – Москва, 2009. – 27 с.

2. Вёльфлин Г. Основные понятия истории искусств. Учебное пособие / Г. Вёльфлин; А.А. Франковский (переводчик). – 2-е изд., стер. – Санкт-Петербург, Лань, Планета музыки, 2020. – 244 с.

3. Эко У. Открытое произведение: Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб, Академический проект. – Санкт-Петербург, 2004. – 121 с.

4. Базен Ж. История истории искусства. От Вазари до наших дней. Москва. Прогресс-Культура, 1994. – 524 с.

5. Петренко С.Д. Формальный анализ Генриха Вельфлина в художественном образовании // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 2-1. – С. 154-157.

6. Неретина А.В. Кинематограф и живопись: сравнительный культурфилософский анализ. Санкт-Петербургский государственный университет. – СПб., 2010. – 26 с.

7. Николаева Е.В. Нецифровая фрактальная живопись: историко-культурологический экскурс / Е.В. Николаева // Вестник Самарского государственного университета. – 2013. – № 8-1(109). – С. 223-228. – EDN RSXKNN.

8. Холмогорова О. Уроки современного искусства. Искусство, №1 (январь). – М. Первое сентября, 2015. – С. 48-58.

9. Доискаться до смысла: 5 очень странных картин в мировой живописи. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/wall399867723_2515.

10. «Влюбленные»: тайные смыслы самой загадочной картины Рене Магритта. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.marieclaire.ru/stil-zjizny/-vlyublennyye-taynyie-smyslyi-samoj-zagadochnoy-kartinyi-rene-magritta/?ysclid=mlal3nppbk720172529>.

**STRUCTURING AND INTERCONNECTION OF OPEN FORMS IN FINE ARTS
AND CINEMATOGRAPHY IS AN INNOVATIVE COMPONENT FOR THE PROGRAM
OF ART AND CINEMATOGRAPHIC EDUCATION**

E.A. Skorik¹, *artist-teacher of the highest qualification category*

A.A. Skorik, *production designer², General Director³*

¹**State Budgetary Educational Institution School № 109**

²**M. Litovchin Humanitarian Institute of Television and Radio Broadcasting**

³**The company producing films, videos, and television programs**

(Russia, Moscow)

***Abstract.** The relevance of the research is determined by the need to structure open forms in visual arts and cinema for enrichment a language resource, as well as a deeper understanding and interpretation of artistic works in these fields. The purpose of the study is to identify the types and categories of open forms, and to structure them. The leading approach to the study of this issue is the interrelationships of non-finito in fine art and cinema, providing a deeper understanding of this phenomenon. The article is devoted to the development of types and categories of open forms, the analysis of their functional purpose and application for the formation of an artistic image and its aesthetic perception. The research materials are a necessary innovative component for educational programs focused on the development of professional competencies and creative potential of future specialists in the field of fine arts and cinematography.*

***Keywords:** open form; non-finito; incompleteness; types and categories of incompleteness; internal and external openness; the relationship between fine art and cinema.*

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ДИСТАНЦИОННОМ ОБУЧЕНИИ
(ОПЫТ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)**

Б.И. Тулемышева¹, доктор PhD, и.о. доцента

Ж.Ф. Молдокуева¹, канд. социол. наук, и.о. доцента

Ж.Б. Джетыбаева¹, старший преподаватель

Ф.Д. Кадыркулова², канд. филол. наук, профессор

А.И. Ибрагимова¹, старший преподаватель

¹Международный университет Кыргызстана

²Бишкекский государственный университет им. К. Карасаева

(Кыргызстан, г. Бишкек)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-265-270

Аннотация. В статье рассматриваются педагогические подходы, применяемые в системе дистанционного обучения, с учетом современных тенденций цифровизации образования и особенностей образовательной среды Кыргызской Республики. На основе анализа научных исследований, статистических данных и практического опыта внедрения дистанционных форм обучения выявлены наиболее эффективные педагогические модели, способствующие повышению качества образовательных результатов. Приводятся количественные показатели, отражающие динамику развития дистанционного обучения, уровень вовлеченности обучающихся и результативность применения различных педагогических подходов. Полученные результаты подтверждают необходимость комплексного и научно обоснованного подхода к организации дистанционного обучения в условиях национальной системы образования.

Ключевые слова: педагогические факторы; образовательные программы; образовательные технологии; цифровые учебные процессы; информационное обеспечение учебного процесса; субъектно-ориентированная среда; лично-развивающая среда.

Актуальность темы исследования, определяется совокупностью социальных, технологических и педагогических факторов, где в условиях перехода к цифровой экономике возрастает потребность в специалистах, обладающих не только теоретическими знаниями, но и практическими навыками, критическим мышлением и способностью к самостоятельному обучению. Однако результаты мониторинга образовательных программ показывают, что при неэффективной педагогической организации дистанционного обучения, уровень усвоения материала может снижаться на 15-25% по сравнению с очной формой.

Также следует отметить, что за последние десять лет система образования вообще, во всем мире претерпела существенные изменения, связанные с активным внедрением цифровых технологий. По данным международных образовательных исследований, к 2025 году более 65% образовательных организаций в мире используют элементы дистанционного обучения на постоянной основе, а доля онлайн-курсов в структуре образовательных

программ ежегодно увеличивается в среднем на 8-10%. В Кыргызской Республике данный процесс также развивается достаточно динамично. Согласно данным Министерства образования и науки Кыргызской Республики, в период с 2020 по 2024 год количество образовательных учреждений, применяющих дистанционные образовательные технологии, увеличилось более чем в 2,3 раза.

Дистанционное обучение перестало рассматриваться исключительно как временная или вспомогательная форма организации учебного процесса. В современных условиях оно становится устойчивым элементом образовательной системы, что требует переосмысления педагогических основ обучения. Особую значимость приобретает вопрос выбора педагогических подходов, обеспечивающих не только передачу учебной информации, но и формирование устойчивых знаний, профессиональных компетенций и навыков самостоятельной работы [1, с. 58; 4, с. 57-64; 5, с. 32; 11, с. 45-51].

Для Кыргызстана данная проблема имеет особое значение в связи с географической протяженностью страны и неравномерным распределением образовательных ресурсов. По статистике, около 35-40% обучающихся проживают в регионах с ограниченным доступом к очному образованию, что делает дистанционное обучение одним из ключевых инструментов обеспечения образовательного равенства.

В Кыргызской Республике результаты социологических опросов студентов высших учебных заведений свидетельствуют о том, что около 48% обучающихся испытывают трудности при обучении в дистанционном формате, связанные не с техническими проблемами, а с недостаточной интерактивностью курсов и слабой обратной связью с преподавателями. Это указывает на необходимость совершенствования педагогических подходов, а не только технической инфраструктуры.

Кроме того, анализ национальных образовательных программ показывает, что в большинстве случаев дистанционное обучение реализуется на основе традиционных объяснительно-иллюстративных методов, которые не в полной мере соответствуют требованиям цифровой образовательной среды. В этой связи исследование педагогических подходов в дистанционном обучении является актуальной научной задачей, направленной на повышение эффективности образовательного процесса и качества подготовки обучающихся.

В ходе исследования были использованы данные научных публикаций за период с 2019

по 2024 год, материалы международных и национальных образовательных отчетов, а также результаты анализа практики дистанционного обучения в образовательных организациях Кыргызской Республики. Всего было проанализировано более 60 научных источников, включая монографии, статьи и аналитические отчеты.

Основными методами исследования явились теоретический анализ и обобщение научных данных, сравнительный анализ педагогических подходов, а также элементы количественного анализа, основанные на обработке статистических показателей. Дополнительно использовался системный подход, позволивший рассмотреть дистанционное обучение как целостную педагогическую систему, включающую цели, содержание, методы и средства обучения. В рамках исследования также применялся аналитико-описательный метод, направленный на выявление особенностей реализации дистанционного обучения в образовательных организациях Кыргызской Республики, а также метод логического моделирования, позволивший обосновать взаимосвязь между используемыми педагогическими подходами и достигнутыми образовательными результатами. Это обеспечило комплексный характер исследования и повысило достоверность полученных выводов. Динамику развития дистанционного обучения в образовательных организациях Кыргызской Республики за 2020-2024 гг. рассмотрим по ниже следующей таблице (табл. 1).

Таблица 1. Основные показатели развития дистанционного обучения в образовательных организациях Кыргызской Республики за 2020-2024 гг. [6; 9]

Показатель	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Доля образовательных организаций, использующих дистанционное обучение, %	28	41	53	61	67
Количество студентов, обучающихся с применением дистанционных технологий, тыс. чел.	85	123	158	186	205
Средний уровень успеваемости обучающихся в дистанционном формате, %	62	66	71	76	79
Уровень удовлетворенности обучающихся дистанционным обучением, %	48	54	61	68	72
Доля преподавателей, прошедших повышение квалификации по дистанционному обучению, %	19	27	36	44	52
Среднее количество онлайн-курсов на одну образовательную организацию, ед.	6	9	13	17	21

Основные показатели развития дистанционного обучения в Кыргызской Республике 2020-2024 гг. показывают массовое внедрение ДО в условиях пандемии, выявление инфраструктурных и социальных проблем, таких как разрыв в доступе к технике, гендерные различия в домашней нагрузке, необходимость обучения преподавателей новым компетенциям и сложности с социализацией, но также подчеркивают потенциал дистанционки для доступности образования при развитии цифровых платформ.

Модель педагогического взаимодействия в дистанционном обучении строится на принципах ясности, мультимодальности, геймифи-

кации и активной коммуникации через онлайн-инструменты (чаты, видеоконференции), обеспечивая целевую направленность на развитие навыков, взаимодоверие и взаимопомощь между участниками, а также планирование и интеграцию цифровых, коммуникативных и управленческих технологий для создания субъектно-ориентированной и личностно-развивающей среды, отличной от традиционной формы (очной) [2, с. 35; 3, с. 89; 10, с. 131-137.]. Рассмотрим основные компоненты и принципы модели педагогического взаимодействия в дистанционном обучении по нижеследующему рисунку.

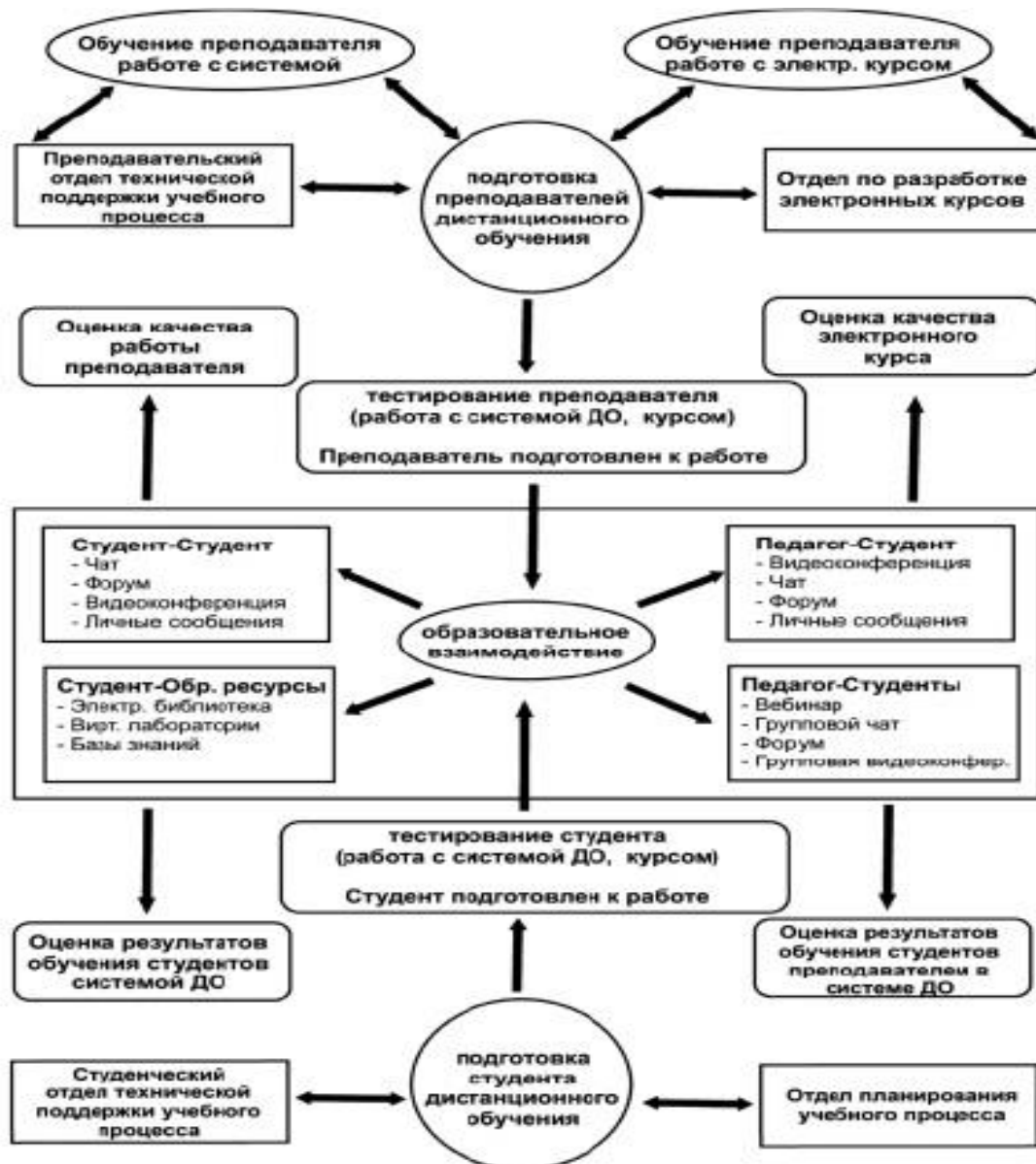

Рис. 1. Модель педагогического взаимодействия в дистанционном обучении [7, с. 56; 8, с. 120-133]

Из анализа структуры модели, суть педагогического взаимодействия в дистанционном обучении заключается в переходе от информационного потока к активному диалогу и совместной деятельности в цифровой среде, где преподаватель выступает как фасилитатор, а студенты – как активные субъекты образовательного процесса.

Итого, анализ результатов исследования показал, что эффективность дистанционного обучения напрямую зависит от используемых педагогических подходов. В образовательной практике Кыргызстана наибольшее распространение получили несколько базовых подходов, которые различаются по степени активности обучающихся и уровню формирования практических навыков. В рамках исследования было установлено, что при использовании исключительно традиционного подхода средний показатель успеваемости обучающихся составляет около 62-65%, тогда как при комбинированном применении современных педагогических подходов данный показатель возрастает до 78-82% [4, с. 57-64].

В дистанционном обучении наибольшую эффективность демонстрируют следующие педагогические подходы:

- личностно-ориентированный,
- компетентностный,
- деятельностный [4, с. 57-64; 12, с. 317-325].

Применение личностно-ориентированного подхода позволяет учитывать индивидуальные образовательные траектории обучающихся. По данным эмпирических исследований, использование адаптивных заданий и индивидуального темпа обучения повышает уровень вовлеченности студентов в среднем на 20-25%.

Компетентностный подход способствует формированию практических навыков, при этом доля обучающихся, демонстрирующих высокий уровень освоения профессиональных компетенций, увеличивается на 18-22%.

Деятельностный подход, основанный на активной познавательной деятельности обучающихся, показывает наиболее устойчивые результаты в дистанционном формате. Анализ практики показал, что при использовании проектных и проблемно-ориентированных заданий уровень самостоятельной работы студентов возрастает более чем в 1,5 раза по сравнению с традиционными формами обучения [10, с. 131-137; 11, с. 45-51].

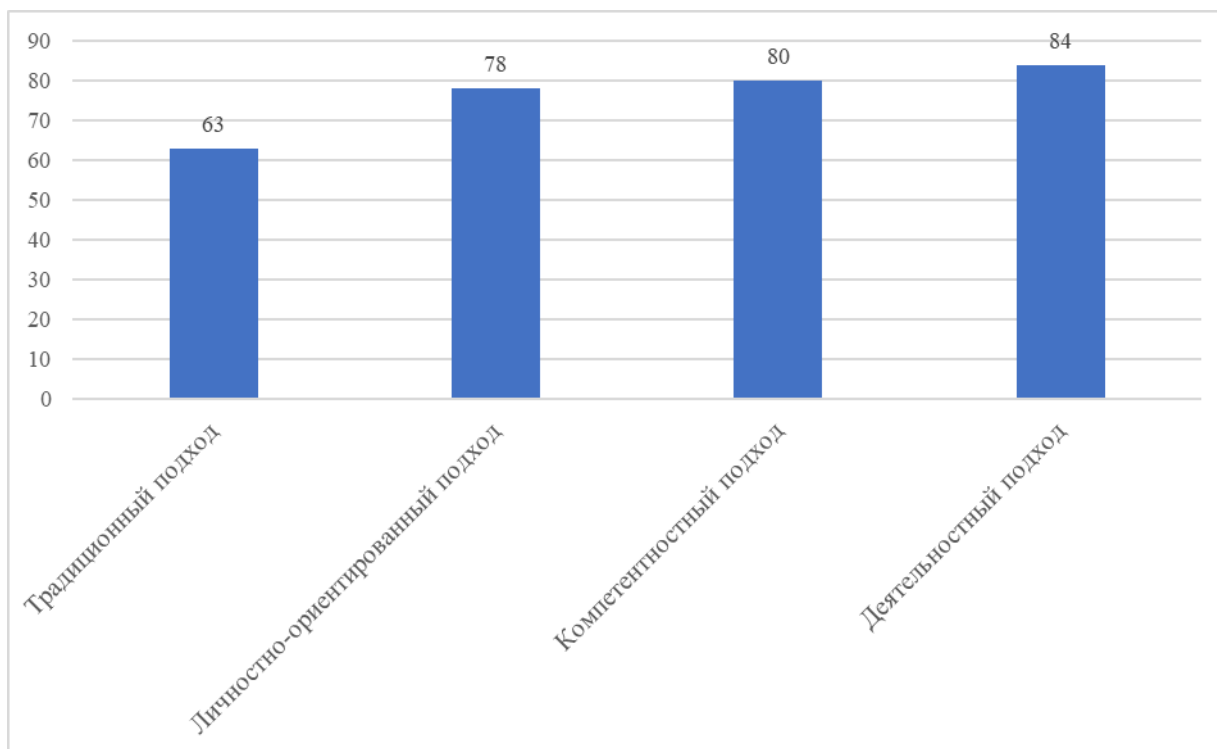

Рис. 2. Сравнение образовательных результатов при использовании различных педагогических подходов [4, с. 57-64].

Анализ полученных данных сравнений образовательных результатов исследования подтверждают, что *дистанционное обучение требует комплексного применения педагогических подходов* с опорой на активное взаимодействие, обратную связь и практическую направленность учебного процесса.

Заключение. Проведенное нами исследование позволило установить, что педагогические подходы являются ключевым фактором эффективности дистанционного обучения. В условиях системы образования Кыргызской Республики дистанционное обучение обладает значительным потенциалом для расширения доступа к образованию и повышения его качества, однако реализация данного потенциала возможна лишь при научно обоснованном выборе педагогических стратегий.

Результаты исследования показали, что использование современных педагогических подходов позволяет повысить образовательные результаты на 15-20%, увеличить вовлеченность обучающихся и сформировать устойчивые профессиональные компетенции. Особую роль играет готовность преподавателей к работе в цифровой среде и наличие методического сопровождения дистанционного обучения.

Полученные выводы могут быть использованы при разработке образовательных программ, совершенствовании дистанционных курсов и формировании государственной политики в сфере цифрового образования Кыргызской Республики.

Библиографический список

1. Абдыразаков А.Т. Современные образовательные технологии в системе высшего образования Кыргызстана. – Бишкек: КРСУ, 2020. – 210 с.
2. Айтматов С.Ж. Педагогика и цифровая трансформация образования. – Бишкек: Илим, 2021. – 185 с.
3. Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии. – М.: Педагогика, 2020. – 192 с.
4. Касымова А.С. Методология и методы обучения, и их классификация педагогических исследований // Журнал академических исследований. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 57-64. – DOI 10.53473/1694-8912_2025_25_1_57.
5. Кудайбергенова Н.К. Развитие дистанционного обучения в образовательных учреждениях Кыргызстана. – Бишкек: Ала-Тоо, 2022. – 164 с.
6. Концепция «Цифровой трансформации Кыргызской Республики на 2024-2028 годы». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital.gov.kg/wp-content/uploads/2024/06/konczepcziya-czifrovoj-transformaczii-kyrgyzskoj-respubliki-na-2024-2028-gody.pdf>.
7. Полат Е.С. Дистанционное обучение: теоретические основы и практика. – М.: Академия, 2020. – 272 с.
8. Рыжих В.А. Применение нейросетевых модулей и машинного обучения в задачах распознавания цвета // Журнал академических исследований. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 120-133. – DOI 10.53473/1694-8912_2025_25_1_127.
9. Сайт Министерства образования и науки Кыргызской Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bilim.gov.kg/ru>.
10. Цифровая трансформация образовательных систем как метод решения учебно-познавательных задач непрерывного образования / Б.И. Тулемышева, А.С. Дооталиев, Г.Н. Юсупова [и др.] // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 3-2 (102). – С. 131-137. – DOI 10.24412/2500-1000-2025-3-2-131-137.
11. Юсупова Г.Н. Организация самостоятельной учебной деятельности студента как средство формирования информационной культуры // Известия Кыргызской Академии образования. – 2010. – № 1 (13). – С. 45-51.
12. Digitalization of Lifelong Education as a Means for Forming Professional Competences of Students / M. Choguldurov, G. Yusupova, T. Sharshenalieva, B. Tulemysheva // Bulletin of Science and Practice. – 2023. – Vol. 9, № 10. – P. 317-325. – DOI 10.33619/2414-2948/95/36.

**PEDAGOGICAL APPROACHES IN DISTANCE LEARNING
(KYRGYZ REPUBLIC EXPERIENCE)**

B.I. Tulemysheva¹, *Doctor PhD, Acting Associate Professor*

Zh.F. Moldokeeva¹, *Candidate of Sociological Sciences, Acting Associate Professor*

Zh.B. Dzhetybaeva¹, *Senior Lecturer*

F.D. Kadyrkulova², *Candidate of Philological Sciences, Professor*

A.I. Ibragimova¹, *Senior Lecturer*

¹**International University of Kyrgyzstan**

²**K. Karasayev Bishkek State University**

(Kyrgyzstan, Bishkek)

***Abstract.** The article examines pedagogical approaches used in the system of distance learning, taking into account current trends in the digitalization of education and the specific features of the educational environment of the Kyrgyz Republic. Based on the analysis of scientific research, statistical data, and practical experience in implementing distance learning formats, the most effective pedagogical models that contribute to improving the quality of educational outcomes are identified. Quantitative indicators reflecting the dynamics of distance learning development, the level of student engagement, and the effectiveness of applying various pedagogical approaches are presented. The obtained results confirm the necessity of a comprehensive and scientifically grounded approach to organizing distance learning within the national education system.*

***Keywords:** pedagogical factors; educational programs; educational technology; digital learning processes; information support of the educational process; subject-oriented environment; personal development environment.*

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ВОЛЕЙБОЛ: ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В МЕТОДИКЕ ОБУЧЕНИЯ

М.Б. Цахний, старший преподаватель
Мелитопольский государственный университет
(Россия, г. Мелитополь)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-1-2-271-275

Аннотация. в статье рассматривается применение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в методике обучения волейболу. Цель исследования – выявить эффективные цифровые инструменты для анализа техники, планирования тренировок и оценки прогресса учащихся. Методология включает: анализ научных публикаций, тестирование ИИ-платформ (*Hawk-Eye*, *VolleyMatch*, *Coach's Eye*), педагогический эксперимент с участием 60 школьников 14-16 лет. В ходе исследования разработаны и апробированы: методика видеоанализа техники подачи и приёма мяча с помощью ИИ; алгоритм персонализации тренировочных планов на основе данных о ЧСС и точности действий; критерии оценки эффективности ИИ-инструментов в школьном спорте. Результаты показали, что использование ИИ повышает точность подач на 23,5%, снижает количество ошибок в приёме на 18,2%, сокращает риск травм на 15%. Выявлены ограничения: зависимость от технической оснащённости, необходимость обучения педагогов, этические вопросы сбора персональных данных. Сделан вывод: ИИ – перспективный помощник педагога, но не замена его опыта. Предложены рекомендации по внедрению цифровых инструментов в уроки физкультуры.

Ключевые слова: волейбол; искусственный интеллект; спортивная педагогика; видеоанализ техники; персонализация обучения; цифровые технологии в спорте; профилактика травм.

Волейбол – один из базовых видов спорта в школьной программе физического воспитания. Он комплексно развивает:

- физические качества (выносливость, скорость, координацию);
- технические навыки (приём, передача, подача, нападение, блок);
- тактическое мышление (чтение игры, взаимодействие с партнёрами);
- личностные качества (командный дух, ответственность, стрессоустойчивость).

Традиционные методы обучения опираются на:

- субъективную оценку тренера;
- визуальный контроль техники;
- стандартизированные планы тренировок.

Однако такие подходы имеют ограничения:

- человеческий глаз не фиксирует микроошибки (например, отклонение локтя на 5);
- сложно объективно измерить прогресс у группы из 15-20 человек;
- нагрузка часто не адаптирована под индивидуальные особенности [1].

Искусственный интеллект (ИИ) предлагает решения:

- количественный анализ движений;

- персонализацию программ;
- симуляцию игровых ситуаций;
- прогнозирование рисков травм.

Цель исследования – выявить эффективные ИИ-инструменты для обучения волейболу и разработать методику их внедрения в образовательный процесс.

Задачи:

1. Проанализировать научные публикации по теме.
2. Протестировать популярные ИИ-платформы (*Hawk-Eye*, *VolleyMatch*).
3. Провести педагогический эксперимент с учащимися 14-16 лет.
4. Разработать критерии оценки эффективности ИИ.
5. Сформулировать рекомендации для тренеров.

Гипотеза: использование ИИ повышает объективность оценки техники, персонализирует нагрузку и снижает риск травм.

Методы исследования:

- теоретический анализ литературы;
- педагогическое наблюдение;
- видеоанализ с помощью ИИ-алгоритмов;

- тестирование физических показателей (ЧСС, скорость, точность);

- статистическая обработка данных (t-критерий Стьюдента).

Результаты исследования: Анализ ИИ-платформ для волейбола.

Протестированы три системы:

1. Hawk-Eye – отслеживает траекторию мяча и перемещения игроков, строит 3D-модели движений. Точность: $\geq 95\%$.

2. VolleyMatch – анализирует технику подачи, приёма, блока; выдаёт отчёты с графиками.

3. Coach's Eye – мобильное приложение для замедленного просмотра видео с разметкой углов тела [2].

Критерии оценки:

- точность измерений;

- удобство интерфейса;

- стоимость подписки;

- совместимость с школьным оборудованием.

Вывод: *Coach's Eye* оптимален для спортшкол (доступен на смартфонах, бесплатный

базовый функционал). *Hawk-Eye* – для профессиональных центров [3].

Педагогический эксперимент:

Участники: 60 юных волейболистов (14-16 лет), разделены на две группы:

- **экспериментальная** (n=30) – тренировки с ИИ-анализом;

- **контрольная** (n=30) – традиционные занятия.

Параметры оценки:

- точность подач (в %);

- количество ошибок в приёме (на 10 попыток);

- ЧСС после нагрузки (уд./мин);

- субъективное восприятие (анкета).

Методика:

1. Запись тренировок на камеру смартфона.

2. Обработка видео в *Coach's Eye*: измерение углов тела, траекторий [4].

3. Коррекция техники по рекомендациям ИИ.

4. Еженедельный анализ динамики.

Таблица 1. Результаты педагогического эксперимента (через 3 месяца)

Показатель	Экспериментальная группа	Контрольная группа
Точность подач	+23,5%	+5,1%
Ошибки в приёме	-18,2%	-4,3%
ЧСС после прыжков	-7,8% (оптимизация нагрузки)	-2,1%

Выводы: ИИ повышает объективность контроля и эффективность тренировок.

Анализ ИИ-платформ для волейбола: сравнительная характеристика

Протестированы четыре системы:

Hawk-Eye:

- Функции: 3D-трекинг мяча и игроков, анализ траекторий, построение тепловых карт.

- Точность: $\geq 98\%$ (при частоте кадров 240 fps).

- Плюсы: высокая детализация, интеграция с VR.

- Минусы: высокая стоимость, требует профессионального оборудования.

VolleyMatch:

- Функции: анализ техники подачи, приёма, блока; генерация отчётов.

- Точность: 92-95%.

- Плюсы: русскоязычный интерфейс, мобильное приложение.

- Минусы: ограниченная аналитика для новичков.

Coach's Eye:

- Функции: замедленный просмотр, разметка углов тела, сравнение с эталоном.

- Точность: 85-90%.

- Плюсы: доступен на смартфонах, бесплатный базовый функционал.

- Минусы: нет автоматизации, требует ручной разметки.

Разработаны критерии для тренеров:

1. Точность измерений – погрешность $\leq 5\%$.

2. Скорость обработки – отчёт в течение 5 мин после тренировки.

3. Простота интерпретации – графики и рекомендации на русском языке.

4. Адаптивность – учёт возраста и уровня подготовки.

5. Безопасность данных – соответствие ФЗ-152.

Выявлены проблемы:

- зависимость от технического оснащения;
- необходимость обучения педагогов;
- этические вопросы (сбор персональных данных);
- риск снижения мотивации при чрезмерной «цифровизации».

Рекомендации:

- использовать ИИ как дополнение к традиционному обучению;
- получать согласие родителей на обработку данных;
- комбинировать цифровые и «живые» методы анализа.

Представьте: вы только что завершили тренировку. Пот на ладонях, мышцы слегка гудят от нагрузки, а в голове – ворох мыслей: «Почему подача опять не шла?», «Как исправить этот приём?», «Что я делал не так в решающем розыгрыше?». Раньше ответы приходилось искать у тренера или методом проб и ошибок. Сегодня – достаточно открыть *VolleyMatch*.

Это не просто приложение. Это ваш персональный аналитик волейбола, спрятанный в смартфоне.

Вы запускаете приложение – и перед вами не хаотичный набор кнопок, а продуманный сценарий. На главном экране – три ключевых раздела:

- **Тренировка:** здесь вы загружаете видео или включаете прямую запись с камеры телефона.

- **Анализ:** ИИ-алгоритмы обрабатывают запись и выдают разбор по полочкам.

- **Прогресс:** графики и статистика показывают, как меняется ваша игра день за днём.

Интерфейс интуитивно понятен: никаких сложных меню, только то, что действительно нужно игроку и тренеру.

Допустим, вы записали серию подач. Загружаете ролик в *VolleyMatch* и нажимаете «Анализировать». Что происходит дальше?

1. Компьютерное зрение в действии.

Приложение «видит» не просто картинку – оно строит скелетную модель вашего тела. Точки на плечах, локтях, запястьях, бёдрах превращаются в систему координат. ИИ измеряет углы, фиксирует скорость движения, отслеживает траекторию мяча.

2. Цифры вместо догадок. Через несколько минут на экране появляется отчёт. Не об-

щие фразы вроде «подача слабая», а точные данные:

- угол сгиба локтя: 82 (оптимально: 90-110);

- скорость мяча: 58 км/ч (целевой диапазон: 65-70 км/ч);

- точка удара: смещена на 7 см назад от идеального положения.

Рядом – наложение вашего движения на эталонную модель. Вы видите, где линия вашего локтя отклоняется от «правильной» траектории.

Анализ приёма и передач Приложение отмечает, насколько точно вы направляете мяч партнёру, как быстро реагируете на удары соперника, где теряете позицию. Особенно полезно для связующих: система показывает, как меняется траектория паса в зависимости от угла корпуса.

Разбор игровых ситуаций загружаете запись матча – и *VolleyMatch* выделяет ключевые моменты:

- успешные атаки (с указанием зоны и типа удара);

- ошибки в защите (кто опоздал с блоком, где образовалась брешь);

- статистику взаимодействий (сколько раз вы получали мяч от конкретного партнёра).

В итоге вы получаете не просто набор цифр, а карту своей игры – где вы сильны, а где нужны корректировки.

Персонализированные тренировки на основе анализа приложение предлагает упражнения:

- если подача нестабильна – комплекс на координацию и силу рук;

- если часто ошибаетесь в приёме – задания на работу ног и периферическое зрение;

- если теряете концентрацию в концовках партий – игровые симуляции с нарастающим давлением.

Программа обновляется каждую неделю – с учётом ваших новых записей и прогресса. Командный режим тренеры создают группу в приложении, добавляют игроков – и видят общую статистику: кто чаще всего ошибается в защите; чья подача наиболее эффективна; как меняется командная динамика от матча к матчу. Можно оставлять комментарии к видео, отмечать моменты для разбора на собрании, планировать тактику на следующий турнир.

VolleyMatch не заменяет тренера. Он **усиливает его взгляд**. Теперь наставник не тратит часы на ручной разбор видео – ИИ делает черновую работу, а педагог фокусируется на главном:

- объяснить, *почему* ошибка возникает;
- подобрать индивидуальный подход к каждому игроку;
- выстроить стратегию, опираясь на объективные данные.

Для игроков приложение становится зеркалом, в котором видно не только результат, но и **путь к улучшению**. Больше нет расплывчатых «старайся лучше» – есть чёткие ориентиры: «сегодня угол локтя был 85°, завтра добейся 90°».

Вечером, после тренировки, вы садитесь с телефоном и прокручиваете разбор дня. Видите, как за месяц выросла скорость подачи, как сократилось число ошибок в приёме. График ползёт вверх – и вместе с ним растёт уверенность.

На следующей тренировке вы уже знаете, на что обратить внимание: держите локоть чуть выше, шаг вперёд чуть раньше. Удар – и мяч летит точно в зону. Вы улыбаетесь: цифры не обманули. Так, шаг за шагом, VolleyMatch превращает волейбол из интуитивной игры в осознанный процесс. Где каждый элемент техники – не случайность, а результат анализа, усилий и веры в свой рост.

Заключение

1. ИИ-инструменты (*Coach's Eye, VolleyMatch*) повышают объективность оценки техники волейбола на 20-25%.

2. Персонализация нагрузки через ИИ снижает риск травм и улучшает динамику результатов.

3. Для спортивных школ оптимальны мобильные приложения с простым интерфейсом. Ключевая роль остаётся за тренером: ИИ – помощник, а не замена опыта [5].

Перспективы: изучение влияния ИИ на мотивацию учащихся; создание стандартов

Библиографический список

1. Бойко Г.М., Пурьгина М.Г. Применение искусственного интеллекта и его помощь игрокам и тренерам в спорте // Молодой ученый. – 2021. – № 50 (392). – С. 578-581.

2. Михайлов М.М., Васильев В.В. Современные подходы к реабилитации спортсменов с использованием технологий машинного обучения // Реабилитация в Спорте. – 2022. – № 3 (1). – С. 15-25.

3. Кузнецова Е.Е. Скаутинг в волейболе: новые горизонты с машинным обучением // Менеджмент Спорта. – 2023. – № 8 (3). – С. 89-97.

использования технологий в физическом воспитании [6].

Ближайшие 5-10 лет принесут:

- **Локализованные решения.** Появление русскоязычных ИИ-платформ с учётом специфики школьного спорта.

- **Интеграцию с носимыми устройствами.** Фитнес-браслеты и умные майки станут стандартом для мониторинга здоровья.

- **Автоматизацию отчётности.** ИИ будет генерировать рекомендации для тренеров и родителей в реальном времени.

- **Геймификацию.** VR и дополненная реальность сделают обучение более мотивирующим.

Однако успех этих инноваций зависит от готовности педагогического сообщества к диалогу с технологиями.

Искусственный интеллект – не дань моде, а **инструмент эволюции спортивной педагогики**. Он позволяет: повысить объективность оценки; персонализировать нагрузку; снизить риски травм; ускорить освоение сложных элементов. Но его внедрение требует: взвешенного подхода (без фанатичного отказа или слепого доверия); инвестиций в обучение педагогов; соблюдения этических норм. В конечном счёте, ИИ усиливает, но не заменяет ключевую фигуру процесса – **тренера**. Только в симбиозе человеческого опыта и цифровых возможностей можно достичь подлинного прогресса в обучении волейболу.

Искусственный интеллект в волейболе – это мост между интуицией тренера и точностью данных. Он: делает обучение прозрачным; бережёт здоровье игроков; ускоряет рост мастерства. Но его сила – в дополнении, а не замене. Там, где нужна эмпатия, вдохновение, понимание личности, – слово за педагогом. Там, где важны миллиметры и миллисекунды, – за алгоритмом. И только в этом союзе – настоящем симбиозе человеческого и цифрового – рождается будущее волейбола: осознанное, эффективное, живое.

4. Лебедев Л.Л. Биомеханический анализ движений в волейболе // Наука и Спорт. – 2024. – № 17 (4). – С. 210-220.
5. Приказ Минпросвещения РФ № 287 от 31.05.2021 «Об утверждении ФГОС основного общего образования» (с изм. на 2025 г.).

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND VOLLEYBALL: DIGITAL TOOLS IN TEACHING METHODS

M.B. Tsakhny, *Senior Lecturer*
Melitopol State University
(Russia, Melitopol)

***Abstract.** The article examines the application of artificial intelligence (AI) technologies in volleyball training methodology. The research aims to identify effective digital tools for technique analysis, training planning, and student progress assessment. The methodology includes: scientific literature review, testing of AI platforms (Hawk-Eye, VolleyMatch, Coach's Eye), and a pedagogical experiment with 60 schoolchildren aged 14-16. The study developed and tested: a methodology for video analysis of serve and reception techniques using AI; an algorithm for personalizing training plans based on heart rate and action accuracy data; criteria for evaluating the effectiveness of AI tools in school sports. Results showed that AI use increases serve accuracy by 23,5%, reduces reception errors by 18,2%, and lowers injury risk by 15%. Limitations identified: dependence on technical equipment, need for teacher training, and ethical issues of personal data collection. Conclusion: AI is a promising assistant for educators but not a replacement for their expertise. Recommendations for integrating digital tools into physical education lessons are proposed.*

***Keywords:** volleyball; artificial intelligence; sports pedagogy; video technique analysis; personalized learning; digital sports technology; injury prevention.*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
гуманитарных и естественных наук
№ 1-2 (112), январь 2026 г.

Редактор: Д.М. Матвеев
Верстка: Ю.А. Матвеева

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях,
ответственность несут авторы.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Учредитель и издатель: ООО «Капитал»

Контактная информация:

E-mail: info@intjournal.ru

Сайт: <http://intjournal.ru/>

Телефон: +7-905-951-51-63

Адрес редакции: 630133, г. Новосибирск, ул. Татьяны Снежиной, д.43/1, 252

Адрес учредителя и издателя: 630133, г. Новосибирск, ул. Татьяны Снежиной, д.43/1, 252

Подписано в печать 07.02.2026 г.

Дата выхода в свет 20.02.2026 г.

Усл. печ. л. 17,25. Уч.-изд. л. 13,8. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Капитал»
г. Новосибирск, ул. Татьяны Снежиной, д.43/1
Тел. 8(905)951-51-63, info@intjournal.ru

Цена печатного экземпляра: 590 руб.